

НЕВЕДОМОЕ НЕОБЪЯСНИМОЕ НЕВЕРОЯТНОЕ

ТЕНИ
СТАРИННЫХ
ЗАМКОВ

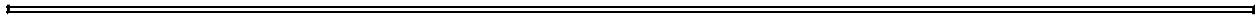
Annotation

Этот выпуск серии ведет читателя в необъяснимое, увлекательное, а порой жутковатое путешествие в мир теней прошлого, призраков, видений, пророчеств, загадочных событий, свидетелями которых в разные эпохи — от седой древности, средневековья до наших дней — были и простые обыватели, и крупные ученые, и всемирно известные писатели, и государственные деятели.

- [ТЕНИ СТАРИННЫХ ЗАМКОВ](#)
 - [ГОЛОСА ИЗ ЗАЗЕРКАЛЬЯ](#)
 - [Часть первая](#)
 - [К. Кроув](#)
 - [НОЧНАЯ СТОРОНА ПРИРОДЫ](#)
 - [Н. Кривцов](#)
 - [Н. Дановский](#)
 - [Д. Булгаковский](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Г. Дюрвиль](#)
 - [I. Тела человека](#)
 - [II. Характеристика невидимых тел](#)
 - [III. Проявления призрака](#)
 - [Заключение](#)
 - [М. Хотинский](#)
 - [Д-р Ребэ](#)
 - [Н. Леонтьева](#)
 - [С. Демкин](#)
 - [ПОПЫТКА ОБЪЯСНЕНИЯ](#)
 - [Часть третья](#)
 - [И. А. Карышев](#)
 - [Роберт Артур](#)
 - [Лорд Дансэни](#)
 - [Марк Твен](#)
 - [Марк Твен](#)
 - [Мэрион Крофффорд](#)
 - [Р. Л. Стивенсон](#)
 - [Агата Кристи](#)

- [Часть четвертая](#)
 - [ЛЕГЕНДА О КРОВАВОЙ МОНАХИНЕ\[15\]](#)
 - [Проспер Мериме](#)
 - [ЗЛОВЕЩИЙ ПРОЦЕССНОЙ\[28\]](#)
 - [ТАЙНА СМОРОДИНОВСКОГО ДОМА\[29\]](#)
 - [ДВОЙНИК В НАПОМИНАНИЕ\[30\]](#)
 - [ХОЗЯЙКА БЕРНГАМ-ГРИН\[31\]](#)
 - [М. Ю. Лермонтов](#)
 - [С. А. Аксакова](#)
 - [КОМНАТА ПРИВИДЕНИЙ\[34\]](#)
 - [«ТАИНСТВЕННЫЕ» ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА](#)
 - [И. С. Тургенев](#)
 - [ПРИВИДЕНИЕ В ДЕПАРТАМЕНТЕ\[39\]](#)
 - [ИЗВЕЩЕНИЕ О СМЕРТИ\[41\]](#)
 - [ИСПОЛНЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ\[42\]](#)
- [Приложение](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)

- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

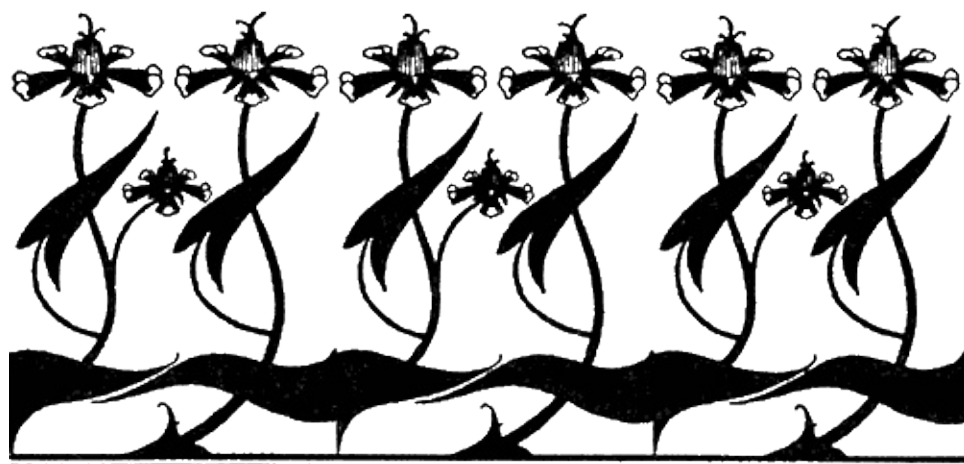

НЕВЕДОМОЕ НЕОБЪЯСНИМОЕ НЕВЕРОЯТНОЕ

ТЕНИ с т а р и н н ы х З А М Е К О В

призраки
и
привидения

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ПРИБОЙ»

ТЕНИ СТАРИННЫХ ЗАМКОВ

ГОЛОСА ИЗ ЗАЗЕРКАЛЬЯ

Несколько слов от составителя

Это случилось в Помпеях в 1990 году. Английские туристы, бродившие по раскопанным узеньким улочкам древнего города, слышали тихий детский плач. Будто где-то недалеко, под слоем вулканического пепла, кто-то жаловался на свою печальную, горькую судьбу... А может быть, и не из-под земли, а откуда-то из другого мира доносились отзвуки иной, былой жизни?

Видеокассета, просмотренная английским исследователем, физиком Фрэнсисом Нортоном, явно не поклонником привидений, позволила ему сделать следующее заключение: «Возможно, подобные явления происходят еще с тех времен, когда Везувий разрушил город, но только с помощью современной техники можно все зафиксировать документально». Какие явления? Что зафиксировать? Случай в Помпеях побудил прикоснуться к миру призраков и привидений и сделать попытку хоть немного приоткрыть завесу над многовековой загадкой.

Как для католической, так и для протестантской церковей призраки представляли большую проблему. Деятели церкви, конечно, могли присоединиться к мнению Тертуллиана, христианского писателя II–III веков, о том, что призраки не что иное, как демоны, прикинувшиеся духами умерших. Но если бы они были демонами, то появлялись бы, скорее чтобы соблазнить, чем напугать. Но было и иное, альтернативное, и для церкви более выгодное предположение: что призраки — это души, ожидающие суда, но получившие, видимо, отпуск из Чистилища, чтобы напомнить своим родственникам и друзьям о том, что нужно отслужить еще несколько месс, чтобы помочь им попасть на небеса.

Но каково бы ни было объяснение, сообщения о призрачных посетителях продолжали поступать, причем эти явившиеся духи явно имели облик умерших. «О призраках говорили буквально все», — написал в своем трактате швейцарский писатель Луи Лаватер в 1572 году. А по Шекспиру видно, сколь значительное место они занимали на английской сцене. «Они могли бы быть полезными, — говорит один автор XVII века, — для разоблачения убийц; для распоряжения своим имуществом; для обуздания алчности нечестных душеприказчиков, служа им упреком; для посещений своих жен и детей, чтобы давать им советы и

предостерегать от тех или иных поступков, и других дел подобного рода». Другими словами, предполагалось, что призраки по крайней мере могли бы иметь социальные функции — появляться, как тень отца Гамлета, чтобы добиться восстановления справедливости или же служить предупреждением от грозящего гнева.

Вера в призраков жила отчасти потому, что сообщения о них были очень распространенными, а отчасти оттого, что роскошные замки аристократов посещались ими так же часто, как и лачуги бедняков. Будучи человеком отнюдь не легковерным, Джозеф Эдисон указал в журнале «Спектэйтор» в 1711 году, что, даже несмотря на весь свой скептицизм, он почувствовал себя обязанным поверить знакомым людям, которым не мог не поверить во всех остальных вопросах!

Впрочем, как нам кажется — а казаться нам всем на протяжении этой книги будет часто и много, — только один вид призраков представляет собой полезный исторический материал: полтергейст. Несмотря на попытки некоторых наших исследователей провести четкую разграничительную линию между призраками и полтергейстами, мы придерживаемся мнения, что все же таковой нет, хотя главная особенность полтергейстов — это то, что они скорее слышны, чем видимы, и то, что имеют свой характер, часто весьма беспокойный и даже злобный, и то, что их связывают с психокинетической энергией — объекты ведь падают, движутся и летают по воздуху, — и, наконец, то, что они стойки, ибо проявляют себя на протяжении нескольких дней и недель. Иногда, и это действительно доказано, с ними можно установить контакт.

В 1520 году Адриан де Монталамбер, Раздающий Милостыню, должностное лицо при дворе короля Франциска I, был призван в качестве советника в монастырь, где появился дух монахини, которая сбежала оттуда, прихватив часть сокровищ, и провела короткую, но беспутную жизнь. На задаваемые вопросы «монахиня» отвечала стуками, означающими «да» или «нет», и при помощи этой системы общения у призрака получали интересующую информацию. «Я слушал эти постукивания много раз», — утверждал Монталамбер в 1528 году; они дали ему такие сведения, которых не мог знать ни один смертный...

Поскольку полтергейст длится довольно долго, часто становится возможным описать его со слов очевидцев, и некоторые описания были, можно сказать, совершенными. В частности, это относится к случаю в доме женевского пастора преподобного Франсиса Перро, имевшему место в 1612 году. Стали слышаться какие-то звуки, по кухне летали горшки и кастрюли, и наконец дух заговорил внятным голосом. Он пересказывал злобные

сплетни, обменивался шутками со служанкой, распевал непристойные куплеты, правда, никогда ничего не ломал.

Первый английский полтергейст по вызванной им реакции вышел далеко за пределы местности, где он происходил, и стал известен как «призрак барабанщика из Тидуорта». В 1661 году в Уилтшире^[1] арестовали одного нищего и обвинили в том, что он нарушил общественное спокойствие, играя на барабане. Член местного магистрата Джон Монпессон отправил этого человека в тюрьму, а барабан принес в свой дом в Тидуорте. Там инструмент начал барабанить сам по себе; его дробь сопровождалась другими звуками, а иногда и механическими эффектами. Детей Монпессона поднимали из кроватей; вокруг летали туфли и другие предметы. Часто «барабанщик» выкидывал разные злые штуки: например, спрятал в мусорный ящик хозяйскую Библию. Один из людей, пришедших посмотреть его художества, стал задавать ему вопросы, попросив стукнуть три раза, если тот согласен, «что и было сделано весьма отчетливо». Джон Глэнвилл написал отчет о деятельности «зазеркального барабанщика», являясь очевидцем некоторых его трюков. К тому времени, как он пришел в этот дом, барабанная дробь прекратилась, но он слышал странное поскребывание, ощущал, как кровать шевелилась под рукой, «как будто что-то пыталось поднять ее изнутри». Когда он спросил вслух: «Во имя Бога, кто ты и что тебе надо?», — то получил ответ: «От тебя — ничего».

Это дело давно уже было забыто, когда пошли разговоры о лондонском призраке, которому было уготовано стать наиболее известным в фантастической галерее британских феноменов. В 1759 году мистер и миссис Кент сняли квартиру в Кок Лейн в Лондоне, в доме, принадлежащем причетнику Ричарду Парсонзу. На самом деле Уильям и Фанни не были мистером и миссис. Фанни имела ребенка от Уильяма. Когда он подолгу отсутствовал по делам, она просила Элизабет, дочь Парсонза, ложиться спать с ней, и однажды утром они сообщили, что их разбудил какой-то звук. После ссоры с Парсонзом по поводу денег, которые он им задолжал, Кенты уехали, а вскоре после этого Фанни умерла от оспы. Но шум продолжался, и приходившие соседи тоже его слышали. Поскольку другую причину было трудно найти, то дух Фанни казался наиболее вероятным виновником. Был приглашен Джон Мур, ассистент проповедника в церкви, в которой служил Парсонз. Вместе они придумали систему общения с духом: один его удар обозначал «да», два — «нет», а царапающий звук означал раздражение.

Призрак в Кок Лейн скоро приобрел дурную славу. Он проявлял осведомленность абсолютно обо всем, но временами выступал как

злонамеренный лгун. Он обвинил Уильяма Кента в отравлении Фанни, что доктор, который ее лечил, категорически исключил. Но когда его приходили слушать скептики, никто ничего не слышал.

Объяснение этого дела казалось очевидным. Парсонз, взбешенный требуемым долгом, выдумал призрака и с помощью своей семьи мистифицировал всех, чтобы рассчитаться с Уильямом Кентом. Суд приговорил его к трем годам тюрьмы и трем выстаиваниям у позорного столба.

Однако существуют некоторые особенности, которые делают обманный диагноз сомнительным. Начать с того, что явление возникло до того, как между Парсонзом и его квартирантом возникли трения. Стуки — тоже, хотя они и прекращались с появлением скептиков, но их слышали люди, которые не участвовали в сговоре...

Решили, что стучит Элизабет, и действительно, кто-то видел, как она прячет в постель кусок деревяшки... Но миссис де Морган, страстно увлекавшаяся духами, столетие спустя предложила другое объяснение: девочка, после того как ей сказали, что она будет наказана, если призрак не вернется, постаралась изо всех сил изобразить эффект присутствия призрака, выстукивая пальцами по доске. Значит, и этот призрак не был мистификацией? (Кстати, обнаружились и другие подробности: припадки у легковозбудимой девочки возникали одновременно со стуками; свободное кольцо от шторы крутилось на стержне, когда Элизабет не было дома; удары по деревянной панели над очагом были такой силы, что хозяева пугались, как бы она не раскололась...) Подобные проявления феномена позже нередко связывали с нервными детьми. Именно подобные случаи стали сюжетами современного американского писателя Стивена Кинга!

Мы немного увлеклись историей и совсем забыли о том, что об этом еще будет большой и интересный разговор в самой книге. Но перед тем как пуститься в мир призраков, предупредим читателя: на страницах сборника вы встретите около двух десятков теней родом из Чехословакии и Англии — стран, особенно славящихся привидениями.

БЕЗГЛАВЫЙ ТРУБАЧ

Местожительство: Вальдштейнская площадь, Прага. Характер: крайне опасен для музыкантов.

Его история восходит к VII веку, когда в Праге жил трубоч по имени Рупрехт, безмерно гордившийся своим искусством. И было чем гордиться:

если он подносил трубу к губам, ее было слышно на другом конце города. Громче его, утверждал Рупрехт, никто играть не умеет.

Один завистливый музыкант из челяди князя Вальдштейна как-то побился с Рупрехтом об заклад, что тот не сможет трубить без остановки десять минут. Рупрехт высокомерно усмехнулся, заранее предвкушая выигрыш. Увы, бедняга не знал, что коварный завистник затеял спор в тот момент, когда у князя ужасно болели зубы. Чтобы хоть как-то отвлечься и облегчить свои муки, князь бегал с саблей в руках за домашними и успел уже зарубить горничную, садовника и конюха.

И тут Рупрехт набрал побольше воздуха, поднял трубу и заиграл так громко, что затрепетали флюгера на шпильях княжеского дворца. В тот же миг из дворца выскочил князь, и, прежде чем Рупрехт сообразил, в чем дело, его голова покатила по брусчатке.

С той поры он регулярно появляется на Вальдштейнской площади. В одной руке привидение держит трубу, в другой — голову. На обычных людей Рупрехт внимания не обращает. Но стоит ему заметить музыканта с инструментом, как он начинает трубить, вызывая коллегу на поединок. Музыканты, естественно, отказываются, и тогда Рупрехт, беспрестанно трубя, преследует их до дому.

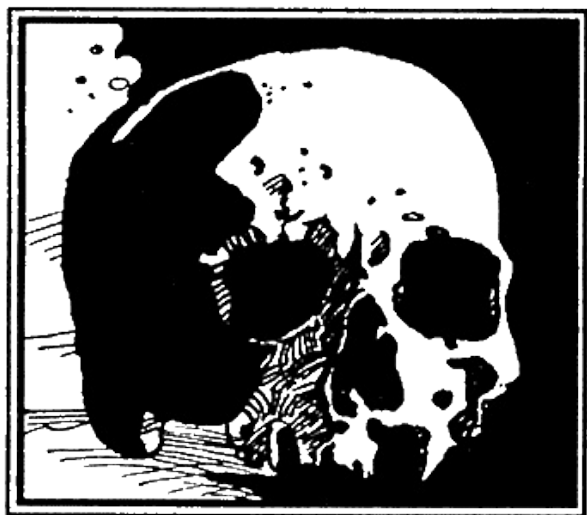
Существует поверье, что безглавый трубач успокоится лишь тогда, когда человек, страдающий воспалением надкостницы, попросит его протрубить над ухом.

Часть первая

ПРИЗРАКИ РЯДОМ С НАМИ

призраки
рядом
с нами

К. Кроув

ДОМА, ПОСЕЩАЕМЫЕ ПРИВИДЕНИЯМИ^[2]

Кто из нас не слышал о домах, посещаемых привидениями? Есть ли такая страна, город или деревушка, где не знали бы подобного дома, составляющего неистощимый предмет рассказов на посиделках? Кому из путешественников не случилось видеть, что здание, иногда красивой наружности, стояло с заколоченными дверями и окнами — пустое, покинутое, во владении крыс и мышей? Отчего об этом доме идет такая дурная слава? Вам отвечают вполголоса: тут привидения. Я помню, что в детстве мне привелось видеть дом, о котором носились такие слухи. Он находился, кажется, между Мэдстоном и Торнбриджем; в наружности его не было ничего мрачного, он не казался ни очень ветхим, ни слишком огромным и стоял возле проезжей дороги. Несмотря на это, меня уверяли, что уже несколько лет в нем никто не жил. После я узнала, что его наконец решили сломать. Сколько раз случалось мне слышать рассказы о том, как приезжие нанимали дома за такой бесценок, что сами тому дивились. Но лишь только они располагались в этих дешевых домах, как странные приключения лишали их покоя. Так, однажды английское семейство за самую ничтожную плату приобрело право жить в прекрасном доме, построенном на западном берегу Италии, в Мола-ди-Гаэта. Англичане жили в нем очень покойно. Но вот однажды хозяйка, сидя на нижнем этаже, в гостиной, окна которой выходили на балкон и были затворены, вдруг увидела, как некая фигура в белом прошла мимо окон. Она подумала, что это кто-нибудь из дочерей, и торопливо открыла окно. Однако, к величайшему ее удивлению, на балконе не было ни души и только морские волны плескали, ударяясь о фундамент стены. Но чтобы так неожиданно кому-то исчезнуть, нужно было броситься с высоты террасы в море. Когда же она стала рассказывать об этом странном случае, ей ответили, что именно поэтому она и сняла квартиру за такую дешевую цену.

Есть дома даже в многолюдных городах, например в Лондоне и его окрестностях, где совершаются разные таинственные события: двери сами собой растворяются и затворяются, раздается шорох, слышны шаги, шелест платья и прочее. Подобные страшные обстоятельства так ослабили один дом в Айршейре, что наконец его предоставили в полное владение двум старикам, которых ничто не смущало и не беспокоило, потому как они уже

ни на что не обращали более внимания. Известная многими хорошими сочинениями дама как-то недавно рассказывала мне, как она гостила у приятельницы, которая живет в одной из внутренних провинций Англии. Она ночевала с сестрой в одной комнате. Вдруг ночью им послышалось, что кто-то идет по лестнице; шаги приблизились к двери, потом удалились, затем взошли по лестнице на верхний этаж и раздались уже над самой головой. Поутру, когда их спросили, хорошо ли провели ночь, они обо всем рассказали.

«Все те, кто ночевал в этой комнате, — сказала хозяйка, — слышали тот же самый шум. Сколько раз я отпирала дверь моей спальни, думая, что кормилица несет мне ребенка, но в коридоре никого не было. Мы долго и напрасно старались узнать, откуда происходит шум, и наконец перестали обращать на него внимание».

Я знаю два или три дома в Лондоне и один в окрестностях, где недавно произошло нечто подобное. Но об этих происшествиях, разумеется, говорили как можно меньше, чтобы не отпугнуть жильцов. В одном из таких зданий, на Сен-Джеймсской площади, есть комната, в которой кто бы ни ночевал особенно подвергался бесчисленному множеству таинственных проказ. Однажды вечером поместили в ней офицера — морского или армейского, не помню. Все надеялись, что спокойствие такого храброго человека не будет нарушено. Однако же на другой день поутру он твердо заявил, что уезжает и ни за что не останется ночевать в этой комнате. С той поры дом долго оставался пустым.

Наконец нашелся на него покупатель, который сразу нанял рабочих для ремонта. Однажды, когда они отправились обедать, хозяин решил проверить их работу. Он обошел нижний этаж и поднимался по лестнице на второй, как вдруг услышал за собой шаги. Он удивился. Обернулся — никого нет. Пожал плечами и стал подниматься дальше, как опять раздался шум, который неизвестно откуда исходил. Несколько смущенный этим, он вошел в залу с камином, где был разведен огонь. Пытаясь преодолеть неприятное ощущение, он резко двигает кресло к камину, нечаянно ударив его о наличник, и садится. И тут точно такой же стук повторяется, словно кто-то невидимый подражает всем его движениям и, подобно ему, садится в призрачное кресло. Пораженный хозяин встал и поспешно удалился.

Некоторое время назад некто нанял дом в Вест-Энде. Переехав туда, он в первую же ночь почувствовал, что кто-то тянет с него одеяло. Сначала подумал, что это ему показалось, поправил одеяло, но его опять сдвинули. «Нет, — сказал он, — это уже слишком!» Поднявшись, бросился искать по углам того, кто пытается играть с ним такую шутку, но никого не нашел.

Стоило ему лишь лечь, одеяло снова скользнуло на пол. И на этот раз не удалось обнаружить нитки или чего-то вроде этого, что могло бы навести на след шутника. Домашние, которым он жаловался, слушали его с беспокойством, печально кивали, но не давали никаких объяснений. Уже соседи надоумили его, что в этом доме всегда случаются подобные происшествия. Он тотчас же из него выехал.

Следующие факты подтверждены почтенной женщиной, которая долго находилась в услужении знакомого мне семейства. Она недавно определилась к полковнику В. и к сестре его, которые наняли в Карлейле меблированный дом, хотя о нем ходили дурные слухи. Польстившись на дешевизну, они решили не обращать внимания на слухи и сначала не испытывали никаких неудобств. В двух комнатах мебель отсутствовала. Но так как они к этому времени ожидали гостей, то приготовили эти комнаты для детей с няньками и кормилицами, на окна повесили тяжелые шторы.

«Вдруг в полночь, — впоследствии рассказывала женщина, — разбудил меня стук шторы, которую по крайней мере раз двадцать кряду поднимали и опускали. Огонь погас, в комнате зависла страшная темнота. Я обомлела от ужаса! Вскоре я услышала мерные шаги, потом раздался такой шум, как будто несколько человек босиком ворвались в комнату. Кормилица, лежавшая возле меня, закричала: „Господи! Помилуй нас!“ И все спрашивала, станет ли у меня духа подняться и раздуть огонь, чтобы сколько-нибудь осветить комнату. Уж не помню как, но я сделала над собой невероятное усилие и послушалась ее совета. Камин находился недалеко от постели. Вдули огонь — в комнате никого не было, все оставалось в том же порядке, как было тогда, когда мы ложились спать. В другой раз мы сидели поздно вечером за работой и вдруг явственно услышали, что в соседней комнате кто-то считает деньги. Мы вошли в нее — там не было ни души. Семейство Г. В. выехало из дома, и с тех пор в нем никто не хотел жить».

Недавно почтенный эдинбургский мещанин отправился в Америку к сыну, который женился там и жил с женой в деревне. Но он у него лишь переночевал, а наутро объявил, что намерен немедленно возвратиться в Филадельфию. Когда его спросили о причине такой поспешности, он сказал, что ночью кто-то ходил по его комнате, подходил к кровати, отдергивал занавес и, наконец, наклонился над ним. Думая, что кто-то забрался к нему с недобрыми намерениями, он размахнулся и что было силы ударил в лицо, однако рука лишь рассекла воздух — он дал пощечину привидению...

Всякий слышал о Черной женщине, которая посещает замок маркиза

Т. в графстве Норфолкском. Г.Н. рассказывал мне, что один из его друзей, во время своего пребывания в замке, нередко видел ее. Хозяин, которого он спрашивал об этом явлении, не сумел ничего ему сказать, кроме того, что она часто показывается на лестницах и в коридорах. Два молодых лорда решили дождаться ее, но когда наконец увидели, она убежала от них по крутой лестнице на нижний этаж и скрылась. Множество очевидцев подтверждают существование Черной женщины.

Несмотря на, то что привидения, поселившиеся, так сказать, в домах, только там и показываются, приводят немало примеров кочующих привидений. Они как бы переходят из одного жилища в другое с теми, кому являются.

В одном благородном шотландском семействе есть невидимая прислужница, которую зовут Женни-пряха. Она везде следует за ними и появляется во всех домах, где им случается жить. Прялка ее слышна и в городском их доме, и в деревенском, и звук ее довольно ощутим. Однако же привидение не пересекает границ Шотландии. Прялка ее перестает жужжать в ушах господ и слуг, лишь только они оказываются на чужой земле.

Знаменитая миссис Сиддонс, путешествуя с мужем по герцогству Уэльс, остановилась на несколько дней в Освестри и поселилась в доме в конце двора, запертого решеткой. Тут же жил и хозяин с двумя служанками. Вскоре мистер и миссис Сиддонс стали жаловаться на неопрятность комнат, которых будто никто никогда не мел и не чистил. А между тем каждую ночь они слышали, как в комнатах метут, трут, скребут, сметают пыль и ворочают стульями. Этот шум мешал, не давал заснуть. Когда они упрекнули служанок в том, что те лишь беспокоят их, а комнаты по-прежнему остаются грязными, служанки ответили, что не могли днем убирать комнаты, так как падали от усталости — госпожа не могла спать одна и заставляла их сидеть с собой. В спальне ее до утра горела лампада.

Однажды жильцы, возвращаясь с прогулки, вошли в коридор и увидели хозяйку, стоявшую к ним спиной. Она говорила как бы сама с собой, поворачивая голову то вправо, то налево: «Опять ты здесь? Неужели ты не можешь оставить меня в покое?» Н. и г-жа Сиддонс решили расспросить соседей, но те только качали головой и отвечали двусмысленно. Уже гораздо позже путешественники узнали, что молва обвиняет их старую хозяйку в убийстве одной из ее прежних служанок.

Это происшествие напоминает множество других такого же рода, в которых покойник словно осужден после своей смерти делать то, что он привык делать при жизни.

Семейство, поселившееся в одном из западных графств Англии, жестоко тревожило привидение, которое выбрало своим жилищем огромный подвал. В нем имелся только один ход, но и тот всегда был заперт. Там раздавались стук, крики, тяжелые и частые шаги. Сначала старый и верный ключник прибегал к помощи своих товарищей. Не раз, вооружившись топорами, саблями и ружьями, они входили в подвал, но никого не обнаруживали. А когда туда отправились господа, то в скором времени вместе с прислугой они обратились в бегство, но их отступление сопровождалось уже не одним шумом шагов, а самим привидением, которое все ясно видели. Со страху господа заперлись в своих комнатах. Вдруг они заметили, что снаружи кто-то нажимает на дверные ручки.

И вскоре растворились двери и окна, несмотря на замки и задвижки, на ставни и решетки. Позже самые упорные исследования не смогли объяснить этой загадки. Поневоле такие чудесные действия припишешь привидениям... Часто бывают слышны удары молота и другие звуки подземных работ в некоторых рудниках даже в отсутствие работников; все рудокопы утверждают это, и их рассказы не опровергаются горными инженерами и инспекторами, которые сами видели, как в подобных случаях даже лошади тряслись от ужаса всем телом и покрывались холодным потом.

Когда мать Георга Каннинга, тогда еще миссис Гунн, была провинциальной актрисой, ее уговорили дать несколько представлений в Плимуте, и она поручила своему другу г. Бернару подыскать ей там квартиру. Когда миссис Гунн приехала, г. Бернар сказал ей, что если она не боится привидений, то может иметь почти задаром удобную квартиру. «У нашего плотника, — продолжал он, — есть дом, о котором ходит слух, что в нем появляются привидения и там никто не хочет жить. Желая опровергнуть невыгодную молву, он, я думаю, уступит его даром, если вы только на это согласитесь; но, пожалуйста, будьте скромны и никому не говорите, что дом ничего вам не стоит».

Миссис Гунн, которая грезилась привидением Гамлета, ответила, что уже не раз была в сношении с духами и ей было бы очень любопытно взглянуть на привидение. Она приказала перевезти ее пожитки и приготовить постель в проклятом доме. В обычный час храбрая актриса отослала детей с нянькой спать, потом села в кресло, взяла книгу и, поставив перед собой две свечи, решила ждать привидение. А под ее комнатой находилась мастерская плотника с двумя дверьми: одна выходила на улицу и была наглухо заколочена, другая — в коридор — закрывалась на задвижку. Все прочие выходы в доме были заперты.

Миссис Гунн читала уже с полчаса, как вдруг услышала раздававшийся из мастерской шум: там пилили доски, стучали, строгали — одним словом, как будто с усердием работало пять или шесть человек. Молодая женщина решила это выяснить. Она сняла башмаки, чтобы не шуметь ими, взяла свечу, отворила тихонько дверь и молча сошла с лестницы. Стук становился все сильнее и сильнее, но, когда она шагнула в мастерскую, он вдруг прекратился. Наступила такая тишина, что можно было услышать, как бегают мыши. Доски и инструмент лежали так, словно их оставили только что покинувшие мастерскую работники. Тщательно все осмотрев и убедившись, что в мастерской действительно никого не было и туда никто не мог войти, молодая женщина возвратилась к себе. Она уже начинала сомневаться, не померещилось ли ей то, что она слышала, как снова раздался шум, продолжавшийся еще около получаса. Несмотря на это, она легла в постель и на другой день никому ничего не сказала, решив подождать до следующей ночи. Все повторилось, и тогда она рассказала о шуме в мастерской хозяину дома и своему другу Бернару. Хозяин наотрез отказался этому верить и предложил просидеть ночь вместе с ней. Однако когда начался шум, он так перепугался, что вместо того, чтобы идти в мастерскую, бросился на улицу. Миссис Гунн продолжала жить в доме целое лето. Привычка действительно вторая натура, говорила она, и, если бы неведомые плотники на одну ночь прекратили свой стук, я вдруг проснулась бы, ожидая, что они пожалуют в мою комнату.

Большая часть привидений, о которых до сих пор упоминалось, были невидимы, но не всегда ночные посетители ускользают от взора смертных.

Две сестры ночевали в одном доме в Северной Англии, когда младшая проснулась и увидела, что по комнате бродит старик в ночном колпаке. Когда она впоследствии рассказывала об этом, то говорила, что испытала скорее удивление, нежели испуг. Ее же сестра, напротив, обмерла от ужаса. Старик продолжал шарить по комнате. Наконец он подошел к комоду, где находились пуговицы, забытые заезжим портным, который работал в доме. Она не могла точно сказать, бросил ли старик их на пол, только они все посыпались из ящичков с большим шумом, а старик исчез. На другой день, когда сестры рассказывали об этом приключении хозяевам, то заметили, как те многозначительно переглянулись между собой. Однако то, что в доме водится домовой, молодая девушка поняла гораздо позже.

— Мне даже не приходило в голову, — рассказывала она, — что это могло быть привидение. Разве когда подумаешь, что привидение носит ночной колпак?

Во время Лейпцигской ярмарки, когда свободных номеров в

гостиницах, естественно, нет, иностранцу найти место, особенно если он приехал поздно вечером, почти невозможно. И все же ему отыскивали комнату в доме одного обывателя. В ней давно уже никто не жил, но его уверяли, что хозяева даже будут посетителю очень рады. Ему, смертельно уставшему, страшно хотелось спать, и он с удовольствием принял предложение. Однако среди ночи, несмотря на усталость, странные, необъяснимые звуки разбудили его и долго не давали заснуть. На другой день он пожаловался своим хозяевам, которые выслушали его молча. На следующую ночь, едва только он успел лечь, как домашние с удивлением увидели его поспешно спускающимся с лестницы с чемоданом на плечах. Он объявил, что ни за что на свете не останется в этой комнате — к нему вошла одетая старомодно женщина с кинжалом в руке, которая стала угрожать ему. Некоторое время спустя, когда заболела молодая хозяйская служанка, ее вынуждены были положить в той роковой комнате, чтобы изолировать от остальных. Вскоре она поправилась, ни разу за все время не пожаловавшись на какое-либо беспокойство. Тогда ее спросили, не случилось ли с нею чего-нибудь необычного, когда она находилась в комнате.

— Всякую ночь, — отвечала служанка, — ко мне приходила чудная женщина, садилась на кровать и ласково гладила меня рукой. Я думаю, что благодаря ей я и выздоровела. Но я никогда не могла добиться от нее ни слова, она только вздыхала и плакала.

Один французский дворянин страстно влюбился в знаменитую актрису, девицу Клерон. Но она не только не отвечала взаимностью на его страсть, но даже не захотела навестить находившегося при смерти дворянина. Страдая от такой жестокости, он исступленно поклялся, что дух его будет неотлучно ее преследовать. И сдержал свое слово. Никогда госпожа Клерон не видала его «тени», но он всегда был возле нее. Несколько раз, когда она этого хотела, он обнаруживал свое присутствие разными звуками, в каком бы месте она ни находилась: иногда ей слышался вопль или ружейный выстрел, то хлопок в ладоши, то звучали несколько музыкальных нот. Она долго не хотела верить, что это было чем-то сверхъестественным, но наконец должна была склониться перед очевидностью. Господин Киркпатрик Шарп уверял меня, что маркиграф Анмпахский, который позже стал любовником госпожи Клерон, и господин Келпель Кривен во всех подробностях знали эти обстоятельства и никогда не сомневались в их сверхъестественной деятельности.

Королевские дворцы и замки также имеют свои привидения. Например, во многих замках, принадлежавших прусской династии королей,

появляется дух, которого зовут Белой дамой. Долго полагали, что это дух графини Агнессы Орламундской, но недавно найденный портрет принцессы Берты, или Перкты фон Розенберг, оказался настолько похож на таинственное создание, что теперь многие спрашивают себя, не два ли это различных явления. Ни одна из них, кажется, не была счастлива в жизни, однако то, что привидение — принцесса Берта, жившая в XV столетии, подкрепляется замечательным обстоятельством. Когда война помешала выплате пенсий бедным, что она и завещала, то привидение казалось тревожнее обыкновенного и появлялось чаще. Его появление нередко предвещает чью-либо смерть. Незадолго до смерти один из Фридрихов сказал, что ему недолго осталось жить, так как он видел Белую даму. На ней был обычный вдовий платок и покрывало, сквозь которое можно было различить ее черты. Лицо всегда выражало тихую грусть, а говорила она только два раза. В декабре 1628 года она бродила по берлинскому дворцу и произнесла по латыни следующие две фразы: «*Veni judica vivos et mortuos! Judicium mihi adhuc Superest!*» («Гряди, судия живых и усопших! Еще остается мне надежда Суда!»).

В позднейшие времена одна из прусских принцесс, находясь в замке Нейгауз в Богемии, примеривала перед зеркалом новый головной убор. Ей пришла в голову мысль спросить у одной из женщин, который час. Вдруг из-за зеркала вышла Белая дама и сказала: «*Zehn Uhr ist es, Ihre Liebden!*» («Десять часов, Ваша милость») — обращение, которое свойственно принцессам между собой вместо «Ваша светлость». Занимавшаяся своим туалетом принцесса сильно испугалась, занемогла и в скором времени умерла.

Белая дама нередко проявляла негодование по поводу чьего-нибудь безбожия или порока. Много любопытного о ней можно узнать из сочинений Балбини и Эразма Франчини. Любопытные факты приводятся в одном журнале, издававшемся во Франкфурте в 1819 году. Издатель, Георг Доринг, знал об этом привидении множество историй, которые слышал от своей матери, женщины правдивой и рассудительной. Незадолго до смерти он подтвердил истинность этих рассказов. Старшая сестра его матери была приятельницей одной из придворных дам, которую часто посещали и ее младшие сестры. Однажды они гостили у нее целую неделю. Как-то, оставшись одни, они занимались шитьем, когда вдруг услышали звуки арфы, которые, казалось, шли из огромной печки, стоявшей в углу комнаты. То ли от страха, то ли ради шутки одна из девушек схватила аршин и начала стучать им по полу. Музыка стихла, а аршин кто-то вырвал у нее из рук. Она ужасно испугалась, а сестра ее, Кристина, стала смеяться над ней,

говоря, что та просто бредит, а музыка, верно, слышалась с улицы, хотя музыкантов и не видно. Тогда сестра, стыдясь своей трусости и чтобы немного успокоиться, пошла на несколько минут к соседке. А вернувшись, нашла Кристину лежащую на полу без чувств. Она бросилась к ней на помощь вместе с подроспевшими служанками, прибежавшими на крик Кристины. Когда та опомнилась, то выяснилось следующее. Едва сестра покинула комнату, снова послышалась музыка, и из-за печи вдруг поднялась белая фигура. От ужаса бедная девушка закричала и упала в обморок. Но дама, которая жила в этой комнате, очень обрадовалась появлению привидения, полагая, что оно указывает клад за печью. Она упростила девушек никому не говорить об этом, послала за столяром и велела ему поднять несколько половиц. Под паркетом обнаружили накат, а под ним подвал и погребальный склеп, откуда повеяло удушливой волной тлена, а в склепе оказалась лишь кучка извести...

Когда королю донесли о происшедшем, он нисколько не удивился, сказав, что то был дух графини Орлаунды, которую заживо похоронили в подземелье. Эта графиня, одаренная музыкантша, была любовницею маркиграфа Бранденбургского и родила ему двух сыновей. Граф овдовел. Она надеялась, что он на ней женится, но он опасался, что ее сыновья станут оспаривать владения у законных наследников. Чтобы этого не случилось, она отравила своих собственных детей. Маркиграф в справедливом негодовании велел замуровать ее живьем в стену склепа. Король добавил еще, что она показывается раз в семь лет, предпочтительно являясь детям, а приход ее возвещается звуками арфы. В прусских журналах недавно писали, что Белую даму снова видели в берлинском дворце.

Следующее письмо, писанное мне лондонским жителем, содержит любопытный рассказ, достоверность которого, как мне кажется, не подлежит сомнению.

«Несколько лет тому назад один из моих друзей, живущих в Герфордшире, пригласил меня несколько дней погостить у него. Он занимался прежде седельным ремеслом, нажил приличное состояние и переехал жить в живописное селение Саррат, чтобы отдохнуть под конец жизни, проведенной в трудах.

В ноябре, в сумрачный воскресный день, я отправился к нему верхом. Все предвещало дождь, и я, конечно, избрал бы другой способ путешествия, если бы не имел намерений оставить мою лошадь зимовать в конюшне Г. Б. Прежде чем я успел доехать до близлежащего леса, хлынул

проливной дождь. Несмотря на это, я продолжал путь и приехал в Саррат, когда друг мой с женой были еще в церкви. Вернувшись, они дали мне переменить платье и сказали, что и я зван обедать к его соседям. Однако мне совестно было показаться у чужих людей в чужом костюме. Я небольшого роста, а Г.Б. — шести футов и соразмерной толщины. Разумеется, что, наряженный в его платье, я представлял уморительную фигуру. Однако ж меня уговорили, и я отправился на обед в костюме Г.Б., что немало способствовало веселому расположению собеседников. В десять часов мы расстались. Когда мы вернулись домой, мне отвели очень удобную комнату. Смертельно уставший, я тут же улегся в постель, но едва сон одолел меня, как я был разбужен страшным лаем собак. Видно потревожили они не только меня. Я услышал, как хозяин, спавший в соседней комнате, открыл окно и прикрикнул на них. Собаки тотчас затихли, и лишь только водворилась тишина, как я заснул. Вдруг меня разбудило ощущение тяжести на ногах. Я открыл глаза. Лампада, стоявшая на камине, освещала нижнюю часть кровати. Я увидел хорошо одетого человека, который, наклонившись зачем-то, опирался рукой на мое одеяло. На нем был синий фрак с золотыми пуговицами, но я не мог рассмотреть его лица. Сначала я подумал, что это хозяин дома, и так как, по своему обыкновению, я оставил платье на полу у кровати, то предположил, что он пришел посмотреть на него, что меня крайне удивило. Но лишь только я поднялся на постели, собираясь спросить его о причине ночного посещения, как образ исчез. Тогда я и вспомнил, что запер дверь на замок.

Я соскочил с постели, но никого не нашел. Осматривая комнату, я понял, что в нее нельзя было проникнуть иначе как в дверь, закрытую на ключ, или в другую, которая была тоже заперта. Удивленный и обескураженный, я снова лег и долго ломал голову над этой загадкой. Мне пришла в голову мысль, что я еще не смотрел под кроватью. Однако я опять обманулся в своем ожидании. С досады закутался в одеяло, надеясь сколько-нибудь успокоиться, но целую ночь не мог сомкнуть глаз. Что это за человек, которого я видел? Как он вошел ко мне в комнату? Эти вопросы не выходили у меня из головы. Пробыло восемь часов, и вскоре меня позвали завтракать. За столом господин и госпожа Б. спросили меня, хорошо ли я провел ночь. Я ответил, что меня разбудил лай собак и я слышал, как хозяин дома их осаживал. На что тот ответил, что во двор забежали два бродячих пса и потревожили его верных сторожей. Тогда я упомянул и о ночном посетителе, надеясь, что они объяснят мне и это странное обстоятельство, в худшем случае посмеются и заметят, что все это мне приснилось. Но, к моему величайшему удивлению, они выслушали

мой рассказ чрезвычайно внимательно и сказали, что это дух одного джентльмена, который был убит в доме несколько лет тому назад; убийство же было совершено самым бесчеловечным образом — голову жертвы отделили от туловища. Заметив, что я сомневаюсь в правдивости сказанного (ибо я всегда был противником суеверий), они попросили меня остаться еще на день-два в деревне, обещая сводить к священнику, который приведет мне несколько доказательств относительно происшествий подобного рода, и мне ничего не останется, как поверить. Однако в этот день меня ждал к обеду приятель в Ватфорде, и я вынужден был отказаться от предложения моих хозяев. К тому же после таких подробностей я несколько не горел желанием второй раз встретиться с покойником. Итак, я распрощился с Сарратом, поблагодарив господина и госпожу Б. за их предложение».

Вот другое письмо, быть может еще занимательнее первого, написанное молодой особой, принадлежащей к знатному английскому семейству.

«Сэр Джеймс, моя мать, брат мой Чарлз и я покинули наше отечество в конце 1786 года. Пожив в разных местах, мы наконец решили поселиться в Лилле, где нашли хороших профессоров; у нас были рекомендательные письма к лучшим семействам в городе. Сэр Джеймс продолжал свое путешествие, а мы, проведя несколько дней в очень неудобной квартире, наняли большой и красивый дом по чрезвычайно дешевой цене даже для Франции.

Три недели спустя после того, как мы в нем поселились, матушка отправилась со мною к банкиру, на имя которого сэр Роберт Гаррис дал нам вексель. Мы попросили его выплатить некоторую сумму денег, и он отсчитал нам ее пятифранковыми монетами. Так как деньги составили довольно значительную тяжесть, которую мы не могли унести с собою, то попросили его прислать их нам на дом, на площадь Золотого Льва. Адрес удивил его. „Я не знаю, — сказал он, — на этой площади нет ни одного приличного для вас дома, кроме того, что давно уже стоит пустой, потому что в нем появляются привидения“. Он произнес эти слова вполне серьезно и самым естественным тоном. Мысль о том, что в нашем доме есть домовые, заставила нас рассмеяться. Мы попросили его ни словом не упоминать об этом слугам, чтобы те не вбили себе в голову подобные глупостей. Сами же, маменька и я, решили никому на свете не говорить об услышанном.

— Выходит, что привидение будило нас столько раз, расхаживая над нашей головою, — сказала мне, смеясь, матушка.

В самом деле, мы несколько ночей подряд слышали, как на верхнем этаже кто-то расхаживал взад и вперед тяжелыми шагами. Мы думали, что это ходит кто-нибудь из слуг.

На другой день, после того как ночью звук шагов снова нас разбудил, матушка спросила у горничной по имени Кресвель, кто жил над нами.

— Никто, — отвечала девушка. — Там пустой чердак.

Восемь или десять дней спустя Кресвель пришла к матушке и сказала ей, что слуги хотят уйти от нас, потому что в доме водятся привидения. Она рассказала, что этот дом вместе с другой собственностью принадлежал малолетнему сироте, у которого опекуном был родной дядя. Опекун поступал с ним самым бесчеловечным образом и наконец запер его в клетку. Потом мальчик исчез, и все полагали, что дядя убил его. Убийца наследовал имение своей жертвы, затем продал его отцу теперешнего владельца. С тех пор дом всего несколько раз занимали, но никто не оставался в нем более недели или двух. До нашего приезда он долго стоял пустым.

— Неужели ты в самом деле веришь этому вздору?

— Право, не знаю, что вам сказать, — отвечала девушка, — на чердаке, над вашей головою, стоит и железная клетка, которую вы сами можете видеть, если угодно.

Мы решили убедиться, точно ли она говорит правду, и так как в эту минуту к нам зашел старый офицер, кавалер ордена Св. Людовика, то мы попросили его проводить нас наверх. Как и говорила Кресвель, там находился обширный чердак с кирпичными стенами, совершенно пустой, лишь в углу стояла железная клетка. Она была похожа на те, в которых держат диких зверей, размерами в четыре квадратных фута и восьми высотой. Из стены, к которой она была придвинута, торчал металлический штырь с цепью, на конце ее висел заржавленный железный ошейник. Я содрогнулась при мысли, что в этой клетке действительно могло жить человеческое существо. Старый друг наш смотрел на клетку с таким же ужасом, как и мы, и утверждал, что она была сделана для какой-то зверской цели. Но, не веря в привидения, мы были убеждены, что шум производили люди, которые находили выгоду в том, чтобы дом оставался необитаемым. Значит, они знали, как пробраться в дом в любое время. Мы решили подыскать себе другое жилище, а пока быть предельно осторожными.

Дней через десять, когда однажды Кресвель пришла одевать матушку, та нашла ее совершенно бледной и выглядевшей болезненно.

— О, сударыня! — отвечала она. — Мы с миссис Марш ужасно перепугались и не можем теперь спать в своей комнате.

— Хорошо, — ответила матушка, — вы обе будете спать в моем кабинете. Только сперва расскажи, что тебя так перепугало.

— Ночью кто-то прошел через нашу комнату. Увидев его, мы спрятали головы под одеяло в ужасном испуге и пролежали так до утра.

При этих словах я не могла удержаться от смеха, но Кресвель залилась слезами. Чтобы ее утешить, я сказала, что нам предлагают прекрасный дом, и мы скоро оставим теперешнее наше жилище.

Через несколько дней, как-то вечером, матушка попросила нас с братом принести ей из ее комнаты пяльцы. Мы только что отужинали. При свете лампы, которую всегда зажигали вечером, мы стали подниматься по лестнице, как вдруг увидели перед собой длинное и худое существо. На нем было широкое платье, распущенные волосы в беспорядке падали на плечи. Мы подумали, что это сестра Анна, и закричали ей:

— Шутка твоя не удастся, душенька. Ты не испугаешь нас!

При этих словах фигура исчезла в углублении стены. Когда мы подошли, оно оказалось пустым. Мы решили, что сестра скрылась через потайную лестницу. Мы рассказали об этом матушке, которая недоуменно заметила: „Странно! У Анны заболела голова, и она легла в постель, прежде чем вы вернулись с прогулки“. Мы отправились к ней в комнату и застали спящей. Алиса, которая сидела у ее кровати, уверяла нас, что она спала уже более часа. Когда об этом услышала Кресвель, бедная девушка побледнела как смерть и закричала, что описанная нами фигура была та самая, которая ее так перепугала...

Спустя какое-то время приехал к нам брат Генрих, и мы отвели ему комнату на верхнем этаже в противоположной стороне дома. Утром следующего дня он спустился к завтраку с хмурым видом и сердито поинтересовался у матушки: неужели прошлым вечером она сочла его пьяным и неспособным даже погасить свечку, что велела присматривать за ним бездельникам — слугам?

На что матушка с обидой ответила, что она и не думала этого делать. Однако брат ей не поверил и с негодованием добавил: „Вчера ночью я соскочил с постели и отворил дверь. При свете месяца я увидел одного из этих негодяев внизу лестницы. Он был в халате, полы которого развевались, а волосы спадали на плечи... Если бы я не был раздет, то догнал бы его и порядком отделал, чтобы он не смел в другой раз за мной присматривать“.

В то время мы уже готовились перебраться в новый дом, владелец

которого уехал в Швейцарию. Дней за пять до переезда к нам приехали г-н и г-жа Аткинс. Мы рассказали им о странных происшествиях, творящихся в доме, куда могли пробираться посторонние люди, хотя, возможно, у них и не было иных намерений, кроме желания попугать нас. И еще о том, что никто из нас не мог спать в комнате, где жили сначала Марш и Кресвель. При этих словах г-жа Аткинс расхохоталась, заметив, что она была бы в восторге провести в этой комнате ночь, если бы маменька позволила, и с ее маленькой собачкой никакого привидения можно не бояться. Так как маменька не имела причин ей противиться, г-жа Аткинс попросила своего мужа возвратиться домой и прислать ей ночной шлафор, прежде нежели запрут городские ворота, так как они жили за городом. Г-н Аткинс улыбнулся и сказал, что она очень самоуверенная женщина, но не порицал ее намерения и прислал требуемые вещи. Его жена простилась с нами и прошла в зловещую комнату со своей собачкой, не выказывая ни малейшего признака боязни.

На следующий день она спустилась к завтраку с очень расстроенным видом. Когда мы спросили, не страшно ли ей было, она ответила, что ее разбудил кто-то, тихо ходивший по комнате. И явственно различила человеческий образ, однако собака ее, до этого необыкновенно живая и беспрестанно лаявшая, оставалась безмолвной и неподвижной.

Вскоре приехал ее муж, который, желая развеять ее дурное настроение, стал уверять, что она все видела во сне. Г-жа Аткинс не на шутку на него рассердилась, — очевидно, она действительно что-то видела. После ее отъезда матушка сказала, что, хотя она не может поверить в существование привидений, расхаживающих по комнатам, все же ей не хотелось бы встретиться с таинственным существом, которое так пугало людей.

За три дня до переезда на другую квартиру я совершила большую прогулку верхом, очень устала и заснула сразу, как легла в постель. В полночь что-то вдруг меня разбудило. Но что — я не могла понять. К шуму шагов мы так уже привыкли, что он не производил на нас впечатления.

Я спала вместе с матушкой, но словно кто-то толкнул меня. Я открыла глаза и увидела между мной и окошком высокого, худого человека в широком халате, одной рукой опиравшегося на комод. Глаза его, казалось, смотрели прямо на меня. Я видела это необыкновенно явственно при свете лампы, которая ярко горела. Лицо молодого человека выражало такую глубокую грусть, какую, кажется, век не забудешь. Признаюсь, я очень испугалась, но особенно смертельно боялась того, что матушка вдруг проснется и увидит привидение. Однако ровное дыхание говорило о том,

что она спит крепким сном. В эту минуту часы пробили четыре часа.

Прошел по крайней мере час, прежде чем я решилась опять взглянуть на комод — возле него уже никого не было. Между тем я не слыхала не единого шороха, хотя прислушивалась, как могла.

Больше я уже не заснула, как вы можете себе представить, и очень обрадовалась, когда Кресвель постучала в дверь, как это она делала каждое утро, потому как на ночь мы всегда запирались. Обычно я вставала и отпирала, но на этот раз, против обыкновения, я закричала ей: „Войди! Войди! Дверь не заперта“. Она ответила, что дверь закрыта, и я должна была встать и отпереть ее.

Когда я рассказала матушке о происшедшем, она очень обрадовалась, что я не разбудила ее, похвалив меня за бесстрашие. Матушка не захотела больше находиться в этой квартире ни одного дня.

Если принять во внимание тех, кто жил в этом доме, бесстрашие и неверие семейства в отношении к привидениям, выгоду владельца в том, чтобы ничего не утаивать и избавляться от жильцов (предполагая, что тут был обман), то странное явление можно было бы объяснить следующим образом: вероятно, бедный молодой человек, сначала замученный, потом убитый опекуном, был еще привязан, к своему сожалению, к похищенной у него собственности, сохранял в сердце память своих обманутых надежд, своих попранных прав и находил грустное удовольствие посещать места, где он так много страдал».

Плиний Младший упоминает об одном доме в Афинах, где никто не мог жить, потому что там появлялся мертвец. Однако же философ Афинадор поселился в нем. В первую же ночь он отослал людей спать, потом принялся писать, чтобы занять свое воображение, которое обычно порождает призраков своей обманчивой способностью. В продолжение некоторого времени вокруг него царила глубокая тишина, занятие философа все более и более поглощало его внимание, как вдруг раздался звук цепей. Афинадор оставался неподвижным и хладнокровным. Преодолевая свое любопытство, он продолжал писать, не поднимая глаз от стола. Однако же звук становился громче, приближаясь к дверям, и кто-то вошел в комнату.

Тогда философ поднял голову и увидел перед собой старика, чрезвычайно худого, со взором помешанного, с растрепанными волосами и длинной бородой. Он поднял руку и дал знак новому жильцу за ним следовать. Афинадор ответил движением, которое означало: «Подожди!» — и продолжал писать. Тогда неизвестный подошел еще ближе и потряс

цепями прямо над головой ученого, который поневоле должен был снова взглянуть на него. Привидение снова дало ему знак следовать за ним, и философ повиновался. Старик шел медленно, как будто придавленный тяжестью своих оков. Он повел гостя на двор, где жилище разделялось на две части, и тут внезапно исчез. Афинадор набрал камней и травы и заметил это место. На другой день он известил о происшедшем судей, которые приказали рыть в указанном месте. Вскоре здесь нашли скелет человека, обремененного цепями. Его вынули из земли и похоронили, выполнив все религиозные обряды. С тех пор привидение больше не показывалось. Предвзятости его времени и страны применительно к погребальным обрядам смущали его даже в могиле. Он успокоился, только когда они были выполнены.

Не менее поразительное происшествие случилось с миссис Л., которая рассказывала мне о нем со всеми подробностями. Несколько лет назад она сняла меблированный дом по улице Стефенсон, в Норс-Шилдсе. Но только переехала, как ей послышалось, что в коридоре кто-то ходит. Шум шагов несколько раз возобновлялся, она отворяла дверь, однако никого не видела. Тогда она пошла на кухню и спросила у служанки, слышала ли та шаги. Служанка ответила отрицательно, но прибавила, что жилище их как будто наполнено странными звуками. Когда миссис Л. легла в постель, то не могла заснуть от звука маленькой детской трещотки, которую, казалось, трясли у нее над головой. Трещотка гремела то справа, то слева, с ней сливался шум шагов, детский плач и рыдания женщины. Все это вместе производило такой гам, что испуганная горничная ни за что на свете не хотела остаться в доме. Служанка, которая поступила на ее место, была уроженка других мест и ничего не знала. Но на другой же день она сказала госпоже: «Сударыня! Дом ваш заколдован». И заметила как бы между прочим, что какой-то голос звал ее несколько раз подряд, раздаваясь совсем близко от нее, хотя она никого не видела.

Однажды ночью миссис Л. вдруг услышала над ухом голос, в котором не было ничего человеческого. Он явственно произнес: «Плачьте, плачьте, плачьте». Потом послышался такой звук, как будто говорившая особа с трудом перевела дыхание, и снова раздалось слова: «Плачьте, плачьте, плачьте». Затем опять начались тяжелые вздохи, и в третий раз повторилось то же самое. Миссис Л. лежала неподвижно и пристально смотрела в ту сторону, откуда, как ей казалось, исходили звуки, но ничего не заметила. Ее маленький сын, которого она держала на руках, все спрашивал с беспокойством: «Мама, что это такое?» Вздохи и едва сдерживаемые рыдания могли привести в ужас кого угодно. Они вроде бы принадлежали

ребенку и женщине, находившимся в отчаянии.

Однажды ночью, в самый разгар этих мрачных жалоб, г-же Л. пришло в голову прочитать заклинания. На несколько минут воцарилось молчание, хотя никакого ответа не последовало.

Вскоре приехал г-н Л., который отдыхал на море, и очень забавлялся подробностями происшедшего с женой, полагая, что та была жертвой своего богатого воображения. Но вскоре убедился в обратном. Он хотел было приказать поднять несколько досок пола, надеясь найти там разгадку этих странностей, но жена воспротивилась. Ведь если он откроет там что-нибудь ужасное, то будет невозможно оставаться в доме, за наем которого она заплатила вперед и теперь предпочитала терпеть до истечения срока.

Дважды причина этих звуков была готова открыться г-же Л. В первый раз ей представилось, что с потолка, возле самого ее стула, упало дитя, которое тут же исчезло. В другой раз тот же ребенок пробежал в кабинет — он имел сообщение с комнатой, находившейся под самой крышей. Небольшая дверь, через которую в случае надобности влезали на кровлю, всегда оказывалась открытой — как только засовывали задвижку, невидимая рука тотчас выдвигала ее, даже прежде чем успевали выйти из комнаты. Днем и ночью над спальней супругов Л. будто бы рассказывал человек, и слышно было, как поскрипывали его сапоги.

Наконец миновал год, и, к их величайшему удовольствию, они выехали из этого беспокойного дома. Пять или шесть лет спустя особа, которая купила этот дом, решила отремонтировать пол в верхней комнате, возле двери, ведущей на крышу. Под полом и нашли останки младенца. Тогда вспомнили, что в доме некогда жил человек развратного поведения со своей служанкой. Вероятно, они и совершили преступление, которое и осталось тайной для правосудия.

Детоубийства, совершаемые в глубокой тайне, почти всегда подают повод к многим таинственным явлениям, которые тревожат жителей таких домов, как, например, знаменитое поместье, расположенное недалеко от Лондона. Его нанял шесть лет тому назад эдинбургский купец, чтобы находиться поблизости от столицы, где он вел свои дела. Г. С. заключил контракт на семь лет, поместил в нем свое семейство, а сам приезжал туда на день или на два, когда позволяли его торговые дела.

Довольно долго никто не замечал ничего необыкновенного, как однажды в сумерки госпожа С., входя в спальню, которую называли дубовой комнатой, увидела возле окошка женскую фигуру. На вид молодая, длинные черные волосы спадали на плечи, на ней была шелковая юбка и белая блуза. Она пристально смотрела в окно, будто кого-то поджидая. Г-

жа С. в испуге закрыла глаза рукой и на мгновение оцепенела. Когда она отвела руку, в комнате никого не было.

Вскоре после этого к ней прибежала в страшном волнении молодая служанка. Она сказала, что встретила в сенях отвратительную старуху, которая пристально на нее смотрела, и до смерти перепугала. Бедная девушка дрожала всем телом и с трудом удерживала слезы. Г-жа С. посмеялась над ее страхами, чтобы как-то ободрить, пошла вместе с ней в сени, где было только одно окно, выходившее на запертый двор. Там никого не оказалось, и никто из слуг не видел старухи. Как бы там ни было, но с этих пор жителей дома по ночам стали тревожить страшные и иногда очень громкие звуки. Так, например, им слышалось, как будто бьют железной полосой по насосу колодца, находившегося во дворе. Утром они пытались найти причину шума, но безрезультатно. Однажды г-н С. приехал из Лондона вместе с другом, который остался у них ночевать. Вечером хозяйка пошла в дубовую комнату, приготовленную для гостя, чтобы удостовериться, все ли нужное в ней есть. Вдруг она с величайшим удивлением услышала за собой звук шагов, но еще более изумилась, когда, обернувшись, никого не увидела. Не раз домашние были испуганы подобным явлением. Или, сидя вместе на кухне, неожиданно замечали, как дверная щеколда поднималась сама собой и дверь распахивалась.

Однажды вечером служанка, которая не раз слышала таинственные шаги, заснула в комнате своей госпожи. Сон ее был тяжел и беспокоен. Потом закричала: «Разбудите меня! Разбудите меня!» — как будто бы ощутила вдруг великую тоску. Ее растолкали, она открыла глаза и вскоре рассказала, что ей приснилось. Сон объяснял отчасти странные происшествия, совершавшиеся в ее доме. А приснилось ей, что она сидит в дубовой комнате, на одном конце которой находилась молодая женщина в старомодном платье, с длинными черными волосами, а на другом — старая, безобразная старуха, также одетая по старинной моде. «Что ты сделала со своим ребенком, Эмилия?» — спросила она у своей подруги. — «Что ты сделала со своим ребенком?» «О! Я не убила его, — возразила молодая женщина, — он остался жив, вырос, вступил в полк и уехал в Индию». Потом, обращаясь к спящей служанке, она продолжала: «С тех пор, как тело мое лежит в сырой земле, я никогда не говорила ни с одним живым существом, но я все расскажу тебе. Меня зовут мисс Блэк, а старуха — кормилица Блэк. Это не настоящее ее имя, но ее так прозвали, потому что она очень долго жила в нашем семействе». Тогда старуха перебила молодую женщину и начала что-то говорить служанке, положив ей руку на плечо. Но служанка никак не могла припомнить ее слова, потому что

прикосновение ее руки причинило такую боль, что она почти проснулась, смертельно желая проснуться совсем.

Так как эти две особы внешне походили на привидения, которые бродили в доме, мистрисс С. полагала, что тут в давние времена было совершено преступление или произошел какой-нибудь несчастный случай. Она стала расспрашивать соседей и узнала, что 70 или 80 лет тому назад дом принадлежал мистрисс Равенгал, которая жила в нем со своей племянницей мисс Блэк. Мистрисс С. еще раз увидела в той же комнате привидение молодой женщины. Оно в отчаянии ломало себе руки, глядя в угол комнаты, — г-н и г-жа С. приказали поднять там половицу, но ничего не нашли.

Остается упомянуть об одном любопытнейшем обстоятельстве в связи с этой историей. Прожив в доме три года, жильцы готовились из него выехать — не от привидений, а по другим причинам, — как, проснувшись однажды утром, мистрисс С. увидела в ногах своей кровати человека со смуглым лицом и одетого в платье работника — в шерстяную куртку и с красным галстуком на шее. Однако он почти тотчас исчез. Г.С., который спал рядом, ничего не видел. Это привидение в заколдованном доме было последним. За несколько дней до отъезда супругам понадобился каменный уголь, и муж, который ехал в Лондон, обещал купить его по дороге, чтобы сразу и доставили. На другой день жена сказала ему, что привезли уголь. Он ответил, что это прекрасно, так как совсем забыл о ее поручении. Удивившись, г-жа С. спросила слуг, кто из них ходил к торговцу углем, но никто этого не делал. Наконец узнали, что уголь был заказан человеком со смуглым лицом, одетым в шерстяную куртку и с красным галстуком на шее.

Чтобы довершить этот ряд странных случаев, расскажем последнюю, не менее любопытную историю, которая была уже напечатана г. Вильямом Гоунтом в «Local historian's table book» Ричардсона, содержащую все возможные доказательства достоверности.

Между рекой Тайн и железной дорогой, идущей от Ньюкасл-апон-Тайн до Норс-Шилдса, лежит лощина, в центре которой находятся несколько хижин, церковь, дом священника, мельница и жилище мельника. Все это вместе называется деревушкой Веллингтон. Железная дорога проходит через лощину по горбтому мосту, возвышающемуся над кровлями всех веллингтонских домов. Мельница, приводимая в движение паром, — довольно обширное здание, а недалеко от него находится дом мельника. В нем живет владелец мельницы г. Проктор. Он квакер, и верования его секты отвергают всякие суеверия. Здание было построено в

1800 году. Никто, видя его, не мог и подумать, что в нем появляются привидения. Ни одно здание не имело такой простой и прозаической наружности. Ночью, вероятно, там слышно, как тарахтят стоящие на реке барки — двигатели их работают без умолку и во тьме — или как с шумом врывается ветер в штольни, где добывают каменный уголь, и с этими звуками порой сливаются свист и завывание бури в лощине. Но у нас речь пойдет о явлениях всеми виденных и, несомненно, доказанных.

Так, например, в одну ночь, когда брат г. Проктора ночевал в доме, его разбудили какие-то странные и непонятные звуки. Вскоре он услышал шум тяжелых шагов человека, взбирающегося по лестнице, и стук палки, которой он ударял по перилам. Неизвестный направлялся к его комнате и замер у двери. Молодой человек готов уже был заговорить с ним, но тот все не появлялся. Тогда он соскочил с постели, чтобы увидеть таинственного посетителя, отворил окно и никого не нашел. Услышал только такие же тяжелые шаги вниз по лестнице и удары тростью по перилам. Он тотчас побежал в комнату к брату, который, слыша звук, готовился встать с постели. Они зажгли свечу, поспешно спустившись с лестницы, обшарили все углы, но поиски их были напрасны.

Две молодые дамы, приехавшие погостить на несколько дней к владельцу мельницы, испытали беспокойство другого рода! В первую ночь они спали вместе, как вдруг почувствовали, что кто-то поднимает их кровать. Можно представить себе их ужас. Первой мыслью было то, что в комнате спрятался вор. Они начали кричать, сбежались люди, стали искать, но никого не нашли. В следующую ночь кровать их несколько раз подряд кто-то сильно толкал, потом невидимая рука схватила полог, подняла его до потолка и опять опустила. На другой день они велели снять с кровати полог, чтобы он не мог более служить игрушкой ночным привидениям, но вскоре в том раскаялись. Действительно, на следующую ночь, когда они пробудились, в их комнате было так светло, что можно было ясно различить все предметы; они увидели женскую фигуру, подобную воздушному призраку: она вышла из стены, прошла сквозь спинку кровати и в горизонтальном положении проплыла над ними. Через несколько минут она снова ушла в стену.

Одна из молодых дам, не захотев больше жить в этом доме, перешла к помощнику владельца мельницы, другая только переменила комнату. Понадобилось бы слишком много времени, чтобы перечислить все типы привидений, которые нарушают спокойствие этого жилища. Иногда тут показывается человек в длинной, развевающейся одежде, с непокрытой головой — существо воздушное и прозрачное; оно проходит сквозь стены и

проскальзывает через любые препятствия. Его прозвали Старым Джеффри.

В другое время дама бродит по комнатам, одетая в серое платье, или сидит, закутанная в плащ, с опущенной головой, скрестив руки на коленях и с выражением глубокой грусти. Самое страшное в том, что она лишена глаз.

Ночные видения иногда сопровождаются звуками. То словно мостовщик бьет пол своей колотушкой или таскает ее по ступенькам лестниц, потом вдруг раздается сильный и продолжительный кашель, вздохи и стоны отчаяния. В другой раз будто тысячи маленьких ног бегают над потолком комнаты, в антресолях, где поэтому никто не живет и которые служат чердаком. Наконец выдаются такие ночи, когда самый ужасный хохот прерывает сон живущих в доме.

Некто Эдуард Дрери, пораженный тем, что ему рассказывали о доме мельника, попросил разрешения заночевать в комнате, которая чаще других посещается привидениями. Проктор согласился. Молодой человек прибыл в сопровождении одного из своих приятелей, по фамилии Гудзон; они заперлись в комнате и ждали, что будет. За десять минут до полуночи им послышался топот множества босых ног по паркету. Невидимые существа заставляли щелкать суставы своих пальцев, потом сильный глухой кашель раздался в углу комнаты. Затем кто-то натыкался на стены, поднимаясь по лестнице. Без четверти час Дрери захотел лечь спать. Гудзон сказал, что вольному воля, а он решил сидеть хоть до утра. Тогда товарищ его вынул часы, и в ту минуту, когда оторвал взгляд от циферблата, он увидел, что дверь соседнего кабинета отворилась и из него вышло привидение, имевшее вид женщины в сером платье. Голова ее была опущена, она прижимала левую руку к груди, как будто бы чувствовала там острую боль, а протянутым указательным пальцем правой руки указывала на пол. Она подошла к Эдуарду медленно и с большой осторожностью. Когда она была уже рядом с Гудзоном, дремавшим в креслах, и протянула к нему руку, Дрери бросился к нему с ужасным криком. Но он схватил лишь воздух и упал без чувств на своего друга. Обморок продолжался три часа. Когда он пришел в себя, он сказал, что испытал ощущение необъяснимого ужаса. Позже он прислал г. Проктору описание всего того, что видел и слышал в ту страшную ночь.

Такого количества свидетельств достаточно, чтобы убедить людей. Конечно, нет никакой возможности объяснить эти явления. Они относятся к разряду происшествий сверхъестественных. Но если бы человек допускал только то, что он может понять, он стал бы отрицать свое собственное существование, потому что с минуты его зачатия и до самой смерти жизнь

его — непрерывная тайна. Он не знает, как она дана ему, не понимает, каким образом действуют силы, которые ее поддерживают, и болезни, которые ее у него отнимают, часто не менее для него загадочны.

НОЧНАЯ СТОРОНА ПРИРОДЫ

(Добавление переводчицы А. М.)

Чтение статьи о «Домах, посещаемых привидениями» невольно наводит на мысль о бесчисленных подобных рассказах, которые каждый из нас слышал в детстве и зрелом возрасте. Действительно, в этом отношении нам, кажется, нечему завидовать. Оттого ли, что это свойство русского народа, мечтательного от природы, или обстоятельства его исторического воспитания развили в нем склонность к чудесному, — как бы то ни было, только ни один народ Европы, не исключая даже шотландцев, с их различными духами и бесконечными суевериями, не может похвалиться таким удивительным развитием «Ночной стороны природы», о которой рассказывала английская сочинительница. Воздух, вода, леса, дома, хлевы русского мужика — все населено существами незримыми, но тем не менее принимающими деятельное участие в повседневной жизни; существами лукавыми, злобными, насмешливыми, резвыми или добрыми, степенными и домоседами. Пойдет ли мужик в лес вырубить оглоблю для телеги или набрать хворосту, леший заводит его в какую-нибудь трущобу и потом еще более смущает бедного скитальца громким хохотом над его безвременьем. «Где ты так долго шатался? — спрашивает какого-нибудь Ермилу его строгая половина, хлопоча около печки либо подталкивая люльку. — Пошел на час, да и в добрый час! Да вишь как посоловел, словно три ночи кряду гулял». «Молчи, хозяйка, благодари Господа Бога, что еще донес подобру-поздорову! Угломил меня проклятый леший!.. Уж думал, что и вовеки не выберусь!..» И начинается длинный, нередко довольно поэтический рассказ о признаках, которые возвещают соседство лешего, о приближении его, разных хитростях, которые он употребляет, чтобы сбить мужика с толку, запугать его появлением в гигантском образе «выше леса стоячего...». И хозяин и хозяйка крестятся и кончают вечер благодарной молитвой Богу об избавлении их от опасности. Захочется ли в жаркие дни девушкам и молодежи отдохнуть от трудовой жизни, выкупаться и повозиться с товарками в светлых струях родной реки или в таинственных водах пруда, вдруг крик ужаса прерывает шутки и громкий смех. Что такое? Водяник схватил девушку за руку или за длинную косу и тащит ее ко дну. «Батюшки, помогите! Скорей, скорей! Ух! Насилу высвободилась! Дайте перевести дух, голубушки-сестрицы!»

А осенью, когда начинается молотба (в Московской губернии

большей частью хлеб сушат в овинах) и какой-нибудь парень или двое их остаются вдали от селения среди всеобщей тишины, где ясно раздаются и стон филина, похожий на детский плач, и тысяча странных звуков, будоражащих лес, — разве не сокращаются для них длинные часы бездействия, которые даже нельзя отдать сну, явлением существ, порождаемых, как они утверждают, не одним воображением, а всеми сильными ощущениями, которые ведут за собой эти сверхъестественные явления? Так, однажды, лежа в овине, против самого спуска, дядя Терентий увидел, как, пыхтя и отдуваясь, подошел к яме кто-то, огромный и косматый, наклонился над лестницей и посмотрел ему прямо в лицо глазами, сверкающими ярче огня, пылавшего в яме. А вот что дедушка Глеб видел собственными глазами. Раз пришел он сменить внука, сторожившего овин. Идет и еще издали слышит — на гумне шум, гам, ворчание, рычание как бы дикого зверя. Подходит и видит: два пребольшие сплелись руками, борются, ломают друг друга — да тут заметили, а может, и услышали приход его, — каждый отошел в сторону и притаился. Дедушка Глеб постоял с минуту, но полез, перекрестясь, в яму. Смотрит, мальчишка спит как убитый. «Ах ты негодный такой! Так-то смотришь за овинком!» Вдруг слышит, на току опять пошел гам — и раздались явственно, хоть и не похожие на человеческие, голоса, и не мог бы он сказать, на каком языке говорившие: «Поди вон!» — «Нет, ты пойдй вон!» — «Врешь, это мой овин, пришелец ты этакий! Ступай же скорей!» — «Убирайся сам!» А ребенок во сне стонет, тяжело дышит. Думал, думал дядя Глеб, да и решился. Взял шест, которым поправляли снопы, разжег докрасна острый конец и вылез из ямы. Выбрал того из овинников, который был подальше (это, мол, чужой, а тот, что поближе, должен быть хозяин), прицелился — да пырь его прямо в глаз. Батюшки! Уж какой пошел стон и вопль, а другой так-то себе хохочет, настоящее светопреставление! Уж и мальчишка встрепенулся во сне, вскочил. «Дедушка, дедушка! Что это такое?» — шептал он, трясаясь всем телом. «Тсс! Нишкни, парень, молчи только да твори молитву». И вот поутихло немного, и слышно было, как кто-то со стоном, плачем и угрозой как будто все больше и больше отдалялся, и отголосок его скоро исчез около леса. А другой тоже пропал, а прежде все ходил около ямы, ластился и мурлыкал, как кот, которого гладят по спине. «Ну, слава Богу! Все прошло. Только ты смотри — никому ни гугу, а тем паче матери с бабкой! Эти сороки везде протрещат, и тогда сохрани Боже! А будешь молчать, все пойдет хорошо».

И действительно, овин дедушки Глеба с тех пор как будто находился под чьим-то особенным хранением. У других то хлеб повытаскивают, то

зерно пересушат, то, сохрани, Господи, всякого от греха, и овин сгорит дотла — а у дедушки Глеба все хорошо да хорошо.

И парни, и старики, и бабенки стерегут кто попало и проспят ночь-ноченскую напролет, а ничего, все своим чередом идет — и дрова хорошо горят, и несчастья никакого нет! Только проснется который из них, слышит, кто-то хлопочет да пыхтит около печки, дрова подкладывает. А раз как-то проснулся тот же парень, который тогда уже добрым мужиком стал, видит — пни еловые слишком сильно трещали, в углу так искры и падали — только по тем искрам кто-то ходит, ходит да и давит тяжелой ногой, а никого не видеть. И вмиг потухли все искры, и все пришло в прежний порядок!

Домашние животные поселянина также имеют своих особых покровителей. У одних корова пришлась ко двору, между тем как на другую домовую напускает худобу, болезни, томность, так что и корм не в корм. Разве нет у этих странных, прихотливых существ, называемых домовыми, любимой лошади, которую они холят, расчесывают и заплетают ей гриву; другая, бедняжка, всю ночь пробьется под тяжестью невидимого седока, а поутру огорченный хозяин находит ее всю в мыле, с всклокоченной, спутанной гривой и трепещущую всем телом.

Что касается жилищ, посещаемых привидениями — не говоря уже о тех, что пользуются в этом отношении особой славой, — то нет на Руси дома, который, разумеется по мнению простолюдинов, не имел бы своего домового и, следовательно, жители которого не могли бы рассказать о целом ряде трепещущих ночных драм, совершающихся во мраке. Это действительно другая, ночная жизнь природы, жизнь, которая в полном разгаре тогда, когда прекращается движение и шум жизни дневной, жизни при солнечном свете. Сколько таких рассказов слышали мы в детстве, в длинный осенний вечер, сидя возле оракула домашнего очага, старушки няни. Так, в нашем старом доме, в немецкой слободе,^[3] водились привидения, но на то имелись достаточные причины: дома эти были перестроены из обгоревшей кирпичи, от которой уцелели толстые, массивные стены. В подвале еще попадались остатки древних могильных камней, а где же и показываться привидениям, как не на кладбище? Зато самой мне не раз случалось слышать от старой няни рассказы, как в полночь в большой зале показывались немецкие пасторы в черной одежде с белыми окраинами, со свечами в руках или с книгой под мышкой. Походив по залу, они торжественной процессией отправлялись в сад, всегда через один и тот же угол комнаты, и исчезали у окон подвала. Но тут же, на дворе, стоял флигель совершенно новой постройки. Он был разделен на две половины: в

одной помещалась людская и кухня, в другой жили дети с няньками и мамками. В нем также происходили сцены, где действующими лицами были жители нездешнего мира. «Однажды, — так мне рассказывала участница происшествия, умная, по-своему довольно образованная, или, как они выражаются, бывалая, женщина, — дети давно уже почивали, и мы все улеглись около них на полу. А ночь была довольно темная — только-только можно было различить человека. Мне что-то не спалось и вздумалось взглянуть в окна, не затворенные ставнями. Смотрю — в комнату глядит кто-то высокий и страшный, голова огромная, а лицо или морда какого-то животного, разобрать нельзя. Глаза сверкают! Так у меня сердце и замерло. Лежу да смотрю — до смерти страшно, а глаз оторвать не могу! Вот и зову тихонько: „Нянюшка-голубушка, взгляни в окно, что это там такое?“ А няня мне: „Молчи, девка, ни слова не промолвь, а закрой глаза да сотвори молитву!“ Параша лежала возле меня, и она: „Матушка, Авдотья Сергеевна, ведь и я тоже вижу. Господи, что это с нами будет!“ — „Говорю тебе, дура, молчи, не тронь! С нами крестная сила! Не дразни его!“ Мы с Парашей послушались, закрыли глаза — лежим. Под конец уж невольно стало, в пот бросило, взглянули — ничего нет! Слава тебе, Господи! Как гора с плеч свалилась!

И так явления повторялись не раз снаружи и внутри флигеля. Но никто о них много не говорил, потому что умная няня всех заставляла молчать. Только эти видения: явления домовых (или как хотите их назовите), шаги, мерно раздающиеся ночью в пустых комнатах, передвижение мебели незримой рукой, стук растворяющихся и затворяющихся дверей — составляют, как мы уже сказали, принадлежность всякого жилища, от хижины бедняка до княжеских палат. Но есть дома особенно любимые привидениями, мертвецами, домовыми и стяжавшие в этом отношении громкую известность. Никто не сомневается в явлениях, которые в них происходят, хотя никто не может объяснить их причины.»

Вот рассказ, слышанный мной от очевидцев, деревенских соседей — дамы почтенных лет и ее мужа. Оба пользуются репутацией людей правдивых и непричастных к хвастовству, обману. Они уверяли меня честью и как нельзя серьезнее, что все, что я хочу пересказать, они сами видели и слышали.

Это случилось в достопамятную для России эпоху, когда жители древней столицы, встревоженные слухами о приближении французов, как стаи испуганных птиц, рассеялись по разным дорогам, ведущим из Москвы в провинции. Семейство их также с детьми, слугами и пожитками, какие могли захватить, отправилось куда глаза глядят. Действительно, тогда не

знали, куда и как далеко кто едет. Главное состояло в том, чтобы спастись из столицы, которой угрожало если не занятие басурманами, чего еще никто не предполагал, то по крайней мере все ужасы столкновения двух огромных армий.

Семейство, назовем их хоть Гориными, состояло из старухи матери, больной и безответной, мужа с женой, ее сестры, двух дочерей и двух маленьких сыновей.

Отъехав от Москвы — много ли, мало ли, мы не скажем, потому как это не относится к рассказу, — они остановились в уездном городе N-ской губернии. К счастью их, толпы валившего из Москвы народа избрали большей частью не это направление, и потому, хотя город был наполнен проезжающими, им удалось найти в большом каменном доме комнату, где поместилось все женское население с кучей разных мешков и всякой рухляди, которую только удалось им второпях захватить с собой. Отец выпросил себе уголок напротив через сени у знакомого семейства, глава которого, оказавшийся соседом его по деревне, славился во всем их околотке необыкновенным бесстрашием и присутствием духа. Усталые от дороги и от различных впечатлений, испытанных в продолжение дня, грустные путешественники расположились, где кто мог, лишь только кончили скромный ужин. Сестры, Машенька и Наташа, которые были особенно дружны, легли вместе. В доме воцарилась тишина. Лампада, горевшая под образами, освещала комнату так ясно, что можно было различить все предметы. Вдруг Маша вскочила, пробужденная сильным толчком. Смотрит, кто-то выхватил у нее из-под головы подушку, и девушка от этого соскользнула с перины на пол. Прежде всего ей пришла мысль, что это кто-нибудь шутит над ней. Она посмотрела: двое мальчиков, от которых можно было ожидать такой шалости, спокойно спали в углу, обняв один другого. Маше стало страшно. Она тихонько толкнула сестру, та проснулась, протерла глаза и долго не могла понять, чего от нее хотят. «Наташа, где моя подушка?» Наташа слыла в семействе храброй. Выслушав сестру, она покачала головой, посмотрела по сторонам — подушка лежала в углу комнаты на сундуке. Наташа встала, преспокойно взяла подушку и отдала сестре, сказав: «Тебе померещилось, душа моя, ты сама, верно, бросила от себя подушку», повернулась на другой бок и заснула. Маша, ободренная хладнокровием сестры, почти убедилась, что ей точно показалось. Она перекрестилась и постаралась заснуть, но сон долго не шел к встревоженной девушке. При малейшем шорохе она вздрагивала, и легкой дремоты как не бывало. Наконец она впала в какое-то усыпление, как вдруг голос Наташи разбудил ее. Наташа сидела на постели, ворчала и

бранилась на сестру, что она так некстати расшутилась — и у нее из-под головы исчезла подушка. Напрасно Маша все отрицала, дрожа всем телом от страха. Они принялись искать подушку по всем углам и долго не могли найти. Говор Наташи разбудил мать, тетку, служанку. Пошли расспросы, поиски. Наконец, после долгого хождения по комнате, нашлась подушка — она была крепко-накрепко забита за печку, которая, как часто водится в подобных комнатах, стояла неплотно у стены. Девка, которой поручено было вытащить ее, с трепетом шепнула барышням: «Ох, матушки, чуяло мое сердце, что недоброе совершается в доме. Недаром слышалось мне, что кто-то в сенях охает да стонет». Между тем в толках, спорах и разговорах прошла ночь. Восходящее солнце разогнало призраки. Все успокоилось. Наташа первая стала хохотать над собой и над другими. Одна Груша (горничная девушка) сохраняла важный и озабоченный вид. Собрались к завтраку. Андрей Николаевич Горин с товарищами много шутили над страхом барышень. К несчастью, ехать далее было невозможно — надо было по крайней мере дня два подождать известий из деревни. Важные и печальные заботы действительности изгнали из ума их всякую постороннюю мысль до той самой минуты, пока снова все семейство не отправилось на покой. На этот раз никто не мог заснуть — над всеми тяготело ожидание чего-то необыкновенного. Груша, свернувшись клубком у сундука, творила молитву и вздыхала. Одна только сестра хозяйки, тетка девушек, заснула крепким сном. Тетушка Марья Антоновна была самодушевленное хладнокровие и рассудительность. Казалось, никакие перевероты в мире не могли заставить ее выйти из нормального состояния. С тех пор, как они выехали из Москвы со слезами, горем и неизвестностью о будущем, она ни разу не забыла о своем чулке и не упускала ни одного случая вынуть его и заняться им с величайшим вниманием, лишь только они где-нибудь останавливались. Вдруг страшный шум раздался за печкой: кто-то мерно и протяжно царапал ее внутренние стенки почти около самого потолка, и этот звук никак нельзя было принять за движение мыши. Скорее, оно походило на условленный знак, когда кто-то тихонько скребется в дверь комнаты, желая дать знать о своем присутствии, — так мерны и четки были звуки, так одинаковы промежутки, их разделяющие. Вскоре за этим началось общее движение в комнате: подушки шевелились на своих местах, узлы двигались и катились по комнате. Потом все утихло. Но зато шум с еще большей силой возобновился внизу. Под комнатой жильцов находилась обширная зала, наполненная народом. Русский человек и во всякое время большой охотник поспать — уж коли заснет, его с трудом можно добудиться. В этот день ночевали в ней многочисленные беженцы,

утомленные длинными переходами, торопившиеся выспаться вволю, чтобы на другой день встать спозаранку и отправиться в такой же дальний путь. Вдруг семейство Гориных услышало шум, подобный тому, как будто вся кухня наполнилась поварами, занятыми приготовлениями на 40 человек. Слышно было, как они рубили котлеты, зелень и прочее, и этот мерный, всем знакомый звук так явственно раздавался в ушах, что всякому, кто его слышал, нетрудно было представить себе полную картину поварской деятельности. Утром все утихло. Тетушка Марья Антоновна, которую не разбудили трепещущие соседки, встала в недовольном духе и с важностью начала упрекать своих собеседниц в трусости. Пока она рассуждала, завтрак кончился, и Марья Антоновна пошла за своим чулком, чтобы по обыкновению сесть в угол и заняться любимой работой — вязанием, забыв обо всем. Только напрасно она искала его на том месте, где клала свои вещи в величайшем порядке, напрасно всех допрашивала и шарила по всем углам — чулок пропал. Тогда произошло явление еще никем не виданное. Марья Антоновна впервые в жизни рассердилась не на шутку — она начала бранить племянниц, говоря, что это их проказы, что неприлично издеваться над старшими и пр. В особенности ее упреки сыпались на Наташу, известную резвушку и затейницу, тем более что она, глядя на комический вид рассерженной тетушки, не могла удержаться от смеха. Наконец уже сама мать, желая прекратить сцену, крикнула на дочерей и на девку, которая, вздыхая и охая, терла посуду. Тогда все засуетились еще больше. Бросились искать по всем углам. Наконец девка засунула за печку руку, до плеча обнаженную, с торжеством вытащила оттуда сначала чулок, потом клубок Марьи Антоновны. Но увы! В каком виде! Все спицы были вынуты, согнуты и воткнуты кое-как в клубок. Прекрасное, ровное вязанье распущено по крайней мере на вершок. Не пощажена была и узорчатая дорожка, и самый решетчатый носок, который она так старательно выделывала и показывала с такой гордостью. Право, мне кажется, что она заплакала! Это-то Марья Антоновна, которая не выронила слезы, выезжая из Москвы, не зная, воротится ли в нее когда-нибудь. Долго и шумно спорили постояльцы. Призвали хозяина, который, по обыкновению русских людей, начал сразу клясться и божиться, не разобрав еще, в чем дело, а когда ему растолковали, то стал отделяться двусмысленными выражениями, прибавляя после каждой фразы: «Матушка! Мы люди крещеные. Слава тебе Господи! У нас образа святые по хоромам расставлены!» Даже наш храбрый и вольнодумный сосед, слушая всеобщие толки и свидетельства стольких лиц, поколебался в своем насмешливом неверии и попросил позволить ему взглянуть на ночные проделки

неведомых лиц. Решили провести ночь, не раздеваясь, почти настороже. И вот снова в комнате и в доме все стихло. Уже начали надеяться, что ночь пройдет спокойно. Вдруг в урочный час в переднем углу что-то зашевелилось. Там, на разостланном ковре, разложены были разные вещи и среди них дорожная шкатулка Андрея Николаевича. Все обратились в ту сторону — на глазах у всех ковер начал шевелиться, свиваться и со стоящей на нем шкатулкой продвигаться на середину комнаты.

«Груша, беги, стучи в дверь к соседу...». Сосед, который только того и ждал, тотчас явился. Стоя в дверях комнаты, он собственными глазами увидел (фраза, которую он любил повторять, когда рассказывал впоследствии о приключениях в N), как ковер двигался на середину комнаты, свиваясь по краям клубком и вновь распрямляясь, а под ковром между тем что-то пыхтело и ворочалось. Но Семен Иванович не потерял присутствия духа. Он выхватил подушку из-под головы одной из сестер, которые, неподвижные и трепещущие, лежали на постели, и изо всех сил бросил ее в ковер. Раздался звук, похожий на крик испуганной стаи ворон. Потом что-то вроде хохота, затем все утихло и движение ковра прекратилось. После этого подвига, в котором он, вероятно, истощил все свои душевные силы, Семен Иванович удалился, чтобы скрыть несвойственное ему волнение, и долго ворчал про себя: «Что за чертовщина такая! Прости Господи!»

Однако в течение ночи постояльцев больше никто не тревожил, а на другой день они выехали. Дом этот существует и поныне, а находится на другом краю города от Московской заставы. Когда переедешь реку и станешь взбираться по крутому и извилистому въезду на гору, на которой расположен город, то он из первых представится взору. Он сохраняет и теперь недобрую славу. Нижний этаж его занят трактиром, а в комнате, где происходили невероятные вещи, помещаются иногда заезжие, которым об этом ничего не известно. Случалось ли что с ними — до меня не доходило. А то, что там случалось, передавали очевидцы, участвовавшие в ночных происшествиях, люди изведенной правдивости. Объяснить же это теперь не берусь. Охотно верю, что дух человека возвращается к местам, где он много страдал или совершил тяжкое преступление и к которым какими-то узами сильно привязано его сердце. Как не поверить, что матери, страстно любившей своих детей, позволено иногда являться к ним и носиться над ними с любовью и молитвой! Верю, что в случаях необыкновенных Творец допускает нарушение законов, управляющих природой. Но чтобы существа невидимые, одаренные некоторым могуществом стали проводить свое время в пустых забавах и употреблять свою власть на то, чтобы пугать

женщин и детей, — признаюсь, с трудом верится! А между тем, не говоря уже об упомянутом случае, засвидетельствованном многими лицами, подобные происшествия случаются и были не раз описаны. Что это такое?

ЗАМОК РАШЕН

Рассказы о многочисленных сверхъестественных явлениях, имевших место в замке Рашен на острове Мэн, могут вызвать лишь усмешку, но в окрестностях замка тем не менее не найти человека, который не верил бы в большинство этих рассказов. Среди жутких призраков, давно или недавно поселившихся в этой древней твердыне, есть и привидение женщины, казненной за убийство собственного ребенка.

Число и обстоятельность свидетельств, подтверждающих существование этого призрака, поистине поражают. Многие люди, известные своей честностью и правдивостью, приводят веские доводы в пользу того факта, что привидение женщины обитает в замке. Дух казненной часто проходит через ворота цитадели на глазах у стражников и других наблюдателей. Они утверждают, что уже привыкли к виду этого призрака, однако никто пока не сумел заговорить с ним или выяснить причину его появления.

В своих замечательных описаниях острова Уолдрон приводит следующее любопытное предание, связанное с другим замком, Мэнкс. Здесь якобы есть комната, которая ни разу не отпиралась. Люди, имеющие отношение к замку, крайне осторожны в своих суждениях об этом факте, однако окрестные жители убеждены, что в комнате гнездится нечто сверхъестественное. Они полагают, что прежде замок населяли исполины, которых потом изгнал Мерлин. Те из гигантов, которые отказались уйти из замка, остались в подземных темницах под властью чар волшебника. В подтверждение местные селяне рассказывают очень странную историю, которую Уолдрон излагает следующим образом:

«Они говорят, что в подземелье расположено множество уютных покоев, превосходящих великолепие любую из верхних комнат. Давным-давно несколько отважных парней решились спуститься вниз, чтобы разведать секреты этого подземного обиталища, но ни один из них не вернулся и некому было рассказать об увиденном.

Вскоре было принято решение замуровать все ходы, ведущие туда, дабы больше никто не пал жертвой своего безрассудства. Но спустя пятьдесят или пятьдесят пять лет в округе объявился человек,

отличавшийся беспредельной самоуверенностью и владевший письменным разрешением на поход в эти темные покои. Он довольно скоро добился своего и спустился вниз, вооружившись бечевкой. Она-то и помогла ему вернуться назад, чего прежде еще никому не удавалось. Он рассказал, что, пройдя через неведомо сколько подвалов, очутился в длинном, узком помещении. Пробираясь по нему, смельчак почувствовал, что уклон становится все круче, а вдалеке, примерно на расстоянии в милю, он заметил проблески света, которые по мере приближения приобретали очертания какого-то предмета, доселе им невиданного. В самом конце темного хода его взгляду открылся большой, красивый дом, освещенный несметным множеством свечей. Он никогда прежде не видел, чтобы свечи горели так ярко.

Добрая порция бренди, принятая смельчаком перед вылазкой, помогла ему собраться с силами и постучать в дверь, которую после третьего удара распахнул дворецкий. На вопрос о своих намерениях наш исследователь ответил: „Я намерен идти еще дальше. Не могли бы вы указать мне дорогу, а то я не вижу никакого хода, кроме той черной дыры, через которую попал сюда“. Дворецкий ответил, что гостю надо пройти через дом, и предупредительно указал ему дорогу к задней двери. Смельчак прошагал довольно значительное расстояние, прежде чем заметил другой дом, еще прекраснее первого. Все окна его были распахнуты, и в каждой комнате горело множество ламп. Исследователь решил постучать и сюда, но случайно встал на ступеньку, с которой можно было заглянуть в людскую. Посреди комнаты стоял огромный стол, а на нем лежал то ли человек, то ли чудовище. Лежавший имел четырнадцать футов росту и был футов двенадцати в обхвате. Это невероятное создание, казалось, спало, положив голову на книгу. Под рукой у него лежала обнаженная шпага. Это зрелище испугало нашего путешественника больше, чем тьма подземелья и таинственные особняки. Он тотчас же отказался от мысли напроситься в гости к существу столь ужасного обличья и счел за благо отступить восвояси.

Когда слуга в первом особняке объяснил ему, что, постучавшись в двери второго, можно встретить большое, приятное общество, но уже нельзя вернуться назад, исследователь пожелал узнать, что же тут за место такое и кто его хозяин. На эти вопросы его собеседник отвечать не стал. Тогда храбрец откланялся и пошел обратно. Вскоре он вновь очутился в подвалах, а потом и на поверхности».

Такова удивительная история, дошедшая до нас благодаря летописцу Мэнксленда. Рассказ свой он заключает словами: «И всяк, кто не поверит

мне, да носит отныне прозвище трусливого маловера!» Прозвище это, разумеется, дают маловерам местные жители, островитяне.

Н. Кривцов

ДУХ СТАРОГО БАРИНА

«— А слышали ли вы, ребятки, — начал Ильюша, — что намерднись у нас на Варнавицах приключилось?

— На плотине-то? — спросил Федя.

— Да, да, на плотине, на прорванной. Вот уж нечистое место, так нечистое, и глухое такое. Кругом все буераки, овраги, а в оврагах все казюли (по-орловскому: змеи. — Примеч. Тургенева.) водятся».

Все, наверное, помнят эти разговоры мальчишек из хрестоматийного «Бежина луга» Тургенева. Но уверен, мало кто воспринимал их всерьез, отдавая лишь дань мастерству писателя, сумевшего столь ярко передать сельский фольклор. Надо сказать, что я тоже никогда не обращал внимания на содержание ребячьей болтовни на Бежином лугу и не задумывался, что стоит за ней. Пока не попал в Спасское-Лутовиново, что на Орловщине.

Бродя по имению Тургенева и его окрестностям, я вдруг обнаружил, что за тургеновскими героями, описанными им ситуациями и событиями, картинами быта и природы стоят вполне реальные места и прототипы, причем их легко увидеть даже сегодня, спустя век после смерти писателя.

Чаще любых других мест в произведениях Тургенева фигурирует его сад с прудом. «О мой сад, — писал он в повести „Дневник лишнего человека“, — о заросшие дорожки возле мелкого пруда! О печальное местечко под дряхлой плотинкой, где я ловил пескарей и гольцов! И вы, высокие березы, с длинными висячими ветками, из-за которых с проселочной дороги, бывало, неслась унылая песенка мужика, неровно прерываемая толчками телеги...». В романе «Новь», по признанию самого автора, он тоже «слегка описал» свою усадьбу: «То был прадедовский черноземный сад, которого не увидишь по сю сторону Москвы...»

Но зримее всего любимый парк Тургенева присутствует в повести «Фауст», где он превращается как бы в одного из главных действующих лиц: «Люблю я эти аллеи. Люблю серо-зеленый нежный цвет и тонкий запах воздуха под их сводами; люблю пестреющую сетку светлых кружков по темной земле». Недаром в одном из писем писатель заметил: «...сад красив и обширен, с великолепными липовыми аллеями — если Вы вспомните мою повесть „Фауст“, там все изображено с натуры».

В романе «Рудин», по свидетельству современников, прообразом сцены свидания главного героя с Натальей у Авдюхина пруда явилась

местность возле Ивановского пруда, что находилась поблизости от имения. В «Отцах и детях» и «Льгове» Тургенев изобразил старое кладбище, что и сегодня можно видеть на косогоре у дороги возле Спасского. Описание жизни и быта помещичьих усадеб в романе «Отцы и дети» также целиком основано на личных наблюдениях писателя в Спасском-Лутовинове и окрестных поместьях.

Можно считать, почти все места, расположенные вокруг Спасского, нашли отражение в творчестве Тургенева: неподалеку есть деревня Голоплеки, где живут Овсяниковы, потомки того самого однодворца Овсяникова, которого Тургенев описал в одноименном рассказе; деревня Протасово, где жил помещик, который подарил своим дочерям землю, а они после этого выгнали его из дома («Степной король Лир»); лес, в котором и сейчас заросший глухим осинником овраг зовется Кобыльим Верхом («Бирюк»).

Охотничьи путешествия писателя приводили его на просторную равнину Бежина луга. В орловском Полесье, любимых местах охоты Тургенева, память о «Хоре и Калиныче» и сегодня хранит деревушка Хоревка. Там добрая треть жителей ведет род от Хоря и носит фамилию Хоревы; там же — Хорев пруд и Хорев колодец...

Вот и те самые Варнавицы, которые появляются в рассказе «Бежин луг», — это, вне сомнения, глубокий овраг, что огибают парк с северо-востока: дно его укрыто почти непроходимыми зарослями черемухи и ежевики; а остатки старой плотины, темнеющей в овраге, сплошь застланы буйной порослью хмеля, малины и крапивы... Не случайно Варнавицы в «Бежином луге» появляются дважды.

«...— А точно, я слышал, это место у вас нечистое.

— Варнавицы?.. Еще бы! Еще какое нечистое! Там не раз, говорят, старого барина видели — покойного барина. Ходит, говорят, в кафтане долгополом и все это этак охает, чего-то на земле ищет. Его раз дедушка Трофимыч повстречал: „Что, мол, батюшка Иван Иванович, изволишь искать на земле?“»

До сих пор овраг пользуется дурной славой. И надо сказать, что это не дань Тургеневу, который вложил в уста ребятишек страшные истории. Он, как и в других случаях, просто описал то, что уже существовало в этих местах. И что, оказывается, сохранилось и сегодня.

Знатоки здешних краев — северных пределов бывшего Мценского уезда — появление легенд о привидениях связывают с личностью деда Тургенева — Ивана Ивановича Лутовинова, того самого «старого барина». Говорят, он славился строгим и грозным нравом. Молодой Тургенев еще в

детстве слышал от горничных и старых дворовых страшные истории о прежнем барине Иване Ивановиче — о том, что он ходит по ночам на Варнавицкую плотину и ищет разрыв-траву, чтобы выбраться из могилы.

«— Разрыв-травы, говорит, ищу. Да так глухо говорит, глухо — разрыв-травы. — А на что тебе, батюшка Иван Иванович, разрыв-травы? — Давит, говорит, могила давит, Трофимыч: вон хочется, вон...

— Вишь какой! — заметил Федя, — мало, знать, пожил». Это и описал Тургенев в «Бежином луге».

Я бывал в Спасском и весной, и в начале июня, и в разгар летней жары. И приусадебный парк, который Тургенев называл «садом», — спокойный, романтический, немного таинственный — всегда выглядел каким-то особым уголком среди окружающей, столь типичной для среднерусской полосы местности.

Старые аллеи, ведущие в глубь парка, сохранили в себе сам дух тургеневских произведений. По ним, когда они пустеют после дневного наплыва экскурсантов, будтоходишь в литературный мир писателя. Кажется, стоит лишь населить парк и аллеи его героями — этот мир оживет, и ты окажешься одним из них, и будешь жить их жизнью...

Парк выходит к старому, заросшему пруду, над которым склонились березы и ивы. Кроме них, в нем отражаются лишь тишина и покой. С его подернутой легкой от неслышного ветра рябью поверхности то и дело с характерным хлопком поднимаются дикие утки.

Пруд и днем смотрится очень поэтично. А в сумерки, когда восходит луна, а над водой зависает пелена тумана, пейзаж становится еще более романтическим. В тургеневские времена, когда в парке был еще и лабиринт, любимый писателем сад выглядел, наверное, еще более загадочно.

Справа, у дальнего края пруда, — плотина. Деревянный водоскат с противоположной стороны давно уже стоит сухой, и серые доски тускло блестят на солнце. Он выходит в овраг, который вместе со своими многочисленными ответвлениями прорезает окружающие луга и березовые рощи на косогорах. А с холмов, Бог весть как сохранившийся, прямо к плотине спускается отрезок старинного Екатерининского тракта — широкий, до сих пор гладкий, с земляными валами по обочинам, где, отрастая вновь и вновь от старых корней, по-прежнему растут ракиты...

Я не случайно столь подробно описываю тамошние пейзажи — именно парк с прудом и есть то место, где обитают привидения. «Бежин луг» не единственное произведение Тургенева, где он обращается к этой теме. И в усадебном парке Спасского даже сегодня несложно найти те уголки, где героям писателя являлись призраки.

Как-то, когда, гуляя по парку с одной из сотрудниц музея Спасского, мы вышли к плотине, она спросила меня, причем совершенно серьезно: «Вы привидений не боитесь?» Я пожал плечами, не зная, как реагировать на такой вопрос, ибо всегда был скептиком в отношении подобных тем. «Говорят, они здесь появляются, — продолжала она. — Да вот и у Ивана Сергеевича как раз это место описано в „Призраках“.»

«Мы находились на плотине моего пруда. Прямо передо мною, сквозь острые листья ракут, виднелась его широкая гладь с кое-где приставшими волокнами пушистого тумана. Направо тускло лоснилось ржаное поле: налево вздымались деревья сада, длинные, неподвижные и как будто сырые...».

Да, именно там оказался герой «Призраков» после очередного полета с Эллис — женщиной-привидением, встречу с которой Тургенев описывает так: «Сперва я не заметил ничего особенного: но взглянул в сторону — и сердце во мне так и упало: белая фигура стояла неподвижно возле высокого куста, между дубом и лесом». Кстати, и это место, со старым дубом, сегодня вам тоже могут показать в парке Спасского-Лутовинова.

Весь сюжет этой фантазии, как назвал ее Тургенев, построен на общении героя с призрачной Эллис, навещающей его в старом парке. Женщина-привидение возникает и в «Фаусте», где, как мы помним, по словам самого автора, «все изображено с натуры».

«...Мне вдруг опять почудилось, что кто-то зовет меня умоляющим голосом... Я приподнял голову и вздрогнул; точно, я не обманывался: жалобный крик примчался издалека и прильнул, слабо дребезжа, к черным стеклам окон. Явственный сон ворвался в комнату и словно закружился надо мной. Весь похолодев от ужаса, внимал я его последним, замиравшим переливам. Казалось, кого-то резали в отдаленье, и несчастный напрасно молил о пощаде... На другой день перед обедом я отправился к Приимкову. Он встретил меня с озабоченным лицом. „Жена у меня больна, — начал он, — в постели лежит: я посылал за доктором“. „Что с ней?“ „Не понимаю. Вчера ввечеру пошла было в сад и вдруг вернулась вне себя, перепуганная. Горничная за мной побежала... Горничная мне сказала удивительную вещь: будто бы Верочке в саду мать покойница привиделась, будто бы ей показалось, что она идет к ней навстречу с раскрытыми руками...“»

Похоже, что писатель, столь реалистично описывавший природу родных мест, крестьянский быт и фольклор, даже живописуя мистические происшествия, не выдумывал их, а лишь переносил на бумагу то, что уже слышал и, возможно, даже видел, — то, что существовало помимо его воображения.

До сих пор жители Спасского не перестают говорить о привидениях, бродящих иногда по старому парку и около пруда. В далекие, самые укромные уголки усадьбы и сегодня вряд ли кто из местных ребятишек отважится зайти с наступлением темноты.

Видел ли сам Тургенев эти призрачные фигуры или же его натолкнули на их описания здешние легенды и предания? Если и нет, то он по крайней мере верил в них, хотя и был человеком далеко не мистического склада. От местных жителей я сам слышал истории, что будто видели — и не раз — кого-то в белых одеяниях в вечернем и утреннем тумане у плотины. Оказавшись в ночные часы в диких уголках у пруда, я настолько поддавался окружающей обстановке, что сам был готов увидеть призрачные фигуры. Удивительно, но места, где, по рассказам селян, появляются привидения, совпадают с теми, которые описывал Тургенев. Причем многие из местных жителей, кроме «школьных» «Муму» и «Отцов и детей», других произведений писателя не читали.

Большой знаток Спасского и Тургенева бывший хранитель усадьбы Борис Васильевич Богданов, живущий в селе с самой войны, рассказывал мне, что начинал свою здешнюю карьеру сторожем в саду — яблоки по ночам охранял. «Здесь привидения ходят, не боишься?» — спрашивали его. Сейчас он говорит об этом с легкой улыбкой: хотели, мол, местные испугать, чтобы не выходил по ночам в сад, чтобы яблоки были без присмотра. И все же кажется мне, что-то в этом он воспринял и всерьез.

«Мифы и легенды, связанные с именем русского писателя, живы и поныне, — пишет журналист Татьяна Глинка в своем очерке о живущих ныне потомках Ивана Сергеевича. — Одна из легенд оказалась настолько прочной, что отмахнуться от нее не так уж и легко». И добавляет: «Я бы сама не поверила, если бы рассказал о ней кто другой, а не Аня Тургенева».

Несколько лет назад эта молодая женщина — внучка Николая Петровича Тургенева, внука двоюродного брата писателя, — по приглашению смотрителя музея-усадьбы в Спасском-Лутовинове вместе с мамой провела свой тургеневский «месяц в деревне».

«Первое, что мы слышали, — рассказывала Анна, — когда приехали, ну буквально от всех, музейных работников, жителей, — это слова: вам предстоит знакомство с Иваном Ивановичем Лутовиновым. Конечно, я знала от своего деда, что Лутовинов, дядя матери писателя, был жестоким помещиком, как и его племянница Варвара Петровна. Я, конечно, не верила вначале, как утверждали многие в Спасском, что дух Ивана Ивановича бродит по ночам по усадьбе и с каждым, кто приезжает надолго, знакомится особым образом.

Но с нами действительно стали происходить в некотором роде чудеса. Мы были в усадьбе в конце августа, в пору яблок. Ночи темные, теплые, сухие. Ветер с полей несет горьковатый запах полыни; степи Предчерноземья, так знакомые и по Бунину, и по Фету, и даже по Чехову. Вот такими темными, бархатными вечерами мы любили гулять, заходили за парным молоком к жителям Спасского, хотя хранитель усадьбы Богданов качал головой и говорил: „И не страшно вам?“

Однажды, — продолжает Анна, — нам действительно стало страшно. Мы шли знакомой дорогой, и вдруг мама вскрикнула, резко подалась вперед, чуть не упав. На мой испуганный вопрос, что с ней, сказала: „Нюша, меня кто-то сильно толкнул в плечо!“ Не смейтесь, спросите у мамы... А еще... Мы купили яблок, ссыпали их в большой пакет и поставили его на пол, прислонив к стене. А жили мы в богадельне, которую Иван Сергеевич построил для больных и престарелых крестьян. Так вот, пакет благополучно стоял несколько дней, но однажды просыпаемся утром и видим: яблоки рассыпаны по всему полу нашей комнаты. Вот такие странности и связываются с нашим предком».

И это рассказывает не какая-нибудь дремучая деревенская старуха, а вполне современный молодой человек, по профессии архитектор...

Я уже говорил, что легенды о привидениях в Спасском еще со времен детства Тургенева связывали с Иваном Ивановичем Лутовиновым — «старым барином» из «Бежина луга». И у этой легенды есть своя вполне реальная основа. Дело в том, что крестьяне очень не любили своего жестокого хозяина и в один из бунтов, еще до отмены крепостничества, вскрыли склеп, где Лутовинов был похоронен, и развеяли его прах по ветру. Вот теперь, говорят, его бесприютный дух обречен блуждать по Спасскому. В романтических же «Призраках» и «Фаусте» писатель лишь немного «приукрасил» то, что висело в воздухе его усадьбы, придав привидению женское обличье.

И, похоже, даже рассказывая о призраках, Тургенев не фантазировал, а, так же как и воссоздавая на бумаге картины столь знакомой ему русской природы и быта, реалистично описал все, что видел и слышал.

И может быть, беспокойная, грешная душа его деда до сих пор бродит по заросшим оврагам, парку и берегам пруда? Ведь если бы и сегодня кто-то взялся столь же реалистично, талантливо и со знанием предмета описывать современных мальчишек с Бежина луга, мы бы опять услышали такие же таинственные и страшные истории. Истории, исходящие не из книг, а из самой жизни.

Уж кого-кого, а мима и клоуна Сэмюела Фута вряд ли кто-нибудь мог вообразить в роли героя сверхъестественной истории. И тем не менее так называемый английский Аристофан не только жил в доме с привидениями (во всяком случае, так полагали), но и был тесно связан с персонажами одной из самых невероятных трагедий, сохранившихся в анналах нашей юриспруденции.

Дядями Фута по материнской линии были Сэр Джон Гудер и капитан Гудер, морской офицер. В 1740 году братья обедали у приятелей неподалеку от Бристоля. Между Гудерами уже долгое время существовали какие-то трения из-за денег, но за обеденным столом, как показалось остальным присутствующим, братья помирились. Однако по возвращении домой сэра Джона Гудера подкараулили несколько матросов с корабля, которым командовал его брат. По приказу капитана, сэра Джона доставили на борт и задушили. Капитан Гудер не только равнодушно наблюдал за этим, но и сам принес веревку, которой удавили его брата. После этого зверского злодеяния капитан и его соучастники предстали перед судом в Бристоле, были приговорены к смерти и казнены.

Однако, как пишут биографы Фута, самое странное и таинственное еще впереди.

В ночь убийства Фут прибыл в дом своего отца в Труро, лег спать, но был разбужен сладкими, воздушными звуками музыки. Сперва он решил, что это была баллада, исполняемая кем-то из домочадцев в честь его приезда. Однако никаких музыкантов он не увидел и потому счел музыку плодом своего воображения. Спустя некоторое время Фут узнал о подробностях страшной кончины дяди и вспомнил, что смерть наступила как раз в тот час, когда его зачаровали изумительные звуки. Актер пришел к выводу, что это было сверхъестественное проявление, и был убежден в этом до конца своих дней.

Н. Дановский

АЛЛЕЯ ОДИНОКОГО МОНАХА

На острове Валаам многое может поразить воображение. Здесь, как и в некоторых других местах с богатым, но забытым прошлым, обилием руин и молчаливо-таинственной природой есть свои секреты. Это подземные ходы (и реальные, и существующие в легендах), клады, которые искали (взломав, например, пол храма в скиту Всех Святых) и не находили, но которые вполне могли бы существовать (предания говорят, что кое-какие ценности монахи, покидавшие Валаам в начале 1940 года, могли оставить на острове), и многие таинственные надгробия, по сей день окруженные легендами, — типа могилы шведского короля Магнуса, якобы похороненного там в 1371 году...

Но не все тайны Валаама связаны с его историей, перипетиями, выпавшими на долю этого замечательного острова на Ладоге, и пятидесятилетним перерывом в существовании там монастыря, когда период с 1940 по 1990 год, время запустения и разрухи, превратил многие не столь уж и загадочные факты в белые пятна. Приходилось там мне видеть и слышать такое, что связано скорее с мистикой, чем с забытыми делами былого...

Недалеко от монастырских построек, что разместились вокруг главного храма острова — Спасо-Преображенского собора, вдоль северной границы так называемого Верхнего сада протянулась пихтовая аллея. Это — аллея Одинокого Монаха. Два ряда деревьев посажены там так близко друг к другу, что между ними может пройти лишь один человек. Это якобы не давало возможности монахам, идущим по узкой тропинке между деревьев, отвлекаться от духовных дум. Тем более что пихту они явно любили больше других деревьев и ценили за красоту — недаром ее часто называют «монашеским деревом».

Исследователи валаамской флоры, правда, считают, что аллея была посажена в защитных целях: подобные же посадки были созданы на северо-восточной кромке церковного холма на Игуменском кладбище, а густые однорядные аллеи из пихты защищали сады и огороды скита Всех Святых, на Никольском и Святом островах... И все же...

Аллея Одинокого Монаха и сегодня производит на любого удивительное впечатление. Так как более полувека за посадками не ухаживали, многие деревья погибли и ряды их уже не такие тесные.

Тропинка между ними почти совсем заросла — по ней редко кто ходит. Но не только потому, что аллея слишком узка для праздных прогулок, а рядом идет обычная дорога. В темное время суток разве только самый отчаянный смельчак отважится пройти по тропке между старых пихт.

Местные жители рассказывают, что на аллее Одинокого Монаха в мглистые сумерки время от времени появляется незнакомая черная фигура. Я слышал это от нескольких людей, причем совершенно разного возраста. Важно отметить и другое — современное население Валаама никак не связано с существовавшим там многие века монастырем. Последние монахи покинули остров во время советско-финской войны, а первые из теперешних жителей появились на острове лишь в самом конце сороковых годов и до появления первых путеводителей по Валааму, в начале шестидесятых об истории монастыря толком ничего не знали. Тем более о каких-то легендах или старых преданиях, которые, возможно, и существовали в былые годы на острове. Так что рассказы о загадочной черной фигуре — это не дань прошлому и появились они в последние десятилетия. Кстати, их можно услышать от очевидцев, а не только в пересказе, и причем от вполне современных людей, далеких от разных предрассудков.

Интересно и другое. Еще сравнительно недавно Валаам был крайне изолированным местом, особенно с начала осени по конец весны, и приезжие, остававшиеся там на ночь, были, как говорится, наперечет и у всех на виду, так что за таинственную незнакомую фигуру на аллее вряд ли могли бы принять кого-то из туристов, любящих романтическое уединение.

Некоторые обитатели Валаама с появлением этой черной фигуры на аллее связывают всякие напасти. Мне рассказывали, что один человек, увидевший там как-то в сумерках «черного монаха», буквально на следующий день сломал ногу, другой, столкнувшийся с темной фигурой, вскоре тяжело заболел...

Конечно, к этим рассказам можно относиться скептически. Но те, кто побывал и пожил хоть немного на Валааме до начала туристского бума, когда его ежедневно в летние месяцы стали осаждают сотни экскурсантов, и открытия там вновь монастыря — в те годы, что остров лежал в запустении и забвении, — относятся к ним достаточно серьезно.

Помню, как в 1986 году июльской ночью я бродил у Владимирского моста, соединяющего сам Валаам и подходящий к нему почти вплотную Скитский остров. Здесь дорога делает плавный изгиб, обходя залив Монастырской бухты. Рядом поднимается мрачный и молчаливый лес, карабкающийся вверх по скалам, а на одной из них выбита надпись:

«Построена сия дорога в 1869 году». Я шел по этой дороге. Было не слишком темно — еще стояли белые ночи. Рядом внизу поблескивала вода. И вдруг среди загадочной тишины раздались какие-то странные не то крики, не то вздохи, повторившиеся несколько раз. Конечно, скорее всего, это была какая-то ночная птица, но на несколько мгновений мне стало не по себе и даже, не побоюсь этого слова, жутковато. Трезвое, реалистическое объяснение происхождения этих звуков никак не подходило к таинственно-мрачному окружению...

Немало легенд и рассказов о необычных явлениях ходит про южную часть острова, где редко кто бывает. Там расположена небольшая воинская часть, и жители поселка, а тем более приезжие туда почти не навещаются. От поселка к части ведет хорошо накатанная грунтовая дорога, но на ней нечасто увидишь людей: валаамцы не любят вступать в конфликт с военными. Леса же вокруг глухие и неприветливые. Низины у Лещинога озера заболочены, на возвышенностях стоит непроходимый лес, заваленный буреломом. Сырые и глубокие расщелины в скалах представляют собой порой почти непреодолимые препятствия. Как-то я шел минут двадцать вдоль одной из них, пока не нашел упавшее дерево, по которому можно было перебраться на другую сторону. Стоило мне встать на него одной ногой, как оно затрещало, и в тот момент, когда я прыгнул на противоположный край расщелины, гнилое дерево рухнуло вниз...

Однажды я разговорился со служившим на Валааме солдатом, уроженцем Тбилиси. Он говорил, что соскучился по дому и что вообще жизнь здесь тоскливая и однообразная. Но потом, когда речь зашла про южную часть острова, которую он, естественно, знал лучше других частей, он оживился: «Там много интересного и необычного». «А что именно?» — поинтересовался я, зная, что там, непосредственно на самом острове, кроме огромного деревянного креста над Крестовым озером, никаких памятников нет да и не было. «Приходи, покажу», — ответил молодой грузин. Мы договорились, но потом мои планы неожиданно изменились, мне срочно пришлось уезжать в Москву. Вновь на Валааме я оказался через год с лишним, срок службы того солдата подошел к концу, а других знакомых среди военных там у меня не было.

Среди историй, что я слышал про южную часть острова, большинство составляют рассказы про НЛО, появление которых воспринимается здесь многими почти так же естественно, как, допустим, радуги; о других непонятных явлениях в атмосфере и прочую параферналию. Некоторые из них выглядят достаточно правдоподобными, если взять в расчет довольно частые на Ладоге своеобразные миражи, которые самому довелось

наблюдать. В жаркий июльский день на корабле, по пути к Приозерску, я, например, видел остров, «висящий» над водой. Один художник из Петрозаводска, подолгу живущий на Валааме, когда у нас с ним случайно зашел разговор о южной части острова и я сказал, что слышал про нее много невероятных рассказов, совершенно невозмутимо и серьезно спросил: «А, ты о „тарелочках“?» И сказал, что сам видел. Но рассказывать не захотел: «А то подумаешь, что еще один валаамский чудака с „прибабахом“. А я человек серьезный...»

Я знаю даже одну женщину, которая специально собирает подобные легенды и рассказы о необъяснимом на острове. Она, бывшая жена одного из музейных сотрудников, несколько лет назад работавшего на Валааме, поведала мне много интересного. Среди ее историй мне лучше всего запомнилась та, которая касается «заколдованного леса». Это, по ее рассказам, участок, оставшийся, видимо, после пожара, покрытый молодым еловым подлеском, среди которого возвышаются отдельные обгоревшие и не пострадавшие от огня старые деревья. Попав туда, человек начинает ходить кругами и лишь имея компас или найдя какой-то отдаленный, но явный ориентир может выбраться оттуда. Причем надо иметь в виду, что Валаам — все-таки сравнительно небольшой остров, его побережье испещрено заливами, на нем несколько внутренних озер, тут и там проложены дороги и дорожки, так что «заколдованный лес» не столь уж обширная территория, блуждание по которой по кругу может быть объяснено лишь особенностями анатомии: мол, левая нога делает более короткий шаг и человек, лишенный ориентира в незнакомом месте, постепенно совершает по лесу круг...

Эту историю я решил проверить на одном весьма скептическом и трезвомыслящем человеке, хорошо знающем Валаам, — тоже работнике музея. Он подтвердил, что знает это место, и добавил: «Оно действительно пользуется дурной славой».

Как-то в предрассветные часы мы с приятелем возвращались в поселок с дальней рыбалки и оказались примерно там, где по описаниям находится «заколдованный лес». Не могу сказать с уверенностью, что мы были в том самом месте. Но с нами приключилось следующее. Мы вышли на довольно хорошо протоптанную дорогу, которая, не раздваиваясь и не пересекаясь с другими, постепенно становилась все уже и уже, превращаясь в тропу. Тропка эта вскоре сделалась совершенно узкой, а потом вообще исчезла — мы оказались среди моря высокой и мокрой после ночного дождя травы. Пришлось идти целиной. После долгих блужданий мы наконец забрали в знакомые нам места, но совсем не туда, куда ожидали

выйти, сверяя наш путь по карте...

В южной части Валаама мне удалось недавно побывать, добравшись туда по Ладоге на моторке. Я даже провел там три дня, живя на одном из прилегающих к Валааму небольших островков, называемых местными жителями Оборонными.

Имя это они получили из-за сохранившихся там по сей день финских военных укреплений, возведенных еще в 1939 году, в преддверии войны с Советским Союзом. Берега островов опутаны ржавой колючей проволокой, кое-где остались даже державшие ее когда-то, а теперь покосившиеся или вообще упавшие столбы. На самом южном из Оборонных в прекрасном состоянии сохранились бетонные укрепления для артиллерии, соединяющие их подземные переходы, а над островом возвышается большущая бетонная наблюдательная башня, которая смотрится здесь абсолютно чужеродной, непонятно откуда там взявшейся и превращает пейзаж острова, с его почти нетронутой природой, в какую-то сюрреалистическую картину. Все это, даже чисто внешне, небольшой необитаемый и пустынный остров делает загадочным и таинственным.

Ближе к самому Валааму, почти вплотную к нему, лежит Емельянов остров. Там нет бывших укреплений, но его природа, весь его вид будто настраивают на мистический лад. К юго-востоку остров обращен красновато-черными покатыми скалами, плавно уходящими под воду, — лудами. За ними начинается полоса густого, мягкого бледно-зеленого мха, который прерывают лишь небольшие участки сиреневого вереска да выходящие на поверхность плоские скалы, покрытые рыжим лишайником. Ближе к центру острова поднимается гряда округлых красновато-серых скал, поросших местами молодым ельником, а в основном покрытых все тем же бледно-зеленым мхом, сиреневым вереском и рыжим лишайником. От бушевавшего, видимо, здесь когда-то сильного пожара лес уцелел только в центральной и северной частях Емельянова — густой, непроходимый, мрачный, заваленный буреломом. В остальных же местах поднимаются лишь либо мертвые стволы, либо пережившие пожар отдельные деревья с невероятными по своим формам кронами.

Некогда на острове находился скит Авраамия Ростовского. Сегодня остров пуст и дик. Лишь еле виднеющиеся остатки кирпичного фундамента напоминают о стоявших там когда-то часовне и скитских постройках. Удивительно, странно видеть на пустынном Емельяновом острове старинный каменный колодец, вырубленный в скале, остатки каменной дороги, идущей от берега озера к скиту, и небольшой, давно уже заросший, с выложенными огромными камнями берегами прудик. Эти

остатки человеческой деятельности еще больше усиливают там ощущение заброшенности, пустоты и таинственности. В ненастную погоду, когда волны Ладоги с шумом плещутся о луды, а над островом свистит ветер, это чувство неприветливости особенно обостряется.

Я не случайно подробно описываю тамошние пейзажи и природу — они под стать тем историям и легендам, что окружают южную часть Валаама.

Немного западнее Оборонных островов, за нешироким проливом, обращенный одной стороной к Ладоге, другой — к Дивной бухте, лежит остров Дивный. Остров этот удивительно красив: из воды он встает красноватыми вертикальными скалами, а сверху, как шапкой, покрыт густым лесом. Издали он кажется совершенно неприступным. На него раньше наведывались монахи и даже поставили там поклонный крест. Зачем он был водружен на необитаемом и труднодоступном острове, непонятно. Возможно, это как-то связано с той славой, которую ему приписывали и продолжают приписывать и поныне.

Сегодня люди иногда заглядывают на Дивный — он не может не привлекать своей красотой и дикостью. Но на ночь там вряд ли кто-либо отважится остаться. С наступлением сумерек оттуда уплывают самые лихие туристы и рыболовы. «Недобрым местом» сльвет Дивный среди валаамцев. «Там ведьмы водятся», — сказал мне мой валаамский приятель, когда мы в вечерние часы проходили на катере мимо острова. А его четырнадцатилетняя дочь, когда мы любовались красотой Дивного с Оборонных, отказалась туда отправиться со мной на лодке даже днем.

Послушник воссозданного в 1989 году на Валааме Спасо-Преображенского монастыря, в компании которого и еще троих рыбаков я провел три дня на Оборонных, сам как-то завел со мной разговор о «нечистой силе» на Дивном. «Как-то отправились туда ребята, — рассказывал он. — Развели вечером костер, сидят вокруг. Кто-то из них нашел какую-то старую монастырскую книгу, и они стали жечь ее в огне. И вдруг вокруг какие-то звуки раздались, голоса, какая-то сила будто их в спины толкать стала. Нехорошо им сделалось. Все побросали и к лодке побежали. Больше сюда, говорят, их ничем не заманишь».

И это мне рассказывал человек, свято и преданно верящий в Бога, христианин до мозга костей и по логике вещей не приемлющий всякую чертовщину, основывающуюся лишь на пустых суевериях. А про ведьм на Дивном говорил совершенно серьезно.

У всех этих загадочных валаамских историй, будь то рассказы об аллее Одинокого Монаха или о Дивном острове, похоже, может существовать

только одно объяснение: места эти как бы аккумулировали, впитали в себя все, что когда-либо там происходило, как бы запечатлели в своей «памяти». Так по крайней мере считает один санкт-петербургский психолог, с которым мы беседовали о разных валаамских тайнах, возвращаясь на теплоходе с Валаама в его родной город.

Скопление всякой параферналии, включая и появление НЛО, в южной части острова некоторые объясняют и по-иному. Именно там находится местность, зовущаяся Железняками: там находят выходы железняка. Любопытно, что одна из гипотез происхождения названия острова основывается именно на этом. Названия всех окружающих островов имеют традиционную для финской топонимики вторую часть — «саари» («остров»), а Валаам (по-фински Валамо) — нет. Значит, он чем-то выделялся. Чем? «Валаа» по-фински означает «лить металл», «валима» — «литейная», «валама» — «литье». Так что, возможно, от литейного дела, когда-то развитого на острове, и могло пойти его название. Эта гипотеза подтверждает наличие на острове железных руд. А значит, в южной его части, где железняки ближе всего подходят к поверхности, возможны различные магнитные аномалии, с которыми, вероятно, как-то и связаны необъяснимые явления.

Можно попытаться связать ту «чертовщину», которая происходит в южной части острова, с действием мощного электронного и радиолокационного оборудования, которое, видимо, имеется в воинской части. Там над лесом возвышаются две мощные металлические конструкции, на которых расположены не то ретрансляторы, не то локаторы, не то какое-то другое радиотехническое оборудование.

Но если каким-то загадочным радиомагнитным действием можно объяснить появление НЛО или хождение в лесу по кругу, то другие таинственные случаи, типа «черной фигуры», вряд ли подпадают под эту гипотезу.

Я однажды видел, как какие-то люди — явно приезжие — ходили с лозой в поисках биополя по Игуменскому кладбищу, где похоронены все настоятели Валаамского монастыря, начиная с умершего в 1881 году игумена Дамаскина. Действительно, в некоторых местах их прутики отклонялись, начинали двигаться. Причем, убеждали меня эти люди, чем более сильной и деятельной личностью был захороненный в той или иной могиле игумен, тем сильнее реагировали на это их прутики. У надгробия Дамаскина, самого знаменитого из всех настоятелей Валаама — при нем монастырь достиг наивысшего расцвета и наибольшего богатства, — биополе было самым сильным.

Интересно, что в монастырских изданиях еще прошлого века говорилось о чудодейственном воздействии тех или иных могил. Так, например, описан случай, когда в 1839 году на могилу шведского короля Магнуса, якобы принявшего на острове схиму после спасения во время шторма, из отдаленных финских областей приходили крестьяне с просьбой отслужить службу. Описаны и случаи волшебного исцеления после посещения этой могилы. Известно благотворное влияние на людей посещения других знаменитых валаамских могил, как, впрочем, и множество аналогичных случаев в других монастырях и святых местах.

Вообще вряд ли случайным выглядит тот факт, что в последние годы на Валаам приезжает в летнее время все больше различных богоискателей, людей, ищущих контакты с потусторонним миром, внеземными цивилизациями; мистиков и даже поклонников йоги и Шамбалы. Многие из них убеждали меня, что там они находят подтверждение своим теориям и своей вере.

Я не берусь ни спорить с ними, ни соглашаться. Но ясно одно: на Валааме хочешь не хочешь поверишь, что на земле есть места, которые определенным образом воздействуют на психику человека. Даже если описанные мною валаамские загадки всего лишь игра воображения, проявление ее именно там не случайно. И похоже, что монахи, люди церкви, посвятившие свою жизнь духовному и острее других чувствовавшие это воздействие, исходящее от природы или из пока необъяснимых источников, неспроста выбирали такие места для создания своих святынь.

ВЕСТМИНСТЕР

Среди многочисленных историй о появлениях призраков и происшествиях подобного рода есть одна, рассказанная мистером Оллмэном и опубликованная в «Заметках и размышлениях». Этот уважаемый господин и известный издатель услышал ее от преподобного Л., священника англиканской церкви. Однако статья была напечатана без предварительного согласия Л. и его имя не упоминалось ни в каких ссылках.

Относительно места событий мы, к сожалению, можем сказать лишь, что это Вестминстер. Более точного адреса нет. Человеком, которому явилось привидение, был некто капитан Н. Священник рассказал: «Однажды вечером, года два назад, мой брат, армейский офицер, живший в Вестминстере, удивил меня поздним посещением. Мы в

то время проживали в Хэллоуэе и как раз собирались ложиться спать, когда он вбежал в дом и взволнованно воскликнул:

— Брат мой, наша мать скончалась!

— Где и когда ты услышал об этом? — спросил я, потому что мать жила довольно далеко от города и была хоть и пожилой, но вполне здоровой женщиной.

— Я видел ее. Сегодня она дважды прошла передо мной по моей комнате, и голова у нее была перевязана. Я не мог успокоиться, пока не увидел тебя.

Уступая его настойчивым увещаниям, я предложил первым же утренним поездом выехать к матери в деревню. По прибытии туда мы с ужасом узнали, что матушка умерла накануне вечером, как раз в то время, когда мой брат увидел призрак».

Мистер Оллмэн утверждал, что готов поручиться за правдивость этой истории.

Д. Булгаковский НОЧНОЙ РАЗГОВОР

В двадцати верстах от нашего имения, рассказывает О. Д-цкий, жил в селе Вишневец, Волынской губернии, священник, который был в большой дружбе с моим отцом. Этот священник, овдовев, остался с шестнадцатилетней дочерью. По его просьбе отец мой отпустил на короткое время свою дочь Степаниду, чтобы отвлечь осиротевшую девушку от тяжелых впечатлений по случаю смерти ее матери. Прошло около двух недель, Степанида не возвращалась, а потому отец со мною (мне тогда было около двадцати лет) отправился в Вишневец проведать своего друга, вдовца отца Г., и взять сестру домой. Было это в июне 1860 года.

Мы приехали в Вишневец вечером, около десяти часов, священника не застали дома, а были только девушки, моя сестра и дочь священника. Мне захотелось побегать по саду, однако в глубь сада я боялся идти и присел на лавочке недалеко от дома. Смотрю — идет по аллее какая-то дама в черном платье. Поравнявшись со мной, она посмотрела на меня с улыбкою и направилась в дом священника через крыльцо, которое прямо выходило в сад. Это было около одиннадцати часов вечера. Спустя несколько минут я побежал к тому крыльцу, где сидел мой отец и девушки. «Какая-то дама вошла в дом через садовое крыльцо», — сказал я. Сестра и подруга при этих словах переглянулись и как будто встревожились, так что отец спросил их, что с ними и чем они обеспокоены. Они ответили, что по моему описанию и по одежде эта дама — покойная матушка, которая ходила ежедневно в дом, и все ее видят. Так как отец мой не верил в подобного рода явления, то он лишь посмеялся над девушками.

Священник долго не возвращался домой, и мы решили пить чай без него. Все сели в гостиной, а сестра Степанида занялась приготовлением чая в соседней комнате, так что мы ее видели. Вдруг сестра вскрикнула и уронила чайник с кипятком. На вопрос отца, что с нею, она отвечала, что матушка проходила мимо нее.

Не дождавшись хозяина дома, мы легли спать; я лег с отцом в одной комнате, рядом с кабинетом священника, а девушки — в другой. Около двух часов ночи я проснулся, сам не знаю от чего, и слышу в кабинете разговор. Мужской голос говорил:

— Что ты сегодня так поздно пришла?

— Я была раньше здесь, — слышится женский голос, — видела гостей

наших, хотела обнять мальчугана в саду, но тот убежал от меня, потом хотела поблагодарить Степаниду за дружбу с нашей дочерью, но она так испугалась, когда я прошла около нее, что уронила чайник и наделала шуму на весь дом. Так что я скрылась.

— Почему же ты не подготовила ее?

— Нам строго запрещено являться тем, кто пугается нас, под угрозой лишения права на дальнейшие свидания с живыми.

Услыхав это, я страшно испугался, потому что догадался, что разговор идет между покойницей и священником, мужем ее, и прямо прыгнул на кровать к отцу, который, видимо, еще не спал, предупредив, чтобы я не мешал ему слушать разговор загробного существа с живым.

На другой день за утренним чаем отец мой направил разговор на ночное посещение и высказал насчет его сомнение, подозревая совсем что-то другое.

— Угодно верить или нет, — ответил отец Г., — но я, как честный человек и служитель святого алтаря, сказываю вам, что нахожусь в духовном общении со многими умершими, в том числе с моею женою. Они часто обращаются ко мне с просьбами молиться за них, и когда я исполняю их просьбы, то лично благодарят меня. Жена же моя покойная почти каждый день посещает мой дом и часто выражает интерес ко всему окружающему, как живой человек. На все мои вопросы об условиях загробной жизни она каждый раз уклоняется от прямых ответов, заявляя, что им, умершим, воспрещено отвечать на вопросы живых, особенно праздные.

ЛОНДОНСКИЙ ТАУЭР

Во всем Британском королевстве не найти другого места, которое так подходило бы для обитания духов и привидений, как это замысловатое нагромождение бастионов и башен. В течение многих столетий в стенах Тауэра умерло насильственной смертью неисчислимое количество людей. Иногда их казнили, иногда просто убивали, но в любом случае можно сказать, что стены этой крепости сложены из человеческих костей и сцементированы кровью. И это выражение не будет таким уж метафоричным.

Если вы верите в сверхъестественное, то никогда не усомнитесь, что в таинственных казематах Тауэра обитают призраки и привидения. И, судя по тому, какой славой пользуется этот замок, его духи и поныне

являют себя миру.

Покойный Лентал Свифт, бывший некогда хранителем фамильных драгоценностей королевского дома, опубликовал в журнале «Всякая всячина» за 1860 год очень любопытный рассказ о призрачном видении, которое он наблюдал своими глазами в одной из комнат этой достославной цитадели. Представляем читателю этот рассказ с нашими пояснениями и добавлениями.

«Я часто хотел оставить правдивый отчет об этой странной истории, — писал Свифт в ответ на просьбу о более подробном изложении событий, связанных с призраком лондонского Тауэра. — С тех пор минуло сорок три года, но впечатления мои так же свежи, как и тогда, в миг его появления. Еще остались в живых люди, способные поручиться, что в рассказе моем нет никаких преувеличений или недомолвок. Я излагаю все, что помню.

В 1814 году я был назначен хранителем драгоценностей королевской фамилии. Сокровищница находится в Тауэре, где я и жил с семьей вплоть до своей отставки в 1852 году.

Как-то субботним вечером в 1817 году, когда близился „час ведьм“, я сидел за ужином вместе с женой, ее сестрой и нашим маленьким мальчиком. Мы расположились в гостиной хранилища. Тогда это здание было уже более или менее осовременено, но прежде оно, говорят, служило скорбным узилищем Анны Болейн.

Комната была — да и поныне остается — неправильной, замысловатой планировки, с тремя дверьми и двумя окнами, врезанными в толстую стену на глубину почти девяти футов. Между окон располагался камин, выдающийся далеко в комнату и украшенный большим живописным панно. В ту ночь все двери были закрыты, а окна задрапированы тяжелыми плотными шторами. Кроме двух свечей на столе, в комнате не было никаких источников света. Я сидел во главе стола, мой сын — по правую руку, его мать — напротив камина, а ее сестра — по другую сторону лицом к ней. Я предложил жене бокал вина с водой. Поднеся его к губам, она вдруг застыла и воскликнула: „Боже милостивый! Что это?“ Я посмотрел вверх и увидел какой-то цилиндрический сосуд толщиной с мою руку. Эта труба парила в воздухе между по-толком и столом и были наполнена, чем-то вроде вязкой жидкости, белой, с бледно-лазоревым оттенком. Такого цвета бывают облака в летнем небе. Жидкость непрерывно кружилась и перекачивалась внутри цилиндра. Продолжалось это минуты две, потом предмет медленно проплыл перед лицом моей свояченицы и двинулся вдоль стола, пройдя передо мной и моим сыном.

Затем он обогнул мою жену, но уже со спины, и на миг завис над ее правым плечом (заметьте, что перед ней не было зеркала и она не могла бы увидеть отражение трубы). В следующий миг жена схватилась за плечо и закричала: „О господи! Эта штука вцепилась в меня!“ Даже сейчас меня преследует ужас, испытанный в тот миг. Я схватил стул и ударил по деревянной спинке кресла жены, а потом бросился наверх в детскую и поведал перепуганной няне обо всем увиденном. Тем временем остальные домочадцы прибежали в гостиную, где хозяйка рассказала им о случившемся. Стоя на верхней ступени лестницы, я слышал ее слова».

«Ощущение чуда, — добавляет мистер Свифт, усиливается тем, что ни моя свояченица, ни сын не наблюдали это видение. Когда наутро, после окончания богослужения, я рассказал нашему священнику о вечернем кошмаре, он спросил меня:

— Могут ли органы чувств обманывать человека? И, если они могут обмануть одного, то почему не могут обмануть двоих? На что я ответил:

— Коли видения возникают у двух человек, то почему не у двух тысяч?»

Подобные споры, будь они религиозного или светского характера, неизбежно доводят их участников до полного абсурда.

«Наш священник предположил, что все это — розыгрыш, — замечает Свифт в одном из последующих писем в редакцию „Всякой всячины“. — Кто-то подшутил над нами, стоя за окном. Святой отец предложил пригласить какого-нибудь ученого мужа и тщательно обследовать гостиную. Так я и сделал. Но никакие исследования не помогли раскрыть эту тайну».

Позднее, также в письмах к редакции, хранитель фамильных драгоценностей августейших особ утверждал, что его жена не видела никакой фигуры в форме цилиндрической трубы, а видела лишь облако или пар. Но, как верно заметил мистер Свифт, пар не мог схватить ее за плечо. Он опасался, что происшедшее отразится на здоровье супруги или даже приведет к губительным последствиям, но ничего подобного не случилось: виденный ими «призрак» оказался безвредным.

Отвечая на расспросы о возможности «фантасмагорического вмешательства», мистер Свифт говорил, что никакое оптическое явление, происходящее на улице, не могло быть заметно в комнате из-за толстых штор. А самый искусный шутник ни за что не сумел бы сделать так, чтобы явление было заметно лишь двум из четверых присутствующих, а осязаемо — только для одного из них. Тайна остается неразгаданной.

Мистер Свифт рассказывает еще об одном случае появления призрака в его жилище. Случай этот оказался куда драматичнее, чем первый. Историю эту на все лады повторяли очень многие люди и поэтому мы будем придерживаться первоисточника.

«Один из ночных дозорных хранилища, — пишет рассказчик, — вдруг заметил, как из дверей сокровищницы выходит громадный медведь. Часовой вонзил в медведя свой штык, но тот прошел сквозь фигуру и застрял в досках двери. Солдат рухнул в обморок, и его, бесчувственного, принесли в караулку. Наутро я увидел беднягу в обществе его приятеля и сослуживца, уверявшего меня, что тоже был на месте событий и видел несчастного незадолго до появления призрака. Тот бодрствовал и бдительно нес службу. На другой день я снова встретился с ним. Солдата было не узнать: за одни сутки этот смелый и выдержанный человек, готовый пройти огонь и воду и взять штурмом крепостную стену, иссох и скончался от вида какой-то тени!

Мистер Джордж Оффо, также присутствовавший на месте появления призрака, упоминал о странном шуме, который раздался, когда медведь приблизился к несчастному обреченному солдату».

ЗАМОК ПИЛ

Ни на одном из Британских островов не существует такого количества распространенных легенд и живучих суеверий, как на острове Мэн. Здесь масса самых разнообразных руин, окутанных, будто плющом, пышным покровом поверий. Живописнейшие развалины замка Пил теснее всех других памятников связаны с мифами средневековья. О замке и его окрестностях ходит много слухов. Говорят, что в тех местах обитает множество сверхъестественных существ. Мы приведем лишь рассказ путешественника Уолдорна, чья книга об острове Мэн служит неисчерпаемым кладом легенд и сказаний островитян.

«Утверждают, что привидение, известное под именем Мэнский Пес и имеющее облик лохматого спаниеля, расхаживает по всему замку, — пишет Уолдорн. — Особенно он облюбовал башню стражников, куда часто навещался, чтобы поваляться у камина при свете свечи. Стражники так часто видели его, что и бояться-то почти перестали. Но пес слыл злым духом, только и ждущим случая насолить кому-нибудь, поэтому в его присутствии стражники вели себя сдержанно, не сквернословили, не вели бесед. Никто из них не желал оставаться один на

один с этим коварным недругом. Пес взял в привычку расхаживать по проходу через церковь. Им же пользовались стражники, каждую ночь относившие ключи своему начальнику. Ходили они вместе: стоявшего на посту часового всегда сопровождал сменщик.

Но вот однажды ночью крепко подвыпивший стражник решил отнести ключи в одиночку, хотя очередь была и не его. Напрасно старались товарищи отговорить его: солдат заявил, что жаждет общения с Мэнским Псом и добьется своего, будь это хоть сам дьявол. Он долго и непристойно бахвалился, после чего схватил связку ключей и удалился. Спустя какое-то время стражников встревожил громкий шум, но никто из них не осмелился пойти и посмотреть, в чем дело. Вскоре вернулся сам искатель приключений. Он был потрясен и перепуган, утратил дар речи и даже жестами не мог объяснить, что с ним произошло.

Этот человек умер в страшной агонии, с искаженным гримасой ужаса лицом. После этого никто больше не пользовался ходом; его перекрыли, и с тех пор призрака в замке больше не видели.

Случай этот произошел лет шестьдесят назад, и я слышал множество рассказов о нем. Особенно часто Пса вспоминал старый солдат, уверявший меня, что видел призрак столько раз, сколько у него волос на голове».

ТОСКЛИВЫЙ МАГИСТР

Является на Бетлемской площади в Праге. Характер: абсолютно безвреден, но очень неприятен.

Зарегистрировано множество заслуживающих доверия свидетелей, утверждающих, что около полуночи с 5 на 6 июля видели на площади человека в сутане. Он тихо и жалобно стонал и рвал на себе волосы. Долгое время на него не обращали внимания, поскольку все думали, что это какой-нибудь посетитель близлежащей пивной «На рибарне». В конце концов один молодой историк опознал в плачущем магистра Палеча. Последний, как известно, предал Яна Гуса, Историк попытался заговорить с ним, но магистр не отвечал, а лишь продолжал рвать на себе волосы.

Позднее ученому удалось выяснить, что привидение появляется в канун казни Гуса в тех местах, где он чаще всего выступал с проповедями. С течением времени оно научилось безошибочно распознавать лиц,

стремящихся выяснить у него подробности преступления, и, как только замечает их, тут же исчезает.

Часть вторая
ПОСЛАНЦЫ ИЗ ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

ПОСЛАНЦЫ
ИЗ
загробной
жизни

Г. Дюрвиль

ПРИЗРАКИ ЖИВЫХ^[4]

I. Тела человека

I. Теософский взгляд на тела человека.

II. Понятия древних о них.

III. Мнение современных китайцев.

Тело человека, как и тело животного, вовсе не так просто, как кажется на взгляд и на ощупь, по крайней мере при обыкновенных условиях нашего физического существования. Материалисты не признают, что тело человека состоит из нескольких тел, а чтобы объяснить мыслительную и другие способности души, они приписывают материи такие свойства, каких она не имеет, да и иметь не может.

Если же при них заходит речь о призраках, они объявляют, что подобные видения невозможны, а тех, которые якобы их видели, называют галлюцинирующими или обманщиками. В противовес этому мнению все религии утверждают, что видимое тело облекает невидимое — душу или дух, который продолжает жить по смерти тела в специальных условиях и месте. Многие думают даже, что есть третье начало, служащее при жизни посредником, связью, медиумом между видимым и невидимым телами. Сведущие оккультисты, и в особенности теософы, прямые наследники высокой индийской спиритуалистической философии, далеко превосходящей нашу, утверждают, что видимое тело, называемое физическим, инертное само по себе, оживотворяется высшим началом. И это начало совсем не так просто, как это предполагают религиозные системы и даже философы; оно в свою очередь составлено из нескольких принципов, оживотворяющих еще несколько тел, которые, взаимопроникая друг в друга, занимают поэтому одно и то же место и живут более или менее продолжительное время.

I. Тело человека по взглядам теософов. Я постараюсь резюмировать эту теософскую теорию очень сжато, но возможно точнее.

Спиритуалисты вообще и чины церкви в частности дают душе только грубую оболочку, которая подчиняется нашим чувствам. Теософы же утверждают, что раз она переживает тело, то, естественно, ей нужна для

проявления другая оболочка; она не может существовать без сверхчувственного, а если бы могла, то должна бездействовать, так как всякая энергия требует точки отправления. Душа в качестве чистого духа без оболочки, если это только возможно себе представить, осуждена на пассивную роль. Повсюду дух соединен с материей, каждый атом на всяком плане имеет материю телом и дух — жизнью. Например, мысль представляет из себя ментальную энергию в астральной оболочке, хотя Молешотт утверждает, что мысль — это движение материи. Чаттерджи ясно говорит по этому поводу: «То, что с одной точки зрения представляется жизнью, с другой стороны может быть формой, то есть материей. Все, что форма, — исчезнет, жизнь же останется. Возьмем для примера человеческое тело; в нем самое грубое — материя в твердом, жидком и газообразном состоянии; эта материя оживляется растительной жизнью или эфирным элементом, которые по отношению к грубой форме есть жизнь. Уничтожьте соединение грубых частиц — эфирное начало останется, хотя и на непродолжительное время, в чем ясновидящий ни на минуту не усомнится. Таким образом, эфирный элемент есть жизнь по отношению к грубому, но она в то же время форма по отношению к следующему за ним началу — астральному телу. Эфирный элемент рассеется, астральный же останется; когда в свою очередь рассеется астральное тело, останется ментальное и т. д. Каждый элемент в одно и то же время — жизнь по отношению к низшему и форма по отношению к высшему. Ибо весь мир — движение; по существу, в началах нет разницы, смотря по взгляду, они или жизнь, или форма, активны или пассивны, положительны или отрицательны; когда одно движение прекращается, другое, более тонкое, продолжается: это как бы лестница, где с высшей до низшей ступени повторяется одно и то же: форма уничтожается, жизнь остается».

Различные тела человека представляют из себя только одеяния, которыми покрывается душа, истинный человек, само бессмертное начало, составляющее нашу индивидуальность; всех их у всесторонне развитого человека семь. Только четыре, составляющие нашу временную личность, доступны по современным знаниям нашему изучению. Вот они, начиная с самого грубого, наиболее внешнего и менее важного, так как оно первое оставляется душой, и кончая самым тонким, которое, как рубашка, снимается последним:

1. Тело физическое —местилище физиологических функций, как-то: пищеварение, дыхание, ассимиляция, циркуляция, движение.

2. Эфирное тело — в нем заключена жизненная энергия, рассматриваемая с физиологической точки зрения, как архитектор, который

созидает и поддерживает физическое тело. По словам Анни Безант, «жизненность — это созидаящая энергия, распределяющая и соединяющая в определенный организм физические молекулы, это — дыхание жизни в организме или, вернее, та часть всемирного дыхания, которую организм употребляет в короткий промежуток времени, называемый нами жизнью» («Смерть и по ту сторону»). Оно составляет дубликат физического тела; на этом основании его называют эфирным двойником или, сокращенно, двойником. Большинство теософов рассматривают его как составную часть физического тела или даже как нечто неотъемлемое, так как, по их мнению, находясь на том же плане и не имея возможности его оставить, эфирный двойник может существовать только несколько дней до рождения и несколько дней после смерти своей физической оболочки. Этот двойник называется индийскими теософами «Линга Сарира» и служит медиумом, или посредником, между физическим и астральными телами. «Название „эфирный двойник“, говорит Анни Безант, точно определяет природу и строение самой тонкой части физического тела благодаря своему значению, ее легко запомнить, потому что она соткана из эфира и в действительности составляет дубликат физического тела, так сказать его ткань» («Человек и его тело»).

3. Астральное тело — очаг чувственности, воображения, животных страстей и наслаждений низшего порядка.

Оно мыслит, но более инстинктивно, чем разумно, почему слова Паскаля: «Сердце имеет свои рассуждения, которых разум не признает» — как нельзя более подходящи в данном случае. Благодаря ему получают так давно оспариваемые феномены телепатии, явления в сонном состоянии и большинство видений. Спириты называют его переспри, древние — сенситивной душой. В нем же обитает называемое современными психологами подсознание, или бессознательность. Индийские теософы называют его телом желаний или космическим телом, «Кама-рупа».

4. Ментальное тело — родина воли, разума, благородных и возвышенных мыслей; в нем откладываются наши воспоминания и приобретенные знания; в качестве высшего начала оно руководит всеми нашими отправлениями, нашими разумными действиями. Древние философы называли его мыслящим «я», разумной душой (anima — римляне, psyche — греки), где воспроизводятся все феномены нашего сознания, как-то: рассуждение, размышление, решение и т. д. В отличие от «высшего Мана», находящегося в теле следствий и причин, теософы называют ментальное тело — «низшим Мана».

По смерти физическое тело рассыпается и душа отходит с тремя

оставшимися оболочками. В скором времени обыкновенно умирает также и эфирное тело и облегченная освобожденная душа удаляется с двумя остальными, более тонкими. Астральное тело живет вообще дольше, и продолжительность его существования зависит от степени развития души; она коротка у лиц, достигших умения побеждать свои страсти и вести чистую и высокую жизнь, и очень продолжительна у тех, кто сам побеждал страстями. Но и для астрального тела наступает смертный час, и душе остается последняя, ментальная оболочка, которая будет ей покровом в новых и лучших условиях существования.

Таким образом, ментальная жизнь, очень короткая и почти бессознательная для лиц малоразвитых, очень продолжительная для тех, у кого астральная жизнь была коротка. Эта последняя напоминает состояние чистилища, а ментальная похожа на жизнь в небесных обителях как ее понимает церковь, с той разницей, однако, что, как бы ни была она продолжительна, она не вечна и настанет момент, когда все силы ментального тела истощатся, и оно в свою очередь рассыплется. Тогда душа, достаточно усовершенствовавшаяся, предоставляется самой себе в полном сознании своего прошлого и будущего; она одинаково хорошо видит как предшествовавшие земные существования, так и путь, по которому ей надлежит пройти к окончательному совершенству — необходимому условию, освобождающему и поднимающему нас от всех планов с неизбежным на них воплощением и связанными с ними — рождениями и умираниями. Видя канву, по которой будут ткаться ее будущие существования, душа может, пользуясь опытом прошлого, изменить эту канву сообразно своим вкусам, намерениям, способностям. И вот неудовлетворенные желания опять привлекают ее на землю, и, покорная роковым законам воплощения, с единственной целью совершенствования, она вновь облекается в ментальное тело, затем в астральное и, наконец, в эфирное физическое, чтобы ожить на земле. Все тела — проводники души — помогают ей вырисоваться на соответственных планах вселенной, то есть физическое и эфирное исключительно и постоянно только на физическом плане, астральное — на астральном, ментальное — на таковом же плане.

II. Тело человека по взглядам древних. В древности были довольно определенные понятия о существовании в нас нескольких различных начал, а, по выражению теософов, нескольких тел. Я не буду приводить мнения различных народов, довольствуясь сообщением некоторых положений.

Халдейские маги, как почти все последователи Зороастра, верили в разумную, развитую, высшую душу небесного происхождения и душу

животную, чувственную, низшую — земного происхождения; очень часто эти души, чтобы проявиться на земле, принимают, по их мнению, форму призраков и подобий животных.

Греки также признавали две души: одну разумную, другую чувственную. Эта последняя, как подобие истинной души, была связующим звеном между первой и материальной оболочкой. Это-то подобие, или Ейделон, появлялось при заклинаниях. Гомер (поэтическое эхо научной и магической доктрин первых цивилизованных веков) в «Илиаде», заставляет жить такое подобие Патрокла. Он пал под ударами Гектора, и все-таки это он, его лицо, голос, даже кровь течет из раны. Описывая священные места Ахеруза в устье Ахерона, входа в Ад, где обитают не души и тела, а только их подобие, Эней рассказывает о появлении посреди этих теней Гомера, проливавшего ручьи слез. Здесь, в этом мире, третья часть поэта, его тень, его призрак, объясняет пришельцу неведомые тайны природы.

Неоплатоники Александрийской школы, между прочим, Оригент и некоторые другие отцы церкви разделяли те же доктрины, называя это подобие Ангоейде, Астроейде, то есть имеющее блеск светил. Очевидно, это название тождественно астральному телу теософов, названное так по светящейся форме, в которой оно являлось ясновидящим. Это последнее обстоятельство заставляло всегда смотреть на появление призраков как на нечто реальное, так как, по общему мнению, они имели те же черты, манеры и выражение, что и видимое тело. По словам иллюминатов^[5] всех времен, привидение или призрак показывается иногда даже при жизни тех, кого оно изображает, но чаще по смерти, в случае если тело не получило достойного погребения или нужно сделать какое-нибудь важное сообщение.

Египтяне называют это тело Ка, или двойник, каббалисты — Нефеш, а позднее Парацельс — Эвеструм.

Здесь уместно сказать несколько слов о телах человека с точки зрения египтян.

Физическое тело представляло только защиту для действующей в нем личности или орудие, предназначенное для исполнения работы; личность находилась в трех невидимых телах, кратко определявшихся обыкновенно Ка, или двойником.

На большинстве памятников, как это видно на пяти барельефах, относящихся к рождению Аменофиса III, двойник изображается сзади физического тела. Иногда он происходит от магнетических пассов, сообщающих физическому телу магическое влияние, силу и жизнь.

«По смерти, — говорит Гайэ, ученый, исследователь раскопок в Антиное, — соединенные в этой оболочке элементы разделялись и только тело переставало жить. Душа — Ба, в виде ласточки с человеческой головой, поднималась в блаженные обители; жизненное начало, Ку, пламя, исшедшее от солнца, возвращалось в свой очаг; двойник Ка покидал таинственную небесную сферу, царство Атора, чтобы снова соединиться со своей прежней защитной и влить в нее новую жизненность.

Церемония похорон и почитание усопших ясно показывают эти отношения двойника к мумии, продолжающиеся бесконечно благодаря мистическим обрядам. Египтяне в то время уже знали, что, несмотря на видимое прекращение существования, материя продолжает жить; и, чтобы обеспечить покойнику бессмертие, нужно было только суметь сохранить труп и восстановить его связь с двойником».

В 1907 году, читая в музее Гимэ доклад об «Антиноиских пророчицах», тот же автор, основательно знающий жизнь древних египтян, говорил следующее относительно двойника:

«Согласно убеждению первых обитателей Древнего Египта, в человеческом существе в минуту смерти более тонкая часть переживает более грубую. В день похорон прах усопшего в виде мумии покоится для проводов в подземное жилище в особо посвященной для этого хранилище; необходимо позаботиться о его будущем, так как в случае поругания, разрушения или разложения мумии тесно связанный с нею двойник подвергнется той же участи. Закрытый покрывалом жрец, заняв приготовленное сиденье, дважды зовет покойного; двойник проявляется на стене или экране, его закрывают покрывалом и переносят на статую усопшего, который делается его охраной. Двойник продолжает находиться в могиле, но в случае чего бы то ни было ему предоставлена возможность вернуться в одну из таких статуй; для предупреждения какого бы то ни было губительного для него разрушения, повреждения или покражи ему приготовлено 10, 20, 100 разнообразных хранилищ в виде крошечного изображения, легко скрываемого в уголке или кармане, или в виде таких колоссальных статуй, высеченных в горах, что не было возможности их унести. Подобную-то статую и вопрошали пророчицы; ее считали как бы оживившимся духом двойника, она отвечала словами и жестами на поставленные ей вопросы, касавшиеся всех жизненных обстоятельств: изменения судьбы, заклинаний от дурных сил и т. д.»

III. Тело человека в понятиях современных китайцев. Аббат Хю, миссионерствовавший в Китае, в своем «Путешествии по Китаю» описывает четыре начала, составляющие наше временное существо,

буквально представляющие четыре тела теософского учения.

Рыцарь Гугено де Муссо, католический писатель, которому магия мерещится даже там, где ее нет, а магнетизеры и спириты представляются как помощники ада, написал несколько сочинений о магии, очень интересных с документальной стороны. Он лично знал аббата и сообщил о своем разговоре с ним относительно мыслей китайских философов по этому поводу.

Душа человека делает из него разумное существо, но она однородна и не чисто духовна, составлена из наиболее тонких частей материи, разделяющихся на две главные части: линг и куэн. Линг, высшая и превосходящая куэн, способна на разумные действия; из их соединения в теле образуется смешанное существо, способное на рассудочные действия, касающиеся материи. После смерти линг и куэн остаются неразлучны; они составляют существо, получающее название согласно рангу, которое оно занимает в воздушной иерархии.

Китайцы считают, что обе эти сущности духовны, хотя их основанием служит утонченная материя; но, говорят они, в человеке есть третья сущность, привязанная исключительно к телу, то есть четвертой части; только при полном рассеянии и разрушении последнего как источника ее бытия душа исчезает, как тень («Посредники и средства магии»).

II. Характеристика невидимых тел

I. Эфирное тело.

II. Астральное тело.

III. Ментальное тело.

Три тела из тех четырех, которые я кратко описал, хотя и материальны, но невидимы для большинства из нас при обыкновенных условиях. Во-первых, нужно сказать, что эфирное тело всегда почти смешивают с астральным. Если одно из невидимых тел покажется при исключительных обстоятельствах в видимой оболочке, то простой народ, не имеющий никакого понятия об оккультной науке, называет его призраком, а большинство осведомленных в этой области людей дает, не различая, названия двойника или астрала раздвоившейся личности. Чтобы разобраться в этом безвыходном лабиринте опытов исследования, нужно знать известные или предполагаемые характеристики этих тонких тел. Вот самое важное:

1. Двойник, или эфирное тело, — «оно хорошо видно опытному глазу, — по словам Анни Безант, — имеет лиловато-серый цвет. Его строение грубо или тонко, смотря по физическому телу. Благодаря ему жизненная сила, Прана, циркулирует по нервной системе и дает возможность передавать внешним образом двигательную и чувственную энергию, так как сама по себе нервная система не может ни чувствовать, ни мыслить, ни двигаться; она только может выражать внутреннее „я“, дающее дыхание жизни всем нервам и нервным центрам» («Человек и его тело»).

«Ясновидящий видит его как слабо освещенное облако пара лиловато-серого цвета, проникающее более плотное физическое тело и несколько выходящее за его пределы» (Лидбитер. «Видимый и невидимый человек»).

Часть, выходящая за телесную грань, называется Ора. Тот же автор продолжает: «Эта Ора так слабо окрашена голубоватым цветом, что почти его не имеет. Она как бы струится или, вернее, составлена из бесконечного количества прямых линий, светящихся по всем направлениям; по крайней мере нормальное состояние этих линий, если тело совершенно здорово, заключается в их правильности и параллельности, насколько это позволяет излучение. Но в случае недомогания наблюдается немедленное изменение; около больного места линии делаются неправильными, перекрещиваются во всевозможных направлениях или опускаются, как лепестки завядшего цветка».

«Во время сна, — говорит Анни Безант, — мыслящее „я“ покидает физическое тело, оставляя остальные две части — грубую и эфирную. Во время смерти оно уходит окончательно, так как эфирный двойник, отделившись от грубого тела, исчезает также вместе с ним. В трупе остается только органическая жизнь. Вскоре „я“ освобождается от эфирного двойника, потому что, как нам известно, последний не может достигнуть астрального плана: и он распадается вслед за своим товарищем по жизни. Этот двойник показывается иногда друзьям немедленно после смерти, но всегда на небольшом расстоянии от трупа. Кроме того, он, конечно, мало сознателен, не говорит и может только проявляться. Относительно говоря, его легко увидеть, так как он материален, а легкое нервное возбуждение достаточно обострит для этого зрение; наблюдаемые многочисленные видения и призраки происходят опять-таки за счет эфирного двойника, не отходящего от могилы с его физическим телом» («Человек и его тело»).

Лица, истощенные до последней степени или ослабленные продолжительной болезнью, ясно видят благодаря повышенной

чувствительности во время смертного часа свой экстерриторизировавшийся двойник. Большинство из них страшно пугаются, так как не видят в этом беспокойном призраке часть самих себя. Некоторые чувствуют его только и сознают, что кто-то лежит рядом с ними, почти всегда с левой стороны. Справедливо или нет, но все теософы утверждают, что занятия медиумизмом очень опасны. Анни Безант, по моему мнению, преувеличивая, говорит следующее по этому поводу:

«У нормального человека разделение физического тела на два его составляющих происходит только при смерти; но некоторые аномальные субъекты из среды медиумов могут при жизни дать частичное разделение своего тела. Такой феномен ненормален и, к счастью, относительно редок, так как имеет следствием большую нервную слабость и большие пертурбации в организме. Когда эфирный двойник экстерриторизируется, то должен разрываться на две части, иначе при его полном удалении должна наступить смерть; потому что только при его посредстве жизненная энергия циркулирует в теле. Даже его частичное удаление приводит в летаргическое состояние и делает почти полный перерыв в жизненных отправлениях; по воссоединении разрознившихся частей следует чрезвычайная слабость, и до полного восстановления нормального состояния медиум подвергается все время смертельной опасности».

Флюиды, излучаемые магнетизером и видимые некоторыми больными в известной обстановке, исходят из его эфирного тела и действуют на эфирное тело пациента. Если на самом деле жизнь, оживотворяющая, развивающая и поддерживающая физическое тело, заключается в эфирном двойнике, то из этого ясно, что вся сила лечения должна быть направлена на него, по крайней мере это мнение доктора Паскаля, написавшего несколько трудов по популярной теософии. Но этого еще долго дожидаться, так как официальная медицина не обращает достаточного внимания на причину болезни, а лечит симптоматическим путем, хотя прекрасно знает, что от этого больше всего страдает больной. Когда экстерриторизируется эфирный двойник, то он начинает отделяться в форме истечения — почти всегда с левой стороны, в области селезенки.

II. Астральное тело — более тонкое, чем предыдущее, голубовато-серого цвета с нежными оттенками, быстро меняющимися под влиянием душевных волнений. У духовно развитого человека и у таких, которые имели специальную цель (чародеи прежнего времени), оно хорошо организовано и гораздо сложнее, чем тело физическое. Его чувства соответствуют чувствам физическим, но они скорее реагируют на более быстрые колебания, и это дает им большую тонкость и могущество. Оно

сопровождает душу на астральный план после физической смерти в первой стадии ее загробного существования, точно так же — во время сна и изредка в случаях трудно объяснимого состояния между сном и бодрствованием. «Очень легко, — по словам Анни Безант, — представить себе человека в хорошо развитом астральном теле. Лишенный своего физического тела, он является более легким, более светящимся, легко распознаваемым глазом ясновидящего, тоща как обыкновенным зрением его не увидеть. Я говорю „хорошо развитое астральное тело“, так как у мало развитого духовно субъекта оно будет очень смутно; контуры его расплывчаты, субстанция неподвижна и беспорядочна, а отделившись от физического тела, оно образует меняющееся бесформенное облако. Хорошо развитое астральное тело указывает на сравнительно высокий уровень умственного и духовного развития человека. Таким образом, по виду астрального тела можно заключить о прогрессе, достигнутом субъектом» («Человек и его тело»).

«Оно проникает и окружает со всех сторон физическое тело в виде окрашенного облака. Внешняя его оболочка называется кармической орой... потому что астральное тело — вместилище кармического сознания человека, очаг всех его животных чувств, желаний. Из него берет начало всякое ощущение. Окраска его меняется соответственно мыслям человека: если он сердит, то астрал прорезают пурпуровые молнии, если он любит, то в нем дрожат розовые переливы».

Тот же автор продолжает, упоминая о достаточно развитом астральном зрении:

«Если наблюдать за лицом сначала в бодрствующем состоянии, потом в спящем, то увидим значительное изменение в деятельности астрального тела.

В первом состоянии, благодаря меняющемуся цвету, его видно в теле и в непосредственной его близости. Но когда человек спит, то происходит его отделение; на постели остается физическое тело (плотная материя с эфирным двойником), а астральное парит в окружающей атмосфере. Если наблюдаемый субъект развит посредственно, то отделившийся астрал представляет из себя бесформенную массу, как упомянуто выше. Он не может удалиться от своего тела, не может служить проводником сознанию, и заключающееся в нем существо находится в неопределенном состоянии, так как не привыкло действовать независимо от своей физической оболочки. Когда какое-либо обстоятельство заставляет его от нее удалиться, то человек просыпается, и астрал в тот же миг входит в него. Наоборот, у гораздо более духовного человека картина совершенно меняется, так как он

способен принять деятельное участие в астральной жизни. Как только астрал выделился из спящего, то мы видим самую его сущность в полном сознании, по строению и по форме точно изображающим физическое тело. В это время его деятельность: сила понимания, невероятная скорость, перемещение на какое угодно расстояние без малейшего вреда для его мирно спящей оболочки — достигает таких размеров, которые недопустимы были в его обычном состоянии».

Астральное тело, отделившееся от физического, показывается во время или после земной жизни посторонним лицам. Лицо, в совершенстве владеющее астралом, очевидно, может в любое время покинуть свою физическую оболочку и, как бы велико ни было расстояние, отправиться куда ему угодно. Если тот ясновидящ, то есть с развитым астральным зрением, то он увидит астрал своего гостя. Если же нет, то последний может уплотниться, притянуть из окружающей атмосферы физические атомы и таким образом делается достаточно видимым для обыкновенного глаза. Вот объяснение большинства видений отдаленных друзей, которые встречаются гораздо чаще, чем принято это считать. Иногда и не материализуясь астральное тело видимо лицами в нормальном состоянии, не обладающими даром ясновидения. При чересчур напряженных нервах и ослабленном физическом здоровье жизненный ток уменьшается, тогда нервная деятельность, сильно зависящая от эфирного двойника, неестественно возбуждается и производит моментальное яснозрение. Например, мать, беспокоящаяся о сыне, зная, что он на чужбине опасно болен, может сделаться восприимчивой к астральным вибрациям, в особенности в ночную пору, когда жизненная энергия находится на самом низком уровне. При этих условиях, если заснувший сын думает о ней, то есть если его бессознательное физическое тело дает ему астральным образом навестить мать, то, наверное, она его увидит. Большей же частью такие астральные посещения происходят в момент смерти, когда человек покидает свою физическую оболочку. Эти явления вовсе не редкость, в особенности если умирающий хочет видаться с очень любимым ему лицом или если ему нужно сообщить что-нибудь особенное и он не успел сделать этого при жизни.

Астральное тело прозрачно, так как его субстанция тоньше, чем материя физического тела. Это подтверждается простым народом, приписывающим призракам способность не давать тени и видеть сквозь них находящиеся за ними предметы. Исключения бывают в том случае, если уплотненный астрал привлекает к себе частицы физического плана для полной материализации и для видимой деятельности, что можно видеть

в житиях святых. Призрак обыкновенно одет как лицо, его выделившее, но случается, что он обернут только известного рода флюидическим газом. Он показывается в различных видах, и теософы утверждают, что в большинстве спиритических материализаций экстерриторизированный астрал медиума принимает образ проявляющегося существа. Они не отрицают возможности сообщения между жителем астрального плана и медиумом, но, по их мнению, подобные случаи чрезвычайно редки и притом ничто не доказывает, что это разнородный человек, но что на астральном плане есть существа, никогда не жившие на физическом и тем не менее имеющие возможность общаться. Астральное тело медиума может показываться даже на образе животных, — такого рода явления известны были в прежние времена под названием оборотней.

III. Ментальное тело. Все теософы описывают его блистающим живым светом с очень нежными и мало изменяющимися оттенками. Это оболочка души на ментальном плане, когда она покидает астральное тело. Оно образуется мало-помалу под влиянием мыслей, в особенности если они благородны и возвышенны, и по мере образования оно все увеличивается. По словам Анни Безант, «во время земной жизни оно не имеет, подобно астралу, образа физического тела. Наоборот, оно яйцевидно, проникает астральное и физическое тела и образует вокруг них светящуюся атмосферу, которая увеличивается по мере умственного развития человека. Нечего и говорить, что эта яйцевидная форма представляет чудный и лучезарный вид, если человек развил свои высшие умственные и духовные способности» («Человек и его тело»).

Ментальные чувства усовершенствовавшегося человека еще более тонки, нежели астральные. Надо бы сказать — чувство, так как они кажутся одним. Анни Безант говорит следующее: «Ментал, видимо, соприкасается всей своей поверхностью с предметами, находящимися в его плане. У него нет отдельных органов зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния. Те колебания, которые здесь воспринимаются отдельно различными органами, действуют вкупе, сразу, раз дело коснется ментала. Он получает их моментально и одновременно замечает все подробности, которые он способен заметить» («Человек и его тело»).

Лидбистер трактует еще положительнее: «Чувство, дающее возможность все это констатировать, — самая меньшая диковина небесного мира. Наблюдатель не слышит, не видит, не чувствует, как на земле, различными видимыми и ограниченными органами, у него нет удивительно развитого, как на астральном плане, слуха. Вместо этого он чувствует внутреннее присутствие странной и новой силы, не представляющей ни

одного из астральных чувств, но намного превосходящей их. Эта сила позволяет ему, как только он находится в присутствии человека или какого-нибудь предмета, не только его видеть и слышать, но еще и моментально узнать его с внутренней и внешней стороны, его причины и следствия, его способности, одним словом, все, что касается ментального и низших планов. Наблюдателю ясно, что думать и знать — одно и то же. В этом высшем чувстве нет никогда колебания, сомнения, медленности. Думает он о каком-нибудь месте — он уже там; о ком-либо из друзей — тот находится в его присутствии. Недоразумений для него нет. Как может быть он обманут или обольщен каким бы то ни было внешним видом, раз он читает, как по книге, каждую мысль, каждое чувство своего друга!? Если среди его друзей будет лицо в высокой степени духовное, то невозможно здесь, на земле, понять все превосходство их взаимных отношений. Нет для них ни расстояния, ни разлуки, недостатки человеческого языка не прикрывают и не искажают их чувства, вопросы и ответы бесцельны, так как ментальные образы читаются в момент их зарождения и обмен мыслей на этом умственном поле совершается с быстротой молнии» («Ментальный план»).

Описав, как ментал определяется цветом, формой и звуком, так что целая мысль передается красочным и звуковым образом, Анни Безант прибавляет: «Когда человек думает в бодрственном состоянии и действует через посредство астральной и физической оболочек, тогда мысль, образуясь, как всегда, в ментальном плане, передается в астральный и оттуда в физический план. Один ментал может ее произвести, и в то же время он — элемент нашего сознания, называемого всего чаще „я“» («Человек и его тело»).

Теософы называют ментальный план как местопребывание души в ментальной оболочке — Девахан (рай христиан), и обитатели этого плана — девахани. Душа умершего, находящаяся в Девахане, получающая результат своей земной работы в виде блаженства, никоим образом не может сноситься с землей, и, если в чрезвычайно редких случаях действительно бывало сообщение между девахани и живым высоко духовным человеком, то, по мнению тех же теософов, ментал последнего, поднявшись во время сна, видел и вдохновился мыслями девахани и передал физическому мозгу воспоминания своих впечатлений. Но они нам не говорят, может ли ментал живого человека показаться другому, находящемуся в бодрствующем состоянии. Вероятнее всего, что только человек духовно развитый в превосходной степени способен увидеть ментал очень развитого человека, раз ментальное тело может отделяться от астрала.

Теософское положение относительно нахождения ментала в раю не ново. Об этом пишет апостол Павел во втором послании к Коринфянам: «Я знаю человека во Иисусе Христе, который был восхищен, назад тому 14 лет, до третьего неба: в теле или вне тела — не знаю, Бог знает. И знаю, что человек этот был восхищен в рай и что слышал он там неизреченные слова, которые нельзя пересказать человеку».

Я не буду приводить других доказательств, но и приведенных довольно, чтобы утверждать, что почти во всех случаях у живого человека могут показываться только два невидимых тела — эфирное и астральное. Видимые проявления этих тонких тел назывались всегда различно: тень, привидение, призрак, двойник или астрал, — и никогда никто не отдавал отчета, какого рода они были — эфирного или астрального. В дальнейшем я буду так же поступать, называя явление призраком, что вполне согласуется с заглавием этого труда. Основываясь на приобретенном мной трудными, но интересными изысканиями опыте, я постараюсь во второй части определить в том и другом случае — относится ли явление к одному только бродящему эфирному двойнику или же к душе с ее тонкими телами, пользующейся, как проводником, орудием действия когда эфирным, а когда астральным телом.

III. Проявления призрака

- I. У древних язычников.*
- II. В мире церковном.*
- III. У чародеев.*
- IV. У теософов.*
- V. У спиритов.*
- VI. У светских людей.*
- VII. У сомнамбул.*
- VIII. У умирающих.*
- IX. У ампутированных.*
- X. У животных.*
- XI. Ликантропия.*
- XII. Отражение.*
- XIII. Призрак, переживающий физическое тело.*

Призрак живых показывался во все времена и при самых разнообразных обстоятельствах. В прежнее время такое явление

называлось двутелесность или двунахождение.

1. У древних язычников. Аполлония Тианского и Симона-волхва, двух самых знаменитых язычников, видели одновременно в двух местах. Св. Августин в своем «Городе Бога» рассказывает о случае раздвоения в форме животного и дает объяснения, которые стоит здесь привести.

«Один человек, по имени Престандиус, рассказывал, что его отец, поевши отравленного сыра, заснул, лежа на постели, и так крепко, что не было возможности его разбудить. Несколько дней спустя он проснулся и начал рассказывать о том, что он испытал как бы во сне. Он сделался лошадью и вместе с другими лошадьми доставлял солдатам ретический провиант, называемый так по месту своего отправления — Ретия. И вот убедились, что все так и происходило, хотя ему казалось, что это происходило во сне.

Я никогда не поверю, — прибавляет блаженный Августин, — для объяснения этого факта, чтобы демоны имели возможность или силу изменить я уже не говорю дух человека, но даже его тело в тело животного. Скорее допустимо предположение, что сила воображения у этого субъекта, превращающегося в призраки бесконечно меняющихся, бестелесных образов, облекающихся под влиянием мыслей или грез с невообразимой быстротой в плоть, может необъяснимым способом сделаться видимой другому человеку.

Таким образом, когда тело его, еще живое, покоится где-нибудь, а чувство оцепенения сильнее, нежели во сне, призрак его воображения, воплотившись в образ какого-нибудь животного, показывается другим. В это время он сам как бы во сне видит себя несущим тяжести, присущие этому животному».

Вот еще один факт, гораздо лучше объясненный: Веспасиан на пути в Египет провел несколько месяцев в Александрии и вылечил одного слепого и одного параличного, как это делали позже короли французский, испанский и английский.

«Эти чудеса, — рассказывает Тацит, — удвоили в Веспасиане желание посетить храм Сераписа, чтобы спросить относительно судьбы империи. Он удалил всех из храма и как только сам вошел, исключительно думая о божестве, то заметил сзади себя одного из египетских сановников, по имени Базилида, лежащего, как он знал, больным на расстоянии нескольких дней пути от Александрии. Он справился у жрецов, не был ли Базилид сегодня в храме, у прохожих — не видел ли кто его в городе, наконец, послав всадников, удостоверился, что Базилид был в это время за 80 миль. Тогда он перестал сомневаться в божественности своей миссии,

так как в самом имени Базилида нашел ответ оракула».

Этот факт изложен таким же образом Светонием в его «Истории двенадцати Цезарей».

II. В мире церковном. Здесь случаи появления одновременно в двух местах очень многочисленны и чрезвычайно интересны как по продолжительности раздваивания, так и по значению призрака раздвоившихся субъектов. Вот несколько примеров, взятых из «Мистики» Горра и из «Божественной мистики» Роба, в свою очередь пользовавшихся житиями святых.

1. Папа Климент Св., один из первых преемников апостола Петра, совершал в Риме обедню, как вдруг он крепко заснул часа на три. Когда же проснулся, он сказал народу, что по приказанию апостола Петра он во время сна был в Пизе и освящал церковь во имя первого из апостолов. И в самом деле, в Пизе все молящиеся видели его во время службы в тот самый день и час, когда он спал в Риме.

2. Св. Альфонс Лигворийский был в Ариенцо, маленьком городке своей епархии. Он впал в экстаз и в продолжение двух дней оставался без движения в кресле. Когда он пришел в себя, то сказал своим служкам: «Вы думаете, что я умер, а я напутствовал папу, который только что почил». Вскоре узнали, что папа Климент XIV скончался в тот момент, когда Св. Альфонс проснулся.

3. В 1571 году Св. Франциск Ксавье находился на корабле, шедшем из Японии в Китай. Началась сильная буря. Пятнадцать человек сошли в шлюпку, но исчезли в темноте, унесенные морем. Когда буря утихла, экипаж обеспокоился относительно участи унесенной шлюпки. Франциск Ксавье, все время молившийся, советовал не тревожиться, говоря, что через три дня их найдут. На третий день шлюпка пристала к кораблю и всех пятнадцать человек взяли из нее. Путешественники рассказывали, что во время бури они не боялись ни одной минуты, так как Франциск Ксавье был у них за лоцмана и пользовался полным их доверием. В то же время оставшиеся на корабле утверждали, что он все эти дни был с ними, и, таким образом, очевидно, что он был одновременно в двух местах.

4. Мария д'Агреда из монастыря Во Имя Иисуса в Испании до ста раз впадала в экстаз и переносилась к индейцам в Новую Мексику, которых она желала обратить в христианство. Она видела себя путешествующей по морям, испытывала сильную жару, приставала ко всем землям, проповедовала туземцам Евангелие на их языке, встречала монахов-францисканцев, которые должны были сделаться апостолами в этой стране, и беседовала с ними. Во время этих повторяющихся, непонятных для нее

путешествий (о чем она скромно исповедовалась своему духовнику) ее неподвижное тело в экстазе находилось в монастыре. Результат этих путешествий был удивительный. Продвигаясь в глубь страны, францисканцы увидели вскоре многочисленных индейцев, просивших у них крещения, не дожидаясь от них наставлений. Когда их спрашивали, то они знали основные догматы христианства, так как их научила женщина, приходившая иногда и теперь побеседовать с ними. Эти слова строго проверены францисканцем Бенавидэсом, который в 1630 году приехал из Новой Мексики, чтобы опять возвратиться назад. Он говорил об этом с Марцеллой, провинциалом из Бургоса, потом с де ла Торром, не задолго до этого ставшим духовником Марии д'Агреды. Они спросили ее, что с ней делалось. Бенавидэс сначала спросил ее о местности, где она была. Она описала страну и ее обитателей, как будто прожила там много лет; в то же время она сказала, что видела его самого в обществе других монахов, обозначив так точно место, день, час и присутствовавших лиц, что Бенавидэс окончательно удостоверился в истине ее слов. Все трое изложили результат опроса и копию оставили духовнику. Бенавидэс повез другую копию в Новую Мексику с письмом от Марии д'Агреды и положил ее в архив при доме иезуитов-францисканцев, а генеральный комиссар Новой Испании снял с нее копию, находившуюся в руках биографа Марии д'Агреды.

Церковь, рассматриваемая как ассоциация, как учреждение, воздерживалась от суждения подобных феноменов, находя, вероятно, эти вопросы чересчур деликатными, очень сложными и трудными для разрешения.

Люди же верующие придерживались взглядов теологов, высказывавшихся по этому поводу.

Их можно разделить на два класса: 1. Сторонники действительной двутелесности, или раздваивания, признававшие, что душа может отделяться от тела, удалиться от него и показываться вдали, заимствуя из окружающей среды материю для создания себе тела, подобно оставшемуся бездушному.

2. Сторонники представительства, более многочисленные, чем предыдущие, допускают только в момент смерти отход души из тела, а все действия, приписываемые призраку, считают совершающимися ангелами, облекшимися в плоть. Допускают и образное положение, когда субъект переносится в место его появления с телом и душой, а ангел заменяет собой отсутствующего.

Вот это-то объяснение, менее всего подходящее, позволяет членам

церкви утверждать что колдуны не раздваиваются, а что дьявол исполняет все преступления и другие действия, которые им приписываются.

Отец Серафин в «Принципах мистической теологии» выражается следующим образом о возможности одновременного присутствия в двух местах и о способе замещения, как оно совершается:

«В то время, как естественное тело остается инертным, душа видит себя в оболочке подобной своей, не зная, каким образом это совершилось, — обыкновенно это тело так же точно одето, как ее собственное. Это положение можно признать возможным... мы не одни, имеющие подобную точку зрения: лица, известные своим знанием, своими добродетелями и осведомленностью в мистическом учении, разделяют ее. Одновременное присутствие в двух местах бывает или только в духе, или же с телом и душой.

В первом случае физическое тело остается на месте, а там, где появляется призрак, дух облекся в заимствованное тело; во втором случае физическое тело, а с ним и душа находятся там, где как бы появился призрак, а заместитель остается в обычной для данного лица обстановке, так что присутствующим кажется, что человек не пошевелился даже в то время, когда, находясь телом и душой в другом месте, его представляет ангел. Это двойное присутствие, замещаемое, с одной стороны, и физическое — с другой, самое важное в одновременном и видимом появлении в двух местах, в теле или вне тела; оно заставляет даже предполагать действительный переход данного лица на другое место телесным или духовным образом. Если действительного перехода нет, если субъект остается там, где он всегда находится, а его все-таки видят в другом месте, то это уже сверхъестественное явление, происходящее по желанию Божьему, посредством ангела или другим образом, так что лицо заинтересованное и не знает об этом».

Чтобы хорошо понять гипотезы о. Серафина, необходимо знать точный смысл слов «душа и дух». Эти два слова, почти синонимы, употребляются одно вместо другого, но в различных смыслах; всегда это та же субстанция, та же душа, но в двух разных видах, с двумя разными способами действия.

«Мы называем ее духом, когда она возносится к Богу, — говорит епископ Елий Мерик, — когда она сознает свое возвышение и чудеса, которые Бог творит с ней, когда она очищается, отделяется от земли, порывая все греховные и рабские связи, чтобы начать религиозную, нравственную жизнь, более чистую на тех высотах, где царствует один Бог...

Мы называем ее душой, когда она соединяется с телом, чтобы его оживить, чтобы вдохнуть в него растительную и животную жизнь, когда она испытывает толчки и давление, благодаря тому, что, не задерживаясь в области веры, высоких мыслей и чрезвычайного подъема, она опускается до физической жизни наших органов, клеток и всего тела» («Воображение и его чудеса»).

По отношению к физическому телу душа, если можно так выразиться, — астральное тело, а дух — ментальное. Во всяком случае, весьма важно отметить, что богословы удваивают и даже утраивают видимое тело двумя невидимыми.

Елий Мерик, обсуждая гипотезы одновременного появления в двух местах, выражается следующим образом:

«Чаще всего погруженный в глубокий экстаз остается неподвижным, со всеми признаками смерти на челе; там же, где он появляется, он живет и действует, исполняя свою миссию...

Святая Коломбина из Риети горячо желала посетить святые места и помолиться в Иерусалиме. С ней происходили частые раздвоения. В продолжение пяти дней она духом переносилась к желанной цели. В это время ее родственники и друзья, видя ее бездыханной, решили, что она умерла. Несколько докторов исследовали ее, и только один нашел, что она жива. По истечении пятидневного срока она пришла в себя.

Очевидно, что это не ангел, а она сама посетила во время продолжительного экстаза святые места, и, конечно, не ангел же, а она оставалась неподвижной, безжизненной в руках докторов.

В данном случае гипотеза об ангеле не разрешает вопроса. Богословы-мистики, хорошо изучившие такого рода феномены, остановились на другой гипотезе. Душа будто бы имеет способность во время экстаза отделяться от тела. В том, что она облекается внезапно в плоть и одежды, однородные ее обыкновенной внешности, что она сознает свое новое положение и легкость тела, что она забывает о находящейся в экстазе своей прежней оболочке и переносится без усилий, одним порывом, в самые отдаленные места, сохраняя после пробуждения память о происшедшем, — в этом будто бы заключается тайна божественного могущества».

Сейчас же является возражение:

«Душа — то начало, которое оживляет тело и дает ему растительную, чувственную, животную и умственную энергию. Когда она удаляется, то пресекается жизнь, остается только труп, который может оживиться исключительно благодаря чуду воскрешения. Если в продолжение пяти дней и ночей тело начало бы разлагаться и доктор не мог бы найти ни

одной искры жизни или летаргию, он заключил бы, что она умерла».

Сторонники этой гипотезы отвечают, что нет такого — чуда, которое было бы не по силам могущественному Богу. Бог отделяет душу, дает ей новое тело, переносит через пространство и как Творец и Хранитель поддерживает жизнь в теле, находящемся в летаргическом состоянии.

«Если мы признаем вмешательство высшего могущества, то очевидно, что подобное чудо — возможно. Бог может поддерживать жизненную теплоту в органическом теле и как Творец дать душе воздушное тело, имеющее вид настоящего. Но не нужно бесполезно умножать чудеса и беспрестанно вмешивать сверхъестественную силу. Двойное появление уже само по себе чудо, и, чтобы его объяснить, нам предлагают новые чудеса, окруженные такой тайной, в которую нам невозможно проникнуть, — продолжал епископ. — Однако я признаю, что гипотеза случайного отделения души от тела, через благодать Божью, лучше объясняет двойное появление, нежели гипотеза ангельского замещения; на самом деле нам трудно поверить, что, пока Св. Климент находился в летаргии в Риме, ангел принял как бы на себя его тело, манеру говорить и действовать во время освящения базилики в Пизе. Ангел мог бы сам по себе, без участия Св. Климента, сотворить это чудо, не заставляя его лежать без чувств, в летаргии. Если же папа таким образом нарушил свое духовное и физическое самочувствие, если он оставался неподвижным, почти бездыханным все время, необходимое для освящения, то ясно, что он сам таинственным образом находился в двух местах.

Он даже сознавал свое двойное одновременное нахождение, потому что, пришедши в себя после глубокого сна, он рассказал подробности церемонии, где он только что был первоприсутствующим»...

Я охотно допускаю, что душу можно рассматривать в двух видах: как созерцающую истины высшего порядка и как просвещающую тело и поддерживающую жизнь. Но я не могу поверить, что дух отделяется от души и несется, по выражению о. Серафима, туда, куда Бог его пошлет.

Душа единична, проста, не сложна, индивидуальна и потому не может делиться на части, она вся там, где находится в данный момент, и мне, в конце концов, неприятно верить, что часть души может уйти вдаль, сохраняя сознание своей личности, а другая половина остается в теле, точно так же сохраняется сознание, и, таким образом, два лица, два субъекта являются необходимым результатом одновременного двойного появления. Такое решение вопроса создает, по нашему мнению, большие затруднения, и его почти невозможно помирить с известными началами психологии.

Душа непременно должна сливаться в продолжение жизни, во-первых, с духовным началом, призывающим и возвышающим ее к Богу, и, во-вторых, с жизненным началом, соединяющим ее с телом. Отделите душу от духа, останется животное, отделите дух от души, оживляющей организм, и получите отдельную сущность; человеческого существа уже не будет.

Я бы охотно поверил, что в случаях чудесного появления на двух местах феномен происходит следующим образом: душа продолжает работать, просвещать свое физическое тело, свою настоящую оболочку. В то же время, находясь в экстазе, она, не выходя из своей земной темницы, создает себе воздушное тело и оживляет одновременно и то и другое. Но благодаря своему особенному устройству воздушное тело, представляющее идеальную форму физического, поднимается, удаляется на большое расстояние и проникает плотные тела.

Для проявления этих чудес душе не нужно ни перемещаться, ни путешествовать, все равно как солнцу не нужно менять место для того, чтобы направить свои лучи вдаль. Она остается со своей земной плотью и, действуя отсюда, оживотворяет свое воздушное тело, где бы оно ни было.

Душа — дух, и для нее законов, пространства не существует.

Когда Св. Климент находился в экстазе, его душа исполняла двойную роль, она поддерживала и просвещала его материальное тело и точно так же, по могуществу и воле Божьей, она оживотворяла свою воздушную оболочку, которую видели в Пизе на церемонии освящения.

Нам, может быть, скажут: значит, существует два тела?

Без сомнения, и это — сверхъестественный феномен. Одно обыкновенное, а другое — воздушное, необычайное, продолжающее пространство. Почему, если Богу угодно взять и привести душу в экстаз, она не могла бы распространить свое излучение и свое действие? Почему она не могла бы сделать себе воздушное тело, какое видят в явлениях? Почему бы этому телу не походить на наше обыкновенное? Почему бы ему не переноситься на большие расстояния, как свету, теплоте, магнетизму, Х-лучам, если его устройство совсем особенное?

Как еще малы наши знания! Разве мы знаем материи силу, дух, человеческое тело? Разве известны бесчисленные изменения атомов человеческого тела?

Знаем ли мы, как соединяются и разобщаются атомы, колеблющиеся в эфире, в человеке или в звездных пространствах? Кто имеет право сказать, что это невозможно, раз материя неизвестна, а могущество Божье налицо?..

Все вышесказанное свидетельствует, что церковь ничего не знает на предмет раздваивания человека и что она осторожно поступила, не решая,

каким образом совершается этот таинственный и странный феномен, который до сих пор считается ею чудесным.

III. У чародеев. Мир колдунов представляет собой замечательную противоположность церковному миру.

Последний считает чудом все выходящее за пределы обыкновенного понимания, колдуны же называют эти феномены чарами, то есть действиями дьявола.

Большинство богословов, врачи и судьи, участвовавшие в процессах о колдовстве, в продолжение нескольких веков кончавшихся кострами, были сторонники гипотезы заместительства; эта гипотеза дала должные результаты в эпоху невежества, когда колдовство благодаря нетерпимости развертывалось во всем своем ужасе.

Вместо монаха в экстазе, которого видели и слышали, в то же время в другом месте действовал ангел, а как только дело касалось колдуна, погруженного в летаргию, то, конечно, логично было допустить ту же сверхъестественную причину, но только обратного порядка: так как ангел не может делать вреда, следовательно, это был дьявол, послушно исполняющий вместо чародея по его повелению почти всегда одно зло.

При беспристрастном отношении к фактам двойного одновременного появления монахов и чародеев приходится убедиться в их тождественности и в однородности их происхождения. Это особенно легко объяснить, отбросив в теории несовершенную гипотезу заместительства и приняв положение простого раздваивания тела. Эти феномены совершаются однообразно, и разница между ними будет только в мотивах, подавших повод к раздваиванию. Ясно, что монах, как относительно развитой субъект, стремится к высокому и чистому идеалу, а колдун может быть достаточно развитый астрально, но очень мало ментально, обычно одушевлен чувствами ненависти и мести.

Исходя из того, что нам известно, приходим к заключению, что душа, настойчиво желая исполнить доброе или дурное дело в месте более или менее отдаленном, на самом деле переносится туда на своем астральном теле, как главной оболочке и орудии действия, оставляя в тот момент физическое тело под руководством эфирного двойника, который должен поддерживать в нем необходимую жизненную силу, чтобы не порвалась земная связь в продолжение этой ненормальной разлуки.

Для доказательства, что, за исключением побудительных причин, факт раздваивания тождествен как у монаха, так и у колдуна, и во избежание часто спорных рассуждений я приведу несколько несомненных примеров из истории колдовства последних веков. Вот два случая, приводимые Гуено

де Муссо в «Высоких феноменах Магии», взятые им из сочинений Гланвилля, английского философа и богослова, очень компетентного и беспристрастного в этом вопросе.

Интересно отметить в обоих случаях следующую особенность: призрак колдуна видит одно лицо, а призрак благочестивых и религиозных людей наблюдается очень многими.

1. Одна женщина, по имени Дженни Брукс, поздоровавшись с Ричардом, маленьким сыном Генриха Джонса, провела пальцами сверху вниз по боку ребенка и дала ему яблоко, которое он испек и съел. В тот же момент мальчик очень опасно заболевает. В одно из воскресений около страдающего больного сидел отец и еще один очевидец, по имени Гибсон. Больной около 12 часов дня вдруг закричал:

— Вот Дженни Брукс!.. Дженни Брукс!

— Да где она?

— Вот же, на стене, куда я показываю пальцем!

Эта колдунья, так же как и действовавшая в следующем рассказе, умела входить и выходить сквозь стены. Правду сказать, никто не видел того, что казалось Ричарду — у него ведь была горячка и он, конечно, бредил! Все-таки Гибсон бросился к указанному ребенком месту и нанес сильный удар ножом.

— О, отец, Гибсон разрезал Дженни руку, она вся в крови!

Если верить сыну, то что делать? Отец и Гибсон тотчас же идут к констеблю, одному из тех редких людей, которые умеют выслушивать самые странные вещи, раз их рассказывают люди уравновешенные. Он и в данном случае выслушал, как и следует власти, совершенно беспристрастно и сейчас же отправился с ними, вошел без предупреждения в дом обвиняемой, которая, сидя на табуретке, закрыла одну руку другой.

— Как поживаете, матушка?

— Да не особенно хорошо, сударь!

— А почему вы так тщательно покрываете руку?

— Это моя обычная манера держать их!

— Может быть, она болит?

— Нет, нисколько.

— Наверное, болит, дайте-ка мне ее посмотреть.

И, как старуха ни сопротивлялась, констебль живо выдернул руку и обнажил ее: она оказалась вся в крови, как именно ребенок и видел ее.

— Я расцарапала руку большой булавкой, — сказала старуха.

Но, помимо этого случая, были доказаны свидетелями еще много других ее злодеяний, почему ее судили в Шарде и осудили 26 марта 1658

года. В это же самое время Ричард выздоровел.

Мировые судьи гг. Роб, Хонт и Джон Кари утверждали, что видели собственными глазами часть феноменов, на которых основывалось обвинение. А ведь известно, какое высокое общественное положение занимают в Англии эти должностные лица. Кроме того, все свидетели давали показания под присягой, а это что-нибудь да значит.

2. Другая женщина, Ульяна Кокс, 70 лет, однажды просила милостыню в одном доме — прислуга приняла ее довольно грубо.

«Ну, ладно, милая, сегодня же вечером расскаешься!» И действительно, только что наступила темнота, как у нее начались страшные конвульсии. Когда она немного пришла в себя, то на ее крики о помощи собрался народ.

«Спасите, видите, меня преследует эта противная нищенка!» — говорила служанка, показывая пальцем на пустое место.

«Наверное, она сошла с ума, ей уже начинает казаться. Чего это ей вздумалось нас беспокоить?» — решили кухонные философы в юбках.

В одно прекрасное утро больная вооружилась ножом в уверенности, что ее преследовательница непременно явится; на самом деле призрак Ульяны в сопровождении другого призрака — негра не замедлил своим приходом, и оба они заставляли больную непременно выпить какую-то жидкость, чему, конечно, последняя сопротивлялась. Наконец она схватила свой нож и наугад ударила свою противницу — тотчас же, на глазах присутствующих, видевших блеск стали, кровь залила ее постель.

«Удар попал колдунье в ногу, пойдем посмотрим». И больная вместе с другими сейчас же отправилась к дому Ульяны, чтобы удостовериться — есть ли у последней рана.

Приходят, стучат, но им долго пришлось бы стоять, если бы не надумали сломать дверь и силой войти к старухе.

«Ну, показывай живее ногу!»

Нога оказалась раненной и несколько минут назад перевязанной. К ране приложили нож, и что же? Размеры как раз одни и те же. Удар, нанесенный призраку нищенки в доме, где столько зорких глаз его видели, отразился на ней в месте ее личного нахождения, и, что самое важное, рану видели и осязали решительно все. Бедная служанка все-таки продолжала хворать до дня ареста и осуждения Ульяны Кокс.

3. Хотя о колдунах в наши дни совершенно не слышно, но во время перенесения спиритизма из Америки в Европу на набережной Сены, в маленькой общине Сидевиль, наблюдался очень интересный факт колдовства. В свое время он наделал много шума. Изложу его со слов Ода де Мирвилля, который видел и описал его на семьдесят первой странице

своего объемистого труда «Духи и их флюидические проявления», появившегося в 1853 году.

Один пастух, по имени Торель, вступился за товарища, осужденного за какое-то злодеяние, и стал угрожать священнику, предполагая в нем виновника осуждения.

У этого священника жили два мальчика, приготовлявшиеся к духовному сану. Они-то и сделались орудием мести.

Однажды на рынке пастух подошел к одному из детей, дотронулся до него, и через несколько часов начались очень странные феномены. Едва ребенок вернулся с рынка, что-то вроде вихря разразилось над домом священника. Вслед за этим стуки, похожие на удары молота, слышались во всех углах, иногда слабые, короткие и обрывистые, иногда такие сильные, что дом сотрясался и их было слышно на расстоянии двух километров. Жители Сидевилля осмотрели дом сверху донизу, стараясь разгадать причину шума; к этим странным звукам вскоре присоединились новые явления: удары сыплются, отбивая или число, или ритм арий, назначаемых присутствующими. Стекла рассыпаются, предметы двигаются, столы путешествуют по всем направлениям, стулья громоздятся один на другой, поднимаются на воздух да так и остаются. Требники, ножи и другие мелкие вещи выкидываются из окон; лопатки и щипцы уходят от камина, вдут в гостиную, а горящие уголья преследуют их по полу. Автор этого рассказа предлагает вопросы, заставляет стучать во всех углах комнаты таинственный шум, ставит ему условия, как вести разговор: один удар значит «да», два удара — «нет», известное число стуков — буквы и т. д. и т. д.

Условившись таким образом, он заставил выстучать свое имя и фамилию, имена своих детей, свои и их года, месяцы и дни рождений, название общины и т. д. Все выстукивается так верно и быстро, что он сам попросил своего таинственного собеседника отвечать медленнее, чтобы иметь возможность проверить ответы, отличавшиеся самой строгой точностью.

Другие тоже получили ответы относительно имен и лет лиц, им неизвестных, и, сверившись по записям гражданских актов, находили их точными. Эти феномены происходили часто в присутствии ребенка, и он всеща видел около себя тень незнакомого ему человека в блузе. Увидев как-то Тореля, он сообщил, что это тот самый, которого он видит около себя. Во время появления призрака мальчику один священник ясно различил что-то вроде сероватой колонны или флюидического пара; другие замечали несколько раз, что этот пар с легким свистом извивался во все стороны,

потом сгущался и исчезал через щели помещения.

Однажды ребенок сказал, что видит черную руку, выходящую из камина, и вдруг закричал, что рука дала ему пощечину. Все слышали звук удара и видели покрасневшую щеку, хотя руки никто не заметил. Постоянные свидетели этих феноменов слышали, что призраки боятся острия железа, поэтому, вооружившись всевозможными остриями, с силой втыкали их всюду, где слышался шум. От действия одного такого удара вырвалось пламя, а за ним настолько густой дым, что пришлось отворить все окна, чтобы не задохнуться. Когда дым рассеялся и все немного успокоились от такой неожиданности, снова принялись повсюду колоть. Послышался стон, другой, все сильнее и сильнее, наконец положительно разобрали слово «простите».

«Хорошо, мы тебя простим, даже больше, мы всю ночь промолимся, чтобы Бог в свою очередь простил тебя, но с условием: кто бы ты ни был, явись завтра сюда сам и проси прощения у этого ребенка».

Тогда все успокоились в церковном доме, и ночь прошла в тишине и молитве. На другой день после обеда к священнику постучались. Вошел скромный и смущенный Торель, стараясь шляпой прикрыть еще свежие царапины на лице. Ребенок, как только увидел его, сейчас же закричал: «Он! Он преследует меня вторую неделю!» Священник спрашивает Тореля, где он так поранил себе лицо, но тот отказывается дать по этому поводу объяснение. Он сознается зато в своих действиях, падает на колени, просит прощения. Ему велели идти к мэру и там рассказать все перед свидетелями. В мэрии он вновь на коленях просит прощения, ползет к священнику, чтобы прикоснуться к нему. Тот его отстраняет и сам отодвигается вплоть до стены — больше двигаться уже некуда. Он предупреждает пастуха, что, если тот не остановится, он ударит его, однако пастух продолжает свое, и священник наносит ему удар. Торель вызвал его к мировому судье Эрвилля в надежде получить вознаграждение. Выслушав многочисленных свидетелей, подтвердивших истину происходившего в священническом доме, чего пастух и не отрицал, судья отклонил его ходатайство и присудил его заплатить судебные издержки. Несмотря на это, феномены продолжались в ослабленном виде до того дня, когда архиепископ из осторожности удалил детей из дома. В общем вся история продолжалась два с половиной месяца, от 26 ноября 1850 года до 15 февраля 1851 года.

IV. У теософов. Теософы обыкновенно не делают опытов, поэтому в их сочинениях встречается очень немного фактов, которые можно было бы проверить. Вполне управляя собой, они не раздваиваются, как мистически настроенные монахи, для исполнения какого-нибудь дела и не подчиняются

посторонним влияниям, руководимым медиумами. Все-таки г-жа Е. Блаватская получала в присутствии многочисленных свидетелей очень странные феномены, приписываемые ею ее учителю, адепту Махатме, по ее словам, живущему очень далеко, в пустыне Тибета. В числе этих феноменов были приносы специального характера и письма, передаваемые в несколько секунд от корреспондентов, находящихся на расстоянии сотен километров.

Я опишу более простые, обыденные случаи, происходившие иногда случайно с некоторыми лицами.

В 1880 году г-жа Е. Блаватская гостила у г. Свинета, президента теософского общества в Симле. Он изложил несколько фактов, происшедших благодаря ей в его присутствии, в хорошо обработанном труде «Оккультный Мир», вышедшем сначала на английском, затем на французском языке. Из издания 1901 года этого сочинения я приведу следующие строки, описывающие «произвольные стуки»:

«Я заметил, что, раз ей этого хотелось, удары всегда получались в стол, около которого она сидела... Участие других было излишне. Даже можно было обойтись без стола, для этого употреблялись оконное стекло, стена, дверь. Одним словом, все, что могло подавать звук. Например, г-жа Е. Блаватская держала одну или обе руки на стеклянной двери, и получались чистые, отчетливые стуки. Казалось, что стучали кончиком карандаша или трескали искры, вылетающие из кондукторов электрической машины. Часто вечером мы ставили перед камином, на ковре, колпак от часов. Г-жа Е. Блаватская садилась около него так, чтобы не задеть его платьем, и клала на него руки без колец. Против нее зажигали лампу, и мы все садились прямо на ковер против нее, чтобы сквозь стекло видеть ее ладони. При таких исключительных условиях на поверхности колпака получались частые и ясные звуки. Стуки нам повиновались, где бы они ни происходили — на окне или на колпаке. Я брал первое попавшееся имя, прося, чтобы его выстукали, и при перечислении мною алфавита соответствующие буквы сопровождалась стуком; назначал число ударов или же просил соблюдать известный ритм, и мое желание исполнялось. Мало того, г-жа Е. Блаватская клала одну или обе руки кому-нибудь на голову, лицо, подвергавшееся опыту, чувствовало ясно всем слышные звуки в виде искр, вылетающих из электрического аппарата.

Позднее, когда я занялся исследованием, результаты получались еще более блестящие. Удары исходили от предмета, хотя г-жа Е. Блаватская не дотрагивалась до него. В Симле в присутствии серьезных свидетелей она извлекала звуки из маленького стола, к которому никто не прикасался. На

несколько минут она клала на него руки и, как бы насытив его флюидом, отнимала их и только одной рукой на высоте одного фута производила магические пассы, которым соответствовали получающиеся стуки. Эти опыты удавались не только у нас, но и у наших друзей, к которым г-жа Блаватская ходила вместе с нами в гости.

Может быть, некоторые удивятся, к чему я привел эти феномены, когда речь шла о призраках, но это сделано мной по аналогии, так как, во-первых, теософы приписывают их участию отдаленного адепта, а спириты — присутствию духов; и, во-вторых, как мы знаем, чародеи производили сильные стуки тоже без появления призрака. Теперь на спиритических сеансах они получают с появлением рук и призраков, достаточно материализованных, чтобы быть видимыми всеми присутствующими.»

Следовательно, читателю ясно, что одни и те же феномены происходят хотя и в разных лагерях, но от одной и той же причины.

V. У спиритов. У них призрачные явления бывают очень часты и разнообразны. Из физических явлений можно перечислить следующие: стуки, всевозможные шумы, даже гармоничные звуки разных инструментов, движение столов с цепью рук или без нее, с ответами на предложенные вопросы, перемещение предметов и даже прохождение их сквозь плотные тела, принос вещей, в особенности цветов, левитация медиума, как это бывает с индийскими факирами и с религиозными мистиками, появление фосфорически светящихся точек, огней, светящихся рук и даже появление призраков, которые ходят, говорят и действуют как живые люди. Все эти странные феномены, приписываемые современными учеными неизвестной силе, называемой ими «психической», спириты относят к присутствию духов, то есть душ умерших, сообщающихся с живыми посредством особо одаренных людей, или медиумов.

Подобные же случаи наблюдаются у чародеев, которые, как мы говорили, сообщаются с самим дьяволом, и у теософов, вполне подчиненных своему учителю. Но в высшей степени неправдоподобно приписывать эти феномены какой-то посторонней воле, тем более что они получают при аналогичных обстоятельствах и условиях лицами разных школ, объясняющих их по-своему. Мы скоро увидим, что подобные факты наблюдаются почти всегда неожиданно у светских людей, не желающих этих явлений, так как они не любят выставять напоказ свои особенности. Раз это так, то надо признать общую причину и предположить, что по крайней мере в иных случаях феномены обязаны своим появлением раздваиванию субъекта, дающего им начало.

В таком же роде рассуждают оккультисты, и от их имени Папюс в

своем «Посвящении» дает объяснение, сопровождая их артистически исполненными рисунками, как человек, хорошо понимающий механизм этих таинственных явлений.

В рисунке художник воспроизводит материализацию, показывающую удивленному зрителю появление призрака. Папюсу трудно было изобразить этот редкий феномен, потому что со стороны медиума требуется огромный и продолжительный расход плотного, то есть физического, флюида. Он исходит из области селезенки и сгущается сзади или слева в виде призрака. Экстерриторизировавшийся призрак — астральное тело медиума, принимающего его наружность, выражения и манеры или облик другого лица. Бывает, хотя редко, что вместо астрального тела медиума проявляется постороннее для него существо. В этом случае он дает только свой флюид, который «прикладывается на невидимую форму, как у скульптора модельная масса на проволочный каркас». (Август 1902 г.)

Другой рисунок показывает перенос цветов из одной комнаты в другую. По этому поводу Папюс говорит следующее в «Посвящении» от февраля 1903 г.:

«В Туре был произведен интересный опыт в присутствии очень серьезных людей. Дело обстояло так: лица, участвовавшие в сеансе, пошли в сад, выбрали и хорошо заметили один цветок и вернулись обратно, в то время как М.Ж... магнетизировал путь от цветка до дома. Когда заперли на ключ стеклянную дверь, ведущую в сад, все присутствующие могли видеть цветок на своем месте, а после нескольких минут сеансирования он был уже в комнате. Сейчас же вышли в сад и убедились, что дверь все так же заперта, никого, кроме сеансирующих, около дома не было, а цветок оторван со стеблем.

Факты приноса должны быть очень хорошо проверены, так как благодаря их многовариантности недобросовестные медиумы мистифицируют присутствующих. Лично мне приходилось наблюдать очень отчетливые и легко проверяемые приносы в Париже с г-жой Баблэн и в Петербурге с медиумом Самбором».

Еще один рисунок показывает отпечаток лица призрака. В майском журнале «Посвящение» за 1902 год Папюс рассказывает этот факт следующим образом: «Еще Аксаков получал отпечатки отдельных членов и рук. Если бы в данном случае был обман, то одна только кисть руки могла бы служить для моделирования.

Полковник Роша получил отпечаток с Евзанией Паладино факт, изученный нами специально для создания теории этих интересных случаев. Этот отпечаток был настолько рельефен, что казался слепленным с

настоящего лица. Женские волосы, обрамлявшие его, исключали возможность материализации духа Дэрона. В скобках скажем, что скептики и лица несведущие говорят, что медиум сам переместился для получения отпечатка. Опыты Аксакова и протоколы сеансов, устроенных г. де Роша в Агнеласе, в корне уничтожают эти детские возражения.

По нашему мнению, у Евзапии Паладино произошло отделение двойника астрального тела, или периспри, отпечатавшегося на модельной массе. Но бывают случаи, когда отпечаток воспроизводит черты другого лица, по спиритической теории это проявление самих себя духами. Не отвергая этой возможности, поищем другое объяснение феноменов. Все оккультисты знают, что в опытах с материализацией медиум своим экстериоризировавшимся из области селезенки астральным телом создает оболочку для имеющего проявиться существа. Оболочка эта, собственно, только форма, созданная живой мыслью, дающей начало материализации, и задача заключается в том, чтобы найти истинное происхождение этой мысли, образующей астральное клише.

Мы не отвергаем, что Дух действительно может быть причиной этого явления, но опыты с клише, доложенные на конгрессе Дональдом МакНабом, доказывают, что ментальный образ, исключительно созданный мозгом медиума, способен произвести материализацию, закрепленную фотографической пластинкой.

В Соединенных Штатах до 1875 года г-же Е. Блаватской, знавшей теорию и практику этих феноменов, нравилось придавать материализованным явлениям черты живших в то время политических деятелей, что вполне возможно, давая известное направление ментальным клише, возбуждающим астральную силу медиума. На самом деле мощь человеческой жизни и ее двигательную энергию еще очень мало знают. Даржэ доказал опытным путем, какое сильное воздействие имеет мысль на фотографическую пластинку, влияя на нее непосредственно или через объектив. Поэтому необходимо вновь и очень тщательно изучить, не дают ли мысли консультирующего истинное начало материализации, например для проявления умершего ребенка, не одинаковую ли долю приносят и мысли опечаленной матери, и астральное тело медиума».

VI. У светских людей. Под этим немного туманным названием я подразумеваю лиц, которых нельзя отнести ни к монахам, ни к чародеям в исступлении, ни к теософам или спиритам, то есть людей обыкновенных, как вы и я, сравнительно здоровых, раздваивающихся внезапно, не подозревая того и, во всяком случае, ничего для этой цели не делающих. В раздваивании, бывающем чаще, чем принято думать, существуют

бесчисленные градации, начиная от еле заметных феноменов, вроде предчувствий и сновидений, и кончая наиболее сильными и характерными явлениями, когда присутствующие видят ходящего, говорящего или действующего призрака.

Мы уже знаем, что относительно частые и отчетливые проявления призрака, или, как его обыкновенно называют, двойника, случаются с глубоко верующими монахами, приходящими в экстаз, с чародеями и умирающими. С обыкновенными людьми ввиду их отрицательного отношения раздваивания бывают гораздо слабее и реже. Несколько чаще встречаются они у лиц с особенно чуткими нервами, называемых сенситивами. Многие из них даже видят свой внезапно экстерриторизировавшийся призрак и часто наблюдают, слышат и осознают нечто совершенно сверхчувственное. В бодрствующем состоянии призрак обыкновенно заключен в физическом теле, но случается, что он выходит, оставляя его в состоянии непонятного беспокойства, и, наоборот, выражение физического лица бывает спокойно, тогда как призрак, видимо, озабочен.

Исторические случаи. Четыре замечательных сочинения дают нам в этом отношении богатый материал. Приведем их в хронологическом порядке: «Мистика» Гера, французское издание, переведенное Карлом Сент-Фуа в 1854 году. Особенно интересен 3-й том — «Об естественной мистике». «Посредник в магии, человеческий призрак и жизненное начало» Гугено де Муссо, 1863 года; «Высшие проявления магии», того же автора, 1861 год, и «Опыты над Посмертным Человечеством и Спиритизмом» А. Д'Ассье, 1883 год. Все эти сочинения приводят многочисленные случаи появления, при известных обстоятельствах, призрака живого человека.

Первый поименованный нами автор допускает, что раздваивание есть следствие естественного предрасположения, следовательно, тут нет ни чуда, ни фокуса.

Второй автор подтверждает, как и его вышеназванный коллега, что во все времена психологи всех цивилизованных народов признавали, что человек состоит из трех начал: тела, души и посредника между ними. На этом построена целая теория, подкрепляемая серьезными доказательствами.

Третий автор, профессор университета, философ-позитивист и известный филолог, изучивший сначала посмертные явления, то есть переспри спиритов, и перешедший благодаря тщательному наблюдению фактов на изучение призраков живых людей, признает за ними тождественность характера и происхождения.

Первый автор описал до двадцати замечательных случаев внезапного раздвигания. Я выбрал из них простейшие:

«В Лондоне Мартону был лично известен один разумный молодой человек, трезвый, религиозный, очень уравновешенный, с известным образованием, рассудительный и серьезный, никаких странностей или увлечения фантазиями, как это часто бывает с лицами, видящими призраки, у него не было, а между тем вот какой случай произошел с ним.

Он служил в Лондоне у одного купца и должен был отправиться в Америку, где его хозяин имел контору. Пароход уже был готов к отплытию, торопились дописать письма и сделать последние приготовления, поэтому хозяин, идя обедать, оставил его работать в кабинете. Поев, он спустился из столовой вниз, чтобы отпустить в свою очередь молодого человека, и через дверь кабинета увидел его на своем месте, около бухгалтера, а так как ему нужно было тотчас же вернуться в столовую, то, не сказав ему ни слова, вновь поднялся по лестнице и в людской увидел того же молодого человека сидящим с другими. Его так это поразило, что, пройдя к себе в столовую, находящуюся рядом с людской, он послал справиться, на самом ли деле этот служащий тут, и, когда получил утвердительный ответ, решил, что у себя в кабинете видел его призрак, потому что другого хода из кабинета кверху не было, а вместе с ним он не поднимался, что к тому же было бы крайне невежливо».

Вот более сложный и часто повторяющийся случай. Его рассказывают Гугено де Муссо и А. Д'Ассье:

«Сэр Роберт Дэль Оуэн, американский посланник в Неаполе, сообщает, что в Ливонии был пансион Нейвельке в 12 верстах от Риги, в 1/2 версты от Вольмара. В нем жило до 42 пансионеров, все из дворянских фамилий, а в качестве классной дамы приглашена была в 1815 году Эмилия Сажэ, француженка 32 лет, прекрасно себя зарекомендовавшая, с хорошим здоровьем, хотя нервная. Несколько недель по ее приезде воспитанницы стали замечать ее одновременно в двух местах.

Однажды девочки увидели в классе сразу двух Эмилией Сажэ, проделывающих одни и те же движения, только одна держала в руке мел, а у другой ничего не было. Спустя некоторое время Эмилия Сажэ застегивала сзади платье Антонине де Врангель, девочка случайно обернулась, увидела в зеркале двух Эмилией и со страху упала в обморок. Иногда во время обеда вторая фигура появлялась, стоя за стулом Сажэ и как бы кушая, проделывала все движения, не имея, однако, ни ножа, ни вилки. Но это было случайным явлением, так как бывало, когда Эмилия вставала, ее второе „я“ оставалось на стуле.

Один раз Сажэ, видимо, нездоровилось. Она была сонлива и вяла. Вдруг она вытянулась, побледнела и, казалось, готова была упасть в обморок. Одна из учениц спросила, не дурно ли ей; оказалось — нет. Несколько минут спустя Врангель ясно увидела вторую Эмилию, прохаживающуюся взад и вперед по комнате. Следующий случай с ней еще замечательнее. Раз все воспитанницы вышивали в зале нижнего этажа с четырьмя стеклянными дверями в сад, там Эмилия ходила и рвала цветы, как вдруг она очутилась в пустом кресле. Воспитанницы сейчас же взглянули в сад и увидели Эмилию, вяло и слабо продолжающую свое занятие. Две самые смелые подошли к сидящей фигуре и попробовали дотронуться до нее. Они почувствовали маленькое сопротивление, как бы от муслиновой или креповой ткани. Рука прошла сквозь одну из частей фигуры, сначала та продолжала сидеть, потом постепенно стала исчезать. Такие явления продолжались во все время службы Эмилии, около полутора лет, с промежутками от одной до нескольких недель. Иногда замечали, что чем вторая фигура яснее и плотнее, тем действительная вялее, бессильнее, немогущее, а когда призрак ослабевал, больная делалась крепче. Она сама не сознавала своего раздваивания и только понаслышке знала о нем. Никогда не видела своего двойника и не отдавала себе отчета о своем в то время состоянии. Ее родители обеспокоились, позвали ее домой, и таким образом кончилось ее учительство».

В первом рассказе призрак показался в хозяйском кабинете, но не двигался, тогда как во втором он переходит с места на место и повторяет как бы отраженные действия физического тела. Он состоит из настолько плотного, почти материального флюида, что на ощупь оказывает даже сопротивление. Такого рода дубликат физического тела нечто большее, нежели его отражение в зеркале, образуется и растет за его счет, занимая у него и материю и силу. Это было до очевидности ясно пансионеркам, потому что при них Эмилия слабела, замедляла свои движения и теряла силы по мере образования ее призрака. Когда последний достиг своего полного развития, физическое тело истощилось и находилось в состоянии, близком к расслаблению.

Вот еще два более сложных случая, похожих в смысле деятельности на наиболее характерные раздваивания монахов-мистиков.

Первый из них описывается обоими вышеуказанными авторами.

«Сэр Роберт Брюс, член знаменитой шотландской фамилии, служил старшим офицером на корабле, крейсировавшем около Новой Земли. Однажды, когда он занимался вычислением, ему показалось, что против него за столом сел капитан, но, взглядевшись, увидел, что вместо него сидит

какой-то незнакомец с удивительно холодным взглядом. Он поднялся к капитану совершенно растерянный и спросил:

— Кто это сидит у вас?

— Никого нет.

— Да я сам видел, но как попал он к вам в каюту?

— Вы что, грезите или смеетесь?

— Нисколько, будьте добры, сойдите вниз и посмотрите.

Внизу, однако, никого не оказалось, точно так же как и на всем судне, несмотря на самые тщательные поиски.

Брюс вспомнил, что незнакомец что-то писал на грифельной доске, и на самом деле на ней прочли: „Направляйтесь к северо-западу“. Чтобы узнать, кем были написаны эти слова, заставили весь экипаж по очереди их повторить, но ничего сколько-нибудь похожего не было.

— Хорошо. Послушаемся. Ветер дует попутный, и можно попробовать направиться к северо-западу.

Три часа спустя часовой на мачте заметил ледяную гору и около нее разбитый корабль, шедший из Квебека в Ливерпуль с большим количеством пассажиров. Их в шлюпках перевезли на прибывшее судно. Когда один из спасенных пассажиров поднимался по трапу, Брюс, стоявший у входа, вздрогнул от волнения и отступил на несколько шагов, так как узнал в нем незнакомца, писавшего на грифельной доске. Доложили капитану, тот попросил новоприбывшего написать ту же самую фразу на чистой стороне доски, что тотчас же было исполнено. Пораженный сходством почерков, капитан перевернул доску и показал ему первую фразу. Наступила его очередь удивляться.

— Скажите, может быть, вы во сне видели, что писали на этой доске? — задал ему вопрос капитан.

— Нет, по крайней мере, я не помню.

— А что делал в полдень этот пассажир? — спросили капитана затонувшего судна.

— Он был очень утомлен и крепко заснул, насколько мне помнится, перед полуднем. Приблизительно час спустя он проснулся и сказал мне: „Капитан, мы нынче же будем спасены. Я видел себя во сне на борту корабля, шедшего к нам на помощь“. Он описал судно и его оснастку, и, к нашему большому удивлению, мы узнали его, когда вы пришли нам на помощь.

Пассажир в свою очередь сознался, что хотя он никогда не был на этом судне, но ему тут все знакомо».

В этом случае интересно отметить, во-первых, что призрак имеет вид

живого человека и, во-вторых, что пассажир погибающего судна, раздвоившись, посылает свой призрак на поиски корабля-спасителя, находит его, дает письменно совет, в какую сторону идти, так как не может сказать обыкновенным голосом, сознает, что совет его принят к сведению и будет исполнен. В то же время, как это бывает с сомнамбулами после магнетического сна, его физическое тело, проснувшись, ничего не помнит, хотя, однако, сохраняет впечатление как бы от знакомой обстановки, никогда не видел ее раньше.

Надо еще отметить, что это раздваивание, более совершенное, чем предыдущие, произошло во время глубокого сна.

Вот еще один случай говорящего призрака, рассказанный бароном дю Потэ в «Полном трактате о магнетизме, курс 12 уроков», 1894 год, заимствованный им в свою очередь из английского журнала 1854 года.

Следующий факт хорошо проверен и может быть отнесен к числу самых трудно объяснимых в спиритуалистическом смысле. Он был напечатан в «карманной книжке» друзей религии Юнгом Штиллингом, которому рассказал лично переживший его барон Зульца, камергер короля шведского.

«Как-то летом, возвращаясь из гостей домой уже в полночь, когда в Швеции настолько светло, что можно разобрать самую мелкую печать, я встретил у входа в парк своего отца, в его обычном костюме, с палкой в руках. Еще мой брат вырезал ему эту палку. Я поздоровался, и мы с ним долго говорили, направляясь к дому. Уже войдя в его комнату, я увидел в постели крепко спящим отца, в этот момент призрак исчез. Через несколько минут отец проснулся и вопросительно посмотрел на меня.

„Слава Богу, Эдуард, ты жив и здоров. Я видел во сне, что ты упал в воду, стал тонуть и очень мучился“.

Правда, в этот день я ходил с товарищем на реку ловить раков и чуть-чуть было не утонул. Я рассказал отцу, что видел его призрак у начала нашего парка и долго с ним разговаривал, на что он мне ответил, что подобные явления часто бывают. Они подтверждают распространенное мнение, что дух во время жизни тела может в эфирной оболочке выйти из него, показываться и действовать в других местах и при пробуждении тела вновь вернуться в него».

Этот последний феномен раздваивания во сне, хотя очень редкий по степени материализации, показывает, что делается с каждым из нас во время сна, конечно в более упрощенной и естественной форме, так как наш призрак недостаточно материализуется не только для разговора, но даже и для зрения.

Займемся разбором последних обычных, а потому и менее сложных фактов. Эмилия Сажэ в Риге не видела сама своего призрака, как большей частью и бывает, но иногда это случается с поразительной ясностью.

Штейнмец, немецкий пастор, по словам Карла дю Преяля в «Смерти и по ту сторону», часто видел свой призрак сидящим в саду на том месте, где он сам привык сидеть. Раз в разговоре с друзьями он сказал про себя:

«Вот Штейнмец смертный, — и, показав им сидящий призрак, добавил: — А вот Штейнмец бессмертный».

Под влиянием неослабевающей воли некоторые энергичные люди могут в бодрствующем состоянии раздваиваться и быть видимыми на расстоянии. Несколько таких случаев рассказаны в сочинении Гернея, Майерса и Подмора «Призраки живых», о чем я упомяну позднее.

Нерассказанные случаи. Я приведу несколько фактов, сообщенных мне, когда я занялся изучением этого дела.

1. Случай с г-жой Л., желающей сохранить инкогнито. Воспроизведу без объяснений ее письмо от 18 января 1908 года.

«Я прочла с большим интересом в „Журнале Магнетизма“ вашу статью о выделении призрака, потому что уже несколько раз я лично испытывала такие вещи, которые могу приписать только внезапному и бессознательному раздваиванию. Последний раз со мной случилось это в конце сентября прошлого года. Я легла и заснула в обычное время, как вдруг ночью мое сознательное „я“ очутилось в ногах моей кровати и я с удивлением увидела свое тело, лежащее в постели на левом боку, очень тяжело дышавшее, как бы после сильной беготни. Потом все смешалось и я, на этот раз окончательно проснувшись, опять увидела себя лежащей на левом боку с сильнейшим сердцебиением и с сильно затрудненным дыханием. Примите и т. д. и т. п.».

2. Случай с г. Лемуаном, майором в отставке, 107 улица Монахинь в Вольне на Манше. Привожу опять без объяснений следующие два письма — от 21 января и от 14 февраля 1908 года.

«Дорогой г. Дюрвиль! Давно уже я занимаюсь магнетизмом. Шестнадцать месяцев назад я познакомился с мадемуазель Лебо, дочерью скромных родителей, 35 лет, очень болезненной, и предложил ее магнетизировать, на что получил согласие. Во время моих сеансов я заметил, что она природная ясновидящая, то есть что она может видеть сверхчувственное, не впадая в магнетический сон. Около года тому назад она с улыбкой говорит мне:

„Вы, однако, нескромны... Вы опять приходили ко мне в гости нынче ночью. В первый раз я очень смутилась, а теперь я уже привыкла (мы

живем друг от друга на расстоянии 1500 метров)“. — „Как же это так?“ — „Когда вы спите, ваш двойник отделяется и приходит меня осматривать, чтобы найти слабый пункт в моем организме. Я слышу ваши размышления и знаю теперь, что у меня самое больное место — выход в желудок... Вы иногда остаетесь так долго, что я уже перестаю обращать на вас внимание и засыпаю“. — „Что же, часто со мной это делается?“ — „Да, иногда даже и днем!“ — „Это любопытно!“

Если я могу раздваиваться невольно во время сна, то постараюсь сделать то же самое в полном сознании. Я стал регулярно делать упражнения внутреннего сосредоточивания и могу теперь отделяться, когда хочу, ночью, а при известных условиях и днем. Я очень хорошо сознаю, когда астрал уходит и возвращается, но не знаю, где он бывает, хотя не отчаиваюсь добиться и этого».

«Со времени моего последнего письма могу сообщить вам новые подробности относительно моих упражнений с раздваиванием. Как вам известно, я не имел сведений, что делает, отделившись, мой астрал. Следующим образом мне удалось узнать, что я по своему желанию могу им управлять: я попросил мою ясновидящую, помогающую мне в моих опытах, сосредоточиться в назначенный час, одновременно я стал усиленно думать, что, раздвоившись, пойду к ней, три раза обойду кругом стола и наконец сяду. На другой день Лебо мне говорит: „Вы вчера были очень странным: сначала все кружились около стола, а потом вдруг сели“. Это было убедительно.

Другой раз я задался следующей целью: сесть около ее камина, взять щипцы и начать размешивать угли. Так все и произошло. Надеюсь благодаря ежедневным опытам получить через некоторое время еще более решительные результаты. Примите и пр. и пр.».

3. Случай с г-ном Руссо, рожденным в 1855 году, представителем купечества в Версале, который легко раздваивается, видит свой призрак и иногда узнает будущие события.

Г. Руссо с детства обладает странной способностью внезапно раздваиваться и иногда даже чувствовать, видеть и слышать на расстоянии. Одним словом, узнавать не только происходящее где-нибудь в это время, но и имеющее случиться через несколько дней, месяцев и лет. В очень короткий срок, самое большее 45 минут, он вполне осведомлен о всех крупных и мелких подробностях какого-либо события, о его последствиях, непосредственных и отдаленных результатах.

Например, будучи ребенком, он, вставая утром, знал иногда не только о каких предметах будут говорить в училище, куда он ходил, но даже слово

в слово как вопросы учителя, так и ответы учеников со всеми вытекающими из них последствиями для всех вообще и для каждого в частности.

Он видел манифестацию в казармах Рейльи со всеми мельчайшими событиями, происшедшими до нее, во время и после нее.

Он видит арест нескольких политических деятелей с их руководителем, лично ему неизвестным. Этот господин, очень высокого роста, видимо возбужденный, произносит речь, широко размахивая руками.

Он видит судебное следствие, собрание сената, превращенного в Верховный суд, осуждение и изгнание обвиняемых, их возвращение и конец их политической карьеры. Через три месяца он узнает из газет, что первая часть его видения осуществилась; по иллюстрациям, что Дерулэд — вожак манифестантов. Последующие события вполне подтвердили точность его видения. Г. Руссо сообщил о нем некоторым друзьям, людям, весьма серьезно убежденным в существовании этой способности, еще до события в Рейльи. Один из них, артиллерийский капитан из Версаля, передал об этом мне, и ясновидец вновь охотно повторил свой рассказ.

Несколько лет назад он видит своего сына, тогда совершенно здорового, опасно больным. Он видит все перипетии болезни, отчаяние жены, последовательно происходящие кризисы, смущение доктора, объявляющего в конце концов о безнадежном положении ребенка. Целую массу мелких подробностей, которых положительно невозможно передать, и, наконец, выздоровление. Через 15–20 дней ребенок заболевает, зовут доктора, сообщаящего окончательно, что делать ему тут нечего. Одним словом, все происходит так, как видел это г. Руссо.

В 1897 году он видит, что Версальский епископ устраивает ряд не совсем религиозных бесед в городском театре. Об этих беседах нигде не было даже и речи, а через два месяца епископ выпускает о них объявления. Они происходят в городском театре по ранее известной ему программе в присутствии лиц, которых он тогда не видел. Эти феномены преждевременного видения будущих событий, происходивших с почти математической точностью, случались обыкновенно вечером, между 10 и 11 часами, когда он был уже в постели или же собирался ложиться. Он видел тогда разноцветные флюиды: голубые, белые, красноватые, исходящие из разных частей тела, в особенности из рук, потом следовало небольшое сотрясение всего тела, сопровождаемое приятным или неприятным ощущением, смотря по сюжету его видений. Флюиды сгущаются над ним, принимают форму его тела. Этот двойник, по его мнению, или экстерриторизировавшийся призрак, не повинуетс ему, а

сейчас же уходит, проходя сквозь стены и отправляясь на место происходящего события, где видит, слышит, чувствует все подробности. Тут надо заметить, что в некоторых событиях он участвует лично, а иногда присутствует в качестве постороннего наблюдателя. В первом случае, когда призрак уходит, ему кажется, что вместе с ним уходит его физическая и нравственная личность, его сознательное «я», и он не может отдать себе отчета, осталось ли тело в постели. Он видит тогда все мельчайшие подробности, которые впоследствии непременно исполняются, что и случилось во время болезни сына. Во втором случае, то есть когда не бывает его личного участия, как это видно из происшествий в Рейльи, он знает, что только какая-то часть его отправляется на место имеющего случиться события, но что его сознательное «я» остается в теле и что, лежа в постели в бодрственном состоянии, он весь тут и физически и морально. В этом случае ему кажется, что он одновременно находится в двух местах и чувствует, что мог бы встать и пойти, но лучше продолжать спокойно лежать. В обоих положениях он не отдает себе отчета, когда и как возвращается призрак в физическое тело. Раздваивание происходит, как было сказано выше, обыкновенно вечером, между 10 и 11 часами, но изредка случается и днем, сопровождаемое той же дрожью; в последнем случае получается всегда настолько неприятное впечатление, что он не в состоянии удержать совершенно беспричинных слез. В продолжение многих лет раздваивание случалось с ним всегда неожиданно. Теперь, когда ему пожелается узнать о перемене положения, о результате какого-нибудь дела или о каком-либо будущем событии, ему нужно только сильно сосредоточиться на нем, спокойно лечь, и раздваивание произойдет почти обязательно, дав ему нужные сведения. Необходимо отметить одну любопытную особенность: видя совершающийся факт, он никогда не знает, когда он случится, но зато ему известно, где при каких условиях произойдет событие, и может даже назвать учреждение, если только видел его раньше. Например, ему захотелось узнать, останется ли он в Версале в случае, если прикроет свое дело, и увидел, что будет жить в небольшом городке вблизи Версаля. Название этого городка ему неизвестно, но, если бы пришлось как-нибудь в нем побывать, он сейчас же узнал бы его, настолько запечатлелись в его памяти маленькая ратуша из простого кирпича и все другие топографические подробности. Г. Руссо долго не верил ни в Бога ни в дьявола, так же как и в существование души за гробом. Все-таки эти феномены, которым он, между прочим, не придает важности, заставили его как здравомыслящего человека призадуматься, что какая-то часть нашего существа переживает нас после смерти. Но мысль,

что это может быть именно двойник, почему-то никогда не останавливала его внимания. Он не верил религии, по крайней мере той, которую проповедует духовенство, точно так же как и в спиритические явления, хотя несколько раз лично наблюдал их. Сам он не медиум, так как никогда не получал медиумических феноменов. Наоборот, заметил даже, что, когда ему приходилось бывать на спиритических сеансах, где, как говорили, легко получались феномены, он только стеснял медиума и ничего не выходило. Ему никогда не приходилось слышать у себя необыкновенных шумов, вроде необычайного треска мебели, стучащих ударов или перемещения предметов, одним словом, всего того, что часто случается со спиритами.

Геркулес ростом, очень полный и сильный, г. Руссо нервно-сангвинистического темперамента, никогда не был болен. В данном случае нельзя предполагать самовнушений, так как ни экзальтированности, ни фантазерства в нем не заметно. Постороннего же влияния не может быть, потому что он совсем ему не поддается, а, скорее, сам действует на других, в чем, вероятно, и кроется та причина, почему медиумы в его присутствии ничего не могут сделать.

Если бы собрать все описанные случаи раздваивания живых людей у одних только светских лиц и огласить еще неизвестные факты, то можно было бы насчитывать их тысячами. Но этот длинный перечень ничего не прибавит к очевидности существования подобных феноменов, и без того достаточно доказанных.

Фотографирование призраков. Если в известных случаях можно видеть призрак, то тем более возможно запечатлеть его на фотографической пластине, более чувствительной, нежели оболочка нашего глаза. В самом деле, призраки фотографируются около физического образа помимо какого бы то ни было желания или усилия со стороны фотографа или снимающегося. Ярые скептики найдут всегда возможным объяснить подобный снимок ошибкой, двойной позой, движением снимающегося или аппарата, даже ретушью негатива, но на нем выступают настолько характерные подробности, что даже очень искусный художник не в состоянии подделать их, да и сама возможность подделки отнюдь не доказывает отсутствия самого факта.

В своем замечательном труде «Анимизм и спиритизм» Аксаков упоминает о случае с профессиональным фотографом, снимавшим группу из трех лиц. Когда развернули пластинку, то увидели сзади этой группы четвертое лицо, которое было, по словам автора, двойником помощника фотографа. Вот еще два портрета, описанных мной в моем «Личном

магнетизме».

Один священник, фотограф-любитель, снимает при обыкновенных условиях своего друга, тоже священника. Пластина развернута, и, к большому удивлению обоих батюшек, уверенных, что никто и ничто не двигалось с места, на ней вышли очень ясно два лица, похожих друг на друга, но с разными выражениями. Из них астральное расположено немного выше и правее физического с выражением человека, «не слушающего, что ему говорят».

Священник-фотограф показал пластинку самым опытным любителям в Туре, которые не нашли этому явлению другого объяснения, как сдвигка с места либо аппарата, либо снимавшегося, хотя они сами понимали, что подобное толкование не отвечает истине. Снимок показали полковнику Дарже, тот сейчас же узнал в нем астральный образ раздвоившегося во время съемки священника.

Г. Дарже хотелось выяснить — нельзя ли при известных условиях снять магнетический флюид, для чего он попросил помощи г. Пинара, магнетизера в Туре, в виде личного участия его и его дочерей в предлагаемом опыте. Г. Пинар охотно согласился.

В продолжение нескольких минут он магнетизировал своих дочерей, как делал это с больными, а г. Дарже сделал с них в этот момент несколько снимков. На некоторых из них проявление светящейся полосы доказывало существование флюида, но одним Дарже был положительно поражен: обе девочки вышли раздвоенными. Он уверен, что во время сеанса ни они, ни аппарат не сдвинулись с места ни на одну йоту. Действительно, если пристально взглядеться, то можно положительно утверждать, что предполагаемое движение не имело места, так как, во-первых, ног у призраков не видно, что доказывает, что вся энергия была обращена на верхнюю часть туловища; во-вторых, левая рука левой девочки сложена, а у ее призрака она опущена вдоль тела, и, в-третьих, призрак, получающийся из более тонкой астральной ткани, позволяет видеть предметы, находящиеся за ним.

Я показывал эти карточки профессиональным фотографам, спрашивая, не приходилось ли им, проявляя негативы, получать что-либо подобное. Некоторые из них замечали иногда что-то вроде теней, может быть такого же происхождения, но не обращали особенного внимания и, приписывая подобные результаты неправильному устройству темной комнаты или же быстрой перемене положения аппарата или клиента, бросали пластинку и заявляли, что ввиду неудачи нужно пересниматься вновь. Мне кажется вероятным, что некоторые из уничтоженных пластинок вполне доказали бы

внезапное раздваивание снимающегося лица.

То же самое наблюдается на так называемых спиритических фотографиях, когда призрак умершего лица влияет на пластинку и оставляет свое изображение, похожее, по словам присутствующих, на того или иного умершего родственника или друга. Если возможно снять призрак живого человека — то, без сомнения, при известных, трудно определимых условиях можно снять призрак умершего лица, переживший его. Таких посмертных фотографий очень много, большинство из них, скорее всего, обязано своим существованием подделке из-за расчета. Но, если хотя одна из тысячи была бы подлинной, то доказательство возможности и истинности спиритической фотографии было бы налицо.

Я не пойду дальше по этому мало мне знакомому пути, отвлекающему от главного предмета моих изысканий, но, во всяком случае, думаю, что подобные подлинные и неретушированные снимки изображают большей частью призрак раздвоившегося медиума, принявший выражение, соответствующее его мыслям или мыслям окружающих его лиц.

В октябрьском номере журнала «Летопись психических наук» за 1905 год полковник Роша поместил заметку под заглавием «Спиритическая фотография» с воспроизведением трех снимков, на которых ясно виден отпечаток призрака данного лица. Автор заметки несколько критически относится к одному из них, хотя некоторые мелочи исключают возможность подделки или даже ошибки вследствие плохой, темной камеры. Остальные же два — вне всяких подозрений. Снимки, приведенные здесь, присланы были ему родственником вместе со следующим письмом:

«Совершенно неожиданное обстоятельство заставляет меня напомнить вам о себе. С нами произошел небывалый случай, сильно нас поразивший. Зная, что вы с успехом занимаетесь магнетизмом и что этот факт имеет к нему, по нашему мнению, некоторое отношение, предлагаю его на ваше рассмотрение в надежде получить от вас всесторонние объяснения. Заранее обещаю не сообщать их заинтересованным лицам, если они могут почему-либо встревожить их. Дело в следующем.

Мой зять, фотограф-любитель, снимал недавно свою дочь и получил негатив, где на первом плане очень удачно вышла молодая девушка, а на втором — что-то вроде тени призрака, имеющее с ней сходство, но настолько худее, болезненнее, старше, что кажется умирающим. В то же время этот призрак прозрачен, так как сквозь него видны складки полотна, служащего фоном. Надо вам сказать, что молодая девушка только что оправилась после бледной немочи, продолжавшейся три года. Десять дней

назад она сидела с другими на солнце в деревне и заметила приближавшуюся к ней незнакомку. Последняя, увидев посторонних, повернула обратно и, несмотря на самые тщательные поиски побежавшей вслед за ней племянницей, моментально исчезла. Это сильно взволновало ее, так как раньше ничего подобного с ней не случалось. Этот казус приписали галлюцинированию. Что касается фотографии, то тут не может быть ошибки, раз изображение налицо. Может быть, тут есть что-нибудь сверхъестественное, необычайное, чего никто из нас не может объяснить, тем более что никто из семьи — ни отец, ни дочь, в особенности дочь, — никогда не занимался ни спиритизмом, ни магнетизмом и совершенно не имеет о нем никакого представления. Объясните мне, будьте любезны, что вы думаете об этом факте. И вновь повторяю, что не скажу семье больше того, что будет можно сказать. Две посылаемые мной фотографии с двух разных пластинок сняты были в одно и то же время».

Автор заметки ответил следующее своему корреспонденту:

«Я, изложив несколько принятых теперь научных положений относительно астрального тела, сообщил, что проявившийся призрак — астральное тело его племянницы, принявшее выражение соответственно мыслям, занимавшим ее дух, и в конце концов попросил его познакомить меня с этой молодой девушкой, вероятно очень интересным в смысле изучения субъектом».

Если призрак может влиять на фотографическую пластинку без ведома фотографа и раздвоившегося субъекта, то это случается тем скорее, раз тот и другой думают о его возможности. Приведу замечательный пример, извлеченный мной из «Научного мира морального обозрения спиритизма».

«В № 49 детского журнала „Искатели истины“ главный редактор Зигур Триэ, доктор словесности и президент метемпсихического общества, описал фотографический опыт г-на М.-Р. Бурсуэлля, психического фотографа из Лондона, ставшего известным благодаря статьям г-на В. Стэда в „Бордерланде“ (за 1895 г.) Дело в том, что г. Триэ несколько раз видел и слышал своего двойника, но для большей убедительности в его существовании захотел иметь с него снимок. Поэтому, когда ему пришлось в ноябре 1906 года быть в Лондоне в качестве начальника скандинавской метемпсихической экспедиции (два других члена были доктор медицины Аксуэль д’Остерзунд из Швеции и врач Гарри Хольст из Копенгагена), он произвел фотографические опыты с помощью медиумизма М.-Р. Бурсуэлля (13, Ричмонд-Род, Шеффердс-биш). Результат получился удивительный.

Не говоря о многочисленных фактах тождественности умерших лиц (даже друзей г-на Триэ, когда он был в прежнем своем воплощении

Агриэлла Бурневилля лейтенантом французской артиллерии во время великой революции), доктор получил подтверждение действительности существования своего двойника. Во время посещения г-ном Триэ г-на Бурсуэлла ясновидящий вдруг сказал: „Я вижу вас вдвойне, г-н Триэ“. „Вероятно, приятное зрелище, — ответил улыбаясь г. Триэ, — кстати, не можете ли вы в этот момент снять меня и моего двойника?“

„Попробую. Заранее не ручаюсь за успех, так как это зависит не от меня. Примите желаемую вами позу“.

Г. Триэ сел на стул, положил левую руку на его спинку, а правой поднес ко рту букет фиалок. В это время ему вздумалось повернуть голову — глава смотрели очень пристально — и подпереть голову правой рукой.

„Вот это очень удачно! — воскликнул старый фотограф (ему 77 лет), — теперь будьте внимательны — и задержал аппарат минут на двадцать.

Г. Триэ наблюдал за всеми движениями фотографа (прекрасно знает все приемы в качестве любителя, сделавшего в 1892 году более 4 тысяч снимков). Результат получился блестящий: так трудно отличить г. Триэ от его двойника, что большинство смотрящих ошибаются, к тому же на снимке вышел портрет духа — молодой английской девушки. Г. Триэ оканчивает свой ясный и точный доклад следующими словами:

„Нет ничего легче — воспроизвести подобный отпечаток, если снимать в два приема на одну и ту же пластинку, сначала с головой, повернутой влево, и потом в измененном положении, но для этого необходимо было бы мое соучастие. Остается предположить, что я захотел обмануть моих уважаемых современников, вероятно в целях произведения сенсации около меня и моего дела, но тогда нужно допустить непременно стычку с фотографом. Может быть, возникнет сомнение, не остался ли у г. Бурсуэлла после сеанса 13 ноября 1906 года мой непроявленный портрет, которым он и воспользовался, но могу поручиться, что все пластинки тогда же были проявлены и что мы проверили их число, надо еще сказать, что я никогда не снимался в той позе, какую принял в этом случае. Если находят лучшим назвать этот снимок фотографией мысли, то я лично ничего не имею против“ (Зигур Триэ)“.»

Редкость появления призрака. Обыденность раздвоения или выделения призрака — непреложная истина. Я думаю, а теософы даже утверждают, что мы ночью, во время сна, постоянно раздваиваемся и, что часто под влиянием какой-нибудь мысли наш призрак удаляется, входит в сношение с другими призраками и потом передает нам впечатления, которых иным путем мы не могли бы получить. Почему же мы редко видим

свой призрак, если мы ежедневно легко раздваиваемся? Ответ на этот вопрос не так прост, разделим его на три части:

1. *Призрак, блуждающий без причины, невидим.* 2. *Он видим только сенситивами.* и 3. *Его видят все.*

В первом случае мало уплотненный призрак не производит нужное число колебаний для воздействия на наше зрение. Во втором благодаря известному сосредоточению он становится яснее и плотнее, но не настолько, чтобы быть видимым всеми, хотя его колебания несколько сильнее. Наконец, в третьем случае он извлекает материю из окружающей его среды для получения оболочки. Его колебания так энергичны, что приводят в действие для его восприятия все наши чувства.

А. Д'Ассье в вышеупомянутом труде дает толковое объяснение третьему случаю: обыкновенно пассивный призрак в высшей степени оживляется только «под влиянием жизненного флюида. Последний, питаемый нервной системой, выходит в большем количестве вследствие сильного духовного напряжения, нравственного волнения, известных болезней или других физиологических причин благодаря его оживотворяющему влиянию. Внутреннее существо просыпается и, оставаясь как бы под спудом, настолько ясно показывает свое присутствие, что в человеке можно предположить совершенно постороннюю личность, находящуюся с ним самим в полнейшем антагонизме. Если получаемая ею от чудодейственного флюида энергия достаточно сильна, чтобы мочь порвать связывающие ее путы и временно обеспечить ей независимое существование, то она принимает видимую форму и отделяется от тела.

Это и есть раздвоение. А так как оно наблюдается только у некоторых особо чувствительных лиц, то и происходит чрезвычайно редко».

VII. *У сомнамбул.* Раздвоение, несомненно, случается с сомнамбулами, по крайней мере с теми из них, которые отличаются ясновидением. Когда их спрашивают о чем-либо происходящем на большом расстоянии, они утверждают всегда, что идут туда, описывают то, что видят, и, когда такое описание бывает возможным проверить, оно всегда более или менее точно. Все магнетизеры и даже любители, развившие сомнамбулизм у некоторых лиц, сами наблюдали феномен видения на расстоянии. Они заметили даже, что, посылая сомнамбул в теплый край, а оттуда без замедления в холодный, он немедленно испытывает последствия такой быстрой перемены температуры, начинает дрожать от озноба, чихать и проявлять все признаки форменной простуды, которой сомнамбул заболевает на самом деле, если магнетизер своевременно не освободит от нее. Я лично наблюдал этот странный отраженный феномен, продолжавшийся иногда по

несколько дней кряду. В различных сочинениях о сомнамбулизме и сомнамбулах описываются многочисленные случаи, объяснимые исключительно только раздваиванием. Для доказательства существования такого рода явлений я приведу лишь один рассказ, написанный в состоянии сомнамбулизма г-жой Евгенией Гарсиа, озаглавленный «Ясновидение» и напечатанный в «Магнетической цепи» 15 апреля 1890 года.

«Все наше существо начинает излучать сначала сероватый пар, постепенно превращающийся в белый, затем пар этот, сгущаясь и в то же время делаясь яснее и прозрачнее, образует светящееся неосязаемое тело, точное подобие спящего субъекта, который видит подле себя образование этого светлого образа. Одним словом, с помощью магнетического флюида эфирные частицы отделяются от материи и происходит раздваивание. Это временно освободившееся от тела и плоти светящееся существо дает ясновидящей возможность созерцать невидимое обыкновенному зрению и называется духом, разумом, шестым чувством или душой. Да, это — душа, обычно скрытая, освободившаяся от своей грубой коры, вновь вступающая в состояние сна, в обладание первоначальными свойствами, то есть превращающаяся в чистый дух, в нечто неведомое, неосязаемое, всюду проникающее и, подобно не знающей расстояния мысли, проходящее пространство от Парижа до Пекина в одну тысячную секунды. Как только сформировалось светящееся тело, нашему душевному взору представляется следующая картина: посреди комнаты находится бедная и жалкая оболочка, стесняющая наша внутреннее „я“, как малопривлекательная куколка стесняет блестящую бабочку. Около нее стоит магнетизер, но странное дело: он говорит, а его не слышно. Зато в его мозгу — месторождение сознания — видно, как образуются, растут и развиваются мысли по форме излучений или светящихся колебаний, получающихся только благодаря флюидическому телу в неотдаленном состоянии.

Трудно объяснить, что чувствуем мы со своим духовным телом, когда получаем от материального эти светящиеся излучения, посылаемые тоже духом через посредство невесомого флюидического тока, соединяющего землю с эфирным пространством, передающего колебания земли ее атмосферной оболочке и обратно, звук наших слов слуху, в свою очередь переносящему их мозгу, где они воспринимаются и понимаются светлым телом, или душой, в тысячу, в десять тысяч, в сто тысяч раз — большей легкостью, нежели материальным телом, так как ему надо пройти все указанные мной стадии, а бесплотное существо видит создающиеся мысли благодаря своей особой, чувствительно тонкой природе и поэтому скорее

схватывает малейшее внешнее ощущение. Удивительная для многих передача мысли происходит следующим путем. Сам по себе этот факт несколько не чудеснее других, так как подобные вещи происходят постоянно и рассматриваются как более или менее ясный и точный результат известной легкости, с какой образуются мысли в мозгу магнетизера. Если его мысли определены, хорошо сформулированы, их легко схватить. В случае же их нерешительности, неустойчивости его очень трудно понять, так как колебания будут неправильны и произойдет путаница. Что касается других нас окружающих лиц, разговаривающих с нами, то мы понимаем их не с такой легкостью, как магнетизер. И в этом различии большое преимущество: никогда не надо посредством внушения заставлять ясновидящих, занимающихся лечением, быстро понимать всех, потому что вместо внимательного рассмотрения внутренностей организма они будут читать только мысли лиц, спрашивающих их совета относительно воображаемых болезней (а таких много), и какой же результат получился бы, если бы таких больных стали серьезно лечить?

Первый раз, сознавая себя ясновидящей, я почувствовала следующее.

Вдруг вижу себя спящей посреди комнаты, где меня усыпили.

Ведь, кажется, сию минуту только сидела, когда же я встала?

Смотрю на себя.

Какая я светлая, прозрачная, легкая, как перышко. В это время в глаза бросается мое неподвижное тело, лежащее в кресле. Три или четыре человека обступили его и внимательно рассматривают. Погляжу и я, что они смотрят там. Словно сквозь стекло мне представилась внутренность моего тела, бьющееся сердце, циркулирующая кровь, вены, мышцы...

Подошла я тогда к своему магнетизеру и, дотронувшись до него рукой, сказала: „Не правда ли, похоже, что я умерла?“ Но каково было мое удивление, когда не я, а мое материальное тело исполнило все эти действия. В то же время я услышала или, скорее, прочла в его мозгу образовавшийся ответ.

„Вы думаете, что не похоже“, — вставил голос моего тела, прежде чем он произнес свою мысль, и опять, как и в первый раз, как и всегда после, я сама прочла: „Да“.

Вот почему нужно дотронуться до сомнамбул, чтобы они могли вас слышать или скорее видеть и воспринимать колебания вашей мысли.

Закончив с собой, я приступила к осмотру других. Они были такие же, как обыкновенно, с той разницей, что благодаря их прозрачности мне была видна внутренность их организма или, вернее, его жизнь.

Затем я перевела взгляд на окружающее, и вместо плотной и

непроницаемой поверхности мне представились дома и вещи, сделанные как бы из стекла, так же как и соседние здания и их обитатели. Потом мне пришла в голову мысль выйти на улицу, не теряя из виду свое материальное тело, и я с быстротой мысли перенеслась с одного конца Парижа на другой, увидела людей, менявшиеся экипажи, дома такими же, как наяву, но совсем прозрачными. На этот раз все этим и кончилось.

Могу сказать только одно: посреди моей прогулки я получила сильнейший толчок и очутилась сразу опять посреди комнаты, с трудом различаю мои оба тела, делаюсь постепенно все плотнее и плотнее... и больше уже ничего не видела: меня разбудили. Впоследствии меня усыпляли сотни раз, и всегда я видела одно и то же. Заключалась разница в большей или меньшей материальности и скептицизме магнетизировавших и окружавших меня лиц».

Этот рассказ говорит сам за себя и не требует никаких пояснений. В нем с замечательной точностью описаны главные и характерные черты раздваивания.

VIII. У умирающих. Душа соединена с физическим телом астральной связью, и связь вот-вот порвется навсегда. В большинстве случаев, в особенности если нужно что-либо сообщить, душе приходится употреблять огромные усилия, чтобы предупредить о том любимых ею лиц. Эта минута для нее тяжела и страшна, особенно в случае недостаточного ее развития и чересчур большой привязанности к земным благам. Вот почему в момент смерти чрезвычайно часто происходят появления и сообщения призрака. В данном случае феномен раздвоения происходит по способу, описанному выше.

Душа, облеченная в свое астральное тело, а может быть и в эфирное, с быстротой молнии отправляется к интересующим ее лицам, чтобы предупредить о готовящемся, а иногда и совершившемся факте. Если присутствующие восприимчивы, то они услышат и увидят призрак или по крайней мере почувствуют его появление в последнюю смертную минуту. В случае его слабой материализации и невозможности проявления он дает о себе знать посредством так называемой телепатии, как-то: перемещения предметов и необычных шумов, зрительных, слуховых или осязательных ощущений, мысленных сообщений, предчувствий, предупреждающих снов и других нефизических феноменов, приписываемых теософами и оккультистами астральному плану. Само собой понятно, что не всякая душа обладает достаточной силой, нужной для ее осязательного появления на расстоянии, а если до известной степени ей это удастся, то необходима еще наличность «видящих медиумов», удостоверяющих ее присутствие. И,

несмотря на такие исключительные условия, проявления призраков в момент смерти бывают чаще, чем обыкновенно думают. Подобные случаи, исключаящие всякую возможность ошибок, были много раз описаны.

Трое английских ученых Герней, Майерс и Подмор, члены Лондонского общества психических исследований, занесли в свой замечательный и очень объемистый труд «Призраки живых» до 1500 тщательно проверенных ими случаев.

Марилье, руководитель конференций в школе высших наук перевел большую часть интересовавшего его сочинения и издал в 1890 году под заглавием «Телепатические галлюцинации», с предисловием, написанным Карлом Рише. Приведу следующий случай из «Мистики» Торреса.

«Мария, жена г. Гоффа из Рочестера, страдая изнурительной болезнью, была отправлена за 9 миль к своему отцу в Весмоллинг и умерла там 4 июня 1691 года.

Накануне смерти ей очень хотелось увидеть своих двух детей, оставшихся дома под надзором няньки. Она попросила мужа нанять ей лошадей, чтобы вернуться к ним и умереть дома, но ввиду ее слабости он на это не мог согласиться. Она продолжала настаивать, говоря, что если не будет в состоянии сесть на лошадь, то ляжет на нее, как на постели, но непременно должна видеть своих крошек. Около десяти часов вечера ее пришел навестить священник, и в беседе с ним она выразила полную готовность умереть, в надежде на Божье милосердие, если бы только ей пришлось увидеть своих детей.

Между первым и вторым часом утра она впала в экстаз. По словам сиделки, вдовы Турнер, глаза ее были в это время открыты и неподвижны, рот сжат, дыхания не было ни малейшего, одним словом, полная картина глубокого обморока и даже смерти. Когда больная пришла в себя, она сообщила матери, что была дома, в Рочестере, и видела своих малюток.

Как мать ее ни уверяла, что она не сходила с постели, та твердила свое. Нянька детей, вдова Александра, со своей стороны подтвердила, что рано утром, во втором часу, она видела Марию Гофф, выходящую из комнаты старшего ребенка и направившуюся к ее постели, где спал самый маленький. Она пробыла около четверти часа, ничего не говоря, хотя губы ее и глаза двигались. Нянька готова была дать клятву и причаститься Тела и Крови Христовой, тем более что в это время она не спала и уже начинало светать, так как в июне самые длинные дни. Сидя на постели, она наблюдала за призраком, даже слышала, как пробило на мосту два часа, и наконец спросила:

„Во имя Отца и Сына и Святого Духа, скажи, кто ты?“

При этих словах видение быстро исчезло. Она оделась, чтобы посмотреть, куда оно прошло, но его уже не было. Тогда только на нее напал страх. Она тотчас же вышла и все время прогуливалась по набережной (на которую выходил дом), заходя время от времени посмотреть детей, и около пяти часов постучалась к соседям, но отперли ей только около шести, и тут наконец она рассказала, что с ней случилось. Ей не поверили, думая, что она видела все это во сне, но она говорила, что яснее не могло и быть. Мария, жена Свита, слышавшая ее рассказ, узнала утром, что г-жа Гофф находится при смерти и желает ее видеть, она отправилась и застала ее уже умирающей. Ее мать передала, как ей хотелось видеть детей и что будто бы она у них была.

Мария вспомнила тогда слова няньки, до этих пор казавшиеся ее воображением».

Тильсон, священник из Эйхсворта около Местона, описавший этот случай, узнал подробно о нем в день похорон Карпантье, отца г-жи Гофф. Второго июля он сделал тщательный допрос няньки и двух соседей, к которым она бегала в то утро. На другой день все подтвердилось показаниями матери покойной, ее сиделки и священником, навещавшим ее с вечера. Все свидетели — люди развитые, уравновешенные, не способные на обман да к тому же не имевшие никакой цели в нем — показывали одно и то же. Таким образом, все данные за неоспоримость этого факта.

Тильсон изложил эту историю 6 июля в письме к известному богослову Бартеру, а тот поместил ее в своей книге «Достоверность духов», доказанную неоспоримыми фактами (изданной в Нюрнберге на немецком языке).

Следующий случай, исследованный со всеми подробностями Д'Ассье, в бытность его в Рио-де-Жанейро, описан им в его «Опыте над посмертным человечеством».

«Во французской колонии этого города в 1858 году много разговора возбуждало странное явление, происшедшее несколько лет назад. Муж, жена и маленькая дочка плыли из Эльзаса в Рио-де-Жанейро к своим соотечественникам. Вследствие чрезмерного утомления, плохого питания и недостаточного ухода жена заболела и скончалась. В день смерти она впала в бессознательное состояние, продолжавшееся довольно долго, а когда пришла в себя, то сказала мужу:

„Теперь я могу спокойно умереть, потому что сейчас только вернулась из Рио-де-Жанейро, где прошла по улице, на которой плотник Фриц имеет домик, видела его самого у двери, показала ему нашу малютку. Он теперь ее обязательно узнает и позаботится о ней“.

Через несколько минут она умерла, а муж хотя и был удивлен ее рассказом, но не придавал ему особенного значения. В тот же день и час плотник Фриц стоял на пороге своего дома и увидел женщину, похожую на Лотту, жену товарища Шмидта, только сильно похудевшую. Она держала на руках маленькую девочку и с таким умоляющим видом указывала на нее, что сильно взволнованный плотник не поверил своим глазам и позвал своего работника, тоже из Эльзаса. Указав ему на проходившую женщину, он спросил, не напоминает ли она Лотту; тот не мог ее хорошенько рассмотреть. Фриц все-таки запомнил день и час этого действительного или воображаемого видения, и когда через некоторое время к нему пришел Шмидт с маленькой девочкой на руках, ему так ясно представилась умоляющая Лотта, что, не дав пришедшему раскрыть рта, он сказал:

„Я все знаю. В дороге умерла твоя жена, она приходила ко мне в такой-то день и в такой-то час и просила, чтобы я позаботился о девочке“.

Как раз это же самое было отмечено Шмидтом на корабле.

Вот третий факт, описанный Гугено де Муссо в «Высших проявлениях магии», переданный ему иезуитом Пальграфом, бывшим офицером сипаев в Индии, миссионером из Сирии и счастливой Аравии, человеком высокоразвитым, видевшим много чудесного, который останавливался в 1864 году на короткое время в Париже. Ему в свою очередь рассказывали его хорошие знакомые, люди положительные и разумные, подтвердившие непреложность передаваемого факта.

Один английский офицер, возвращаясь в 1830 году из Индии, находился в пути уже две недели и спросил однажды капитана, почему он прячет одного пассажира.

— Да вы что, шутите!

— Нет, я один раз только видел его, а больше он не показывается.

И на просьбу капитана объяснить, что это значит, офицер рассказал, что, ложась спать, он видел какого-то незнакомца, который сначала вышел в салон, потом стал обходить все каюты, будто искал кого-нибудь, заглянул и к нему, но, вероятно, это было не то, и он тихонько ушел. Капитан попросил его описать наружность, лета и костюм и по подробностям узнал своего отца.

Путешествие кончилось, капитан вернулся в Англию и узнал, что отец его умер, но несколько позднее, чем было видение. Однако в этот самый момент, будучи уже сильно болен, он начал бредить, а когда пришел в себя, то сообщил, что был на корабле у сына, но напрасно пересмотрел все каюты — его нигде не было.

Этот только что приведенный нами факт свидетельствует об

ограниченности сил и способностей призрака: в самом деле, чрезвычайно могучая воля направляет его на большие расстояния и заставляет разыскать определенный пароход на огромном водном пространстве, и в то же время у него нет нисколько «чутья», чтобы найти главную, интересующую его цель, он истощается в поисках и, конечно, через определенный промежуток времени должен их прекратить, чтобы возвратиться в свое физическое тело.

IX. У ампутированных. Призрак живого человека после ампутации какого-нибудь члена дает всегда ощущение «целости» организма. Некоторые немецкие магнетизеры уверяют даже о возможности влиять на субъекта, делая пассы на отнятом уже члене. Как бы то ни было, но все оперированные испытывают сильные боли в ампутированной части, в особенности при перемене погоды. Чтобы как-нибудь объяснить это явление, наука дает толкования одно другого запутаннее и сложнее. То будто ампутированные испытывают боли не в отрезанной части, а в оставшейся, то что эта боль передается воображению центром мозговой оболочки, соответствующим отсутствующему члену, — хотя нервы, передававшие в мозг ощущение, после операции атрофированы, но в них все-таки сохранилось настолько живучести, чтобы при известных условиях производить некоторое впечатление. Вместе с оккультистами и теософами доктор Паскаль в «Семи началах человека» подтверждает действительность этих болевых ощущений, и его объяснение чрезвычайно логично. По его словам, очагом ощущений служит не физический мозг, а астральный, и хотя иногда возможно повредить астральное тело, но совсем уничтожить его нельзя. Несмотря на то, что нож и пила отрезали какой-нибудь физический член, астральный остается в полной целости, и если кто способен видеть в астральном плане, то для такого субъекта операции как бы и не было.

Г-жа Хауфе, знаменитая немецкая ясновидящая, несколько раз говорила об этом своему врачу, доктору Кернеру, который по этому поводу в «Ясновидящей из Превоста» сообщил следующее.

Когда она встречала инвалида с ампутированной конечностью, она видела его с этим членом, то есть видела флюидические истечения этого члена, точно так же как флюидический образ усопших людей. Этот-то интересный феномен и дает нам возможность объяснить болевые ощущения оперированных лиц: невидимая флюидическая оболочка сохранилась в целости, что вновь подтверждает жизненность нервного флюида после разрушения видимого тела.

Толкование относительно астрального происхождения призрака более простое и скорее допустимое, чем объяснение, даваемое наукой, что можно

подтвердить следующими фактами: хирурги и их ассистенты часто видят такого рода феномены — операция обыкновенно производится, когда субъект окончательно теряет чувствительность под влиянием хлороформа, но в момент отнятия члена больной стонет и даже кричит, и в это самое время наблюдается внезапное прекращение дыхания. Операция окончена, больной мало-помалу приходит в себя, но не сознает, что он ампутирован, он продолжает чувствовать, может быть, навсегда известные болевые ощущения. По этому поводу имеются постоянные наблюдения, отчасти приводимые Ю. Лермином в «Практической магии». Первое сделано одним американским хирургом. «Я пошел осмотреть механическую лесопильню, отстоявшую от города довольно далеко, с несколькими знакомыми. Один из них поскользнулся, попал рукой в круговую пилу, и, конечно, его изувечило. Операция была необходима; оторванную руку положили в коробку с опилками и зарыли в землю. Через несколько времени мой выздоравливающий друг стал жаловаться, что его рука набилась опилками и в один из пальцев впился гвоздь. Такие непрекращающиеся жалобы, лишившие его сна, заставили окружающих думать, что он сходит с ума. Тогда мне пришла в голову невероятная мысль, которую я решил все-таки проверить: отправившись на место печального случая, я вырыл руку, отмыл ее от опилок и действительно увидел, что в палец вонзился гвоздь от коробки. В это самое время находившийся за несколько миль больной стал чувствовать себя гораздо лучше, говоря, что гвоздь из пальца вынули, а руку поливают водой».

Подобное приключение произошло со служащим в компании швейных машин «Зингер» Самуилом Морганом.

Он жаловался на страдания в плече и судороги в пальцах ампутированной руки, приготовленной к захоронению. Тогда обратили на нее внимание: она была так сложена и стиснута в такой маленький ящик, что, будь она живая, она непременно испытывала бы подобные ощущения. Достаточно для подтверждения этого феномена опросить служащих в больницах, и они могут сообщить тысячи таких случаев, приписываемых обыкновенно самовнушению американцев, которые, как более смелый народ, даже воспользовались этим свойством для скорейшего выздоровления больных. Они не стесняются объяснять, что физическая боль отражается на духовной форме ампутированного члена. Так, гангрена, случающаяся иногда после операции, не что иное, как результат разложения отнятого члена, и самое лучшее средство устранить это неудобство состоит в сжигании отрезанного, а так как больной в это время должен страдать, то нужно дать ему какое-то усыпляющее средство.

Правда, такого рода опыты во Франции не производились, хотя подобные факты наблюдались без конца. Я сам знал одного больного, уверявшего, что у него болят пальцы отнятой ноги.

Бывает, что астральный член иногда настолько материализуется, что в состоянии в продолжение нескольких минут исполнить какое-нибудь соответствующее ему действие. Вот пример, приведенный К. Р. Х. (священник Ханапье) в любопытном труде «Ненормальности жизненного флюида и лечебница ощущений», напечатанном в Париже в 1882 году. На 84-й странице автор соглашается с мнением доктора Ришерана, что жизненный флюид, или, если нравится, жизненное начало, оживляет каждый одушевленный атом нашего тела, каждый ряд органов. Исходя из этой неоспоримой истины, приходишь к заключению, что у нас два тела: одно составленное из грубой материи, другое — из жизненного флюида, оживляющего и управляющего первым. Это флюидическое тело, подобно жидкости, испаряется, вновь собирается, равномерно распределяется по всему материальному телу и постоянно возобновляется, так как последнее поминутно его расходует. Не надо забывать, что именно жизненный флюид передает мозгу все ощущения.

Предположим, что совершена ампутация, например, ноги, флюид подвержен все тем же изменениям, идет по тем же направлениям, как и до операции, и поэтому естественно, что оперированный субъект чувствует боль в отрезанной ноге, так как боль испытывает ее флюид и последний уже передает мозгу это ощущение. Однако в случае чрезмерного насыщения атмосферы электричеством флюидическая нога не чувствует того, что чувствовала до операции:

1. Потому что не имеет уже тех размеров, а потому и той чувствительности вследствие большого расходования, так как на ней нет предохраняющей ее оболочки. Следовательно, чтобы вызвать сильное болевое ощущение, нужен чрезвычайно резкий электрический удар.

2. Потому что оперированное лицо или сосредоточивает свое внимание на отсутствии ноги или на каком-нибудь другом предмете. В первом случае мысли по поводу отрезанной ноги не дают испытывать тех же ощущений, как до операции, а во втором благодаря отвлеченному чем-нибудь вниманию чувствительность сильно ослабевает.

3. Если бы у меня было более опыта, может быть, я привел бы много примеров, как оперированные люди, забывая об ампутации, пользуются флюидическим членом взамен отрезанного. Я знал молодую девушку, у которой не было бедра. Утром, вставая с постели, она настолько об этом забывала, что присутствующая мать должна была напоминать ей, что она

не надела деревянную ногу.

Один знакомый доктор рассказывал, что видел офицера с отрезанным бедром, разгуливавшего свободно по комнате до тех пор, пока не вспоминал, что у него нет деревянной ноги, и тотчас же хождение прекращалось, потому что тогда флюидическая нога более была не в состоянии поддерживать тяжесть тела. Конечно, будут удивляться, как может флюидическая нога, нечто невидимое, неосязаемое, невесомое, выдерживать тяжесть туловища, но еще более удивительно, как может проделывать это грубая материальная нога.

Без сомнения ответят, что она оживлена и что поэтому исполняет свое назначение. Но в свою очередь я скажу, что эту жизнь ей дает жизненный флюид и что, будучи отделен от нее, он не теряет свою силу, в особенности если его направляет могучая воля или какая-нибудь другая заменяющая волю энергия.

Что делается с астральным телом, когда физическое лежит на операционном столе в полном распоряжении хирурга?

Вопрос этот очень сложный и трудноразрешимый. Очевидно, что под влиянием хлороформа происходит раздвоение, но оперируемый только в исключительных случаях отдает в нем себе отчет.

Следующий случай, описанный «Оккультным обозрением», передавая интересные впечатления хлороформируемого, проливает немного света на это состояние.

Г. Роже де С. рассказывает, что, будучи захлороформирован, он наблюдал, что стоит у окна огромной залы и видит вроде знакомый пейзаж, но никак не может его узнать. Солнце светит так тепло, небо такое голубое, а ветер такой мягкий, что, кажется, деревья, цветы и птицы, одним словом, все ликует. Он продолжает: «Мне захотелось выглянуть из окна, я приподнялся на носках, а ноги уже не касаются пола и туловище наполовину высунулось наружу. Я думал, что вот-вот упаду, но, к моему удивлению, почувствовал, что летаю в воздухе. В комнате несколько фигур окружили стол, на котором что-то лежало. Когда я, не замеченный ими, подошел поближе, то увидел, что две женщины и несколько мужчин внимательно разглядывают лежащее на столе тело, а один из них кладет нож и вытирает окровавленную руку. Я понял, что только что произошла операция.

— Как пульс? — спросил хирург.

— Сильно ослабел.

— Тогда нужно торопиться. Давайте скорей компресс.

Сиделка подала его, рука хирурга прошла через меня, чтобы его взять.

— Доктор, довольно эфира. Я кончил. Бинт.

Сиделка подала обвернувшийся опять вокруг меня бинт, не причинив мне ни малейшей боли. То, что было покрыто простыней на столе, казалось мне удивительно знакомым, хотя лица благодаря салфетке и напитанной наркозом вате не было видно. Мне представлялось, что и я был в таком же положении. Когда же я захотел отойти опять к окну, то уже не мог.

— Скорее, — сказал доктор, разворачивая бинт и делая узел.

Ассистент снял с лица салфетку и вату, и меня невольно потянуло посмотреть, но узнать лицо, несмотря на знакомые черты, не мог. Пока я всматривался, мне пришла в голову мысль: не мое ли это лежащее тело? Мысль эта скоро перешла в твердую уверенность. Тело начало понемногу приходить в себя, ресницы зашевелились, и на лице отразилось страдание. У меня явилось непреодолимое желание войти в это тело. Тут-то и произошло со мной странное — казалось, будто тело крепко со мной слилось, так крепко, что сделалось как бы частью меня. Вдруг я потерял сознание, перестал даже существовать, люди и комната подернулись дымкой, и все пропало. Очнулся я в постели, испытывая сильнейшие боли после операции».

Помимо этого рассказа есть еще несколько подобных фактов, но они переданы не так подробно.

Инженер Варлей, хорошо известный психолог, во время зубной боли был захлороформирован и видел своего двойника.

Х. У животных. Человек привык смотреть на себя, хотя совершенно неразумно, как на совершеннейшее создание природы, не зная ни своего происхождения, ни своей окончательной судьбы. Если он в смысле чувствований занимает высшее место между существами ему подобными, но менее его развитыми, считающимися поэтому низшими, то из одного этого положения выходит, что не только могут, но и должны быть еще более высокие единицы, которые он когда-нибудь будет в состоянии лицезреть непосредственно. Мы знаем, что все живые существа поразительно схожи по своему устройству. Животные рождаются, умирают, растут, радуются и страдают, воспроизводят и умирают, как и мы. Но у них есть инстинкт, которого у нас уже нет, и они часто проявляют свою смышленость и волю. Раз мы в известных, трудно определимых условиях можем отделять составляющие нас элементы, очевидно, и животное, по крайней мере более близкое к нам по своему строению, может дать такой же феномен, а что это безусловно истина — доказывает народное верование, что животные, подобно людям, могут видеть призраки. Существует бесконечное число рассказов о том, как лошадь дрожит,

покрывается потом, встает на дыбы и отказывается ехать дальше, если ее всаднику является видение.

Так же и собака воет и высказывает все признаки страха. В Библии говорится об осле Валаама, имевшем видение, когда хозяин ничего еще не видел; выючные и упряжные животные видят иногда то, что управляющие ими люди не могут себе даже представить.

Призрак раздвоившегося человека бывает часто виден, тогда как призраки животных наблюдаются довольно редко, разве только сила их желания, ум, память и воля стоят на известной степени развития, как, например, у высших животных. Приведу два примера.

1. Советник Хаан д'Ингельфинген, занимавший высокий пост при князе — правителе Гогенлоэ, и его друг детства К. Керн были в конце 1806 года в замке Славесик в Силезии. Несколько комнат в нем считались беспокойными, благодаря чему друзья невольно видели много страшного: между прочим, один из них слышал призрак собаки, а другой и видел и слышал его. Советник Хаан передал об этом случае биографу г-ну Хауффе, доктору Кернеру, который напечатал его в «Ясновидящей из Превоста». Когда Хаан, возвращаясь домой, шел по мосту, он услышал бегущую за ним собаку. Он стал оглядываться, звать по имени, предполагая, что это его охотничья собака, сильно к нему привязанная. Хаан, в конце концов решил, что идущие за ним шаги — игра его воображения. Как только он вошел в комнату, Керн поспешил удержать дверь, чтобы она не затворилась, потому что он видел белого пса, наполовину уже вошедшего в комнату, позвал его: «Флора! Флора!..» Но сейчас же пес исчез. Хаан спросил его, хорошо ли он видел собаку, и после утвердительного ответа оба стали ее искать и нашли запертой в сарае, где она и сидела целый день.

Самое поразительное в этой истории, что Керн видел Флору, когда Хаан еще ничего ему не говорил о бежавшей за ним собаке, тем более что похожей на нее в округе не было, да к тому же было еще настолько светло, что он при своем прекрасном зрении не мог ошибиться.

2. Следующий случай приведен Д'Ассье в его «Опыте над посмертным человеком».

«18 апреля 1705 года Миланж де ла Ришардьер, сын адвоката парижского парламента, катаясь верхом в Нуази ле Гран, видел, что лошадь без всякого видимого препятствия не желает идти вперед. В это время зловещего вида пастух с палкой в руках, в сопровождении двух черных короткоухих собак, сказал ему:

„Барин, вернитесь, ваша лошадь все равно дальше не пойдет!“

Всадник сначала посмеялся на эти слова, но, когда ни понукания, ни

шпоры не заставили животное двинуться, он поневоле должен был возвратиться.

Несколько дней спустя он заболел. Позвали докторов, которые после всевозможных медицинских попыток заявили, что болезнь молодого человека необычная, и стали поговаривать о колдовстве. Тогда больной вспомнил случай с лошадью и пастухом и рассказал о нем родителям. Они продолжали сомневаться, пока молодой Миланж не увидел однажды пастуха сидящим в кресле в его комнате в том же костюме, с той же палкой и двумя собаками, как и в день встречи. Испуганный его появлением, Миланж позвал прислугу, но, как всегда бывает в подобных случаях, кроме него, никто ничего не видел. Около 10 часов вечера пастух бросился на молодого человека, последний ударил его в лицо ножом пять или шесть раз, пока тот его не оставил. Спустя несколько дней этот пастух пришел просить у него прощения, сознавшись, что, будучи колдуном, он его преследовал.

Следовательно, молодой человек не страдал галлюцинацией, когда видел его у себя в комнате с его двумя собаками, а, вернее, это был его раздвоившийся призрак, так же как и призраки черных псов. Это только доказывает, что вследствие чародейства может раздвоиться не только человек, но с таким же успехом и животные».

XI. Ликантропия. Ликантропия состоит из двух греческих слов — волк и человек; обозначает состояние человека, превращающегося в волка или оборотня, который по ночам бежит в полях и лесах.

По народному поверью некоторые люди умеют обернуться не только волком, но каким угодно животным, напоминающим их недостатки и извращенные инстинкты. Действительность такого превращения доказана многочисленными писателями древних и средних веков, из которых назову только Геродота, Вергилия, Апулея, Св. Августина, Св. Жерома, Св. Фому Аквинского.

Так, Гомер говорит о превращении товарищей Одиссея в свиней в «Одиссее», а Апулей в «Золотом осле» — о превращении Фессалийских колдуний во всевозможных животных. Колдунов часто судили за ликантропию и всегда присуждали к сожжению.

Бодэн («Демономания чародеев»), Деланкр («Непостоянство демонов и злых ангелов»), Геррес в 5-й книге своей «Мистики», касающейся мистики дьявола, приводит массу вполне проверенных случаев. Теософы утверждают, что тонкое и чрезвычайно подвижное астральное тело человека может изменять форму и что большая часть спиритических явлений обязана исключительно отделявшемуся астралу медиума, который

принимает манеры и вид вызываемого существа. Иногда астральный человек принимает даже образ животного. По этому поводу Лидбитер говорит следующее:

«Когда грубый и жестокий человек следует своим склонностям, то случается, что другие существа того же плана завладевают его астралом и облачают в форму какого-нибудь злого животного, главным образом волка. В таком виде о материализовавшемся существе бегают по окрестностям, убивают других животных, иногда даже и людей, утоляя подобным образом не только свою собственную кровожадность, но и жажду злых демонов, толкающих его на злодеяния. В таких случаях все раны, полученные этим животным странным образом, отражаются, подобно ранам астрального тела, на его физическом дубликате» («Астральный план»).

Некоторые, по-видимому, умеют превращаться в животных когда угодно и на каком угодно расстоянии.

Подобный факт, по словам Д'Ассье, произошел в Серисолье (Аррьж) в 1850 году. «Некто Биго, по профессии мельник, считался колдуном. Однажды ранним утром, когда его жена собралась стирать белье неподалеку от дома, он стал ее останавливать, говоря, что она испугается.

— Чего же я буду бояться?

— Я тебе говорю — испугаешься.

Она не вняла угрозам, отправилась стирать и только что занялась делом, как увидела перед собой ходившее взад и вперед животное: какое, она не могла хорошенько разглядеть, так как еще не рассвело, но ей показалось, что-то вроде собаки. Ей так надоело это хождение, что она бросила в него вальком и попала ему в глаз; животное тотчас же исчезло. В то же время дети Биго услышали, как он в постели закричал от боли и прибавил:

— Что за мошенница выбила мне глаз? На самом деле с этого дня он окривел. Лица, передававшие мне об этом, слышали этот рассказ от самих сыновей Биго.

Ясно, что в данном случае флюидическое тело мельника изображало бродившее животное, отделившееся, когда он был в постели, и рана, полученная астралом, отразилась на глазу самого Биго, как это бывает обыкновенно в случаях раздвоения чародеев».

XII. Отражение. При жизни оба тела — физическое и астральное — чрезвычайно тесно связаны, и когда последнее отделяется, то все его ощущения передаются первому. Этот феномен можно сравнить с эхом, волны которого, встретив на своем пути какое-нибудь препятствие, изменяют направление и дают слуху совершенно иное впечатление. Или

возьмем лучше для сравнения две одинаковые струны, равномерно натянутые. Они звучат в унисон, если привести в движение только одну из них. Это и есть отражение, играющее очень большую роль при раздвоении. Как известно, тело чародеев чувствует удары, наносимые отделившемуся призраку, и в результате получают иногда даже смертельные раны. То же самое происходит с монахами, раздваивающимися в религиозном экстазе для посещения отдаленных мест.

Мария Д'Агреда, например, испытывала невыносимый жар тропических стран. Св. Лидвина носила на теле следы, полученные призраком во время ее странствования. Однажды она не могла ходить в продолжение нескольких дней вследствие того, что призрак нажил себе растяжение жил. В другой раз, проходя спешно через кустарник, призрак занозил себе руку, а когда Лидвина пришла в себя, то занозу нашли у нее в руке. Такие же феномены получались у Екатерины Эмерих, о чем Горрес в своей «Мистике» и Риб в «Божественной мистике» сообщают очень подробно и передают еще целую массу подобных фактов. То же самое наблюдается на спиритических сеансах, причем ранения, наносимые материализовавшемуся существу, получают медиумы. Уколы восковой фигуре, на которую перенесена чувствительность экстериоризировавшихся под влиянием магнетизма субъектов, не только ощущаются последними, но даже заметны на их теле. Роша, тщательно изучивший эти феномены, приводит их в «Экстериоризации чувствительности». Лидбитер по этому поводу говорит следующее:

«Не надо думать об обмане, когда цветное пятно, сделанное на руке материализовавшегося духа, в конце концов получается на руке трансирующего медиума, потому что все дело в выделившемся астрале медиума, принявшего другую форму под влиянием направляющего его разума; на самом деле тела физическое и астральное так крепко соединены друг с другом, что невозможно дотронуться до одного, чтобы другое тотчас же не отозвалось бы» («Астральный план»).

В «Высших проявлениях Магии» Гугено де Муссо посвящает отражению и действию оружия на духов целую главу, подкрепленную массой справок. Заканчивает он ее так: «Повсюду предание поддерживает веру в силу оружия против духов; чтобы не быть голословным, пойдемте со мной в деревню в Лимузине и посмотрите, что проделывает там хитрый и добродушный житель. Нужно ему на ночь отлучиться куда-нибудь по делу, дом накрепко заперт, но в голове бродят беспокойные мысли о залежной копеечке, о легкомысленной Еве, о мягких и вкусных каштанах, и боится он, не похитил бы злой и завистливый дух его немудреное богатство. Но на

то у него и смекалка, недаром он чтит Св. Леонарда, дьяволу придется с ним посчитаться. Он усмехается, и эта уверенная улыбка озаряет все лицо его. Чего же проще? Известно, что злой дух входит обыкновенно в замочную скважину, ведь его подходы и подвалы давно всем знакомы. Тихо и быстро вставляет наш хитрец обломок старого ножа в самую середину замка и спокойно отправляется в путь. Вот явился дух или призрак и, бросаясь напролом, попадает в ловушку и терпит невыносимую муку. Наконец он вырывается и убегает от боли и стыда, что его провел простой лимузинец. И для того, чтобы победить отца всякого зла, горец исполнил только советы Вергилия, Гомера и Платона, сообразовался с суеверием евреев, которым Иезекииль и Моисей запретили заниматься: он подставил железо».

XIII. Призрак переживает физическое тело. Все спиритуалисты считают человека бессмертным. В таком случае надо признать существование в нас разумного начала, бывшего до нас и переживающего смерть нашего тела. Как известно, в этом и состоит учение спиритуалистов, оккультистов и теософов, основывающих наше развитие на перевоплощении.

Этому учению следуют и некоторые философы, думающие, что для нас недостаточно одной земной жизни. Виктор Гюго считал цепь существований, переходящих из одного мира в другой, бесконечной и выразил эту мысль следующими стихами:

Однажды на дороге шел мужчина,
Одетый в плащ, как консул Рима,
Он цветом черен был, его так отражали небеса.
Остановившись передо мной, вперив в меня глаза,
Блестящие и острые от глубины,
Сказал мне: — Сначала, во время старины,
Я был горою, закрывавшей зарницу,
Потом душой слепой, сломав свою темницу,
Поднялся на ступень, где уж находилась тварь,
И дубом сделался, имел жрецов алтарь,
Ветвями странные ответы издавал;
Потом в пустыне спящим львом я стал,
На ночи темноту рычаньем откликаюсь.
Теперь я человек и Данзе называюсь.

Как мы уже знаем, орудием этой разумной части, оживляющей тело и отделяющей иногда при жизни, служит астрал, то есть призрак. После смерти эта разумная часть вместе с призраком уходит и продолжает самостоятельное существование.

Д'Ассье в «Опыте над посмертным человечеством» считает, что призрак происходит не вследствие смерти, а вследствие окончательного раздвоения живого человека и продолжает жить, как жил в теле, почти без перемен. Чтобы объяснить это, надо заметить, что призрак почти всегда одет в платье раздвоившегося лица и удивительно похож на него. Потом не надо забывать, что призрак умершего в смысле одежды, сходства, постоянно употребляемых вещей, манер, движений и наклонностей представляет точную копию.

Если из двух величин каждая порознь равна третьей, то обе они равны между собой; исходя из этого заключения, надо признать, что призрак покойного, безусловно похожий на живого, есть призрак данного лица. Это мнение автора подтверждают явления призрака животных, который, как и призрак человека, имеет те же свойства. По его словам, призраки живого или умершего показываются чаще ночью, потому что свет вообще парализует их силу и рассеивает их.

Как философ-позитивист, в буквальном смысле слова, он признает только то, что видит, и, не принимая в расчет разумное оживотворяющее нас начало, он смотрит на призрак как на исчезающее существо, так как едва ли верит в бессмертие. Все стремление его — это доказать, что призрак усопшего получается из раздвоившегося живого человека и что через известный, более или менее продолжительный промежуток времени он все равно должен умереть. «Частицы его ткани понемногу отпадают, и в конце концов он перестает сознавать себя (тень). Его сущность исчезает, остается неопределенная форма, которая, постепенно рассеиваясь, теряется в мирном пространстве. Эта медленная, предсмертная агония подтверждается на опыте самым способом его явлений: сначала довольно резкие, они впоследствии становятся все реже и слабее, пока совсем не прекращаются, давая понять, как действуют на призрак силы природы».

Отсюда видно, что Д'Ассье интересуется исключительно астральной формой и не обращает никакого внимания на оживляющую ее силу.

Раз призрак сознательно существует вне тела живого человека хотя бы несколько минут и продолжает жить после его смерти, то очевидно, что прекращение жизни человека не дает конца сознательному существованию, ни начала бессмертию. Это только превращение и продолжение жизни в другой среде. Подобный вывод одинаково имеет силу как для астрального,

так и для физического тела. Перенесясь мысленно к учению оккультистов и особенно теософов, нельзя не признать, что вечное оживляющее нас начало — душа облекается по необходимости в несколько тел и по мере использования хорошим или дурным способом сбрасывает их за ненадобностью.

Закключение

Первая глава теоретически показывает, насколько сложен живой человеческий организм. «Видимое тело — только машина, орудие, приводимое в действие „невидимой силой“. Одним словом, мы представляем из себя „тело и душу“, „материю и силу“, „форму и жизнь“, „физическое и психическое тело“, „человека и его двойника“. Эта мысль изложена в основании всех религий, и вслед за греками римские философы определяли ее фразой: „Дух движет плоть“.

Теософы идут дальше. По их мнению, это жизненное начало разделяется и можно изучить независимо один от другого все три невидимых элемента, изображающих из себя одежду души на различных мировых планах. Мало того, они дают это учение не как предполагаемый вывод, но как подлинный факт, основанный на непосредственном наблюдении. Того же убеждения были древние египтяне, и теперь находятся их последователи не только в Индии, колыбели теософии, но и в современном Китае.

Глава II говорит о главных свойствах невидимых тел и дает возможность разобраться, к какому ряду или виду отнести призрак, если бы он явился.

Глава III указывает на проявления призрака, что в них бывает наиболее интересного, что повсюду главные свойства у них одни и те же и что меняются только второстепенные.

Постоянные главные черты следующие.

Физическое тело, видимо, на своем месте, и в то же время его призрак проявляется на более или менее дальнем расстоянии.

Ощущения, испытываемые призраком, отражаются на теле. Мария Д'Агреда чувствует высокую температуру тропиков.

Св. Лидвина несколько дней не может ходить вследствие растяжения жил у призрака, у нее в руке находят занозу, которой призрак уколол себе руку.

Анна Брукс, Ульяна Кокс, Торель, Биго, как все колдуны, получают

раны, нанесенные их отделившемуся призраку.

Тело во время раздвоения не бывает в нормальном состоянии: мистики всегда находятся в экстазе, чародеи и почти все светские люди глубоко засыпают, медиумы впадают в транс, сомнамбулы погружаются в состояние магического сна, а умирающие или бредят, или теряют сознание. Изменяющиеся свойства раздвоения гораздо разнообразнее. Некоторые призраки говорят и действуют настолько реально, что заставляют предполагать действительное присутствие человека.

Так, будучи сам в Риме, Св. Климент освящает церковь в Пизе, служа как первоприсутствующий. Находясь в море на корабле, Франсуа Ксавье управляет затерянной шлюпкой и приводит ее обратно. Мария Д'Агреда проповедует Евангелие туземцам Новой Мексики. Отец барона Шульца идет рядом с ним и ведет продолжительную беседу. Другие пишут, но молчат, как было с Р. Бруссом. Иные, вроде Тореля, производят сильный шум или же, как г-жа Блаватская и медиумы, легкие звуки.

Одни, как, например, классная дама в Риге или религиозные мистики, видны всем, другие — Брукс, Ульяна Кокс, Торель, призрак, явившийся Брюсу, и тот, которого видел Пальграф, — показываются исключительно лицам, отличающимся особой чувствительностью. Помимо этих двух категорий, существует, без сомнения, масса призраков, которые во время сна бродят без дела или, не будучи достаточно уплотнены, никем не видимы».

Некоторые из раздвоившихся прекрасно помнят, что они видели, говорили или делали, как Мария Д'Агреда, Альфонс Лигурийский, Св. Климент, Мария Гофф, Лотта. Другие вспоминают о происшедшем с ними как во сне; барон Шульц, призрак Р. Брюса, еще и иные, их большинство, ничего не помнят. Например, Сажэ в Риге. Некоторые чрезвычайно редкие случаи, вроде способности г. Руссо, невозможно как следует объяснить.

Раздвоение не ограничивается человеком, а встречается и у животных.

Призрак человека может принять образ животного, чему примером служит Бигот.

Раз мыслящее, волевое и действующее начало может отделяться еще при жизни от тела, то понятно, что оно может, и даже должно, его пережить, почему смерть нужно рассматривать как одно из звеньев бессмертия, иначе земная жизнь не имела бы никакой цели.

Таким образом, раздвоение подтверждается историей. Отсюда построили целую теорию, но без тех второстепенных подробностей, которые с философской точки зрения необходимы для создания

«рациональной психологии», основанной на достоверных и неоспоримых фактах. Дело в том, что история совершенно не осветила нам местонахождение разума, воли, страстей, способностей и чувствительности; служит ли призрак для этой цели, как думают теософы, или же физическое тело.

Поэтому для опытных исследований остается обширное поле, и только опыт может, по моему мнению, основательно разрешить этот вопрос, хотя знаю, чтобы проверить лишь одни исторические факты, нужно массу времени и труда, а так как этот предмет захватывает по своей новизне и интересу, то я употребляю все усилия, чтобы довести дело до конца и доказать помимо существования призрака живого человека, что наши способности заключаются именно в нем и что он может действовать вне тела.

БАРБИ

В своем труде «Проявления сверхъестественного» доктор Ли приводит любопытный рассказ о том, как призрак помог отыскать спрятанные сокровища. По-видимому, доктор Ли ничуть не сомневается в правдивости имеющих у него сведений. И действительно, как вскоре убедится сам читатель, все записанные доктором обстоятельства были тщательно проверены.

События, о которых пишет доктор Ли, произошли в деревне Барби, имеющей население от 600 до 700 человек. Деревня расположена в графстве Нортхэмптон, в восьми милях от города Рэгби и пяти с небольшим милях от Дэйвентри. В ней стоял дом, который, как полагали до недавнего времени, был населен привидениями.

Вот что поведал нам вышеупомянутый рассказчик.

«Миссис Уэбб, пожилая уроженка деревни, отличавшаяся необычайно высоким ростом, скончалась в два часа ночи третьего марта 1851 года в возрасте 67 лет. При жизни она была хорошо обеспечена, так как покойный супруг оставил ей значительное состояние. Но вдова отличалась страшной и неисправимой скарелдностью. Она влачила на удивление убогое существование, чем, по мнению большинства односельчан, и сократила себе жизнь. Две ее соседки, Гриффин и Холдинг, ухаживали за нею во время болезни, а племянник, по имени Харт, фермер из той же деревни, снабжал тетку всем необходимым. В его пользу она и составила завещание, передав племяннику все свое имущество.

Спустя месяц после похорон соседка Холдинг, жившая вместе с дядей рядом с домом покойной (тот был наглухо заколочен досками), вдруг в страхе проснулась, разбуженная тяжелым, глухим грохотом в доме Уэбб. Было слышно, как о стену бьется дверца посудного шкафа, доносились и другие странные звуки, похожие на скрежет, производимый передвигаемой мебелью, хотя вся обстановка была вывезена и дом стоял пустой. В два часа пополудни шум обычно усиливался.

В начале апреля семейство Эклтонов, крайне нуждавшееся в жилье, въехало со всем скарбом в дом умершей, единственный свободный дом в деревне. Мистер Эклтон с женой и десятилетней дочерью занимали комнату покойной миссис Уэбб. Девочка спала в кроватке в углу. Главы семьи часто не бывало дома. В два часа ночи вдруг раздавался неистовый шум: глухие удары, тяжелые шаги, треск — как будто предметы мебели с силой швыряли на пол.

Как-то ночью, в два часа, родителей внезапно разбудил громкий детский крик: „Мама! Мама! Тут какая-то высокая женщина! Она стоит у кровати и качает головой!“ Родители девочки ничего не видели и попытались успокоить ее. В четыре часа утра они вновь были разбужены воплями дочери, которая опять увидела женщину. В последующие семь ночей та являлась ребенку не менее семи раз.

Когда мистер Эклтон был в отъезде, его жена пригласила ночевать свою мать. В два часа их разбудило какое-то странное свечение, залившее комнату. Миссис Эклтон совершенно отчетливо увидела дух миссис Уэбб. Призрак приближался и зывал к женщине. Ей показалось, что покойная силится сказать: „Говори! Говори!“

Точно так же являлось это привидение и другим женщинам: миссис Рэдборн, миссис Гриффин и миссис Холдинг. Они уверяли, что видели какие-то светящиеся шары, которые взмывали вверх, к ведущему на крышу коттеджа люку в потолке. Все, кто видел это, говорили, что одновременно слышали басовитые стоны, исходящие будто с того света и похожие при всей своей неестественности на предсмертные стоны миссис Уэбб.

Дело это было подвергнуто разбирательству, и миссис Эклтон предположила, что появление духа может быть связано с тем, что наверху, под крышей, схоронены деньги.

Вполне оправданная догадка, если вспомнить о скупости умершей. Миссис Эклтон поделилась этим соображением с фермером Хортоном. Тот явился в дом и с помощью хозяйки провел наверху тщательный осмотр. Здесь была кромешная тьма, и кладоискатели запалили свечу.

Сперва они нашли кипу старых бумаг, а потом — объемистую суму с золотом и банкнотами. Вытащив из нее пригоршню соверенов, племянник покойной показал их миссис Экклтон. Но и после этого волнующего открытия стук, стоны и странные шумы, равно как и другие связанные с делом тревожения, не прекратились. Все это кончилось лишь тогда, когда мистер Харт обнаружил, что после тетки остались долги, и добросовестно расплатился с ними. Вот и все, что мы знаем о „доме с привидениями“ в деревушке Барби.

Сэр Чарлз Ишэм и другие достославные джентльмены, проживавшие в окрестностях, тщательнейшим образом изучили происшедшие события во всех подробностях и пришли к выводу, что изложенное полностью подтверждается имеющимися доказательствами».

М. Хотинский

О НАТУРАЛЬНОЙ МАГИИ

«Заметки скептика о темных предметах...»^[6]

Сэр Дэвид Брюстер в своих письмах о натуральной магии рассказывает следующее происшествие, случившееся с одной весьма почтенной и образованной английской дамой, с которой он был хорошо знаком. Эта дама убедилась сейчас приведенным способом, что привидения, являвшиеся ей, существовали только в ее воображении. Такого рода опытам она обязана советам знаменитого физика.

Госпожа М. была постоянно здорова и не замечала никаких необыкновенных видений. 26 декабря 1830 года вечером, в половине пятого, сидя перед камином, она вспомнила, что пора уже было одеваться к обеду. Боясь опоздать она встала с поспешностью, но не успела сделать двух шагов, как вдруг послышался голос ее мужа, кричавший: «Поди сюда, поди скорее!» Полагая, что муж ее за дверью, она торопливо открыла ее, но, к удивлению, не нашла там никого. В это самое время вновь послышался ей голос, повторявший те же самые призывы, за другой дверью, бывшей в той же комнате. Госпожа М. отворила и эту дверь, но не нашла и там никого. Это ей показалось до того странным, что она немного встревожилась и для успокоения вновь присела на кресло, стоявшее против камина. Но тут послышался ей вновь голос мужа; на этот раз он был громче, нетерпеливее и выражал как будто страдание, повторяя те же самые слова, как и в первые два раза. Госпожа М., не вставая со стула, громко отвечала, полагая, что муж ищет ее: «Я не знаю, откуда ты зовешь меня, я сижу у камина». Не получая на это никакого ответа и не видя мужа, дама пошла искать его по всем комнатам, но, к удивлению, не нашла его в доме. Уже полчаса спустя господин М. позвонил у входа, возвращаясь домой к обеду. Жена рассказала ему странный случай, который мы сейчас описали, и муж объявил ей, что полчаса тому назад он был еще на противоположном конце города.

К обеду явилось несколько знакомых. Случай был им рассказан и послужил предметом для веселого разговора, причем одна дама призналась, что с ней было сходное явление десять лет назад, во Флоренции, где она, возвратясь с бала, слышала голос мужа, бывшего в то время в Англии. Все это было обращено в шутку и, наверное бы, забылось

как незначайший случай, если бы через четыре дня после этого не произошло новое, более замечательное явление. В первый раз был обманут слух, во второй раз обманывалось зрение.

Тридцатого декабря, в 4 часа пополудни, госпожа М., возвращаясь в гостиную, из которой вышла на несколько минут, увидела мужа своего, стоящего спиной к камину. Зная, что он вышел за полчаса перед тем на прогулку, которая обыкновенно продолжалась от одного до двух часов, она с удивлением спросила у него, отчего он так рано возвратился домой. Фигура, неподвижно стоявшая перед камином и как две капли воды похожая на ее мужа, пристально посмотрела на госпожу М. с выражением задумчивости и печали на лице, но не произнесла ни слова. Дама, полагая, что муж получил неожиданно какое-то неприятное известие, подошла к нему и села на кресло перед камином, едва в двух футах от привидения, которое считала своим мужем. Видя, что тот не спускает с нее глаз, она, посидев с минуты три, обратилась к нему с вопросом, отчего он молчит, и протянула руку, чтобы приблизить его к себе. В то же самое мгновение фигура отодвинулась от нее и быстрыми шагами пошла к окну, причем, к удивлению дамы, не слышно было ни шума шагов, ни шороха платья, ни движения воздуха; подойдя к окну, фигура остановилась и продолжала смотреть на госпожу М.

Англичанка была женщина не робкого десятка, ей не раз случалось говорить с учеными о привидениях. Мгновенно мелькнула в уме мысль испытать средство, слышанное ею некогда от сэра Давида Брюстера, для отличения видений действительных от призраков воображения, состоящее из пожатия одного глаза пальцем сбоку. Но прежде чем госпожа М. собралась с духом, чтобы сделать этот опыт, привидение исчезло за занавесью окна. В недоумении, что об этом подумать, и все еще сомневаясь — не муж ли это, она бросилась к окну, но не нашла там никого. Видя невозможность для телесного существа скрыться подобным образом, дама убедилась, что привидение было результатом ее воображения, занятого мыслью о муже; а так как это была женщина весьма умная и образованная, то она несколько не тревожилась этим видением.

Заметим, что оно случилось при дневном свете и продолжалось около пяти минут. Приведение было двойником господина М. и являлось со всеми признаками телесного существования, закрывая собой предметы, находящиеся за ним. Последнее обстоятельство очень памятно госпоже М.

Оба рассказанные нами видения случились с госпожой М. в то время, когда она была одна в комнате, но 4 января 1834 года видение повторилось при других обстоятельствах.

В упомянутый день, в десять часов вечера, господин и госпожа М. сидели вместе в своей гостиной, и первый наклонился к камину, чтобы поправить горевшие угли. В это мгновение его жена вскричала: «Кто пустил сюда эту кошку?» Муж обернулся и, видя, что жена показывает на угол возле камина, где решительно ничего не было, ударил по этому месту щипцами. «Не тронь ее! — закричала жена. — Это Китти». В доме находились две кошки, из которых одну действительно звали этим именем. «Китти, Китти, — продолжала звать госпожа М., — поди сюда! Кто пустил тебя в гостиную?» Муж, не видя ничего, уверял жену, что она ошибается и в гостиной нет кошки, но дама встала с дивана и, чтобы доказать мужу, что она права, хотела взять кошку на руки, но та будто побежала от нее спряталась под стул.

Кликнули людей, но кошки не оказалось в гостиной, и сама госпожа М. не видела ее более. Лежавшая у ног мужа собака, очень не любившая кошек, оставалась во все время видения совершенно спокойной, и вдобавок обе кошки тотчас же были найдены в комнате ключницы, где они давно уже спали. Тут только госпожа М. убедилась в том, что сцена эта была плодом видения, созданного ее воображением.

Несмотря на эти странности, М. оставалась постоянно здоровой как телесно, так и умственно.

Прошло с месяц, и уже муж начал полагать, что подобные сцены не повторятся более, как вдруг неожиданно случилось новое страшное явление.

Госпожа М., бывшая целый день на ногах, очень устала к вечеру и потому торопилась лечь в постель. Было одиннадцать часов вечера, и она убирала на ночь свои волосы, стоя перед зеркалом и думая только о том, как бы поскорее улечься и заснуть. Вдруг она вздрогнула всем телом: в зеркале увидела она, что за ней стоит один из ее родственников, бывший в то время в Шотландии. Привидение, казалось, стояло за ее левым плечом, и глаза их встретились в зеркале. Пришелец был закутан с головы до ног в саван, каким обыкновенно обертывают покойников; выражение лица было сердитое и вместе с тем печальное, а глаза, хотя и открытые, смотрели мутно, как бы лишенные жизни. Несколько минут госпожа М. находилась под влиянием того обаяния, которое отнимает у нас иногда весь произвол действий и приковывает зрение исключительно к одному предмету. Невольно смотрела она в зеркало на пришельца из могилы и могла в подробности рассмотреть даже, каким швом и покроем был сшит саван. Наконец, когда, опомнившись, она обернулась, чтобы убедиться в истинности призрака, — привидение исчезло и не появлялось более ни в

зеркале, ни в комнате.

Родственник госпожи М., тень которого так ее перепугала, был в это время действительно в Шотландии, здоровым.

В начале марта случилось, что муж нашей героини провел большую часть ночи вне дома, на званом вечере. Во все это время жена его, лежа в постели, не спала и непрерывно слышала вблизи себя не только дыхание мужа, но и повороты его в постели. Как ни старалась она уверить себя в невозможности подобного явления, оно продолжало совершаться перед ней как во мраке, так даже и тогда, когда внесена была в комнату свеча. Жена не видела своего мужа, но постоянно слышала его дыхание и его движения.

Очень часто случалось ей впоследствии слышать голос мужа в то время, когда он отсутствовал. Этот голос не только произносил отдельные фразы, но вел целые разговоры с какими-то лицами, ответы которых не были слышны. Голос мужа не отвечал на вопросы жены и вообще когда обращался к ней, то никогда не задавал вопросов. Речь ограничивалась описанием окрестных видов, рассказом слышанного или виденного или изложением разных проектов улучшения имения. Невидимый собеседник говорил, как будто он действительно был тут, никогда не делая вопросов и не отвечая на них.

Семнадцатого марта госпожа М., готовясь лечь в постель, взяла ножную ванну и выслала от себя горничную. За час перед тем она читала «Spectator» и теперь припомнила одну замечательную статью этого журнала. Вдруг, поднявши глаза, она увидела на кушетке сидящую фигуру, точь-в-точь похожую на ее покойную родственницу и приятельницу, сестру ее мужа. Привидение было одето в платье, которое покойница любила носить в последний год ее жизни; он сидело весьма покойно, немного развалясь и держа в руке платок. Госпожа М. заметила изысканную простоту туалета, разглядела даже все мелочи и хотела заговорить с привидением, которое пристально смотрело на нее; однако ж внутреннее волнение не позволило ей выговорить слова раньше как по прошествии минут трех. При первом звуке голоса привидение исчезло, и немедленно вслед за тем вошел в спальню муж госпожи М. Она рассказала ему все подробности видения, совершившегося, по ее словам, с необыкновенной ясностью, отличающей действительные естественные явления.

Как при этой, так и при других иллюзиях чувства зрения госпожа М. за несколько часов до видения призрака чувствовала в глазах какое-то особенное, неизъяснимое ощущение, достигавшее высшего развития во время самого видения и исчезающее вместе с ним.

Пятого октября, ночью, госпоже М. являлось привидение ее свекрови,

умершей в Париже в 1824 году. Одиннадцатого числа, в то время как у нее были гости, показалось нашей даме, что одна ее приятельница, умершая несколько лет тому назад, вдруг вошла и села в кресло против камина. Так как комната была наполнена гостями, то хозяйка, отбросив пустой страх, решилась встать с дивана и сесть на кресло, занятое привидением. Но едва только подошла она к креслу, как привидение мгновенно исчезло.

Двадцать шестого числа госпоже М. показалось, что карета, запряженная четверней, въезжала к ней на двор, и она уже хотела отойти от окна, приготовляясь принимать гостей, как вдруг любопытствовала взглянуть сперва, кто к ней приехал. Карета была в это мгновение прямо перед окном, и несчастная женщина с ужасом увидела, что как кучер, так и особы, сидевшие в карете, были скелеты, одетые в нарядное платье. Несколько минут она стояла, как бы окаменев от страха, и, только когда муж вошел в комнату, она собралась с силами и вскрикнула. В то же самое мгновение карета и скелеты исчезли, не оставив следа.

Сэр Давид Брюстер рассказывает еще несколько случаев о госпоже М., вроде тех, которые мы уже сообщили читателю. Он старается объяснить их естественным образом, повреждением состояния здоровья этой женщины. Нет сомнения, что все эти видения были только призраки воображения; но тем не менее едва ли Брюстеру и другим удастся объяснить удовлетворительно психологическое и физиологическое состояние человека, которому чудятся призраки среди белого дня.

Ученый английский доктор Хибберт в прекрасном сочинении своем о предмете нашей беседы доказывает, что явления привидений суть не что иное, как идеи или образы, собранные умом воедино и вследствие некоторых страданий или ненормальностей нашего физического состава делающие на мозг сильнейшее впечатление, чем действительные предметы. Здесь представляется случай, что умственный глаз видит яснее глаза телесного. Доктор Хибберт приводит этому неопровержимые доказательства; но Брюстер идет еще далее. Он стремится доказать, что умственный глаз и глаз телесный действительно тождественны и что как тот, так и другой получают впечатление от сетчатки и поэтому в обоих зрение совершается по одним и тем же законам оптики.

По словам знаменитого английского физика, это правило справедливо не только относительно явления привидений, но и относительно всех идей, воспроизводимых памятью или созданных воображением, так что его можно принять за основной закон пневматологии.

Посмотрим теперь на картину с другой точки зрения. Здесь представляется нам человек жертвой заранее обдуманного обмана, рабом

собственного невежества и игрищем суеверных убеждений.

История неоспоримо доказала нам, что языческие жрецы древнего мира следовали обдуманной системе обманов, действовавших на суеверие народа, и извлекали из этого выгоды, сообразные со скрытыми целями. И не только в древности, но даже во мраке средневекового невежества повторялись в той же среде подобного рода проделки, исчезнувшие наконец перед светом науки.

По общему закону равновесия, присутствие которого повсеместно замечается как в физической, так и в нравственной природе, средства воздействия всегда соразмерялись в силе и напряжении с противостоящими им средствами противодействия. Чем невежественнее была толпа, тем легче было ее обмануть...

Невозможно сомневаться, что большая часть обманов, бывших в ходу у языческих жрецов, основывалась на оптических иллюзиях — результате знания свойств плоских и вогнутых зеркал. Мы находим у многих авторов свидетельства о том, что древние имели у себя зеркала стальные, серебряные и из белой меди, видом и составом весьма похожие на тот металлический сплав, из которого в наше время выделяются зеркала для астрономических рефлекторов. Читая Плиния, можно даже заключить, что древним небезызвестны были и стеклянные зеркала, приготовлявшиеся, вероятно, в Сидоне. Как бы то ни было, все зеркала древних, особенно вогнутые, не отличались качеством шлифовки, и предмет, отражаемый ими, требовал сильного освещения, без чего призрак был весьма тускл и неопределен. Чтобы по возможности избежать этого недостатка, преимущественно употреблялись серебряные зеркала. И в самом деле, ни один металл не может спорить в этом отношении с серебром.

Зеркала древних магов были плоские и вогнутые. В первом случае они делались преимущественно с многими фацетами или многоугольные. Ясно, что такого рода зеркала употреблялись для множественности отражений единственного предмета, тогда как вогнутые служили для искаженного отражения предметов. Употребляя различные сочетания зеркал, нетрудно было достигнуть результатов, изумительных для профана.

У Авла-Геллия, между прочим, упоминается об одном качестве зеркал, которое поставило в тупик всех комментаторов, трудившихся над древними классиками. В своих «Аттических ночах» этот автор говорит, что существуют зеркала, которые, будучи поставлены на известном месте, не дают никаких изображений предметов, тогда как, поставленные в другое место, получают вновь свойство отражать образы предметов.

Евсевий Сальверт, следуя своей, заранее составленной системе, думал

объяснить это явление поляризацией, но он явно забыл, что здесь дело идет о металлических, а не о каких-либо других зеркалах. Нам кажется, что все это гораздо проще. Известно, что зеркало, поставленное в сырое место, скоро тускнеет, тогда как в сухом месте оно вновь получает прежний блеск. Этого рода явление, скорее всего, присуще серебряным зеркалам, преимущественно употреблявшимися древними.

Самый простой вид волшебных зеркал состоит из двух плоских. С помощью их можно сделать так, что из двух лиц, стоящих перед зеркалом и одинаково удаленных от линии, перпендикулярной к средней, каждое будет видеть только своего соседа, а не самого себя. Но, вообще говоря, плоскими зеркалами трудно морочить людей, знакомых с зеркальным призраком: они хороши только для тех, кто еще никогда не видел зеркала, а ныне таких людей труднее найти, чем во времена языческие. Даже и в то время редко прибегали к простому плоскому зеркалу, а чаще к многогранному или еще чаще к вогнутому.

Вогнутые зеркала составляют издревле одну из важнейших принадлежностей волшебных кабинетов и магических проделок. Самая выгодная из всех форм для таких зеркал есть эллиптическая. Предмет, находящийся в одном из фокусов, отразится тогда в другом, но только в обращенном виде — призрак будет казаться висящим в воздухе и производить чрезвычайный эффект, который для невежды или суевера должен показаться сверхъестественным.

Таким образом можно заставить являться самые разнообразные привидения в величайшем разнообразии цветов, форм и движений, потому что все то, что будет помещено или будет совершаться в ближайшем к зеркалу фокусе, невидимом для зрителей, повторится с величайшей отчетливостью в более обширном виде в другом фокусе, положение которого принаравливается выгодным для зрителя образом. Являющийся при этом призрак сохранит в себе все отличительные признаки сверхъестественного привидения, потому что, представляясь глазу в самых отчетливых формах и красках, он будет ускользать, как бесплотное существо, от прикосновения зрителя.

Одно из любопытнейших видений такого рода было издавна употребляемо магами для устрашения самых недоверчивых зрителей. Оно называлось таинственным кинжалом и заключалось в следующем.

Если кто-либо при сильном освещении с хорошо отполированным кинжалом в руке будет поставлен перед вогнутым зеркалом немного дальше главного его фокуса, то он увидит в воздухе свое собственное изображение между собой и зеркалом, только в уменьшенном и

перевернутом вверх ногами виде.

Спрячьте человека, стоящего перед зеркалом и держащего кинжал, за ширму, дверь, экран или что-нибудь подобное так, чтобы его не было видно, оденьте его в черное, а руку, держащую полированный кинжал, оставьте в белом рукаве, — тогда будет видна в воздухе только рука, держащая кинжал. Введите в эту комнату человека, не знающего всех этих приготовлений, и, поставив его перед призраком, дайте тайный знак вашему сообщнику, чтобы он занес руку с кинжалом, как бы для удара. Гость ваш, наверное, с ужасом отступит назад, видя перед собой в воздухе руку, не принадлежащую никакому телу, но замахивающуюся на него кинжалом.

Эту проделку производили обыкновенно так, что человек, стоящий близ фокуса зеркала, держал в руках яблоко или другой фрукт, а кинжал был у него спрятан под рукавом или в черных ножнах. Призрак представлял, следовательно, руку с фруктом. Входящего приглашали принять волшебный плод в подарок от таинственной руки; но едва зритель протягивал руку за плодом, как по тайному знаку спрятанный человек левой рукой, обернутой черным, а потому невидимой, схватывал плод и ножны с кинжалом, которые, следовательно, исчезали, а потом замахивался обнаженным лезвием, как бы желая пронзить пришельца, отскакивающего с ужасом.

С помощью таких же вогнутых зеркал чародеи заставляли являться призраки людей, давно умерших. Для этого ставили в фокусе зеркала, но скрытно от зрителя, бюст или портрет умершего, сильно освещенный, причем покрывали черным те места картины или окружающие предметы, которых не должен был видеть зритель. Окуривали бюст или портрет дымом — можно представить призрак как бы среди облака, и появление его делается еще поразительнее.

Едва ли может существовать сомнение, что явления языческих богов среди их храмов производились иначе, как с помощью вогнутых зеркал. Впрочем, сказания древних об этом предмете довольно неопределенны относительно подробностей. В этих сказаниях находим явные следы оптических иллюзий. Так, например, в древнем храме Геркулеса, в Тире, находилось, по словам Плиния, седалище, высеченное из священного камня, с этого седалища не раз видели возносящихся кверху богов. В Эскулаповом храме, в Тарсе, бог Ямблих свидетельствует, что боги являлись по зову жрецов среди дыма ароматных курений. Всего лучше описаны эти явления у Дамасция, и тут прямо бросается в глаза сходство их с явлениями, известными у нас под именем фантазмагорий. Кажется,

невозможно описать последних яснее, чем то сделал Дамасций, повествуя о явлениях языческих богов; тут даже встречаются некоторые мелкие подробности, вполне подтверждающие тождественность обоого рода явлений.

Весьма известен анекдот о византийском императоре Василии Македоняnine, который, будучи погружен в глубочайшую горестъ от потери любимого сына, обратился к известному в то время в Константинополе Феодору Санковарену, прося его показать ему хотя бы призрак умершего сына. В назначенное время и в условленном месте Василий увидел сына своего, скачущего к нему на коне и исчезнувшего в объятиях отца. Если только это была не галлюцинация или призрак воображения, то легко может статься, что Феодор воспользовался конным портретом умершего и свойствами выпуклого зеркала, искусно приновленного к местности. Так объясняют этот факт новейшие исследователи натуральной магии. Мне же кажется, что весь этот факт походил на одну из тех сказок, которых так много осталось в преданиях Византийской империи.

Нам слишком мало известны подробности самых поразительных явлений богов и фантастических зрелищ, являвшихся перед изумленной толпой, во время особых торжеств в языческих храмах. Довольно того, что с одной стороны находилась невежественная толпа, а с другой — представители всех тогдашних знаний, вооруженные всеми возможными и известными в то время орудиями обмана, искусно приновленными к местности и времени.

Бенвенуто Челлини оставил нам рассказ о сцене новейшей некромантики, в которой он сам был действующим лицом. Этот рассказ может нам дополнить и пояснить столь малоизвестные в наше время магические явления языческих храмов.

Будем рассказывать почти собственными словами знаменитого итальянского художника:

«Случай свел меня весьма близко с одним сицилийским монахом, человеком гениальным и глубоко изучившим классическую древность. Часто просиживал я с ним по несколько часов сряду, слушая его поучительный разговор. Однажды ночью зашла у нас речь о волшебстве, магии и некромантике, и я просил почтенного моего друга сообщить мне несколько положительных сведений об этом предмете, давно уже занимавшем мое воображение.

— Чувствуешь ли ты в себе довольно твердости духа, чтобы заняться таким страшным делом? — спросил у меня сицилиец. — Я уведомляю

тебя, что изучение тайных наук сопряжено с такими обстоятельствами, что робкому человеку нечего и думать об этом, если он, дорожа жизнью, не хочет умереть от страха.

Такого рода предупреждение не только не устрасило меня, но еще больше подтолкнуло, и я поспешно отвечал сицилийцу:

— Если ты в самом деле можешь исполнить мою просьбу, друг мой, то начни свои уроки как можно скорее, иначе я буду полагать, что ты считаешь меня за труса, и тогда, признаюсь, не смогу долее оставаться твоим другом.

Монах улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он после некоторого размышления. — Мы начнем завтра же, чтобы не терять времени. Приходи ко мне вечером и приведи с собой еще кого-нибудь из твоих приятелей. Пожалуй, можешь привести и двоих, это нисколько не помешает делу, но если тебе будет страшно, то хотя бы не так скучно.

На другой день я сделал предложение искреннему другу моему Виченцо Рамоли заняться со мной тайными науками. Он с охотой согласился и в тот же день повел меня к одному из своих приятелей, пистойскому уроженцу, уже несколько лет занимавшемуся изучением черной магии. Последний вызвался сопровождать нас в тот вечер к монаху, говоря, что сам рад научиться чему-либо новому у такого ученого мужа, как мой приятель сицилиец.

Рано вечером мы были у нашего нового учителя. Он встретил нас с улыбкой и на извинения моих товарищей отвечал весьма дружелюбно, что для него, мол, очень приятно сделать нам удовольствие.

Монах оделся и повел нас в Колизей. Здесь он начал свои мистические приготовления. Начертив черной тростью обширный круг, он стал, произнося непонятные слова, раскладывать посреди круга небольшой костер из сухого хвороста. Окончив это дело, он взял нас за руки и, введя внутрь круга, сильно топнул ногой; на этот призыв явился неожиданно, как будто вырос из-под земли, какой-то маленький старичок, который, не входя внутрь круга, каким-то непонятным образом зажег костер и стал бросать в него разные вещества, издававшие самый неприятный запах; по временам, впрочем, смрад сменялся благовонием, что, очевидно, зависело от материалов, которые старичок бросал в огонь. Сицилиец читал между тем заклинания и вдруг спросил меня:

— Бенвенутто! Кого ты желаешь теперь видеть перед собой из твоих отсутствующих друзей?

Я немедленно просил вызвать призрак моей любовницы Ангелики.

Заклинания начались снова, но Ангелика не являлась, хотя весь окрестный воздух наполнился какими-то адскими привидениями, только внутри круга их не было.

Эта сцена продолжалась более часу. Тогда магик объявил нам, что закливания его не довольно сильны, чтобы вызвать Ангелику, но что он берется исполнить это в другой раз.

Мы разошлись по домам, не зная, что и подумать о всем виденном в ту ночь.

Дня через два магик назначил повторение опыта. Для успешного хода заклятий ему нужно было присутствие невинного дитяти, и я привел с собой двенадцатилетнего мальчика, находившегося у меня в услужении. Кроме того, еще были со мной Виченцо Рамоли и Аньолио Гадуи, также один из искренних общих наших друзей.

Когда мы пришли в Колизей, то сицилиец начал свою проделку точно так же, как и в первый раз, только на этот раз старичок не являлся. Забота о поддержании огня и сжигания в нем попеременно зловонных и благоухающих составов он возложил на обоих наших друзей, мне же дал какую-то магическую табличку и, приказав обратиться в определенную сторону, поставил мальчика под табличку, которая приходилась прямо над его головой. Тогда он начал страшные заклятия на латинском, греческом, еврейском и арабском языках. Многие слова, вероятно, даже не принадлежали ни к одному из человеческих наречий и могли служить только для беседы в аду. Волшебник звал духов по именам со страшными угрозами, и вскоре вся окрестность наполнилась странными и страшными существами. Сицилиец стал говорить с ними, хотя мы и не слышали их ответов, но страх наш был так силен, что мы все дрожали, как листья, колеблемые ветром, и мальчик мой от страха начал бредить наяву, уверяя, что четыре исполина ломятся внутрь круга и стараются поймать нас своими лапами. Потом показалось нам, что весь амфитеатр в огне и этот огонь все приближается к нам, чтобы истребить нас, между тем как адские призраки плескались в пламени. Тут, казалось, сам магик струсил, потому что был бледен как полотно. К счастью, в это время ударили в колокол и видение исчезло.

Наш магик снял свой волшебный костюм и убрал в мешок книги, по которым читал закливания. Мы отправились домой. Посреди темноты нам все казалось, что привидения издали гонятся за нами, а два духа бегут, кувыряясь, впереди нас. До утра нам все мерещились привидения, которые исчезли совершенно только с восходом солнца».

Бенвенутто не лгал в этом рассказе. Как же объяснить это

происшествие?

Сицилийский патер был человек весьма ученый, имевший у себя хороший магический кабинет. Он спрятал в развалинах Колизея несколько помощников с вогнутыми зеркалами, научив их, как поступать с этими инструментами. Немудрено было им спрятаться в месте, весьма для того удобном, и притом в присутствии людей, ожидающих чрезвычайного и исключительно занятых тем, на что магик обращал их внимание. Привидения явились вокруг очерченного круга благодаря свойствам вогнутых зеркал, воображение довершило остальное. Дым от курения содержал в себе одуряющие, наркотические вещества и способствовал иллюзиям зрения и настроенности воображения. Прибавим еще, что описанные сцены происходили в XVI столетии, когда самые образованные люди не сомневались в действительной возможности неестественных сношений с невидимым миром посредством волшебных заклятий.

Почем знать, не употреблял ли ученый патер для описанной проделки волшебный фонарь, с помощью которого все явления могут быть весьма удовлетворительно объяснены? Мы забыли еще упомянуть, что при втором заклинании тень Ангелики явилась и магик сказал Бенвенутто, будто его возлюбленная объявила голосом, слышным только адепту, что Челлини скоро вновь ее увидит. Легко может быть, что патер, не зная, кого именно желает видеть Челлини, не мог показать ему призрак в то же самое мгновение, но на другой день нарисовал фигуру, схожую с упомянутой женщиной, и заставил ее явиться в виде призрака с помощью волшебного фонаря.

Нам возразят, что Бенвенуто умер в 1570 году, а Кирхер, изобретатель волшебного фонаря, родился 31 годом позже. Но кто может поручиться, что волшебный фонарь не был известен ранее Кирхера и что последний только усовершенствовал его или, может быть, сделал известным устройство этого прибора? Не всегда открытия приписываются тем, кто действительно их сделал. Новый свет назван не по имени Колумба, а по имени Америго Веспучия.^[7] Сколько открытий сохраняется в тайне более или менее долгое время, пока не явится человек, который передает заветную тайну во всеобщее сведение и получает вместе с материальными выгодами бессмертное в истории науки имя изобретателя.

...Как бы там ни было, а в XVII веке волшебный фонарь был в большом ходу у магиков и чародеев. Вогнутые зеркала требуют особого, удобного помещения, громоздки и могут быть с пользой употребляемы только опытными людьми, тогда как волшебный фонарь невелик, может быть поставлен и спрятан почти везде, содержат его в небольшом ящике,

где лежат и все необходимые принадлежности, и он может быть управляем самой неопытной рукой. Понятно после этого, какую выгоду извлекали магики из такого инструмента и как часто прибегали они к его помощи во время своих чародейний.

Здесь не место описывать (весьма простое, впрочем) устройство волшебного фонаря, которое можно найти в каждом учебнике физики. Большая часть наших читателей, вероятно, имела случай видеть такой фонарь в натуре. При обыкновенных опытах изображения, бросаемые в пространство этим инструментом, отражаются на непрозрачных телах; при этом фонарь находится в той же комнате, где помещаются зрители, и стоит к ним задом, между ними и непрозрачной отражающей плоскостью. Но если дается магическое представление, то фонарь оборачивается к зрителям передом и между первым и последними помещается полупрозрачное тело — матовое большое стекло или рама, обтянутая газовой тканью. В последнем случае магик может произвести отражение призраков на газе, стекле или, пожалуй, на облаках дыма, поднимающегося с курильниц.

Изображения фигур, представляемых волшебным фонарем, рисуются на стекле. Уже при обыкновенном способе производства опытов этим инструментом неопытных! зритель бывает сильно поражен; но эффект увеличивается необыкновенно, если вместо одного стекла употребить два. Соединяя одновременно движения двух или более стеклянных рисунков, можно изобразить движущиеся фигуры, и привидения будут разыгрывать в воздухе перед изумленным зрителем любые фантастические сцены.

Волшебный фонарь поистине составляет инструмент, достойный своего громкого названия. Надо, однако же, признать, что в настоящем состоянии он способен к весьма значительным усовершенствованиям. Преимущественное внимание должно быть тут обращено на исполнение картинок из стекла — этих основных причин волшебных изображений. Рисунок или живопись, прекрасная для простого глаза, покажется нестерпимым малеваньем, если рассматривать ее подробности при увеличении в 500 или в 1000 раз; а картины волшебного фонаря, предназначенные давать изображения под упомянутыми увеличениями, не только не могут соперничать с обыкновенной хорошей живописью, но зачастую исполняются мастерами, более похожими на маляров, чем на живописцев. Какой же тут можно ожидать иллюзии! И при всем том результаты получаются довольно удовлетворительные. Что же было бы, если б исполнить рисунки для волшебного фонаря с крайней тщательностью, в мельчайших подробностях и поручить управление

фонарем человеку ловкому и опытному? Нет сомнения, что тогда эффект превзошел бы всякое ожидание и призраки едва разнились бы от осязаемой действительности.^[8]

Первые фантасмагорические представления, показанные публично, с объявлением, что они будут произведены с помощью волшебного фонаря, относятся к 1802 году. Некто Филипсталь давал их в Лондоне и Эдинбурге и привлекал в свой небольшой театр многочисленную толпу.

Вот как описывает эти представления сэр Давид Брюстер, основываясь на показаниях очевидцев. Впрочем, и в наше время фантасмагии очень похожи на эти описания.

Театр, где Филипсталь давал свои представления, освещался одной только лампой, которая по произволу могла быть скрываемая под непрозрачным колпаком. Зрители помещались в амфитеатр при свете этого скудного освещения. Как скоро наступал час, назначенный для начала представления, занавес поднимался и открывал на сцене пещеру, вход которой был окружен дикими скалами, скелетами, черепами и чучелами страшных фантастических чудовищ. После того, как зрители насмотрелись на этот театр будущих ужасов, раздавались громовые удары, сверкала молния и дрожащий свет лампы постепенно исчезал, скрываясь под непрозрачным колпаком. В это самое время, незаметно для зрителей, опускался газовый занавес, разделявший амфитеатр от сцены: этот занавес оставался для зрителей вовсе незаметным, и на нем-то отражались воздушные изображения, о действительном расстоянии которых невозможно было сделать правильного заключения, потому что не доставало никаких окрестных видимых предметов для сравнения. Гром и молния продолжались. Первый производился катанием чугунных шаров до дощатой настилки, имевшей снизу пустоту, а молния весьма натурально образовывалась электрическими искрами, пробежавшими по узеньким полоскам металлической фольги, наклеенной на стекло. Затем с помощью волшебного фонаря, поставленного внутри пещеры, отбрасывались изображения более или менее страшных предметов и лиц, которые являлись публике висящими в воздухе. Искусным соединением двух и более стеклянных пластинок с нарисованными на них изображениями фигуры приходили в движение, разыгрывая известные и несложные сцены. При этом, смотря по надобности, уменьшали или увеличивали размеры фигур, поэтому казалось, будто бы они удалялись или приближались к зрителю, а затемняя одно стекло другим, заставляли изображения живых людей превращаться в скелеты и обратно; скелеты облекались телом, принимали формы и цвета живых существ. Разумеется, что все это

разнообразилось до крайней возможности, достигая пределов самой уродливой фантазии. Так, например, юная брачная пара при первом поцелуе внезапно на глазах зрителей испытывала ужасное превращение: жених превращался в скелет, на котором голова оставалась в прежнем, живом виде; голова же невесты исчезала, и вместо нее являлся убеленный временем могильный череп на живом теле, одетом в пышный наряд.

Такого рода сцены производили сильное впечатление на зрителей. Удобство увеличивать размеры призраков составляло новый источник эффектов. Так как при этом казалось, что предметы быстро приближаются к зрителю из большой отдаленности, то воображение невольно оживляло их; а при крайнем увеличении размеров многие вскрикивали, потому что им казалось, будто бы привидение действительно коснулось их.

В таком роде были представления Филиппсталя, наделавшие в начале XIX столетия много шума в целой Англии и доставившие искусному фантазмагорику огромные суммы денег. В скором времени Робертсон перенес эти представления в Париж и значительно их усовершенствовал. Он первый начал вводить в фантазмагорические картины тени живых существ, производившие несказанный и истинно волшебный эффект. Такого рода тени весьма были похожи на действительные предметы, представляющиеся в полумраке, при слабом лунном свете.

Позднее фантазмагорические представления усовершенствовались введением вместо кукол и рисунков живых предметов, одетых в настоящие костюмы и действующих натурально, согласно обдуманному плану. Прибор для такого рода представлений придуман в Англии Томасом Юнгом и называется катадиоптрической фантазмагорией, потому что здесь одновременно действуют и отражение и преломление призрака, и выпуклые стекла. С помощью этого сочетания приборов можно представлять самые разнообразные сцены, а так как особым расположением прибора^[9] можно разделить каждую целую фигуру на части и дать им произвольное положение, то легко вообразить, до какой степени представления эти могут быть естественны и занимательны. Мне самому не раз случалось их видеть в Париже и Лондоне, и хотя я очень хорошо знал все малейшие подробности явления, но признаюсь откровенно, что не раз воображение брало верх над разумом. Между прочим, одна сцена обезглавливания представлена так натурально, что при ударе топора, отделившем голову от туловища, половина зрителей вскрикнула от ужаса, а привидения так ясно рисовались перед глазами, что я не раз невольно отодвигался, чтобы избежать их прикосновения.

Оптические фокусы были в большой моде в XVI и XVII столетиях.

Несмотря на то, что инквизиция жгла на костре мнимых волшебников, находились люди очень ученые и почтенные, которые для собственной забавы заставляли считать себя колдунами. Бэкон, ученейший человек своего времени, сидя у окна, заставлял собственный свой призрак являться на верх колокольни, что делал с помощью двух зеркал. За эту шутку он едва не поплатился жизнью и несколько месяцев просидел в тюрьме своего монастыря.

В XVII веке были в ходу цилиндрические и конические зеркала, сделанные преимущественно из металла. Эти зеркала, образчики которых можно и теперь найти в некоторых физических кабинетах, отличаются естественным свойством, что особо нарисованные, по известным правилам, картины, представляющие простому глазу безобразную смесь линий и контуров, будучи рассматриваемы в эти зеркала, являются весьма правильными изображениями естественных предметов. Форму таких зеркал можно видоизменять до чрезвычайности, и, смотря по форме кривизны их поверхности, изображения естественного предмета являются в них более или менее карикатурными, сохраняя, впрочем, известного рода сходство или основной тип оригинала. У странствующих фокусников всегда имелся запас такого рода зеркал.

Чрезвычайно любопытны эффекты, производимые окрашенными предметами, если их осветить однородным или одноцветным светом. Известно, что белый солнечный свет, делающий для нас предметы видимыми, не однороден, а состоит из трех составных цветов, красного, желтого и синего, смеси которых в разных пропорциях образуют всевозможные видоизменения видимых в природе красок; смешанные же в той пропорции, как они находятся в солнечных лучах, они образуют чистый белый свет. Если тело, на которое падает этот белый свет, поглощает, останавливает или удерживает в своем существе большую или меньшую часть одного или различных цветов, составляющих своей смесью белый, то упомянутое тело представится глазу окрашенное цветом, происходящим от смеси цветов не поглощенных, а отраженных. Так, например, красное сукно поглощает почти все голубые лучи и большую часть желтых и отражает красные; желтое сукно поглощает голубые и большую часть красных, а отражает желтые; наконец, голубое сукно отражает голубые лучи, поглощая большую часть красных и желтых.

Если красное сукно осветить исключительно одним только желтым светом, то оно покажется нам желтым, потому что оно поглощает не все желтые лучи и отражает некоторую часть их. Но если голубое сукно осветить желтым светом, то оно не покажется желтым, а явится черным,

потому что оно поглотит все без исключения желтые лучи, не отражая их нисколько; а тела, вовсе не отражающие лучей света, кажутся нам черными. Вообще, можно сказать, что каков бы ни был цвет сукна, но если оно освещено желтым светом и нисколько не отражает лучей этого цвета, то оно должно явиться черным. Такое свойство света дает повод и средства производить множество интересных явлений.

Древние и даже новые ученые, жившие более столетия тому назад, не имели сильных источников желтого цвета и поэтому лишены были могущественного орудия магических действий. Правда, уже давно было известно, что поваренная соль, введенная в светильные свечи, придает пламени желтый цвет; но желтые лучи такого пламени слабы и смешаны с голубыми и зелеными, с их помощью делаются явственно видимыми только весьма близкие предметы. Теперь мы имеем множество ламп, в которых пламя имеет исключительно желтый свет: в некоторых из них горит винный спирт, а в других — угольный газ; пламя окрашивается в чисто желтый цвет и присутствием поваренной соли, многими другими реактивами или химическими составами, содержащими в себе соли натрия.

Выберите небольшую комнату, оклеенную светлыми обоями, на которых по белому полю рассеяны яркие цветные узоры. Повесьте по стенам несколько картин, написанных яркими красками, расставьте по столам цветы и пригласите несколько особ, одетых в цветные костюмы, в которых бы преобладали яркие и светлые краски. Осветите эту комнату одной или двумя карселевыми лампами с сильным пламенем, и тогда яркость цветов, отличающая почти все предметы, находящиеся в комнате, будет весьма поразительна. Позволив вашим гостям вдоволь налюбоваться пестротой и яркостью красок, проворно замените карселевые лампы другими, пламя которых исключительно издает только желтые лучи. Какое внезапное и неожиданное превращение! Гости ваши не узнают друг друга и окружающих их предметов. Обои сделаются светло-желтыми с темными узорами, картины покажутся рисованными тушью, блестящие цветы и костюмы — смесью темных и бурых красок по желтому полю. Лица зрителей примут тот цвет, которым отличается кожа больных желтухой, и тем совершенно примут другой характер и выражение, по большей части странное и смешное. Одним словом, желтый цвет будет царствовать там, где прежде красовалась самая обильная пестрота разнообразнейших красок.

Если на одном конце комнаты поставить желтую, а на другом — обыкновенную лампу, то половина каждого предмета, обращенная в первую сторону, будет желтая, тогда как другая половина примет

естественные цвета. Если же при освещении комнаты желтым светом внести в нее лампу с непрозрачным колпаком, устроенным в виде сита, так чтобы белый свет проходил через отдельные дырочки, тоща зрелище сделается еще интересней. Все это желтое царство покажется испещренным пятнами разнообразнейших цветов, потому что везде, где будет падать луч белого света, прошедший сквозь сито, там явится естественный цвет предмета, как пятно на общем желтом грунте.

Почти с таким же удобством, как желтый свет, можно получить в большом количестве и красный, примешивая к горящему веществу азотнокислую и еще лучше хлористую соль стронциана. Устроив лампу, пламя которой отделяло бы одни красные лучи, можно повторить описанный выше опыт, с тем только различием, что все предметы вместо естественных цветов примут красный. Жаль только, что трудно повторить подобный опыт с голубым светом, который весьма трудно получить в достаточном количестве для яркого освещения целой комнаты. Удобнее всего в этом случае окружить сильное пламя карселевой лампы шаром из голубого или светло-синего стекла.

Если кто затруднится в приготовлении желтого и красного пламени, то упомянутые опыты можно довольно удачно делать, освещая комнату несколькими карселевыми лампами, на которые можно поочередно надевать прозрачные стеклянные шары, сделанные из желтого, красного или голубого стекла. Попеременным употреблением этих шаров можно произвести самые любопытные эффекты освещения, и чем больше будет ламп, тем интересней будет результат опыта.

Целый ряд весьма замечательных и часто странных иллюзий рождается от изображений предмета на плоской поверхности. Но самое любопытное кроется в причинах, от которых зависит кажущееся направление глаз портрета. Знаменитый физик Уолстон нашел этот предмет столь важным, что посвятил ему длинную и глубоко научную статью.

Если мы прямо смотрим на кого-либо, то в этом положении в наших глазах круглая радужная плева находится совершенно посреди глазного яблока, или, что все равно, по обеим сторонам радужной плевы находятся совершенно равные пространства глазного белка. Поэтому зритель, стоящий перед нами, делает незаметное умозаключение, что мы прямо смотрим на него. Но в хорошо нарисованном портрете такая зависимость между положением радужной оболочки в глазах и направлением взгляда исчезает. Здесь становится чрезвычайно трудным определить истинное направление нарисованных глаз, которое является различным для различных зрителей. Уолстон доказал при этом, что глаза одного и того же

портрета для одного и того же зрителя будут то удаляться, то приближаться, или, короче говоря, изменять свое кажущееся положение вследствие самого легкого изменения в чертах портрета. Как оно ни странно, но тем не менее справедливо.

Из всех частей лица нос имеет самое большое влияние на направление целой фигуры, потому что малейшая перемена в его перспективе гораздо заметнее, чем такая же перемена в других частях лица. Доктор Уолстон взял четыре оттиска одного и того же портрета, но на каждом из них изменил положение носа несколькими легкими штрихами: все четыре портрета потеряли первоначальное направление глаз, которое на всех стало различным.

И обратно: изменение в направлении глаз изменяет черты лица. На основании этих положений английский физик объясняет неоднократно замеченный факт, считавшийся часто сверхъестественным, что глаза портрета, прямо обращенные на зрителя, пристально в них вглядывавшегося, остаются устремленными на него и следуют за ним даже тогда, когда он меняет свое положение относительно портрета. Романисты часто прибегают к этому факту, совершенно естественному, и основывают на нем весьма эффектные и едва вероятные сцены. Вот слова Уолстона:

«Положим, что портрет написан в анфасе и смотрит прямо на зрителя своими неподвижными глазами. Разделим лицо портрета вертикальной линией, проходящей посередине между глазами через нос: на каждой стороне от этой линии будет половина лица, совершенно подобная и равная другой, и на каждой из этих половин будет по одному глазу, в котором радужная плева останется в глазном белке в центральном положении. Таким мы увидим портрет, если станем прямо против него. Но если отодвинемся в какую-либо сторону, то кажущаяся ширина каждой части головы и лица уменьшится как с той, так и с другой стороны, только с одной стороны больше, а с другой меньше, и происходящее от этого изменение черт лица становится причиной в известных обстоятельствах явления движения глаза портрета».

В каждодневных естественных явлениях мы часто встречаем эффекты, по-видимому, чудесные и необъяснимые, хотя внимательное исследование факта при помощи науки объясняет его самым удовлетворительным образом. Предания удержали за многими такими явлениями названия, свидетельствующие о суеверном ужасе, который они вселяли некогда изумленной толпе. Упомянем здесь о брокенском привидении, или о горном духе Блоксберга, о фата-моргана Мессинского пролива, о кораблях-привидениях, носящихся посреди облаков или высоко в воздухе, и о других

явлениях миража.

Брокен есть высочайшая гора Гарцского хребта в Средней Германии. Она возвышается отвесно на версту над уровнем моря, и с нее открывается вид на прекрасную равнину, имеющую более 200 верст в поперечнике и населенную миллионами добрых, трудолюбивых немцев, больших охотников до легенд. Брокен издавна был театром, на котором совершались события, сохранившиеся в народных преданиях. В языческие времена на вершине этой горы совершались кровавые жертвоприношения горному духу, — на это и поныне указывают гранитные скалы, служившие местом действия для этих страшных сцен. Вершина горы завалена дикими обломками скал, из которых одна слышет поныне креслом горного духа; близ нее вытекает из земли студень ключ, берега которого поросли анемонами; и ключ и цветы посвящены тому же горному духу. В этой дикой местности стоял некогда идол древнегерманского бога Корто, которому приносились иногда человеческие жертвы. Одним словом, все соединилось, чтобы сделать вершину Брокена местом таинственных ужасов.

Нет никакого сомнения, что брокенское привидение было известно в отдаленной древности потому, что окрестные горы часто посещались пилигримами, а естественный факт существовал искони веков. Впрочем, неизвестно, имела ли легенда о привидении какое-либо отношение к служению идолу Корто. Исследования об этом предмете не относятся к нашему рассказу, и потому обратимся к подробностям о явлении привидения.

Одним из лучших описаний этого явления (которое мне самому привелось видеть, хотя и в невыгодных обстоятельствах) мы обязаны г. Хауе, который три раза всходил на Брокен, чтобы увидеть привидение. Это наконец удалось ему 23 марта 1797 года.

Сделаем выписку из весьма любопытного рассказа г. Хауе, ныне почти совершенно забытого всеми:

«Пробило четыре часа, и сильно рдевшая заря предвещала близкий восход солнца. Воздух был тих, чист и прозрачен; но вскоре поднялся тихий ветерок с юго-запада от Ахтермансхоэ и пригнал к горе несколько прозрачных паров, еще не сгустившихся в настоящие тяжелые облака».

В это время Хауе стоял близ трактира и смотрел на вершину Брокена, как вдруг по тому направлению, по которому дул ветер, увидел на далеком расстоянии колоссальную человеческую фигуру: то было брокенское привидение. Хауе устремил все свое внимание на давно желанный призрак, как вдруг пахнул свежий ветер и чуть не сорвал с головы наблюдателя

шляпу, который ухватился рукой за свой головной убор; тогда, к величайшему удивлению зрителя, призрак повторил тот же самый жест. Хауе поспешил сделать несколько других разнообразных движений, и все они были с точностью повторяемы призраком, который исчез через несколько секунд после того, хотя наблюдатель не переменил места. После некоторого ожидания привидение снова появилось, уже над самым Ахтермансхоэ, и опять повторяло все движения Хауе. Тогда этот последний кликнул трактирщика, чтобы и он любовался этим зрелищем, но, когда тот явился, призрак опять исчез. Недолго ждали, однако ж, его вторичного появления. Спустя четверть часа над вершиной Ахтермансхоэ появились два гигантских привидения, в точности повторявшие все движения Хауе и трактирщика. Вскоре к двум призракам присоединился третий, впрочем гораздо менее явственный: тот повторял одновременно жесты обоих. Поднявшееся на горизонте солнце заставило наконец эти три явления исчезнуть окончательно.

В 1798 году доктор Иордан видел то же самое явление при заходящем солнце, хотя и не так отчетливо. Впрочем, призрак не раздваивался и, несмотря на присутствие многих зрителей, явилось только одно привидение.

Во всяком случае, не было сомнения, что призрак был не что иное, как отражение тени зрителей на пелене прозрачных паров, нависших над горой.

Многим охотникам до купания случилось это испытать над собой. В самом деле, если купаться при восходе или закате солнца в обширном бассейне, над которым со стороны, противоположной солнцу, носятся легкие, прозрачные пары, то часто случается видеть собственную тень, отраженную в тех парах. Эта тень представляет иногда весьма отчетливо все части человеческого тела и бывает окружена как будто сиянием.

Приведем еще здесь описания воздушных призраков, виденных Джемсом Кларком и не подверженных никакому сомнению по причине самых положительных свидетельств многих очевидцев. Мы почерпнем их из Кларкова описания Кумберлендского озера.

Летним днем 1743 года Джон Рен и его слуга Даниил Страйк сидели у ворот дома, как вдруг они увидели по скату горы, находившейся в направлении Соутер-Фелли, человека с собакой, преследовавших четыре лошади. Зрелище это показалось им чрезвычайно странным, потому что скат горы был так крут, что по нему едва можно ползти, а не бегать и преследовать лошадь, которой эта крутизна была решительно недоступна. Рен и его слуга кликнули людей, которые поспешили посмотреть на такое

необыкновенное зрелище, пока наконец лошади и их преследователи не скрылись за вершиной горы. Отправились к горе и ползком достигли тех мест, где мчалось видение; но там не нашли даже следов человеческих или лошадиных ног. Это происшествие сильно подействовало на умы жителей, и всякий толковал его по-своему; но сомневаться в действительности виденного многочисленными свидетелями, находившимися в совершенно здоровом состоянии, было почти невозможно.

На следующий год, 23 июня, в шесть часов вечера, семейство г. Ланкастера и вся его прислуга увидели почти на том же месте новое необыкновенное явление. По склону упомянутой выше горы, от Соутерфела к Феллу и Блекхиллу, ехала толпа всадников ровной рысью; вслед за этой толпой показалась другая, за ней третья и так далее; едва исчезала одна толпа за вершиной горы, как появлялась другая и следовала тем же путем. Часто отделялись от толпы всадники и ехали одиноко или обгоняли своих товарищей; другие, напротив того, отставали. Явление видимо было не только с одной мызы г. Ланкастера близ Уайлтон-Хилла, но по всей долине Блекхилла на протяжении нескольких верст. Оно продолжалось несколько часов и исчезло только во мраке наступившей ночи. Многие любопытные поскакали в том направлении, куда ехали всадники, но, приближаясь к горе, мало-помалу теряли их из виду. Разумеется, что потом не нашли ни малейших следов этой кавалькады, и многие уверяли, что хотя лошади шли рысью, но не касались ногами земли, как будто находя опору в нижнем слое воздуха.

Действительность этих явлений засвидетельствована со всеми возможными ручательствами за истину показаний. Не зная побочных обстоятельств, при которых совершились эти явления, мы не можем объяснить их с несомненной достоверностью; но весьма вероятно, что они относятся к явлениям того же рода, как и фата-моргана.

Фата-моргана известна уже давно, но впервые подробно описана ученым иезуитом Кирхером, жившим в XVII веке. Это странное зрелище является в Мессинском заливе, отделяющем Сицилию от Итальянского побережья. Окрестные жители, считая ее счастливым предзнаменованием, радуются ее появлению и встречают с криками: «Моргана! Моргана!» — потому что предание приписывает это явление присутствию на месте волшебницы или феи Морганы, благотельствующей прибрежным жителям Мессинского пролива.

Вот физическое объяснение явления.

Когда луч восходящего солнца ударит под углом 45° на поверхность моря, и притом если эта поверхность совершенно спокойна и как бы

зеркальна, то зритель, находящийся на возвышенном берегу и стоящий спиной к солнцу, а лицом к морю, видит на поверхности воды великолепные здания, дворцы с колоннами, балконы и окна, высокие башни, пасущиеся стада в роскошных долинах, окаймленных густыми лесами, толпы всадников и пешеходов и множество отдельных одушевленных и неодушевленных предметов, особенно отдельных частей зданий и архитектурных украшений. Все эти предметы, в короткое время своей видимости, скользят по зеркалу вод и, постепенно тускнея, исчезают вдали.

Фантастические здания феи Морганы и одушевленные сцены ее волшебного царства не что иное, как отражение зданий, находящихся на берегу, и сцен, происходивших на окрестной суше. Разумеется, что эти сцены и предметы видоизменены в формах и перемешаны между собой случайностями направления преломленных лучей света.

Чем гуще и непрозрачнее атмосфера моря и чем большее количество паров носится над водой, тем явление бывает определеннее и резче. Случается, что фантастические образы не уступают в отчетливой ясности настоящим предметам, причем тени возвышаются сажени на три или четыре над водой. В случае же, если из воздуха падает роса, так что образуется радуга, явление стелется на самой поверхности моря и края предметов окаймляются красными, желтыми и синими полосками, точно как будто бы они видимы сквозь стеклянную призму или сквозь неахроматическую зрительную трубу.

Хотя описанное сейчас явление пользуется громкой известностью, но в Англии в новейшее время встречались зрелища еще более интересные.

Хастингс на Суссекском берегу лежит почти в 80 верстах от берега Франции, на котором скалы закрыты для Хастингса кривизной земли, так что не могут быть видимы ни в какую трубу. Однажды, в среду 26 июля 1798 года, член Лондонского королевского общества г. Лезем, проживавший в Хастингсе, был привлечен необыкновенным шумом, происходившим на улице. Подойдя к окну, он увидел, что жители густыми толпами бежали по направлению к морю. Удивленный этим, он послал узнать о причине и получил ответ, что французский берег вдруг придвинулся к английскому так, что первый теперь легко можно увидеть просто глазами. Странность такого известия заставила его поспешить вслед за прочими к берегу, где он действительно увидел скалы французского берега, тянувшиеся на протяжении нескольких миль: эти скалы, казалось, стояли от английского берега никак не более десяти верст. Необычайность этого явления увеличивалась еще и тем, что французский берег в глазах

зрителей все продолжал понемногу приближаться к английскому. Находившиеся тут моряки, хорошо знавшие местность, называли поименно скалы французского берега, которые они хорошо узнавали, так как были близко и ясно видны. Лезем и моряки не хотели верить глазам своим, но явление имело тысячи свидетелей и было так отчетливо, что сомневаться в его действительности не приходилось.

В таком виде явление продолжалось около часа, делаясь все яснее и яснее. По прошествии этого времени отчетливость контуров стала ослабевать и скалы виднелись то лучше, то хуже, смотря по тому, приближались ли они или удалялись в своем фантастическом продвижении.

Между тем Лезем взошел с несколькими моряками на одну из самых высоких скал английского берега. Здесь, вооружившись трубами, они увидели великолепное зрелище. Перед ними возвышались Дуврская скала, Кале, Булонь и весь французский берег до Сен-Валери и даже до Дьеппа, различаемого трубой на западе. Но не только скалистые берега и города оказались видимы в трубу: с ее помощью можно было видеть отдельные дома, цвет почвы и корабли, стоящие в французских гаванях. Это зрелище оставалось видимым до восьми часов, хотя солнце между тем закрылось тучей.

Морякам часто удается видеть призраки корабля; невидимого за отдаленностью или по другим причинам. Иногда же видят вместе и корабль и его отражение в обращенном или другом виде. Знаменитый исследователь полярных морей капитан Скоресби, находясь в Баффиновом заливе, близ западных берегов Гренландии, 24 июня 1820 года заметил 18 судов в расстоянии 10 или 15 миль. Солнце во весь этот день немилосердно сияло, так что становилось больно глазам от сильного света и корабельная осмолка таяла от жары, а на берегу снег быстро превращался в воду, образовывал многочисленные ручьи. Было безветрие, и море походило на неизмеримое зеркало, гладкая поверхность которого прерывалась только разнообразными массами и кусками плывущего льда, на которых сидели белые медведи да около играли и ныряли в глубину киты. В 6 часов вечера подул легкий северо-западный ветер и нагнал на горизонт легкие облака. В это время большая часть из 18 судов, видимых на расстоянии 10 или 15 миль, начала изменяться и принимать странные формы. Скоресби смотрел в трубу и видел, как корабли повертывались кверху дном и мачтами книзу, сохраняя в точности свою оснастку. Некоторые соединялись так, что у верхнего мачты были кверху, а у нижнего книзу. Другие, напротив того, раздвоились, так что корпус корабля отделился от мачт и оснастки. Наконец, у некоторых совершенно изменились формы: корпус принимал

странные очертания, а мачты то вытягивались, то понижались. Впрочем, поблизости судов все подробности их видимы были в телескопе с большой отчетливостью.

15–16 и 17 июня зрелище возобновилось с некоторыми вариациями, которые мы не будем здесь описывать. Довольно упомянуть, что явление представляло все возможные видоизменения как в формах, так и в пространстве.

Но из всех оптических обманов, испытанных Скоресби, самый замечательный описан им под названием очарованного берега. Дело случилось 18 июля.

Небо было чисто, хотя в атмосфере были изобильно рассеяны прозрачные пары. Явление началось в 9 часов утра, и тогда термометр Фаренгейта показывал $+42^{\circ}$, но накануне вечером он опускался гораздо ниже точки замерзания, так что на море образовалось немного нового льда — явление необыкновенное в той широте и притом в самое теплое время года. Приблизившись в это время к еще не исследованному берегу Гренландии, так что можно было различить все его контуры простым глазом, Скоресби занялся было снятием его абриса на бумагу, но, к удивлению, тотчас же заметил, что контуры берега непрерывно менялись. Чтобы разрешить это странное явление, Скоресби прибегнул к помощи телескопа, который показал изумленному мореплавателю самую удивительную картину. На пустынном берегу Гренландии, казалось, стоял какой-то древний город, состоявший из развалин, замков, дворцов, обелисков, храмов, колонн и других примечательных и обширных зданий. Шпили и верхи колоколен, равно как крыши зданий и зубцы башен, являлись чрезвычайно отчетливо, а над ними висели в воздухе скалы, поддерживаемые какой-то невидимой и неизвестной силой. Другие скалы лежали беспорядочно среди развалившихся зданий. Все это было одушевлено какой-то таинственной жизнью, ибо едва успевал Скоресби срисовать какой-либо предмет, как он уже заменялся другим, незаметно принимая новые формы и краски. Здесь посреди белого дня совершалась какая-то дивная фантазмагория. Замок переходил в обелиск, а колонна образовывалась из храма, который в свою очередь видоизменялся в скалу, башню или гору. Между зданиями и горами тянулись широкие долины, через которые были перекинуты мосты в несколько верст длиной и однако ж с одной аркой. Некоторые из зданий были украшены великолепнейшими причудами зодчества, и все было так отчетливо, что можно было сосчитать в трубу спаи камней, трещины в стенах и сводах и известные жилы на каменных породах гор. Некоторые впадины и плоскости были покрыты

снегом, из-под которого выдавались наружу выступы, зубцы и т. п.

В 1822 году случилось Скоресби видеть еще один замечательный пример лучепреломления. Увидав в воздухе призрак корабля, обернутого вниз мачтами, он направил на привидение свой телескоп и узнал корабль своего отца. Видение было так явственно, что он даже узнавал в лицо матросов, не говоря уже о других подробностях. Призванный лейтенант при первом взгляде в трубу объявил, что это судно, которым командует отец Скоресби. И действительно, потом оказалось, что корабль находился поблизости; но видеть его в трубу не было возможности, ибо он был в то время удален от корабля Скоресби верст на пятьдесят. Не забудем при том, что призрак явился в совершенно превратном, против своего естественного, положении.

Александр фон Гумбольдт рассказывает много примеров миражей, виденных им во время пребывания в тропических странах Америки. Так, проживая в Кумане, он нередко видел острова Пикниту и Борачу, висящими в воздухе, а иногда даже в перевернутом положении. Ему также случалось наблюдать отражения рыбачьих челноков, плавающих в воздухе. В пустынях Каракаса и на берегах Ориноко он был свидетелем картины, в которой горы, леса и животные являлись на несколько сот сажен над поверхностью пустыни. Всем также известен мираж, часто повторяющийся в песчаных степях Африки и Аравии, где утомленному жаждой и зноем каравану представляются вдали, на горизонте, обширные озера и тень роскошной растительности оазисов; эти видения, возбуждая в истомленных путниках обманчивые надежды, ввергают их потом в безграничное отчаяние, часто губящее надежду, а следовательно, и остальные силы путешественников.

Размышляя о влияниях, упомянутых выше, нельзя не согласиться, что природа полна чудес, сверхъестественность которых исчезает только перед светильником науки, рассеивающим мрак суеверных страхов и невежественной веры в колдовство и чародейные влияния на наши чувства. Наука объясняет нам таинственные явления, зависящие от природных законов или произведенные через искусно расположенный обман чувств, а рассудок приучает брать верх над воображением.

Воздушные призраки, явления миража и другие оптические обманы и иллюзии довольно хорошо объясняются законами физики и физиологии. Что же касается до призраков, рождаемых одним воображением, то они относятся к явлениям так называемых галлюцинаций или ложновидений.

Истории о заколдованных замках и фамильных привидениях в Северной Британии гораздо более живучи, чем в любой другой части страны и особенно в ее наименее «романтических» южных районах.

Самое знаменитое шотландское фамильное привидение было известно под прозвищем Перламутровая Накидка, полученным им из-за цвета одеяния, в котором оно представало перед людьми. Продолжительные и вызывающие «буйства» этого призрака в замке шотландских баронов Стюартов, Аланбэнке, настолько несомненны и так широко известны, что и поныне не находится желающих приобрести это поместье.

О появлении Перламутровой Накидки в Аланбэнке и о тех целях, которые, очевидно, преследовало привидение, мы знаем в основном из рассказа торговца древностями Чарлза Киркпатрика Шарпа.

«В дни моей молодости, — говорит мистер Шарп, — Перламутровая Накидка была самым знаменитым призраком Шотландии и пугалом, которым меня стращали в детстве. Наша старая няня, Дженни Блэкэддер, когда-то была в услужении в Аланбэнке, где она часто слышала, как шуршит шелковое платье привидения, бродившего по лестницам и коридорам. Но, в отличие от своего мужа, Дженни никогда не встречалась с самим призраком. Это был дух француженки, которую первый баронет Аланбэнка, тогда еще просто мистер Стюарт, повстречал в Париже, где он завершал свое светское образование. Кое-кто утверждает, что она была то ли монахиней, то ли сестрой милосердия. Спустя некоторое время после встречи мистер Стюарт либо поступил с девушкой бесчестно, либо был неожиданно отозван в Шотландию родителями. Это точно не известно.

Он сажился в карету перед дверьми гостиницы, когда неожиданно рядом появилась эта девушка. Стоя у переднего колеса экипажа, она собралась было обратиться к любимому, но тут Стюарт приказал фореитору трогать лошадей. Девушка упала от толчка, и заднее колесо кареты переехало ее голову. Француженка погибла.

Однажды туманным осенним вечером мистер Стюарт проезжал под аркой ворот Аланбэнка и вдруг увидел Перламутровую Накидку. Та сидела сверху на арке, голова и плечи ее были испачканы кровью.

С тех пор дом на многие годы попал под власть чар. В полночь вдруг открывались и захлопывались двери; в спальнях и коридорах слышался

стук высоких каблучков и шелест шелкового платья. Няня Дженни говорила, что однажды в замок пригласили сразу семерых священников, чтобы изгнать духа. „Но они ничего не смогли поделать, мой дорогой“.

Хозяева повесили между портретами баронета и его подруги изображение призрака, и после этого привидение немного притихло. Но стоило убрать картину, и дух становился зловеднее прежнего. Портрет этот настолько ужасен, что я не могу описывать его.

Призрак назвали „перламутровым“ потому, что он неизменно появлялся в кружевном одеянии. Няня Дженни рассказывала мне, что, когда она была влюблена в Томаса Блэкэддера (я помню его очень хорошо), они условились встретиться однажды ночью в саду Аланбэнка, Верный Томас, разумеется, явился первым и, завидев невдалеке фигуру в светлом платье, побежал к ней, чтобы заключить в объятия свою Дженни. Как только он приблизился, фигура растаяла и тотчас же появилась вновь в другом конце сада. Томас испугался и вернулся домой, но Дженни, шедшая за ним следом и ничего не заметившая, простила его, и они поженились.

Много лет спустя, около 1790 года, Аланбэнк посетили две дамы (подозреваю, что дом тогда стоял заброшенный) и провели там ночь. О призраке они сроду не слыхали, но и их всю ночь беспокоили чьи-то шаги в спальне.

Это я знаю наверняка из надежного источника».

К этому мы можем добавить лишь, что экономка Бетти Норри, проживавшая в Аланбэнке в более поздние времена, настойчиво твердила, что она, как и многие другие, часто видела Перламутровую Накидку. Более того, все обитатели замка так привыкли к ней, что уже не страшились ночных шумов.

Д-р Ребэ

ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ, ИЛИ ЗАБЛУЖДЕНИЕ ЧУВСТВ^[10]

Галлюцинация есть состояние грез наяву, в то время, когда чувства пробуждены, глаза видят, уши слышат и т. д. Говоря в строгом смысле, это не что иное, как бред одного или многих чувств; так как представляющийся предмет не оказывает действия на сетчатую глазную оболочку, звук не поражает слуха, то действительную причину галлюцинации надлежит отыскивать в чувственном нервном заряде и приписывать ее особой деятельности мозга. Это явление существует не для одного только зрения и слуха, прочие чувства могут также подвергаться ему. Осязание, запах, вкус, ощущаемые без всякого наружного раздражения могут быть также названы истинными галлюцинациями.

При таком заблуждении чувств одному слышатся, например, восхитительные мелодии, другому — ужасный шум, раздирающий уши скрип. Один видит очаровательные образы, — другой отвратительные, в ужас приводящие лица и т. д. Наконец, одни воображают, что их бьют или мучают, что они грызут раскаленные уголья, между тем как другим кажется, что они едят дорогие кушанья и пьют превосходные вина.

Эти мнимые ощущения зависят от идей и образов, представляемых памятью, дополняемых и олицетворяемых привычкой. Книги такого содержания, история магии и волшебства во все времена и у всех народов, летописи психологической медицины наполнены множеством примеров сколько удивительных, столько же странных заблуждений чувств.

Причины, предрасполагающие к подобному состоянию, суть двоякого рода: физические и моральные. Первые весьма многочисленны: повышение или понижение температуры, злоупотребление спиртными напитками, большие дозы сернокислого хинина, травы наперстянки, бешеной вишни, белены, дурмана, аконита, опиума, камфары, азотных испарений и особенно гашиш; наконец, сотрясения мозга от удара, падения и т. д.; к обыкновенным физическим причинам принадлежат также: внезапное впечатление на чувства или слишком продолжительное и живое ощущение, слишком напряженное внимание, угрызение совести, страх, испуг, страсти и т. д.

Хотя эти заблуждения могут происходить во все часы дня, но по

большей части развиваются они перед сном или непосредственно после пробуждения, когда все предметы принимают какую-то неопределенную форму: этот момент есть самый благоприятный, но малейшее наружное возбуждение может нарушить его.

Здесь должно заметить, что в большей части случаев заблуждения чувств обнаруживаются при начале безумия, и, как только разразится эта болезнь, они принимают продолжительный характер и беспрерывно преследуют свою несчастную жертву.

В других случаях галлюцинации появляются при здоровом уме; иногда же делаются перемежающимися и наступают ежедневно в определенные часы. Это явление мы встречаем преимущественно у истерических, каталептических, ипохондрических, меланхолических и таких особ, которые предаются глубоким размышлениям или печальным страстям.

Бросим теперь взгляд на заблуждения, свойственные отдельно каждому чувству, а начнем с заблуждений слуха, как наиболее часто встречающихся.

ЗАБЛУЖДЕНИЯ СЛУХА

Особам, принадлежащим к этой категории, кажется, что они слышат разного рода звуки: тихие, громкие или ужасные голоса, которые поражают одно или оба уха; происходят издали или поблизости, иногда же бывают внутренними. Подверженные этому состоянию слышат шум в голове, в груди и в прочих частях тела. История рассказывает о многих великих людях, внимавших голосу своего гения-хранителя. Эти внутренние голоса были не что иное, как возбужденное беспрерывной умственной деятельностью состояние мозговых нервов.

Я знал одного профессора философии, человека вспыльчивого и неукротимого, в молодых годах своих предавшегося дурным наклонностям, которые были подавлены усилиями его разума. Этот профессор слышал два, один от другого очень различные, голоса; один, кроткий и дружеский, влек его к добру; другой, отзывавшийся металлическим звуком и грубым тоном, побуждал его к злу. Здесь объяснение очень естественное: разум боролся с инстинктом и одерживал победу в этой борьбе.

Один каноник, одержимый глухотой в течение десяти лет, вдруг начал слышать звуки труб и военную музыку, напоминавшие ему о тех днях, когда он находился под знаменами. Он с радостью говорил своим знакомым, что вскоре излечится от глухоты, потому что начинает слышать

звуки трубы и бой большого барабана.

В Бисетри несколько лет тому назад находился один бедный музыкант, который вследствие помешательства сделался ликантропом (почитающим себя за волка); из находившихся в этом заведении он ни с кем не хотел заводить знакомства, кроме одного студента медицины, который подарил ему смычок. Ежедневно, уединясь во дворе, он по целым часам водил смычком по левой руке, как будто по скрипке. При этом пантомимы его были очень любопытны: он делал движения то вперед, то назад, то направо, то налево, то ускорял, то замедлял такт и давал знак воображаемому оркестру, чтобы он лучше исполнял пьесу; потом его движения усиливались и лицо покрывалось крупным потом, выражая досаду на то, что невидимые музыканты играли не так, как надобно. Через минуту он медленно водил смычком по руке, взглядывал на небо и, казалось, прислушивался к восхитительной гармонии, в чертах его выражался неизъяснимый восторг, и, если в эту минуту кто-нибудь мешал ему: «Тсс! Тсс! — кричал он. — На колени, профаны! Слушайте эти божественные звуки!»

В последние годы своей жизни знаменитый Бетховен совершенно оглох и слушал, как невидимый оркестр разыгрывал его возвышенные симфонии. Говорят, что для старика это было первым утешением.

Одна дама, вполне обладавшая своими умственными способностями, как только садилась за туалет, слышала два мужских голоса. Один превозносил белизну ее кожи, упругость форм и тайные прелести ее: «Ты так прекрасна, что можно сойти с ума от любви к тебе!» — говорил он. И дама, хотя ей очень приятно было слышать такие похвалы, закрывалась от стыдливости. Когда она опять подходила к зеркалу, чтобы продолжать прерванный туалет, вдруг раздавался другой голос, говоривший совершенно противное первому: «Твоя свежесть поддельная; эти формы и окружности один только обман; если бы те, которые удивляются им, взглянули на них в обнаженном виде, они убежали бы, испугавшись такого безобразия. Ты так гадка, что на тебя даже страшно взглянуть!» Бедная дама краснела от стыда и бледнела от досады, сильно звонила слуге, чтобы он вытолкнул наглого мужчину; но в то время, как слуга входил, она сознавала свое заблуждение и приказывала ему заложить лошадей в экипаж. На другой день, в определенный час, повторялось то же; так прошло полгода. Теперь эта дама совершенно излечилась и может без всякой помехи заниматься своим туалетом.

Один аббат, умственные способности которого были ниже посредственности, в один день вдруг пробудился как красноречивый

проповедник, все стеклись слушать его. Удивлений начальник спросил о причине такой неожиданной перемены. Аббат простодушно отвечал ему, что он в безмолвии ночи слышал божественные голоса и писал свои проповеди под диктовку Св. Михаила.

ЗАБЛУЖДЕНИЯ ЗРЕНИЯ

Заблуждения этого чувства, подобно заблуждениям слуха, почти всегда находятся в более или менее тесной связи с настоящими идеями и занятиями или с прошедшими живыми ощущениями. Представляющиеся образы бывают или ясны и резко очерчены, или темны и запутанны; они продолжаются долее или кратковременнее, потом бледнеют, кажутся будто распадающимися в воздухе и исчезают. Мы сказали уже, что заблуждения зрения происходят также и днем, но чаще утром, вечером и ночью. Если пробуждаются они в темную ночь, то один луч света мгновенно рассеивает их; во время же ясного дня достаточно только моргнуть, чтобы заставить их исчезнуть.

Господин Бальяржер в своем превосходном сочинении о заблуждении чувств сообщает следующий факт:

«В 1832 году, при разрытиях земли в старом францисканском монастыре в Париже, открыты были многие гробы, в которых находились еще довольно хорошо сохранившиеся скелеты. Один студент медицинского факультета получил от работников порядочное количество костей, которые он развесил на стенах своей комнаты, и через два дня, возвратившись в полночь домой, он почувствовал страх при виде отвратительных черепов, озаренных лунным светом; он прогнал эту глупую боязнь, закурил сигарету, выпил рюмку рому и лег в постель. Только что он заснул, как вдруг был пробужден сильной болью в локте, смешанной с шумом голосов и стонами; оглянувшись в испуге, он увидел при свете месяца два ряда человеческих фигур, которые были одеты в саваны и ходили по комнате в безмолвном размышлении. „Их неподвижные лица, — говорил он, — блистали, как серебро, их устремленные на меня взоры бросали бледные молнии; время от времени взглядывали они на меня, насупив брови, и шепот их обличал враждебные покушения на мою особу. Сначала я подумал, что подвергаюсь ужасному кошмару, однако же я находился совершенно в бодрственном состоянии, потому что услышал стук экипажа на улице и бой часов на колокольне церкви Св. Северина. Я чувствовал все малейшие подробности видения, хотел вскочить с постели, но меня как

будто удерживали. Приподняв голову, заметил я возле себя человека высокого роста, в черной одежде, с бледным и впалым лицом. Его сверкающие глаза принудили меня закрыть веки: так рука моя находилась точно в клещах и я не мог вскочить с постели, почувствовал бешенство, отчаяние, страх. Наконец великан, отпустив мою руку, обратился ко мне с какой-то речью, из которой я удержал только эти слова: любопытство, нескромность, молодость.

Теперь я соскочил с постели и отворил окно; мне ужасно захотелось спрыгнуть во двор... Между тем прохлада ночи опять напомнила мне о действительной жизни, и я долго смотрел на звездное небо, освещенное серебряными лучами месяца. Когда обернулся я, чтобы взглянуть на мою постель, я опять увидел человека, одетого в черное, и два ряда бледных привидений. По крайней мере с четверть часа смотрел я на эту странную сцену. Стало рассветать; между этими фигурами произошло большое движение; я слышал, как двери моей комнаты отворялись и затворялись; я опять лег в постель; глаза мои подернулись покровом, и крепкий сон овладел мной. Проснувшись в восемь часов, почувствовал я сильную боль в сгибе ладони и непонятную тоску, как будто избавился от какой-нибудь страшной опасности“.»

Один чиновник военного министерства в течение долгого времени подвергался мучительному заблуждению чувств. Пробуждаясь утром, он видел посреди своей комнаты паука, висевшего на паутине; паук быстро увеличивался и наполнял всю комнату, так что чиновник поневоле выходил вон, чтобы это исполинское и отвратительное насекомое не раздавило его.

Теперь это обманчивое представление заменилось другим, менее мучительным и более приятным. Чиновник каждое утро при своем пробуждении видел стол с отличным завтраком; но, к сожалению, он может наслаждаться только взглядами, потому что стол в ту же минуту исчезает, когда чиновник подходит к нему.

Во время моего пребывания в Греции испытал я очень приятное заблуждение чувств, которое приписываю умственному напряжению и при котором в одно время были напряжены зрение и слух.

В один из прекрасных и поэтических вечеров под голубым небом Эллады прилег я отдохнуть на зеленом ковре горы Ликейской; высокие вершины поднимались в туманной дали, и серебряные волны залива Аркадии отражались на лазоревом горизонте, птицы пели под тенью весенних листьев, легкий ветерок разносил по небольшой долине благоухание трав и цветов, и последние лучи заходящего солнца бросали на эту прекрасную природу свои таинственные оттенки. Я был молод,

впечатлителен, полон энтузиазма и сладостных воспоминаний, мало-помалу переносясь мысленно в героические времена Древней Греции. Мои глаза тихо устремились на берега реки Ладон, протекавшей у ног моих; телесная жизнь, казалось, прекратилась, и мое воображение блуждало по смеющимся полям мифологии. Посреди этого безмолвного созерцания увидел я на некотором от меня расстоянии хор нимф, плясавших под звуки свирели Пана. Они переплетались руками, ноги их в мерный такт ударяли о землю, и как только ветерок приподнимал их легкие туники, глаза мои любовались очаровательными формами, роскошными очертаниями.

То был сладостный обман чувств!.. О! Как я желал бы продолжать его!.. Но, — ах! Одного лишь прищуривания глаз достаточно было, чтобы все разрушить, все рассеять...

Я мог объяснить себе этот феномен, пока он касался только чувства зрения, но то, что я слышал, оставалось для меня необъяснимым. Я сошел к берегу реки, чтобы увидеть музыканта, однозвучные мелодии которого доносил до меня ветер. После недолгих поисков заметил я, что на некоторых местах берега тростник срезан был на неровную высоту, так что воздух, проносившийся над разверстыми трубками, извлекал из них различные звуки, которые, смешиваясь с шумом листьев, производили слышанную мной странную гармонию. Этим все объяснилось.

ЗАБЛУЖДЕНИЯ ОСЯЗАНИЯ

При заблуждении чувства осязания субъект испытывает воображаемое ползание мурашек по его коже; всеобщее или местное колотье, ощущение холода и тепла, изменяющееся от ледяной стужи до жгучей боли, прикосновения какой-либо гадины, обвивающейся вокруг его тела, паука, ползающего по нему; иногда кажется ему, что тело его увеличивается в объеме, непомерно раздувается и наконец лопается; иногда же оно мало-помалу уменьшается и доходит до величины песчинки. В других обстоятельствах он воображает, что ему наносят удары палкой, кнутом и т. д. Более приятные заблуждения заставляют его думать о ласках и объятиях; тогда он почитает себя счастливым и в чертах его выражается необъяснимое наслаждение.

Одна бедная женщина чувствовала, что по ее телу бегали мыши. Как только удавалось ей освободиться от них, на нее нападали пауки, которые вскоре превращались в жуков. Через час это видение пропадало, и она успокаивалась до следующего дня.

Другой женщине казалось, что тело ее покрыто жабами и гусеницами. Третья, после того как пришлось ей однажды напиться воды из ручья, чувствовала, что в желудке ее шевелится лягушка. Четвертая ощущала жар и зимой была вся в поту. Пятая думала, что она замерзла, и дрожала в самый жаркий летний день.

Один нотариус позволял жене своей бить себя; жена умерла, и он радовался, что теперь останется в покое, но, — ах!.. Надежда его была напрасна. Тело злой жены являлось время от времени и отсчитывало ему по несколько полновесных ударов палкой, так что бедняк посреди своих занятий громко кричал, как будто действительно его били.

Один не хотел принимать более никакой пищи, утверждая про себя, что он умер. Какому-то чревовещателю удалось вылечить этого чудака тем, что он положил на его стол труп и заставил его сказать, что на том свете так же хорошо едят, как и на здешнем.

ЗАБЛУЖДЕНИЯ ОБОНЯНИЯ И ВКУСА

Заблуждения этого рода встречаются гораздо реже предыдущих, однако все еще находят довольно много примеров, которые служат подтверждением существования их. Восторженные ханжи воображают, что они окружены запахом мирры, фимиама, корицы и ладана; напротив того, беснующиеся везде слышат зловонный и отвратительный запах.

Один врач, желая испытать, как далеко может простираться заблуждение подобного рода, привел одного с завязанными глазами на бойню; тот пробыл целый час и воображал, что он прогуливается по саду, усаженному душистыми цветами.

Одна отставная актриса, сошедши с ума, воображала себя жертвой толпы любовников, которых она отвергла в дни своего торжества. «Мало того, что они оскорбляют меня, — говорила она, — нет, они бросают на мое тело такую зловонную нечистоту, что я не имею спокойствия ни днем, ни ночью».

ЗАБЛУЖДЕНИЯ ВСЕХ ЧУВСТВ ВМЕСТЕ

Подобные случаи очень редки и встречаются только у помешанных или у фанатиков.

Одна девушка, слабого сложения, нервная, истерическая и напуганная

речами и поучениями фанатика, мало-помалу пришла в такое состояние, которое не было еще безумием, но впоследствии время довело бы ее до безумия, если бы любовь к отцу и просьбы брата не возвратили ее на путь истинный. Мы приводим здесь ее собственный рассказ:

«Я проводила дни мои в молитвах и вследствие продолжительных молений слышала небесные звуки, божественные гармонии; сладостный голос раздавался в ушах моих и обещал мне вечное блаженство, если я сделаюсь монахиней, но я не имела столько духу, чтобы оставить моего отца, семидесятилетнего старца, для которого я была единственным его утешением, итак, я отказывалась вступить в монастырь. Тоща сладостные голоса и божественные гармонии прекратились; я слышала звон цепей, скрежет зубов, пронзительные крики, шум порывистых ветров, как бы во время ужасной грозы, и удары грома, которые заставляли меня наклонять голову и затыкать уши. Новое помешательство овладело умом моим: мне казалось, что весь ад плясал вокруг меня; ужасные, отвратительные привидения подходили ко мне, чтобы схватить меня, увлечь с собой; я с жаром принималась молиться, мой добрый ангел-хранитель снова явился мне и указывал пальцем на монастырь; но мысль о моем престарелом и слабом родителе удерживала меня, и я не осмелилась произнести обета монашества. Раздраженный ангел исчез, и я чувствовала, что помощники сатаны тащили, щипали, терзали меня; я задыхалась от запаха серы, воздуха не доставало мне, головокружение усиливалось. Все тело мое покрывалось зловонным потом; кровь текла из глаз моих; рот мой походил на горящую печь; я не смела проглатывать слюну свою, так она была горька и едка; если я кашляла, то брызги, падая на мое тело, оставляли на нем как бы следы крепкой водки. Я снова стала призывать моего ангела-хранителя. Он опять явился, безмолвный, неподвижный; рука его была простерта к монастырю.

О Боже мой! Как я страдала!.. В течение целого полугода боролась я с этим ужасным кошмаром, который днем мучил меня ежечасно; наконец я не в силах была сопротивляться более и хотела оставить моего бедного отца, чтобы вступить в монастырь, полагая, что на это была воля Божья. Тогда прибыл из армии брат мой; он сжег книги, выгнал из дома людей, которыми была окружена я, и через несколько дней при помощи врача исчезли эти ужасные представления.

Рассудок и здоровье снова возвратились ко мне, я обняла моего брата и теперь могу быть полезна моему престарелому родителю».

Еще и в наши дни есть в деревнях люди, которые верят оборотням, привидениям и демонам, вышедшим из ада; они с величайшим

хладнокровием уверяют вас, что во время темной ночи слышали звуки цепей и стук костей; что их преследовали ужасные привидения, страшные чудовища — и все это рассказывают они с таким простодушием, которое не оставляет никакого сомнения в действительности слов их. Часто случается, что люди неблагонамеренные, мошенники и воры наряжаются фантастически, чтобы напугать боязливых людей и удачнее исполнять свои преступные замыслы. В таком случае, разумеется, нет никакого заблуждения чувств; напротив того, оно существует, если химерические явления бывают следствием ужасов.

Следующее заблуждение чувств, которого мы были свидетелями, служит убедительным доказательством суеверных идей, существующих еще в уме нашего простого народа.

ЗАБЛУЖДЕНИЯ ЧУВСТВ ОТ СУЕВЕРНЫХ ИДЕЙ

Во время моего несколько недель продолжавшегося пребывания у одного из моих друзей, помещика, живущего в имении своем, находящемся в Южной Франции, я часто имел случай разговаривать с крестьянами. Это были добрые люди, которые не имели за собой другой погрешности, кроме чрезмерной бережливости и незнания религиозных вещей, перерождавшегося в суеверие. Мой друг находил удовольствие говорить со мной о моих путешествиях. Все, что ни рассказывал я о своих отдаленных странствованиях, казалось крестьянам очень удивительным. Каждый вечер собирались вокруг меня многочисленные слушатели и, не обращая внимания на мое утомление и на мою память, которая начинала истощаться, просили меня продолжать мои рассказы.

В числе моих слушателей некто Буду был внимательнее и любопытнее всех он обращался ко мне с самыми наивными вопросами, осведомлялся о малейших обстоятельствах, ничего не пропуская без внимания и желая все знать.

Череп этого крестьянина показывал замечательное развитие органов чудесности и говорливости; а потому он недаром слыл в деревне за первого рассказчика и первого говоруна. В одно утро он вошел в сопровождении моего друга в комнату, которую занимал я.

— Милостивый государь, — начал он, — вы, который так много странствовал по свету, разговаривал с дервишами, факирами, марабутами, греческими монахами и магами, читал произведения мудрецов Рима и Древней Греции, должны обладать ключом к магии, гиленософии,

чернокнижеству, кабалистике, алхимии, волшебству и ко всем тайным наукам, в которых, должно быть, известно множество секретных и чудесных рецептов, — не можете ли вы оказать мне одну услугу?

— Черт возьми, откуда почерпнул ты все это, любезный Буду? — вскричал я, изумленный такими речами простого крестьянина.

— Я слышал эти слова от одного пустынника, которого очень уважали в нашей стороне и который много лет тому назад выучил меня читать. О! Это был ученый человек! К несчастью для меня, он умер слишком рано, а то Буду был бы таким же ученым, как и он! Так как я остановился на половине дороги, вы же достигли источника науки, будьте так добры, сообщите мне один секрет.

— Что за секрет такой?

— Как я могу выгнать домового из моего хлева?

— Но я прежде желал бы знать, что такое домовой?

— Это злой дух, который бродит по ночам вокруг домов то в виде оборотня, то в виде обезьяны или старухи, ездит верхом на помеле и наводит болезни и порчи на людей и животных. Я сам, как вы меня видите здесь, едва ускользнул от него, однако благодаря частичке мощей Св. Губерта, которую я ношу на шее с самого детства моего, я чувствую себя довольно здоровым; но совсем иное происходит с моей скотиной. Представьте себе, милостивый государь, вот уже три ночи, как этот проклятый дух заводит адскую стукотню в моем хлеве; он садится верхом на моих лошадей, пускается ездить в галоп, хлопает бичом, колет волов, так что с них льется пот, душит баранов, заставляет овец и молодых коз задыхаться он вони, выходящей из его тела, потому что, с вашего позволения будь сказано, этот домовой обладает способностью испускать такие зловонные ветры, что Жако, мой бедный работник, приставленный к хлеву, едва не задохся от них. Вчера мы нашли его пожелтевшего и почти мертвого на сеннике, куда он спрятался было.

— Все это, верно, приснилось тебе во сне, любезный Буду, — прервал я его со смехом.

— О, не смейтесь, милостивый государь, я сам, собственными своими ушами слышал этот ужасный шум; слышала также и бедняжка жена моя, которая, стоя возле меня, так дрожала, что в ней кровь остановилась и дыхание прервалось. Если хотите, я приведу сюда Жако; он расскажет, как прячет голову свою под одеяло, зажимает глаза и зажимает уши, чтобы ничего не видеть и не слышать.

— Не было ли у тебя столько любопытства или смелости, чтобы подсмотреть, откуда происходит этот шум?

— Как же, но при моем приближении все вдруг затихло, потому что домовой боится света.

— В таком случае тебе следовало бы оставить в твоём хлеве зажженный фонарь как предохранительное средство.

— Оно так, но домовой, как только заметит, что все заснули, тотчас же тушит свечку, начинает шуметь и возится ещё пуще прежнего, я сам был не раз свидетелем этому.

Напрасно старался внушить я Буду, что все рассказы его принадлежат к чудесному или, лучше сказать, к невозможному, между тем как на свете все совершается самым естественным образом; напрасно я хотел убедить чудака, что ветеринарный врач объяснил бы ему болезнь его скотины и что слышанный им чрезвычайный шум существует только в его напуганном воображении: он ничему не хотел верить. Буду был такой человек, на которого не подействовало бы даже математическое доказательство. Он клялся, что однажды вместе с пустынным видел на небе знамя, подобное виденному императором Константином, и вся деревня ему верила.

— Прошу вас, — настаивал он, — дайте мне какой-нибудь рецепт, секрет, амулет, чтобы я мог прогнать домового, тревожащего меня по ночам. Молитвы, которые заставлял я читать, не помогли против него. Но вы совсем другое дело: вы путешествовали к пирамидам, в Эфес, в пещеру Трофонуса и, наверное, вывезли какой-нибудь самый верный секрет против духов.

Я хотел снова захохотать, но друг мой знаменательным движением головы и плеч дал мне заметить, что самое очевидное доказательство было бы не в состоянии уверить его и что я напрасно бы потерял время, стараясь навести этого упорного человека на путь разума. Тогда, оставив рациональные средства, я прибегнул к силе воображения не в надежде излечить его, но по крайней мере оставить его довольным мною.

— Буду! — сказал я ему воодушевленным голосом. — Ты, умевший так хорошо удержать в памяти знаменитейшие магические имена, которые блистают, подобно звездам в ночи, должен знать, что я похожу на дельфийскую Пифию и на прорицательницу Дебору; надобно потрясти, взволновать, чтобы я решился сообщить тайны неизвестной науки — возвышенные, непроницаемые тайны, погребенные геерофантами в безмолвии храма. Буду! Ты произнес могущественные, неодолимые слова, которые, если бы ты умел ими владеть, навели бы тебя на потерянный след тайной премудрости... Ты призвал имена, которые могли бы заставить плясать солнце, луну и звезды; ты, сам того не предчувствуя, задел большой симпатическо-магнетический нерв, который соединяет дух с

материей, то есть душу с телом... Брат! Ты должен быть посвящен, только будь осторожен и помни, что в мрачных, подземных сводах храма Изиды нарушение таинства наказывают смертью.

Буду выпучил глаза и распустил уши, лицо его просветлело — так сильна была в нем страсть к непонятному и чудесному. Я взял небольшую коробочку, содержащую табачные семена, которые разводил для образца, и, показывая ее крестьянину, сказал:

— Новопосвященный! Крепко держи в памяти своей то, что теперь услышишь! Ты сказал мне, что злой дух может только сквозь щели дверей или замочную скважину проникнуть во внутренность домов?

— Да.

— Заткни плотно все щели в двери твоего хлева, потом просверли в двери наискось скважину и положи в нее эти семена, произнеся следующие кабалистические слова: Филактера, Эвоя, Абракадабра, — после того обе стороны скважины закрой бумагой; наконец, ты и твой работник, оба вооруженные хорошим кнутом, подстерегайте духа за дверью впотьмах.

Буду потер руки от радости.

— Ты сказал мне, что дух должен опять поставить на прежнее место все то, что было приведено им в беспорядок?

— Да.

— Когда все выходы будут хорошо заткнуты, домовой, чтобы войти в твой хлев, по необходимости прорвет бумагу и рассыплет зерна по полу и поневоле должен будет положить их на прежнее место; в то время вы должны угощать его кнутом что ни есть мочи, чтобы у него отпала охота опять прийти к вам. Хорошо ты понял меня?

— Да! Да! — повторил крестьянин, вне себя от удовольствия. — Я понимаю, что это должно быть самое верное средство, благодарю вас от всего сердца, от всей души...

— Буду... помни, что глубочайшая тайна...

— О, не беспокойтесь! Я понимаю всю важность посвящения.

Пожав мне руку и рассыпаясь в изъявлениях благодарности, он ушел, чтобы исполнить в точности мои наставления. За несколько минут до полуночи я стал за дверью хлева, и, когда на деревенской колокольне пробило ровно двенадцать часов, я начал водить пальцем по бумаге, в которой лежали табачные зерна.

В ту же минуту послышались удары кнута, и Буду кричал работнику:

— Хорошенько, Жако, хорошенько... Вот мы его. Он попомнит нас... Браво!.. Не жалей кнута... Боже мой! Он шевелится, мошенник... Сильнее... Ты уже устал, Жако... Делай по-моему.

И посреди удвоившегося хлопанья кнутом слышался жалобный голос работника:

— Хозяин, ты хлестнул кнутом прямо в глаз мне...

— Ничего! — вскричал Буду. — Продолжай! Он должен оставить здесь свои уши и хвост.

Удары слышались с новой силой, но на этот раз болезненный крик вырвался из глотки хозяина.

— Дурак! Ты хлестнул меня прямо по лицу... Я ничего не вижу. — Но минуту спустя он сказал: — Ничего, действуй только.

Наконец, после криков, топанья ногами и, несомненно, крупных капель пота и усталости, хлопанье кнутом прекратилось — домовый убежал.

На другой день Буду пришел благодарить меня. На лице его были синие пятна, нанесенные ударами кнута, от которых из глаз его, должно быть, сыпались искры. Он долго описывал нам прыжки, скачки, пируэты и гримасы, которые делал злой дух в то время, как его потчевали кнутом.

— О, мы его славно отделили! Он долго не забудет нашего угощения и, наверное, не придет в хлев другой раз попробовать кнута.

В самом деле, домовый не возвращался более, то есть Буду и работник его излечились от своих ночных видений посредством ударов кнута, которые они взаимно нанесли друг другу.

СУМАСШЕДШИЙ БРАДОБРЕЙ

Является на пражской улице Карлова и в ближайших окрестностях. Характер: чрезвычайно опасное привидение.

Сумасшедший брадобрей всегда держит в руке открытую опасную бритву и пристаёт к прохожим с предложением побрить их. Этот человек жил четыреста лет назад и славился своим искусством. Легенды утверждают, что его даже приглашали во дворец брить короля Рудольфа II. Но потом он бросил свое почтенное ремесло, занявшись алхимией. Брадобрей-алхимик истратил все свои деньги, продал даже дом и в конце концов сошел с ума. По ночам он выходил на улицы и кидался на людей с открытой бритвой, требуя денег на продолжение алхимических опытов. Дело кончилось тем, что на Карловой кто-то зарезал его самого. Очевидно, в потустороннем мире сумасшедшего брадобрея убедили в бесплодности поисков философского камня. Во всяком случае, денег он уже не требует.

Н. Леонтьева

БЕЗУМИЕ РЯДОМ

За окном была уже ночь. На улице горели редкие огни. То, что произошло в следующее мгновение, ошеломило его своей реальностью, обыденностью и одновременно фантастичностью. К тому же видел он «это» из окна чужого дома, где оказался в гостях. По темной улице шли две женщины, закутанные с головы до ног в белое, как в саван, а с ними семенили несколько малышей в таких же белых одеждах. Странная вереница спокойно завернула за угол. У него было такое впечатление, как будто он подглядел сценку из жизни неведомого времени и народа. Не из потустороннего же мира они явились! И не почудились: все фигуры были отчетливо видны. К тому же он не верит ни в Бога ни в черта, всегда считал себя материалистом. Не надо, наверное, говорить о том, что случившееся обсуждалось только в узком кругу и случайно стало известно автору. Люди, как правило, не любят рассказывать о подобных видениях.

Однако этот эпизод — характерное звено событий, происходящих в этом месте и с другими. Где именно — узнаем чуть позже.

У исследователей-энтузиастов аномальных явлений в нашей стране найдется с полтысячи фактов последних лет о появлении призраков, всяких домовых и леших, или, как принято сейчас называть, полтергейста — шумливого духа. Сюда же можно отнести и инопланетян. Все эти явления характеризуются тем, что часть людей, конечно малая, видит их, а большинство населения очевидцам не верит по простой причине: пока не пощупаю — не поверю.

В рассказах о Э. К. Циолковском ходит такая байка. Журналист на встрече с калужским исследователем загадок Земли и космоса спросил: «Верите ли вы, что привидения бывают?» «Я их вижу», — был ответ. Подобные утверждения ученого вызвали обвинения его в бредовых идеях у ортодоксов научного метода познания, для которого обязательны дополнительные свидетели, контролеры, повторные эксперименты — иначе нет факта для исследования. А как относиться к свидетельствам случайных очевидцев? Обвинить в психическом расстройстве? И если такое имеет место быть, то почему потом они проявляют свойства разумных, рассудительных людей?

Ученый-биофизик из Латвии С. С. Соловьев, много лет посвятивший изучению биолокационного эффекта (лозоходства), экспериментально

доказал, что в определенных местах человек вдруг начинает неадекватно воспринимать реальность, то есть видит что-нибудь необычное, совершает действия, причину которых объясняет популярным присловьем: «Нечистый попутал». Что же это за места такие? Вместе с латышской группой исследователей биолокации Сергей Сергеевич разработал методику определения сложной структуры излучения, накрывающего Землю довольно густой сеткой, которая «просеивается» через ионосферу. В Европе широко известны полосы немецкого ученого Курри, ориентированные в меридианальном и широтном направлениях под углом 90 градусов. Латвийский лозоходец Т. Альберт обнаружил и описал сетку с ячейками до 25 метров, расположенными к структуре Курри под углом 30 градусов. Свой вклад внес инженер и экстрасенс С. Шульга. Он обратил внимание на то, что сенситивы видят свечение от зодиакальных созвездий, которого не замечают обычные люди. В 1987 году он определил структуру излучения от звезд. А инженер З. Стальчинский впервые разработал метод определения расположения на Земле полос излучения, аналогичного Луне. И, наконец, сам Соловьев вместе с названными энергетическими структурами вел разработку горизонтальных отражений на поверхности Земли — точечных, фоновых и других. Закономерно, что вся эта система перекрестного космического «огня» не обязательно создает для нас комфортные условия. Поэтому латышская группа лозоходцев работала над определением природы излучения. Пока Сергей Сергеевич дал ему условное название «особое излучение» — «ОИ».

Вспомним философско-религиозное понятие индусов: Прана — огонь Вселенной. «Животный магнетизм», открытый Ф. Месмером в XVIII веке, которым он заряжал воду и лечил парижан, сейчас применяет А. Чумак. Член-корреспондент Белорусской академии наук А. И. Вейник более четверти века назад неизвестное излучение назвал «хрональным» — изменяющим время протекания физических и химических процессов. Сейчас широкое распространение получило понятие «биополе». Нет пока окончательного названия, как нет ответа на многие вопросы о природе аномальных явлений.

Не без основания Соловьев предупреждал, что еще не пришло время манипулировать и пытаться как-то осваивать неведомое, хотя бы и с благими намерениями. Для исследователей Сергей Сергеевич оставил своеобразную технику безопасности по биолокации при получении, передаче и снятии сигнала. Методика вырабатывалась зачастую на горьком опыте, своем и коллег.

О «гиблых» и «хороших» местах на земле ведуны, или, как сейчас

говорят, экстрасенсы, знали, видимо, и тысячу лет назад, и еще раньше. Поэтому старые поселения всегда расположены именно в «хороших» местах. А если уходила благодать, покидали насиженное место и люди. Группа ученых Института клинической и экспериментальной медицины Сибирского отделения АН СССР обследовала ряд городов с так называемой геопатогенной (вредной для здоровья) зоной. Выявлено заметное негативное влияние «гиблого» места, как внутри его, так и в пограничной части, вызыванием таких болезней, как гипертония, диабет, онкологические и аллергические заболевания; отмечается личностное угнетенное состояние психики.

Нам только кажется, что вокруг нас пустота. Например, стоит наступить критическому моменту в природных процессах, и наши глаза смогут зафиксировать молнию. Можно предположить, что человек, как энергоноситель, проводник «особого излучения», подвержен порой тоже таким моментам, «замыканиям» — и на какое-то время его универсальная система, которая явно не используется и на 30 процентов, срабатывает. В такой ситуации человек может получить новую информацию извне или из своего внутреннего микромира. Не мешало бы знать, как это происходит, чтобы не только избегать, а может, и управлять неведомыми силами для расширения сознания, для понимания своей роли в мироздании. А пока пилот самолета направляет свою машину навстречу НЛО (зато никогда этого не сделает, заметив по курсу молнию, так как знает о губительной опасности электроразряда!), а контактант тоже опрометчиво начинает общаться с неведомым существом, представившимся инопланетянкой с голубой звезды или давно скончавшейся теткой.

«Я подглядел то, что смертному нельзя видеть», — предупреждал Павел Флоренский. В силу, видимо, трагических обстоятельств (клиническая смерть) я тоже «подглядела» нечто, что могло привести в смятение суеверного человека. Слава Богу, я воспринимала происходящее как должное, не обряжала в фантастические образы. Возможно, за порогом смерти снимаются ограничения известной чувствительности. Но если человек возвращается в биологическое состояние, то у него может возрасти сенсорность? Но это все следствие критических моментов, редкие случайности. А без них можно снимать ограничения?

В конце 30-х годов в Московском институте психологии был проведен цикл исследований условий формирования нового вида чувствительности, в том числе «кожного зрения». Проведенные ученым-психологом А. Н. Леонтьевым эксперименты свидетельствуют о том, что повышение порогов чувствительности требует от человека активного отношения,

определенной установки личности на мобилизацию резервов сознания. В какой-то мере надо знать, что можно увидеть. Каждый, наверное, может припомнить о первом впечатлении при встрече с чем-то неизвестным и последующей выработке общепринятого стереотипа.

В нашей обыденной жизни, конечно, лучше обойтись без критических ситуаций и феноменальных явлений. Бесплезно, правда, зарекаться. Когда строился ваш дом, прокладывалась улица, разве современные застройщики руководствовались указаниями знающих людей о «гиблых» и «хороших» местах? Наши предки прибегали порой к такому нехитрому способу их определения. Рассказывают, например, что при строительстве Санкт-Петербурга развешивали куски мяса — долгая сохранность его в свежем виде указывала на доброе место. Похоже, их обнаружилось не так уж много. Но город был необходим владыке «назло надменному соседу». Кстати, группа лозоходцев и Соловьев провели с 1979 года ряд обследований кварталов города на Неве, — с некоторых домов удалось снять геопатогенное излучение. Правда, о времени действия эффекта есть разные мнения. На конференции в Москве (октябрь — ноябрь 1990 г.) зарубежные и отечественные исследователи с большой тревогой говорили о тенденции расширения и даже появления новых геопатогенных зон в районах заселения.

Поэтому то, что случилось с запозднившимся гостем в подмосковном небольшом городе Климовске, не было неожиданным. В последние годы здесь частенько видят «инопланетян», светящиеся металлическим блеском летающие тарелки или плазменным огнем шары. Некто неопознанный тревожит обитателей квартир. Особенно много сообщений появилось после выступления по телевидению одного из очевидцев феномена — Владимира Ивановича М. Это еще раз подтверждает вывод психологов об активной установке наблюдателя. Цензура в печати, в том числе и в науке, лишила людей даже обычной информации. В Англии можно найти десятки томов книг с описанием различных привидений. Разве они только там водятся? Правда, снятие у нас запретов на информацию о феноменальных явлениях обернулось опасностью для неподготовленного восприятия.

Общение с «инопланетными кораблями» Владимира Ивановича, появившаяся у него страсть узнать о них как можно больше не прошла бесследно для здоровья. Его состояние уже через полгода стало вызывать беспокойство у самого контактанта. Как-то в мае 1990 года он нашел меня в редакции, где народу собралось довольно много. В Москву приехал Соловьев из Риги, пришли операторы-лозоходцы, другие контактанты. Поэтому для собравшихся было важно в случае с Владимиром Ивановичем

сделать сравнительный анализ. Сергей Сергеевич дистанционно определил мощную геопатогенную зону рядом с домом участника феноменальных приключений, который подтвердил, что именно на этом расстоянии и направлении видит НЛО, а также получает приглашения для контакта (подробно уже рассказывалось по телевидению и в «Московской правде»). Сергей Сергеевич с присущим ему азартом, несмотря на возраст, решил сразу ехать на место, но мы, щадя его силы, отговорили. Пока больше беспокойства вызывало здоровье Владимира Ивановича. Он откровенно пожаловался на объявившиеся у него, молодого мужчины, недомогания — резкий упадок сил, ощутимую психическую зависимость по вечерам от указанного места, которое его как бы зовет и притягивает. Все сказанное им подтверждалось изъятиями в его энергетической структуре, определяемой нетрадиционными методами диагностики. Свое мнение высказала и опытный врач-терапевт, находившаяся с нами, подтвердив диагноз, поставленный лозоходцами.

Позднее я все-таки съездила на станцию Гривно. Патогенную зону нашли быстро, труднее было одной определить ее направление и точные размеры. Там, где Владимир Иванович, скорее всего, что-то наблюдает, ширина зоны до 30 метров. Рамки вращались против часовой стрелки, а кольцевой индикатор тут же опрокидывался, как только я наводила на злополучную полосу, и устанавливался вертикально в конце большого радиуса движения. Мне очень не хотелось увидеть всякую «чертовщину». Отрицательное воздействие «плохого» места было довольно ощутимо — болевыми сигналами. Но проверять так проверять! Люди рядом в домах живут — терпят ведь. А вокруг довольно туманные темные струи передвигались, крутились, их пронизывали сверкающие нити.

Вспоминается сразу Н. В. Гоголь, который такие ощущения не раз описал в своих повестях и рассказах. Очевидно, он тоже видел больше, чем требуется пока от человека. Если убрать мистическую образность в его описаниях, что необходима для литературного произведения и соответствовала народному опыту того времени, то останется свидетельство человека, посвященного в эзотерические знания. В повести «Вий» философ Хома явно попадает в зону отрицательного излучения, где он не может адекватно оценить обстановку. «Над ним держалось в воздухе что-то в виде огромного пузыря с тысячью протянутых на середины клещей и скорпионных жал». Очень напоминает энергетическую структуру некоторых мест на земле и даже в помещениях. Закономерно, что именно энергией вибрации — произнесением молитв и заклинаний — Хома пытался уменьшить воздействие «нечистой силы», отогнать ее.

Канал отрицательного излучения, проходящий по Климовску, почти того же порядка. Здесь под воздействием «особого излучения» человек в соответствии со своим опытом и интерпретацией его в сознании может увидеть и что-то необычное. Очень хотелось бы разделить с Владимиром Ивановичем радость общения с внеземной цивилизацией, использующей для связи с землянами этот энергетический канал. Но лучше держаться подальше от него. Герою Гоголя в определенный момент не помогли и самые хитроумные заклинания (читай: коррекция биополя). «Безумие рядом, безумие рядом», — поется в популярной у экологов на Западе песне Ноэла Ховарда. В ней предупреждение о том, что бездумное отношение человечества к тому, что творится на нашей земле, уже не раз ввергало его в безумие больших и малых катастроф.

Свидетелем влияния «особого излучения» не обязательно становится один человек. На улице Мичурина в том же Климовске, в доме на третьем этаже, семья встретила 1991 год, как принято, с нарядной елкой. Она-то и привлекла внимание того, кто бесцеремонно иногда проявлял свое присутствие. Ни старшее, ни младшее поколение этой семьи толком ничего не могли разглядеть, однако присутствие «кого-то» ощущалось, раздавались стуки и шорохи. Пятого января игрушки с елки стали падать одна за другой, хотя накануне уже была проявлена предосторожность: все они надежно закреплены. Но игрушки продолжали падать и рассыпаться мелкими осколками вокруг. Десятого января каким-то образом упала сама елка, тоже закрепленная наилучшим образом. Школьные каникулы кончились, и беспокойный домовый приутих. В этом случае при всей загадочности физических процессов — перемещения предметов — просматривается воздействие «особого излучения» зоны на человека, одного из членов семьи. Именно он своим особым настроением проецирует на остальных свою информацию.

Единственный способ избежать аномальных явлений в своей жизни — не селиться в «гиблых» местах и самим не создавать их всякими фоновыми излучениями от неосмотрительной деятельности — очевидно, техногенной и психогенной. Во вредности первой у людей уже нет сомнения, а вот о второй — в лучшем случае смутные подозрения, не заслуживающие внимания науки.

Сами названия «гиблых» мест довольно красноречивы во всех странах. Архитектору Л. К. Медянову довелось бывать в разных концах света. Для его впечатлений, о которых он рассказывает, характерно детальное описание целостной картины увиденного. В этом сказывается цепкий, внимательный взгляд архитектора и художника. Как-то он услышал

от меня о геопатогенных зонах, о которых раньше понятия не имел, но сразу в связи с этим вспомнил одно приключение в центральной части Монголии. Труппа советских специалистов добиралась до места назначения на автомашине по правой стороне реки Тола. Решили сократить путь по заброшенной дороге. Водитель-китаец ни в какую не соглашался. «Нельзя, — говорит, — опасно. Там долина смерти». Леонид Кириллович вспоминает, что китайца не убедили их доводы о том, что лучше сократить путь, что монголы наложили табу на долину, исходя из религиозных догм, осквернять которые никто не будет. Только проехать на машине, и все... Китаец долго в стороне, видимо, молился или раздумывал. Наконец поехали. По карте предстояло преодолеть около 180–200 километров. На перевале увидели «уво» — пирамиду из камней. По поверью монголов, надо вырезать прядь из гривы коня и оставить для «уво». У наших путешественников конь был железный. Положили к пирамиде по камню. На склоне сделали привал, перед тем как пересечь загадочную долину. На подступах к ней оказалось много интересного. Сделали фотосъемку. Заметили пещеры скальных храмов. У дороги нашли старого литяя металлическую ступицу от колеса древней повозки. Обратили внимание на четкие круги на траве диаметром 8, 12 и 20 метров, а по окружности — яркая зелень метра на полтора шириной. Здесь же нашли большое количество крепких шампиньонов. Ничто не предвещало плохого и впереди.

Китаец мрачно молчал. По долине, над ее поверхностью, стелилось марево. На всех навалилась усталость, сонливость. Затем потеряли всякие ориентиры в пространстве и, кажется, во времени. Было такое ощущение, вспоминает Медянов, будто оказался один во всем мире или на чужой планете, что ли, хотя объективных причин для страха не было.

— Название у долины, конечно, не из веселых, — рассказывает Леонид Кириллович, — она так названа, видимо, из-за множества найденных здесь скелетов динозавров. А может, из-за того, что на южном склоне монголы оставляют своих покойников, просто кладут на землю, чтобы их души могли свободно найти заслуженный путь. Собаки со специальными ошейниками помогают умершим в этом, во всяком случае, освободиться от брэнного тела. Дорога через долину показалась удивительно долгой, как сквозь бесконечный тяжелый сон.

Монголы, как и наши древние предки, оставляли такие сомнительные места для захоронений, размещая свои поселения в стороне. Динозавры тоже не случайно нашли здесь свой последний приют. Известно, что и слоны так же поступают. До сих пор Медянов недоумевает, почему эта

часть Центральной Монголии произвела на всех тягостное впечатление, вроде обычное бездорожье — и только. Я думаю, этим путешественникам повезло...

Четверть века назад мне пришлось колесить на вездеходе, именуемом в народе «козликом», по лежневкам и бетонкам около шестидесятой широты таежного Урала. По заданию газеты я писала о строительстве горно-обогатительного комбината у горы Качканар с железной рудой, о жизни старателей в маленьких поселках, между которыми по речушкам ползали драги, намывающие золото и платину. Это сейчас в печати заговорили о «М-ском треугольнике» как об аномальном месте или космодроме инопланетян. Он обнаружен недавно уфологами южнее того места, о котором я вспоминаю, — ближе уже к 55-й широте, но в том же квадрате, между такими же градусами долготы, 55-м и 60-м. Видимо, проявление аномалии продолжается и к северу от Молебки, уже в горном, почти безлюдном Урале. Тогда из-за запретов цензуры приходилось помалкивать даже о гибели людей в этих местах, о пугающем гуле в глухом месте, странных светящихся объектах и тому подобном. Не было причин усматривать в этом месте следы какой-то промышленной деятельности. Жители из окрестных поселков на расспросы о таежных загадках отмалчивались, хотя охотно рассказывали о том, что в недавнем времени объявлялось неразглашаемой государственной тайной... правда, дальше этих мест, в Сибири, было даже лучше. И все-таки один парень с драг, как будто собравшись с духом, коротко сказал: «Лесной там». «Давно объявился?» — спросила я. «Всегда был», — еще тише ответил разговорчивый.

«А почему шепотом?» — приставала я. Тут уж собеседник сам перевел на более предметный для того времени разговор — о социалистическом соревновании, для чего я и приехала из газеты. А в комитете комсомола прииска мне назвали грозного обитателя глухомани — «горным».

Наконец, я нашла знахаря, хотя вернее назвать его шаманом. Был он коренным жителем Северного Урала, выглядел довольно живописно. Шаман признался, что ходит за горы (махнул рукой на север), носит туда какие-то дары (не показал), намекнул, что его там ждут. Предупредил, что временами между гор поднимается страшный шум — голова и уши не выдержат. В это время ходить туда не надо. Вред не причиняется только тем, кому разрешат идти дальше.

— Кто? Лесной? Горный? — решила я уточнить у знающего человека.

Старик быстро оглянулся то ли на ближайший лес, то ли на пологие синие вершины гор над ним и прекратил наш разговор, дав мне на

прощание пучок сухой травы от головной боли. А голова действительно стала частенько болеть.

В Нижнетурином горкоме партии меня ждала удивительная история. С покаянием пришел бывший охранник обоза с зарплатой для прииска в поселке Ис: мешки с деньгами были увесистыми, еще в старых купюрах. По сговору преступники уже на лесной дороге убили тех, кто с ними не согласился на грабеж, и скрылись с добычей. Вынужденный со страху вступить с ними в долю охранник остался на месте, как пострадавший, а деньги спрятал в тайге. Прошло десять лет, уже минула очередная денежная реформа. И вот большая куча старых денег на столе, ни один рубль не истрачен. С большим трудом, но журналисту разрешили поговорить с раскаявшимся преступником, пока не увезли. Разговор пошел о совести. Она оказалась у него материализованная. С тех пор, как пришел в тайгу забрать свою захоронку с деньгами, его кто-то преследует. Сначала в лесу холодные руки высокого, темного человека сдавили ему горло так, что едва очухался. Затем до самого дома слышались позади шаги и тяжелое дыхание. Все последующие годы так и жил под пристальным надзором кого-то. «Наверное, убитого», — так решил преступник. «Совести» — сделали заключение присутствующие при разговоре. Тут же в горкоме указали мне на бабку-ведунью, которую за шарлатанство надо бы пропечатать. А она, оказалось, снимала боли, перед которыми врачи с лекарствами бессильны. Она призналась, что хоть и стара, но в тайгу ходит, так как там ждут.

— Только смотреть «на них» нельзя. Платком закрывайся, — охотно советовала она, предлагая взять с собой обязательно подарки: угощение, красивые вещи.

Знахарка рассказала, как учили ее неведомые обитатели гор искусству целительства. Надо сказать, о походе по таежным горам я и не думала, тем более что недавно погибла большая группа туристов без видимых причин. Но таинственные обитатели вскоре о себе сами заявили.

Был редкий солнечный день в этих местах. Я решила километра два пройти пешком по бетонке. Кедров и сосны стояли стеной. Вдруг все оживило в лесу, как будто ветер подул из его глубин. Если бы не деревья, теперь заметно наклоненные к дороге, не поверила бы, что такое возможно. Упругий невидимый вал остановился возле меня, чуть толкнув, и, как парус, стал надуваться над головой, наполняясь очень внятным шумом. Все мое благодушное настроение от хорошей прогулки как рукой сняло. Сквозь головную боль надвинулось знакомое с детства состояние, когда между бодрствованием и сном возникает зрительная информация о предстоящих

событиях или о тех, что происходят за сотни километров. Я спокойно относилась к такому «кино» — должна же быть у человека интуиция. На этот раз информация шла в таком изобилии, что смятение охватило меня. Между деревьями мелькали тени, непрерывно вращался, брызгая искрами, кокон более пяти метров в высоту и два — в поперечнике. Могучий голос, похоже, звучал из него. Но звучал ли на самом деле? Похоже, я слышала его в голове, а через метров двести-триста, реальность приняла вокруг меня обычную картину. Спокойно шумели вершины под солнцем, лес всегда вызывал у меня хорошие чувства, а тут появилось даже какое-то чувство поклонения его мудрости, здоровью. Кстати, я сама чувствовала себя отдохнувшей, вполне здоровой. Из неожиданной лекции странного голоса я почти ничего не запомнила тогда, зато удивительно извлекала из памяти в последующие годы то, что не смогла усвоить. Честно говоря, я и сейчас склонна считать, что дала волю фантазии под воздействием, возможно, природных сил; только каким образом они (фантазии) предсказали ход развития многих событий в моей жизни, людей. Сложнее проверить космические коллизии, но поживем — увидим. А указанное знахарями заветное место в горах находилось тогда от моей дороги километрах в семидесяти по прямой.

Пожалуй, больше всего суеверных страхов и нападков науки вызывают рассказы об «оживших» покойниках. Это довольно тривиальные истории, без особой романтики.

Старая доярка из глухой костромской деревни не так давно оказалась хозяйкой квартиры на первом этаже в маленьком подмосковном поселке со странным названием Минзаг (база отдыха и подсобное хозяйство Министерства заготовок). Она приехала как-то в гости к детям, которые покинули свою неперспективную деревню, да и осталась на московской земле, так как получила предложение выйти замуж. Три года назад, в возрасте 80 лет, ее муж умер — на другой день после выписки из больницы. До ста лет мог вполне жить, если бы не согласился на лечение, сокрушается теперь вдова. Не забывает она и добавить, что ей нелегко было с ним, но зла на него не помнит. Схоронила. Вскоре он, как живой, заглянул в форточку, лицо было видно хорошо, и сказал: «Матка, не бойся. Я только молочка попью с хлебом». После этого покойный часто стал захаживать. Она оставляла молоко и хлеб на ночь на столе. А утром было видно, что того и другого убавилось. Иногда она пугалась, вновь и вновь замечая в доме бывшего супруга, тогда старик успокаивал ее, чтобы ничего не боялась, он быстро уйдет. Ходила она не раз в церковь, выполнила все традиционные христианские обряды, а старик опять в окне: «Я зайду, не

бойся». Спрашивала у него:

«Чего хочешь, что надо?» «Ничего, — говорит, — молока попью и пойду». Объявились обменщики на квартиру, — зачем, мол, старухе такая большая. Посоветовалась с покойным, он вроде одобрил обмен на однокомнатную, вполне одной хватит. Уехала за 30 километров, ночной гость больше не является. Зато по-прежнему бывает в своей квартире, беспокоит ничего не подозревающих новых хозяев. Старик что-то ищет, ворчит, а порой и грозит. Заходит и днем, — не найдя привычного молока, ставит на огонь чайник. Газ сам зажигает. Дети пугаются, когда видят, что чайник сам собой очутился на огне и закипает. Так и сжечь квартиру недолго. «Сожгу!» — грозит призрак. Приезжала вдова, пыталась урезонить своего грозного супруга. «Разве уговоришь, — сокрушается женщина, — на что-то прогневался».

Очевидно, старик был наделен незаурядной энергией, и есть основания думать — эзотерическими знаниями. Я сразу обратила внимание на одну незначительную, казалось, деталь. Крестьянка пожаловалась, что плохо переносит, как деревенский житель, автобус, а таблеток сейчас нигде нет. Я ей посоветовала положить в карман с левой стороны луковицу. Женщина сразу вспомнила: старик от всех болезней лук советовал применять. Правильно, методом биолокации выяснено, что все луковичные растения, в том числе репчатый лук, обладают большим потенциалом положительной энергии. Поэтому хороший живительный экран со стороны сердца и селезенки, моторного и энергетического узлов кровеносной системы не мешает. Есть и другие аспекты целительства, но речь сейчас не об этом. Вдова не могла вспомнить, чтобы старик кого-нибудь при ней лечил, просто советовал что-нибудь. Сам вел больше безалаберную жизнь, даже попивал. Можно только предположить, что, являясь, по сути, незаурядной личностью, при этом нереализованной, он после смерти оставил стойкую психогенную структуру энергии в пространстве, которая может формировать его образ. Тем более что смерть была внезапной. Даже в 80 лет, если человек чувствовал, что может прожить больше. А возможно, старик что-то спрятал, утаил и не успел или не хотел никому доверить тайну.

Определенный образ умершего не всегда формируется перед живыми. Иногда это невидимка, как, например, в жилом доме при красносельском интернате. Он только иногда проявляет свое присутствие: звонит в квартирный звонок, постукивает, топает по полу, с любопытством знакомится с духами во флаконах. И все это в различных квартирах дома. Жильцы не раз подкарауливали шалуна, но так никого и не заметили. Тайна

невидимки, очевидно не совсем осознанно, но в какой-то мере известна одной из несчастных матерей, потерявшей своего взрослого сына. Он погиб на срочной службе в армии и похоронен на местном кладбище. Сильная психическая энергия матери держит фантом покойного рядом. Точно такая же сила материнской памяти и в другом трагическом случае вызывает странные явления в одном городе Подмосковья. В расцвете сил сын покончил с собой. Христианский обряд прощания без благословения и разрешения на то церкви закончился неудачно. Упала свеча, сгорел венчик с молитвой прямо на покойном. А когда пришло разрешение по всем канонам отпеть его и все было выполнено, мать однажды вдруг увидела черный шар. Она шла на работу, и летящая темная сфера величиной с обычный детский мяч хорошо была видна на фоне снега. Приблизившись, шарик уменьшился и исчез. Вскоре в семье с печалью отмечали день рождения покойного сына. В пустой теперь его комнате заиграла сама собой гитара. «От сквозняка скорее всего», — попытался успокоить всех и себя отец. Пришлось увезти на другую квартиру, в Москву, собаку, которая стала без причины выть. Зато прибежала каким-то образом к дверям в многоквартирный дом рыжая дворняга и тоже завывала. С трудом прогнали.

На всех местах подобных происшествий биолокация показывает патогенное излучение. Есть тысячелетиями испытанные способы — это религиозные ритуалы, психотерапевтические и физические действия которых направлены на оздоровление энергетических структур человека и пространства. Новой наука не предложила. Правда, есть позитивный результат от бытового прибора для обработки помещения против болезнетворных бактерий, который недавно продавался в магазинах. Действительно, подобная нечисть, как микробы и, кстати, насекомые, активно проявляет себя в зонах отрицательного воздействия на человека, малых или больших по масштабу площадей.

Многих людей приучили не обращать внимания на досужие рассказы о привидениях. Долгое время надо было руководствоваться религиозными канонами. Например, христианский комментарий был доступен для понимания всем. «Если видишь видение какое-либо, или образ, или сон, то не доверяйся ему, потому что если оно от Бога, то Господь и вразумит».

Все ясно, не надо испытывать судьбу, когда красноречиво дают понять, что опасность впереди, как бы ни были заманчивы приключения. Тайна нашей жизни не стала и сейчас достоянием разума человечества, хотя оно в какой-то мере приближается к ней. Зато атеисты, из самых добрых, конечно, побуждений, лишили людей руководства в сложных ситуациях. Нравственные законы религии все еще необходимы человеческому

обществу, но, по всему видно, наступает время новых философских воззрений на мироздание, время великих гуманитарных открытий. Поэтому науке нельзя оставаться на прежних позициях простого отрицания аномальных явлений, а значит, в какой-то степени отступать перед таинственной их силой. Это уже не соответствует современным нравственным законам. Иначе к тайнам мироздания бросятся не подготовленные к терпеливому и внимательному анализу земляне, погибая и обрекая на муки других.

Среди исследователей непознанного — одна из учениц С. С. Соловьева, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн И. С. Всехсвятская. Несмотря на упреки коллег по академической науке, она на протяжении многих лет ведет аналитическую работу по фактам всяческих «чудес» на нашей Земле. Комментарий Иосты Сергеевны еще раз заставляет гораздо серьезнее отнестись к феноменам.

— Факты полтергейста и привидений вполне можно назвать физическими, так как они происходят в материальном мире. Источники их обладают огромной энергией и расположены где-то в космическом пространстве. Проводящая система или канал — это человек, его сознание. Наблюдаемые феномены энергетически по своей природе связаны, как полагают, с геофизическими проявлениями, так называемыми геопатогенными зонами. Таким образом, призраки и привидения суть энергетические структуры, вибрации которых воздействуют на сознание некоторых людей. Ну а сознание, ощущая эти вибрации, облекает их в известные ему видимые формы. Вопрос видения сугубо индивидуален, ощущение же вибрации присуще практически всем людям. Кратко я сказала бы так: призраки и привидения — это неосознанный прием информации, трансформированный затем в привычные визуальные и вербальные формы.

Так получается, что каждый решает сам: сделать шаг за грань неведомого мира или отступить. Только надо взвешивать силы своего разума — безумие всегда рядом: то войны, то деспотия ничтожеств, то пандемии, а теперь эволюционный апокалипсис человеческого сознания. Такова судьба тех, кто стоит на грани переходного периода развития цивилизации. Все мы как в чистилище. Выдержим ли испытание быть достойными жителями Вселенной? Об этом у нас шел разговор со светящимся коконом в тайге, только я до сих пор не могу соединить в целое отдельные фрагменты истины. Может, тайна за пределами земной жизни?

КЕМБРИДЖСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Существует несметное множество рассказов о заколдованных комнатах в колледжах Оксфордского и Кембриджского университетов. Один из таких рассказов записан со слов Уильяма Вордсворда после его возвращения от брата, доктора Вордсворда, бывшего в то время магистром колледжа Святой Троицы в Кембридже. Рассказ этот полностью приведен мистером Ховиттом в его «Истории сверхъестественного».

По словам знаменитого поэта, в Кембридж приехал молодой человек, желавший поступить в колледж Святой Троицы. Он привез с собой рекомендательное письмо к доктору Вордсворду. Вручив магистру послание, юноша попросил совета в поисках приличного жилья. Доктор Вордсворд сказал, что в колледже пустуют несколько комнат, и студент согласился поселиться там.

Спустя несколько дней доктор спросил юношу, хорошо ли ему живется на новом месте. Тот ответил, что сами комнаты вполне устраивают его, но тем не менее от них, видимо, придется отказаться. Молодой человек объяснил, что его жилище заколдовано: его каждую ночь будит призрак ребенка — привидение, стена, бродит по комнатам. Но самое странное в том, что ладони его рук вывернуты наружу. Студент обследовал свое жилище, но ничего странного не нашел. Комнаты всегда тщательно заперты, да и вообще все было в порядке, если не считать соседа-призрака. Доктор Вордсворд извинился за свою прежнюю скрытность и рассказал юноше, что и раньше студенты тоже не желали жить в этих комнатах, причем по той же самой причине. Рассказ юноши был очень подробным и обстоятельным, и магистр понимал, что студент не мог просто выдумать его: ведь раньше он ничего не слышал о призраке. «Неудивительно, — весьма к месту замечает Ховитт, — что юноша не стал рассыпаться в благодарностях к наставнику, порекомендовавшему ему такое жилище».

В «Темной стороне природы» рассказывается еще об одном случае появления призрака в Кембридже, но, к сожалению, тут указаны лишь инициалы очевидцев событий и нет названия колледжа. История началась с того, что трое студентов, вернувшись с охоты, отправились обедать на квартиру одного из них. Уставший после долгого похода хозяин и один из гостей уснули, а второй гость, некто господин М., продолжал бодрствовать. Спустя некоторое время мистер М. увидел, как

открывается дверь и в комнату входит пожилой господин. Постояв с минуту возле спящего хозяина, старик прошагал в комнату слуги — маленькую каморку с одним входом. Незнакомец исчез, и тогда мистер М., разбудив хозяина, сообщил ему, что в комнату слуги кто-то заходил.

Молодой человек поднялся и заглянул в каморку, но там никого не было и он заявил, что мистеру М. все померещилось или пригрезилось. Однако тот утверждал, что не спал. Затем он описал наружность незваного гостя, который был одет как сельский сквайр — в гетрах и так далее. «Почему он так похож на моего отца?» — удивился хозяин и попытался выяснить, был ли пожилой джентльмен и мог ли он уйти незамеченным. Но старика никто не видел, а вскоре пришло письмо с сообщением о смерти отца хозяина, совпавшей по времени с появлением его призрака в Кембридже.

С. Демкин

О ПРИВИДЕНИЯХ ВСЕРЬЕЗ

Традиционно Англия считается классической «страной привидений», чуть ли не их родиной, если это понятие применимо к подобным нематериальным явлениям. Ведь, по утверждению Словаря русского языка, привидение — это «призрак человека, отсутствующего или умершего, представляющийся людям с больным воображением». В свою очередь призрак определяется как «что-либо, только кажущееся реальным; то, что мерещится». А Энциклопедический словарь вообще не упоминает о таких феноменах. Но вот в Англии отношение к привидениям вполне серьезное. И наглядное тому свидетельство — существование таких необычных на первый взгляд, но весьма респектабельных организаций, как коммерческая компания «Охотники за привидениями» и «Клуб знатоков привидений».

Штаб-квартира первой находится в городе Гримсби, неподалеку от восточного побережья Центральной Англии. Руководит ею Робин Фармен, вот уже двадцать лет занимающийся исследовательской деятельностью в области паранормальных явлений и читающий лекции по парапсихологии. Штат компании невелик: жена Фармена Шейла, ясновидящая по прозвищу Бессмертная Эйша; его сын Энди; двое экспертов по потустороннему миру, Джанис Пэйтерсон и Родней Митчелл, да еще ньюфаундленд Бен, собака Фарменов, обладающая феноменальным чутьем на парапсихологические проявления.

Все сотрудники фирмы носят одинаковые пуловеры с надписью «Охотники за привидениями», украшенные соответствующим рисунком и гербом Гримсби. На вызовы они выезжают в аристократическом черном лимузине «остин принцесс» 1959 года, ранее принадлежавшем мэру города. Причем эти броские атрибуты, внешне смахивающие на клоунаду, на самом деле глубоко продуманный результат многолетней серьезной работы и предназначены прежде всего для того, чтобы самим своим видом успокоить перепуганных людей. Ибо именно эта категория составляет абсолютное большинство клиентов Фармена.

— Когда многие из нас читают о привидениях, издающих леденящие кровь стоны, или шумных полтергейстах, устраивающих в доме настоящий бедлам, то, по всей вероятности, думают: «Со мной этого никогда не случится», — говорит Фармен. — Но если, внезапно проснувшись посреди ночи в холодном поту, вы увидите в полумраке призрачную светящуюся

фигуру и это будет повторяться раз за разом, а визиты к врачу-психоаналитику не дадут результатов, весь ваш скептицизм наверняка испарится. Когда же мебель начнет необъяснимым образом двигаться по квартире, а домашние вещи летать по воздуху и вы услышите хлопанье дверей и шаги какого-то невидимки, то вам, вне всякого сомнения, страстно захочется позвать на помощь специалистов из нашей компании...

«Охотники за привидениями» не отказывают никому, откуда бы ни поступал вызов и каким бы фантастическим он ни казался. На место немедленно выезжает один из сотрудников компании — обычно это бывает сам Фармен, — чтобы встретиться с человеком, просящим о помощи. По словам Фармена, первое, что нужно сделать, — это установить характер происходящего: физическое это явление или психологическое; обман зрения, игра света или результат особой чувствительности отдельных необычных людей. Тут нужен профессионал. Первый встречный «охотником за привидениями» быть не может. Ведь нередко случается и так, что кого-то сбilo с толку платье, брошенное на спинку стула, а кого-то — отражение в зеркале или даже на дверце полированного шкафа.

— Однажды мы отправились к одному чрезвычайно серьезному человеку, — рассказывает Фармен, — и в ходе предварительного расследования обратили внимание на то, что в доме у него стоит сильный запах какого-то, как мы подумали, дезинфицирующего средства. На наш вопрос, что у него происходит, хозяин ответил, что подвергается нападениям каких-то бестелесных существ. Я и в самом деле считаю такой феномен в принципе возможным и поэтому был готов поверить в его рассказ. Мы уже стали договариваться о предстоящем визите нашей команды, как вдруг мой визави вскочил на ноги. «Глядите — вон, вон оно! — закричал он, указывая пальцем куда-то в пустоту. — Вон оно! Сейчас я его прикончу! — Выхватив из-за кресла огромный баллон с настойкой мухоморов, как выяснилось потом, хозяин дома стал ожесточенно пшикать из него во все стороны. — Вот, прикончил! — наконец торжествуя заявил он, вытирая со лба обильно струившийся пот. — С ними, сами понимаете, только вот так...». Оказалось, что баллоны с мухоморовкой были у него приготовлены повсюду в доме и даже в автомобиле. Мне стало совершенно ясно — у человека галлюцинации...

Чаще, однако, бывает так, что эксперт приходит к выводу о необходимости детального исследования. Тогда в «дом с привидениями» отправляется уже вся группа со своей уникальной аппаратурой для обнаружения призраков. В комплект входит температурный датчик, соединенный длинным шнуром с блоком, который дает цифровое

отображение колебаний температуры в помещении, поскольку, как установили «охотники за привидениями», при таинственных явлениях обычно наблюдается ее резкое снижение.

Для измерения светового излучения используется «Робогост» — персональный компьютер «Эйкорт», способный фиксировать даже самые слабые световые излучения живых и неживых объектов. Кроме того, он имеет еще два специальных датчика — один регистрирует звуковые волны, другой — вибрацию. Акустический выход снабжен усилителем, который позволяет услышать даже «неслышный» полет листочка бумаги. Причем в случае необходимости сам динамик можно отключить, ограничившись наблюдением за экраном, где светящийся лучик показывает силу возникающего в помещении с датчиком звука.

— Должен предупредить, что охота за привидениями дело довольно скучное. После того как аппаратура установлена, остается лишь ждать, когда призрак соизволит появиться. А поскольку их поведение непредсказуемо, ожидание может затянуться на неопределенное время. Чтобы не испытывать гостеприимство хозяев, приходится устраивать временную штаб-квартиру в местной гостинице, лишь периодически навещая «дом с привидениями», чтобы взять кассеты с записями показаний приборов. И все-таки, если паранормальные проявления действительно имеют место, в подавляющем большинстве случаев рано или поздно удастся застать виновника нарушения покоя с поличным, — заверяет глава необычной фирмы. — Несмотря на название нашей компании, мы не занимаемся охотой на призраков в буквальном смысле этого слова, не стреляем по ним из какой-нибудь нейтронной пушки, — продолжает он. — Это чепуха, выдуманная журналистами в погоне за сенсациями. Все зависит от того, что происходит в доме клиента. Это может быть привидение, призрак, полтергейст, его собственная мания — все что угодно. И еще — мы действуем в зависимости от отношения хозяина к наблюдаемому явлению. Далеко не всегда люди хотят избавиться от своих привидений, не так уж редко их просто хотят понять. Мы сталкиваемся и с такими, в чьих домах время от времени появляются привидения, но хозяева держатся с ними на дружеской ноге — привидения становятся чуть ли не членами семьи.

Если кто-то воспринимает его как угрозу, мы можем воспользоваться пентаграммами или пирамидами — они помогают. Мы можем пригласить медиума, и он попросит привидение изложить то, что его тревожит. После этого следует принять соответствующие меры, и нежелательный визитер, скорее всего, «съедет с квартиры». Бывает, что сами комнаты создают

особую атмосферу. В таких случаях достаточно просто заново покрасить стены, открыть окна и двери, хорошо проветрить помещение, чтобы изменить эту атмосферу и успокоить хозяев.

Другое дело феномен полтергейста, — считает Фармен. — Вы не видите никакого призрака, но вдруг начинается стук в стены, слышны какие-то шаги, с каминной полки падают безделушки, а то вещи начинают летать по комнате. Это безумно пугает людей. Полтергейст имеет склонность обнаруживаться в местах несчастья и крушения надежд, наиболее часто — по соседству с людьми молодыми, гораздо реже — с пожилыми. Изгнать его нельзя — он не поддается. Но для того, чтобы помочь одержимому им, можно воспользоваться услугами священника. К тому же полтергейсты очень «стеснительны». Иногда достаточно начать инструментальное расследование, чтобы избавиться от него.

Уже много лет Фармен и его товарищи имеют дело с загадочными явлениями, но предпочитают особо не распространяться об их сущности.

— Когда нас спрашивают: «А вы верите в привидения?» — это вопрос с двойным смыслом, поскольку под словом «привидение» обычно подразумевают какого-то усопшего, который вдруг возникает, чтобы терроризировать живых. Я не верю в такие явления. Но масса людей наблюдает привидения того или иного вида, и мне интересно выяснить, что же это такое — нечто из какого-то иного, потустороннего мира или какие-то аномалии времени. Существует масса гипотез на сей счет, так что здесь открывается весьма обширное поле для исследований...

Именно этим занимается «Клуб знатоков привидений» во главе с его президентом Питером Андервудом. Свидетельства появлений привидений стары как мир, и примеры тому можно найти в каждой цивилизации, культуре, среде обитания во всем мире, утверждает он. Плутарх, Плиний, Сократ, Цицерон — все они считали существование привидений делом само собой разумеющимся, причем так же думали и многие другие выдающиеся личности в истории человечества. Наиболее достоверные свидетельства, как старинные, так и современные, описывают эти феномены вовсе не в виде чего-то эфемерного, прозрачного, а как обычных людей из плоти и крови, чья нематериальная природа выдает себя, когда они внезапно исчезают при самых странных обстоятельствах.

Привидения являются не только в человеческом обличье. Часто людям видятся животные, особенно лошади и собаки, вероятно потому, что они издавна живут рядом с человеком. Наблюдались призраки и неодушевленных предметов, включая корабли-призраки, нечто вроде Летучего голландца; автомобили-призраки (на одной дороге в Шотландии

есть опасный поворот, где, по свидетельству разных людей, появляется и исчезает маленький голубой автомобиль); поезда-призраки (траурный поезд Авраама Линкольна, по рассказам, видели в течение нескольких лет, каждый раз в апреле, на нью-йоркской Центральной железной дороге, медленно и печально возвращавшимся в Иллинойс). Наконец, есть много свидетельств об «эфемерной» мебели, например креслах, в которых любят сидеть некоторые привидения.

За годы исследований эксперты клуба выявили интересные факты относительно «локализации» привидений. Оказалось, что, например, среди общественных зданий они предпочитают церкви, а среди жилых — дома священников. Неудивительно поэтому, что чаще всего призраки являются в виде монаха или монахини, хотя у них есть масса и других образов.

— Существует любопытная фотография, запечатлевшая привидение на лестнице Тюльпана в Доме королевы в Гринвиче. Она была сделана в 1966 году священником Харди и его супругой, которые неоднократно видели чей-то призрак на этом месте и в конце концов решили попробовать сфотографировать его, — рассказывает Питер Андервуд. — На первый взгляд кажется, что объективом схвачена одна фигура, накрытая капюшоном, крадущаяся по лестнице Тюльпана. Но если присмотреться повнимательнее, то видно, что на снимке две фигуры, причем одна почти целиком заслоняет другую. Можно отчетливо различить левые руки с одинаковыми обручальными кольцами на одном и том же пальце. Такое кольцо могло принадлежать несчастной королеве Генриетте, дом для которой был построен по приказу ее мужа, короля Карла I. Думается, что обе фигуры — это одна и та же персона, запечатленная в движении.

Так чем же объяснить, что людям являются призраки? По мнению Андервуда, какой-то одной всеобъемлющей причины тут нет. Что же касается отдельных частных случаев, то для их объяснения он выдвинул любопытную гипотезу. Теперь уже признано, что при трагических обстоятельствах или при получении сильной травмы люди приобретают повышенную восприимчивость. Кроме того, в экстремальной ситуации могут высвободиться скрытые резервы человеческого организма, прежде всего в области психики, а также возникнуть и другие необычные эффекты. Но, чтобы подтвердить или опровергнуть эту гипотезу, парапсихологи и психоаналитики должны заняться изучением и систематизацией именно условий, при которых люди могут увидеть — и видят — привидения.

Бывают и другие разновидности призраков, например кризисные или предсмертные видения, причем они появляются не более четырех дней. Являются такие фантомы обычно своим близким, друзьям или

родственникам, а позднее становится известно, что в течение этих четырех дней человек, чей фантом они видели, умер либо что он болел и пережил в это время кризис.

Подобные явления были весьма распространены в ходе обеих мировых войн, когда людей охватывало глубокое беспокойство за судьбу близких, особенно если они воевали где-то за тысячи километров. Имеется множество свидетельств заслуживающих доверия, психически абсолютно здоровых лиц, которые ясно видели родственника, на мгновение посетившего их и тут же исчезнувшего. Позднее они узнавали, что тот, кого они видели, умер в тот самый момент, когда им явился его фантом.

Впрочем, по словам Питера Андервуда, подлинные встречи с привидениями гораздо более редки, чем многие полагают, и гораздо менее пугающи, чем мы привыкли думать. Из всех случаев «встреч» с ними, о которых рассказывают люди, 98 процентов объясняются естественными причинами. И лишь для двух процентов их найти невозможно. Тем более что в последнее время удалось обнаружить объективный критерий, позволяющий достоверно судить о подлинности того или иного призрака. При его появлении неизменно регистрируется понижение температуры на восемь-девять градусов в непосредственной близости от фантома по сравнению с температурой окружающего пространства. Большое количество проверок с помощью чувствительной аппаратуры выявило и другое любопытное явление: в «домах с привидениями» в привычных местах их появления образуются «холодные пятна», сохраняющиеся длительное время. Причем никто из экспертов клуба не берется объяснить, почему это происходит.

Сам Андервуд полагает, что данный феномен, скорее всего, связан с «изыманием» энергии из нашего пространства для «материализации» в нем призрака. Возможно, его физическую природу удастся разгадать, если обратиться к последним работам в области квантовой теории. Речь идет о так называемой квантовой неразделимости, подразумевающей «несиловую», «внепространственную» и «вневременную» связь частиц. Согласно этой гипотезе взаимодействовавшие друг с другом элементарные частицы уже не могут рассматриваться в качестве отдельных объектов, даже если выходят за пределы зоны условного взаимодействия. Они как бы вечно «помнят» друг о друге. Подобная «квантовая неразделимость», по существу, означает, что все объекты, когда-либо взаимодействовавшие между собой, в каком-то смысле остаются связанными навсегда.

Более того, эта фиксация квантовых связей носит «нелокальный», «внепространственный» характер. В отличие от гравитации и

электромагнетизма она возникает не благодаря каким-то полям, а совершенно независимо. Так как при этом сквозь разделяющие частицы пространство ничего реального, осязаемого не переносится, то находящаяся между ними материя такую связь замедлить не может. Внепространственные связи никуда не тянутся, и, значит, расстояния им не страшны. На удалении в миллион миль они так же могучи, как и в миллиметре. А поскольку эти связи «игнорируют» пространство, то им так же нипочем и время. Для стороннего наблюдателя в соответствии с теорией относительности данный эффект — происходящее мгновенно, опережая свет, взаимовлияние частиц — должен казаться движением вспять по времени. Можно предположить, что именно таким образом, буквально проходя сквозь стены, и возникают привидения, забирая для своей «материализации» энергию из нашего пространства. И свидетельство этому — падение температуры в месте их появления.

— В «призракологии» не существует твердых, устоявшихся правил, и мы в нашем клубе всегда ищем поправки для наших гипотез и представлений. Мы всегда стараемся держать наше сознание раскрепощенным и допускаем, что в мире механизации, стандартизации и автоматизации есть вещи, которые мы не можем объяснить, — говорит Питер Андервуд. — И доктор Сэмюэл Джонсон, средневековый английский писатель, автор философского трактата «Расселас, принц Абиссинский», был не единственным человеком, считавшим, что феномен привидения является «одним из наиболее важных вопросов, который может предстать перед человеческим разумом... Вопрос этот и сейчас, по прошествии тысячелетий существования человеческого рода, все еще не решен». Кажется все более вероятным, что граница между тем миром и миром, в котором мы живем, таким знакомым и уютным, всего в одном шаге от нас. Собранные нами данные наводят на мысль о том, что в процессе каждого исследования «Клуба знатоков привидений» мы, возможно, все время идем вдоль границы неведомого...

Хотя доктор Доналд Карпентер, американский физик-теоретик, не был членом английского «Клуба знатоков привидений», именно труды этого общества сыграли главную роль в том, что он решил заняться столь мистической областью, как призраки. Причем дело было вовсе не в физических гипотезах Питера Андервуда, хотя в них, возможно, и содержалось рациональное зерно. Карпентера куда больше заинтересовала приведенная в трудах статистика температурных колебаний, полученная с помощью современной измерительной аппаратуры. Впрочем, если быть до конца откровенным, то следует сказать, что интерес к случайно увиденным

на полке университетской библиотеки изысканиям английских призраковедов пробудило все-таки одно детское воспоминание самого Карпентера. В возрасте девяти лет он вместе с матерью находился у себя дома, когда в комнате вдруг появился призрак его отца, уехавшего по делам в другой город. Позднее они узнали, что как раз в ту ночь он умер. Уже будучи взрослым, Карпентер однажды еще раз столкнулся с привидением. В 1971 году он беседовал с одним железнодорожником, который, как потом выяснил Карпентер, умер в результате несчастного случая несколькими часами раньше.

Задача, которую поставил перед собой этот физик, на первый взгляд может показаться абсурдной — вычислить массу привидения.

Чтобы по достоинству оценить смелость американца, следует учитывать, что, за редким исключением, ученые, в особенности физики, априори считают привидения, духи, призраки абсолютной чепухой. Для их отношения прекрасно подходит известная формулировка: «Этого не может быть потому, что не может быть никогда». По сути дела, они заранее отказываются рассматривать все, что выходит за рамки современных научных знаний да к тому же трудно воспроизводится с помощью опытов. Причем это относится не только к привидениям, а к широкому спектру странных явлений, вроде НЛЮ, телепатии, полтергейста. Кстати, можно напомнить, что в свое время Французская академия наук не допускала возможности падения на Землю метеоритов, а шаровая молния еще в 30-е годы считалась иллюзией.

Поскольку проблема потустороннего мира и всего, что с этим связано, слишком обширна и противоречива, прежде чем приступить к решению поставленной задачи, Карпентер постарался четко определить условия, необходимые для этого. Штудирование трудов английского клуба заняло немало времени. Зато в итоге у него появилось несколько отправных пунктов, облегчавших предстоящую работу. Во-первых, рассмотрению подлежали только «чистые» привидения, оставляя за скобками духов, полтергейсты, призраки животных и неодушевленных предметов. Далее следовало исходить из того, что, раз рассматриваемые феномены однородны, они должны иметь одинаковые главные характеристики. Наконец, поскольку привидения по крайней мере в одном аспекте — температурный скачок при их появлении — наверняка взаимодействуют с нашим миром, к ним должны быть применимы все известные физические законы и никакие ссылки на магию и чудеса недопустимы. И последнее. Исходя из того, что по описаниям очевидцев привидения выглядели как обычные люди из крови и плоти, размеры фантомов в трехмерном

пространстве в среднем должны равняться 0,07 кубического метра (именно таков объем человека весом 70 кг).

Казалось бы, сформулировать вышеприведенные четыре пункта не так уж сложно. Но это только на первый взгляд. Карпентеру пришлось прочитать сотни страниц свидетельств очевидцев, заносая в таблицы повторяющиеся моменты, прежде чем сделать окончательные выводы о внешнем виде привидения. Обычно оно предстает перед человеком лицом к лицу, и лишь в тех случаях, когда в помещении находится несколько людей, кто-то видит его сбоку. Впрочем, к этому мы еще вернемся. От фантома исходит слабое белое свечение, реже голубоватое или зеленоватое, иногда с красноватым оттенком, мощностью от одного до двадцати ватт. В отдельных случаях поблизости от призрака может чувствоваться слабый запах. За невозможностью сравнения очевидцы определяют его одним словом: «Странный». Звуки, которые издает привидение, чаще всего ограничиваются стонами, хотя порой бывают слышны завывания, вопли, звон цепей, какой-то «замогильный» смех, очень редко — отдельные слова. Продолжительность явления фантома колеблется от нескольких секунд до десяти и более минут, причем наиболее часты кратковременные визиты.

Итак, обобщенный портрет-робот привидения готов. И тут возникает вопрос: каким образом человек видит фантом? С научной точки зрения возможны три варианта: призрак возбуждает электрохимические процессы в сетчатке глаза, которые передаются по нервам в зрительный центр в коре головного мозга, заставляя видеть его; он может добиться того же результата, воздействуя непосредственно на этот центр, где возникает зрительное ощущение; наконец, привидение может рождать в пограничном с ним пространстве поток фотонов, и человек видит его так же, как изображение на экране телевизора.

— Не отвергая категорически первых двух вариантов, я все же склоняюсь к третьему, — говорит Карпентер. — И вот почему. Когда привидение наблюдают несколько человек, каждый видит его под своим углом зрения в зависимости от того, где находится, как если бы он смотрел на телеэкран, хотя и трехмерный. Но и это еще не все. Поскольку привидение как бы висит в воздухе, именно последний является той субстанцией, которая испускает фотоны, «рисующие» фантом. А раз мы исключили магию, то единственно возможное объяснение этого процесса выглядит так: поток фотонов является результатом изменения электронной структуры атомов и молекул воздуха. В свою очередь для этого нужно определенное количество энергии. Не вдаваясь в детали, достаточно сказать, что именно эти ее затраты, очевидно, и вызывают падение

температуры в месте появления привидения.

Для дополнительного доказательства правильности такого вывода Карпентер проделал несложные, но весьма убедительные расчеты. Привидение с максимальной силой свечения двадцать ватт, черпая энергию за счет снижения температуры окружающего воздуха, должно вызывать ее падение со скоростью 14,5 градуса Цельсия в минуту, пока она не достигнет точки росы. То есть такой температуры, при которой воздух настолько охлаждается, что содержащиеся в нем пары воды насыщаются и начинают конденсироваться в отдельные капельки. В нормальном климате это заняло бы чуть больше минуты. В тот же момент призрак должен был бы окутаться туманом. Но этого не происходит, потому что воздух обладает теплопроводностью и успевает частично восполнить затраты энергии у границы фантома за счет притока тепла из окружающего пространства. Однако там, где влажность у него повышенная — на морском побережье и даже вообще в Англии, — а следовательно, выше и температура точки росы, привидения нередко наблюдаются как бы окруженные легким туманом. Подобный же эффект возникает и тогда, когда призрак издает, например, громкие стоны. Ведь чтобы вызвать звуковые волны, тоже требуется энергия.

— Помимо всего прочего, из вышеизложенного следует один очень важный вывод, — считает Карпентер. — А именно что привидения способны манипулировать энергией — превращать тепловую в электромагнитные или звуковые волны. Но это возможно только в том случае, если они состоят из материи или энергии. Поскольку ни одно из тысяч наблюдений не содержит никаких указаний на материальную природу фантома, можно предположить, что его сущностью является энергия. Хотя что это за энергия, мы пока не знаем. Важно другое. Согласно принципу эквивалентности теории относительности Эйнштейна определенному количеству энергии должна соответствовать определенная масса, так называемый масс-эквивалент.

С другой стороны, энергия не возникает из ничего. Она лишь меняет свою форму. Следовательно, энергетическая сущность привидений унаследована ими от человеческого тела в момент смерти. Это то, что в религии и обиходе традиционно называется «душой человека». Поэтому выражение: «Душа покинула тело» — в физическом смысле означает, что данный материальный объект лишился своей энергетической сущности. Следовательно, согласно принципу эквивалентности должна уменьшиться и его масса. Разница между ее первоначальной и конечной величиной и будет составлять массу привидения.

— Пойдем дальше, — продолжает Карпентер. — Поскольку мы исходили из того, что все привидения подчиняются одним и тем же законам, а все энергетические сущности имеют одинаковый масс-эквивалент, изначально заложенный в материальные объекты неважно кем — Богом, высшим разумом или кем-то еще, — это означает, что масса тела человека уменьшается на одну и ту же постоянную величину, которая не зависит от его размеров. Другим словами, не имеет никакого значения, идет ли речь о ребенке или взрослом...

К сожалению, Карпентер не смог найти достоверных данных, полученных в результате соответствующих измерений в момент смерти. Единственное, что удалось твердо установить американцу, касалось младенцев и сводилось к следующему: ни разу не было отмечено, чтобы при этом хотя бы слегка выпрямлялась поверхность люльки. В результате экспериментов ученый выяснил, что последнее возможно только в том случае, если изменение массы объекта не превышает одного процента первоначальной. Для младенцев эта цифра равняется 22,7 грамма. Значит масса привидения не может быть больше этой цифры. Что же касается нижнего предела, то путем сложных расчетов Карпентеру удалось вычислить и ее — 6 граммов. Другими словами, масс-эквивалент фантома лежит в диапазоне от 6 до 22,7 грамма. Уточнить и подтвердить выводы Карпентера помогло бы, по его мнению, проведение дальнейших экспериментов с использованием новейшей высокочувствительной измерительной аппаратуры и привлечением к участию в них, например, тысячи взрослых безнадежных больных и престарелых добровольцев.

Кроме того, возникают и другие вопросы, требующие ответа. В каком конкретно месте энергетическая сущность человека, или его «душа», покидает тело и в каком направлении движется? Когда она проникает в тело — в момент рождения или еще раньше? Есть ли такая энергетическая сущность у животных? Если да, то у каких? Какие силы определяют взаимодействие сущностей между собой? Как на них влияет радиация или проникновение сквозь материю?

Трудности здесь лежат огромные. Но если непредвзятым ученым, экспериментаторам и наблюдателям удастся преодолеть их, будет сделан важный прорыв в раскрытии многих тайн природы, человека, религиозных верований и даже в познании Вселенной.

— Пока невозможно со всей полнотой оценить значение полученных результатов, — говорит Карпентер. — Неясно и другое. А именно: в каком направлении могут пойти дальнейшие исследования в будущем. И все-таки я считаю, что сделан важный шаг: теперь можно рассматривать как научно

доказанный тот факт, что загадочное «нечто», порождающее феномен призраков, относится вовсе не к области человеческой психики, а к миру физических явлений.

Будущее покажет правомерность гипотезы, предложенной доктором Доналдом Карпентером. Причем в случае ее подтверждения неизбежна переоценка многого из того, что считается непреложной истиной. Но уже сейчас четкая и ясная логика выводов Карпентера убедительно свидетельствует, что ничего сверхъестественного, магического в феномене привидений нет, раз на них распространяются естественные законы природы. Просто для нас пока известны далеко не все из них.

ПОПЫТКА ОБЪЯСНЕНИЯ

**М. Вальчихина, биохимик С. Гуревич,
психотерапевт**

Однажды, путешествуя по Эстонии, мы набрали на полуразрушенный старинный замок. Пожилая смотрительница повела нас по таинственным прохладным залам. Кто-то спросил о привидениях. Смотрительница бодро сказала, что одно есть и она его видела два раза в картинной галерее.

Ей, конечно, не поверили, и она пригласила экскурсантов посетить галерею ночью. При свете свечи все выглядело действительно жутковато: со скрипом открылась дверь, и тут от одного портрета отделилось белое бесформенное пятно и медленно поплыло в сторону людей. Солидные люди, покрывшись холодным потом, бежали не чуя под собой ног...

Мы выявили три закономерности. Во-первых, рассказы наших современников все выдержаны в стиле эпохи Лермонтова и Гоголя («Штосс» и «Портрет»). Во-вторых, селятся они в замках, в галереях, около старинных полотен. И, в-третьих, очень любят свечи, факелы, угли. Давайте порассуждаем. Человеческий организм излучает электромагнитные волны. Особо интересны для нас волны, близкие по диапазону к тепловому. 10^{11} герц — такова частота колебания заряженных клеточных мембран всех внутренних органов — почек, сердца, легких. Они колеблются когерентно, то есть согласованно. И могут создавать голографическое изображение. Голограммы могут возникать не только на фотопластинках, но и на материалах, чувствительных к температуре. Быстросохнущие масляные краски, лаки, пропитки, даже кровь... Ведь вспомним, призраки появлялись на местах убийств до тех пор, пока кровь не смывали. Когда организм входит в особое эмоциональное состояние — при рисовании, — рельеф рисунка впитывает его чувства. А через сто лет, когда у картины появляется взволнованный рассказами о привидениях человек, он сам как бы «впитывает» электромагнитные волны...

Шаманы знали, как вызывать призраков. Их амулеты изготовлены из материалов, способных фокусировать согласованное излучение человека. А слабый свет свечи делает изображение более четким. Такова гипотеза...

Является у Вышеградского форта в Праге. Характер: благодущный, хотя и не всегда.

В свое время призрак французского майора, одетого в форму образца XVIII века, был одним из самых кровавых привидений в Праге. Этот майор командовал французским отрядом, захватившим город в 1741 году, и погиб в том бою. С того времени его призрак стал бродить по Вышеграду. Он нападал на патрули, щекотал часовых и даже напугал до потери сознания нескольких офицеров австро-венгерской армии. Пули пролетали сквозь майора, не причиняя ему ни малейшего вреда.

Утихомирлся он лишь в конце прошлого века, когда некий поручик приветствовал его, вытянувшись во фронт, как положено при встрече старшего по званию. Майор улыбнулся, потрепал поручика по плечу и растворился в воздухе. С тех пор призрак появляется на Вышеграде только в хорошем настроении. На приветствия прохожих вежливо кивает и вообще ведет себя как подобает хорошо воспитанному привидению.

КЕНТЕРБЕРИ

*В своем прославленном труде *Athence Oxoniens* ученый антиквар Энтони Вуд утверждает, что доктор Джэкоб, хорошо известный врач, рассказал ему следующую необыкновенную историю о том, как однажды его дом в Кентербери посетил призрак.*

История начинается с того, что Генри Джэкоб, студент оксфордского Мертон-колледжа, умер в доме доктора Джэкоба в Кентербери.

Примерно через неделю после смерти Генри Джэкоба доктор проснулся среди ночи. Комнату заливал яркий лунный свет, и доктор увидел своего скончавшегося кузена — тот стоял возле кровати в ночной сорочке и колпаке. Усы его были закручены кверху, как и при жизни. Доктор ущипнул себя, чтобы проверить, не спит ли он, и отвернулся от призрака. Спустя какое-то время он собрался с духом и вновь повернул голову. Генри Джэкоб стоял на том же месте. Доктор хотел заговорить с ним, но не мог вымолвить ни слова, о чем потом много раз сожалел.

Через некоторое время призрак исчез. Вскоре после этого происшествия кухарка, ходившая по вечерам к поленнице за дровами для печки, заявила, что видела призрак сэра Генри Джэкоба, облаченный в ночную сорочку. Тот стоял на штабеле дров.

Этот призрак больше никогда не беспокоил доктора Джэкоба, но

известно, что перед смертью Генри пытался что-то сказать кузену, однако ему не хватило на это сил. По словам антиквара и можно предположить, что умирающий хотел поведать доктору о человеке, которому он отдал на хранение свое единственное достояние — рукописи. Подозревали, что этот человек украл труды, напечатав их под своим именем. Как известно, такое надругательство над памятью автора — вернейший способ вызвать его дух с того света.

ОГНЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Является на Капровой улице в Праге. Характер несносный. Особые приметы: горит ясным пламенем.

Это — привидение бывшего привратника студенческого интерната Карлова университета, жившего в XVI веке. Он отличался тем, что по неизвестной причине очень не любил учащуюся молодежь и был широко известен даже за пределами университета разными кознями против студентов. Редкий день вредина привратник не доносил ректору на кого-нибудь из них, обрекая на наказания.

Однажды ночью несколько студентов подкараулили привратника, набросили ему на голову мешок и притащили в подвал. Когда мешок с головы сняли, перепуганный доносчик увидел сидящих вдоль стен студентов. Посредине подвала была устроена плаха, возле которой скучал палач с топором. Один из студентов спросил: «Что будем делать, о братья, с этим человеком, который вместо того, чтобы заниматься своим делом, только и знает кляузничает и наушничает?»

«Да сгинет он!» — был единогласный ответ.

И на глазах изумленных студентов в тот же миг привратник... сгинул. С тех пор его можно видеть на Капровой улице. Объятый пламенем, он носится по улице и, увидев человека, похожего на студента, бросается к нему и начинает канючить, умоляя пожать ему руку. Как утверждает легенда, если какой-нибудь студент выполнит его просьбу, привидение обретет покой.

ЭПСОМ: ПИТТ-ПЛЕЙС

История о «предостережении лорда Литтлтона», как ее часто называют, пересказывалась несчетное число раз. Было предпринято

огромное количество попыток как-то истолковать или объяснить ее, однако следует признать, что и сейчас все прямые и косвенные доказательства говорят в пользу самых первых версий этой повести.

Томас, второй лорд Литтлтон, долгое время вел распутную жизнь. Однажды ночью, когда он лежал в постели в Питт-Плейс, своем родовом замке в Эпсоме, его разбудил звук, похожий на тот, что производит запутавшаяся в сетях птица. Открыв глаза, лорд увидел призрак женщины. Судя по всему, это была миссис Эмфлетт, мать соблазненной им девушки. Не так давно она скончалась от разрыва сердца. Охваченный ужасом лорд спросил ее:

— Чего тебе надобно?

— Я пришла предупредить, что скоро ты умрешь, — отвечал призрак. — Тебе осталось три дня.

На другой день лорда Литтлтона застали в состоянии лихорадочного возбуждения. Отвечая на расспросы, он поведал своим друзьям о привидении. На третий день, в воскресенье, он впал в глубокую задумчивость, но попытался отрешиться от дурных мыслей.

— Что это у вас такой замогильный вид? — спросил он своих приятелей, в тревоге ожидавших развязки. — Вы все размышляете о призраке? Но ведь я так же здоров, как и прежде!

Он позвал всю компанию ужинать, вероятно надеясь, что общение избавит его от дурных мыслей. В разгар вечеринки он объявил гостям:

— Еще несколько часов и я посмеюсь над этим призраком.

В одиннадцать он удалился в спальню и стал раздеваться.

Тем временем его слуга готовил для хозяина традиционную порцию настойки из ревеня, но ему нечем было помешать питье и он вышел из комнаты за ложкой. Вернувшись, он увидел лорда Литтлтона в постели и уже собрался подать ему лекарство, когда хозяин вдруг запрокинул голову и, забившись в судорогах, испустил дух. Слуга закричал, всполошив всех домочадцев, которые тут же прибежали в спальню. Тицетно пытались они откачать хозяина: все было кончено.

Эта история имела совершенно невероятное и гораздо менее широко известное продолжение. Дабы подтвердить ее достоверность, обратимся к вступлению к «Жизни Джонсона», написанной Босвеллом.

Мистер Майлс Питер Эндрюс, близкий друг лорда Литтлтона, жил в Дартфорде, примерно в тридцати милях от Питт-Плейс. Однажды мистер Эндрюс собрал у себя большую компанию, и все ждали приезда лорда Литтлтона, которого Эндрюс незадолго до того видел в добром здравии. Однако лорд, расстроенный злоеющим известием призрака, решил

отложить визит, не сообщая другу о своем намерении.

В субботу вечером, не дождавшись лорда Литтлтона, мистер Эндрюс решил, что случилось нечто непредвиденное, и, расстроенный, рано лег спать. Он попросил одного из гостей возглавить застолье в его отсутствие и лег в постель в каком-то странном ознобе. Не успел он закрыть глаза, как занавес в изножье кровати откинулся и перед Эндрюсом предстал лорд Литтлтон в ночной сорочке, которая в этом доме была предназначена специально для него. Мистер Эндрюс решил, что друг приехал после его ухода от гостей, и, зная о пристрастии лорда к таким проделкам, воскликнул:

— Опять эти ваши трюки! Идите спать или я чем-нибудь запущу в вас!

В ответ послышалось:

— Со мной все кончено, Эндрюс.

Продолжая считать, что лорд Литтлтон подшучивает над ним, мистер Эндрюс спустил руку с кровати, схватил ночную туфлю и швырнул ее в фигуру. Та отступила в прихожую и больше не показывалась. Хозяин дома вскочил, намереваясь догнать приятеля и проучить его за глупую выходку, но ни в прихожей, ни в самой спальне никого не оказалось, а засов на двери был задвинут. Он позвонил и спросил слугу, где лорд Литтлтон, но никто его не видел, а ночная сорочка, как обнаружилось, лежала на своем месте.

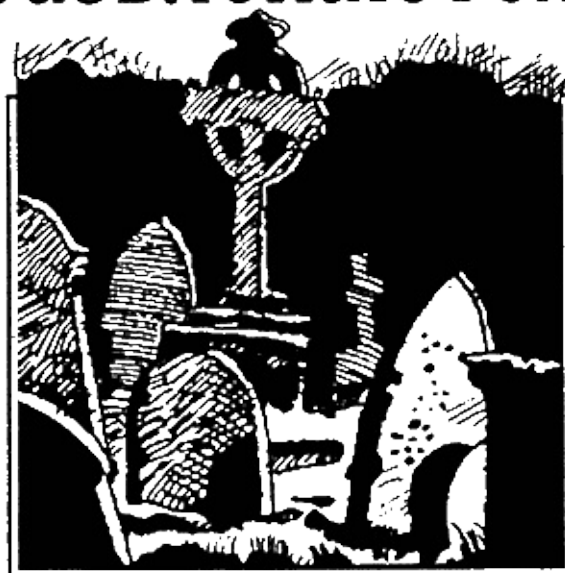
Раздосадованный мистер Эндрюс, так и не сумев разгадать эту головоломку, решил, что его друг, по-видимому, остановился в гостинице, чтобы разыграть его. Наутро миссис Пайгоу, возглавлявшая застолье в отсутствие хозяина, отправилась в Лондон, где и услышала о кончине лорда Литтлтона. Она послала весть об этом в Дартфорд, и мистер Эндрюс, узнав о смерти друга, упал в обморок. По его словам, он три года не мог прийти в себя.

Часть третья
ДУХИ РАЗВЛЕКАЮТСЯ

Духи

развлекаются

И. А. Карышев

СТУДЕНТ

Трах, трах-тарарах, шум, гам, и посыпалось все. Вам смешно, а вы меня спросите: хорошо ли летать с поезда?

Я спал, вдруг слышу: гу-гу-гу, ту-ту-ту... И проснулся уже на том свете.

И вот я двадцать лет все ехал и летел, летел и ехал и недавно только приехал.

Во-первых, не думайте, что я какой-нибудь дух необразованный. Рекомендуюсь: я студент Киевского университета, Я ехал гостить из Москвы в Крым. Еду очень хорошо и благополучно. Лежу себе на диване 2-го класса и сплю. Вдруг слышу: что-то затрещало, а дальше и сказать не могу, что было. Будто что-то меня схватило, подбросило, душило, давило, а затем — бац по голове! Ну, казалось мне, что и дух вон, и конец всему. Но ничуть не бывало: чувствую, что я жив и здоровехонек.

«Вот так штука, — думаю себе, — случилась со мной! Сроду такой не бывало».

Я вылез из разбитого вагона, влез в один из уцелевших, сижу и жду, когда повезут дальше. Дождался, что поехали, еду и думаю: «Ну, дешево отделался, только одним испугом, а ведь мог бы и умереть».

Я благополучно приехал на следующую станцию, а тут-то что делалось!.. Стон, крик, визг, вынимают раненых и убитых, а я себе козырем прогуливаюсь и радуюсь, что уцелел. И такое у меня восторженное настроение духа, так-то мне легко, что само море кажется по колено. Думаю только, где бы мне свои вещи раздобыть.

Вижу, какой-то господин пристал ко мне — странного вида, полуодетый и с крыльями. «Вы, — говорит, — не туда прибыли. Ваше тело не тут, идемте туда, назад, к своему телу».

«Странно, — думаю, — вырядился этот господин. Бог знает на что похож. Видно, помешался от страха».

— Извините, — говорю, — мне теперь не до вас, я ищу свой чемодан.

— Бог с вами, — говорит, — какой там чемодан! Не угодно ли вам со мной к телу отправляться?

«Ну, — думаю, — бедняжка, совсем рехнулся!»

А тут вижу, идет еще какой-то господин, и, престранно, его тоже держит такой же господин — раздетый и с крыльями. Я к нему.

— Извините, — говорю, — вы с крушения?

— Ах да, — говорит, — нужно отыскать мне жену, а этот господин все держит за шиворот и не пускает.

«Ну, — думаю себе, — надо уйти отсюда, потому и этот гость какой-то странный».

Отвернулся от него и увидел, что таких тут очень много, что и дам, и мужчин, и детей держат такие же с крыльями, как и меня.

Знаете, я просто ошалел, подумал, что это здешняя форма у жандармов такая. Я старался отвязаться от своего и так, и сяк, а он все свое мелет, и знаете, говорит он плохо, как-то непонятно. Я тогда пустился бежать от него. Но куда бежать? Он тоже ведь шустер. Мое положение было ужасно.

Что же выдумаете? Он все-таки притащил меня к месту, где было крушение, и давай меня тискать куда-то в дыру.

Ах, как это было неприятно. Я так ругался, так орал. Да согласитесь сами: человек спасся от беды, а его тискают зачем-то в какую-то дыру, в какую-то кучу изломанных и нагроможденных вагонов. Ну и пытка же это была. Это, извольте видеть, был пролом в том самом вагоне, в котором я раньше сидел, и знаете, в этот пролом, я уж видел, многих затискали. Я как глянул туда!.. Брр... Какой ужас! — там уже сидят многие другие, они кричат, мечутся, а этим крылатым и горя мало.

Тогда я, не будь дурак, выскочил и, представьте мое удивление, полетел по воздуху, да ведь так быстро полетел, что лечу и сам удивляюсь. Тут мне все стало ясно.

«Вот это что такое, — думаю себе, — это мерзкий сон, мне и раньше во сне приходилось летать. Ну, полетаю немного — это весело, а там проснусь где-нибудь за Курском».

А крылатый господин так за мной и летит и ни на шаг не отстает. Но я не стал уже на него и внимания обращать: известно, во сне запретить нельзя.

Сколько я летел, не знаю. Только уж я ко всему стал относиться спокойно и мне начинало нравиться мое положение. Я не удивлялся ему, потому как всем известно, что во сне могут быть всякие несуразности. Я старался держаться ближе к земле, потому что, скажу вам, открывались такие прелестные виды, что можно было очароваться.

Спутник мой все летит за мной и нет-нет да и пригласит меня вернуться назад, к какому-то телу. Но я так был очарован видами и новизной своего состояния, что совсем перестал и слушать, что он там бурчал.

Я все летел и восхищался морями, горами, лесами, городами. И какие

роскошные здания я видел, какие прелестные горы, леса и рощи!.. Меня смущало только одно: что я не знал названия этих местностей, ну а спросить у своего спутника я, конечно, не решился, так как не доверял ему. Я думал, что как только остановлюсь, так он меня опять зацапает. Он уже и так покушался раза два захватить меня, как только я собирался передохнуть.

Ну-с, вот так наконец я очутился на океане. И такое было великолепное зрелище, что я не выдержал и обратился к нему:

— Не можете ли вы сказать, что это за океан и где мы находимся?

— Дело, — говорит, — не в этом! По-земному это называется Средиземным морем.

«Ну, — думаю, — далеко это я упер».

Меня очень удивили его слова: «У вас по-земному». Так, значит, он сам неземной житель, ишь, потому он и крылатый. Интересно мне стало. Дай, — думаю, — погляжу на него, ведь и во сне нечасто такие штуки снятся. Поглядел я на него и поразился его неимоверно скорбным видом. А я, надо вам сказать, не в похвалу себе, имел замечательно доброе сердце и не раз через свою овечью доброту попадал в просак.

— Любезный друг, — говорю я ему, — чем это вы так огорчены? Я в таком восхищении, а вы — одна печаль (думаю, подействую на его самолюбие), а еще причисляете себя к небесным жителям! Знаете, у нас, у людей, такой вид бывает только тогда, когда провалишься на экзамене или дня три не поешь.

— Это, — говорит он, — ты меня так огорчаешь.

Сказал он это ну совсем так же скорбно, как говаривала моя бабушка, когда я, бывало, явлюсь домой немного покутивши. Но бабушке, положим, было до меня дело, она любила меня, вырастила, содержала и все такое... Ну а этому что за дело до меня? Чем могу я его огорчить? Вся моя вина в том, что я не хотел причислить себя к убитым и влезть в ту дыру.

«Ну, — думаю, — надо его утешить, все же нехорошо».

А тут как раз морской берег около роскошнейшей поляны. Я опустился и говорю ему:

— Присядем. Только прошу вас, не хватайте меня. Объяснимся. Может, мы сговоримся. Я ужасно не люблю, когда через меня огорчаются.

Вот и сели мы.

— Ну-с, — сказал я, — что же, собственно, вы желаете от меня? Для чего хотите вы, чтобы я вернулся к месту крушения?

— Это так надо, — говорит он. — Вот видишь, ты должен быть там, где твое тело!

Опять думаю себе: «Какое это тело?.. И далось же ему это злосчастное тело!»

— А что это за тело? — спрашиваю его.

Тогда он долго и довольно нескладно объяснял мне, что я умер.

— Как! — говорю я. — А позвольте узнать, что же я сам такое? Вот в чем же, по-вашему, я сижу теперь перед вами? Я вижу и слышу, чувствую, что я жив, что, слава Богу, здоров, а вы говорите, что я умер.

— Ты, — говорит он, — теперь только одна душа, а не человек.

«Ну, — думаю себе, — очевидно, что завирается».

— Так-с, — говорю ему. — А вы когда-нибудь видели душу?.. Держу с вами какое хотите пари, что вы это только понаслышке говорите, а сами никогда не видали. Души нет!.. Я очень много изучал этот предмет, читал, думал и совершенно определенно знаю, что души нет. Наша наука точно доказала это и учит, что в мире есть только закон, которому повинуются все и все следует ему. А вы выдумали какую-то душу и говорите, что даже в настоящую минуту я — душа, когда я живой человек, как вы и сами видите. Итак, вы очень ошибаетесь. Другого тела у меня нет и не было. Вы, уверяю вас, принимаете меня за кого-нибудь другого. Я очень рад, что наши недоразумения окончились, теперь будем друзьями и разойдемся.

Глядь, а у него слезы!

«Фу ты, гадость какая! Вот какой дурной сон навязался, — думаю себе. — Хотя бы повернуться на другой бок, наверное, отлежал себе что-нибудь, а потому у меня это кошмар.»

— Друг мой, — говорю ему, — не плачьте! Знаете, я никогда в жизни не видал такую несговорчивую личность, как вы! Расскажите, кто вы такой? Где живете и почему вы так сокрушаетесь обо мне? Ну предположим, что я, по-вашему, и умер. Ну что же, наплевать! Ведь нет же таких отношений, которых нельзя, хотя мало-мальски, сделать сносными. Ну расскажите, что вам от меня нужно?

Он начал что-то говорить о Боге. Это была очень длинная и скучная история. Я же, надо вам сказать, никогда насчет Бога не спорил, хотя сам не верил в Бога, или, лучше сказать, я никогда не думал о нем.

Нужно вам сказать, что я никогда не любил философствовать. Затем, я не люблю говорить о Боге потому, что у меня была очень богомольная бабушка. Ее я ужасно любил и боялся обидеть. Потому избегал говорить об этом, чтоб как-нибудь до нее не дошло, что я отношусь неуважительно к тому, во что она так сильно верит. Ее постоянно посещали святоши и даже часто ее обманывали. Приходили также монахи и разные подозрительные личности, и мы на этот счет частенько с ней ссорились. Ничего, выслушал

я его и говорю:

— Все это так, отлично, я даже очень рад, что вы такой религиозный, но почему вы желаете, чтоб я шел туда, этого я уж никак не пойму.

— Да пойми, — говорит он, — что ты умер.

— Ну ладно, — говорю, а думаю: «Хотя оно и дико, но что мне до этого, не все ли мне равно, во сне-то в особенности, что я жив, что умер». — Ну а дальше, дальше-то что?

— Нужно, чтоб ты увидел свое тело и простился с ним.

— Да Бог с ним, — говорю, — нехай себе гниет, я мертвечину не люблю.

— Нужно его похоронить. Я и так боюсь, что мы опоздаем.

Услыхал я это, и куда моя к нему жалость девалась. Вспорхнул я, как мотылек, и понесся... Ишь ты, выдумал меня хоронить! Нет, брат, такие штуки и во сне плохи.

Ну и мчался же я, как угорелый летел!.. И, должно быть, сразу сделал кругосветное путешествие, ничего не видя. А он все за мной. Потом стал я не то что уставать, нет, это была не усталость, а так, как будто мне стало не по себе. Да и то, думаю себе, ни одна птица не выдержит такого моциона. Откуда только у меня такие силы взялись! Да и при том мне как-то все это надоело или просто грустно стало. Думаю себе: «Опущусь на время. Чего это я разоспался! Уж не впал ли я в летаргию, а меня тем временем катают в вагоне по станции взад и вперед? Может быть, меня давно выбросили где-нибудь из вагона. Да этот еще мне все про похороны рассказывает! Не к добру все это. Бабушка сама когда-то божилась мне, что ее сны часто сбывались! Ну, как в самом деле закопают!..» И тоскливо как-то стало мне.

Опустился я на землю. Это была какая-то дикая страна: степь не степь, и не разберу что, но это неважно. Сел. Вижу, и спутник мой сел. Молчит он, и я молчу. Помолчали мы вдоволь. Думаю, серчает. Спросить, что ли, его или нет? Ну, я ведь не был кичлив и обиду скоро забывал. Я и спросил:

— Скажите, пожалуйста, что мы не опоздали?

Опустил он голову и говорит:

— Опоздали. Тебя похоронили уже три дня. Лежал ты с неделю без похорон.

Удивился я и говорю:

— Как это «похоронили»? И в землю закопали?

— Да, — говорит.

Вот так штука, поди ты. И небесные жители бывают того... не в своем уме.

— Хорошо, — говорю, — а я при чем?

— А вот, — говорит, — теперь ни при чем. Я и сам не знаю, как теперь быть. Молюсь, а ответа нет.

Так это все было странно.

— Ну а что бы вы мне посоветовали теперь делать? Вот я очень боюсь, не летаргия ли это у меня. Хотя нервы и были у меня всегда крепки, но чего не бывает. Вдруг похоронили, а я еще не очнулся!

— Послушай, мой дорогой, — говорит он, — ты все думаешь, что ты спишь. Но, поверь мне, ты проснулся в тот самый момент, как тебя пришибло, и теперь ты душа без тела.

Ну скажите сами, мог ли я ему поверить? И я ему действительно не верил и не соглашался с ним. Вместе с тем я задумывался и стал смекать: сон это или не сон? Но чем больше я думал, тем больше убеждался, что это сон. Во-первых, я летал, чего наяву не мог делать, затем я чувствовал себя немного странно: хотя я чувствовал, что у меня все члены есть, но мне невыразимо было легко, мне кажется, ни один мотылек не был легче меня, я положительно не чувствовал земного притяжения. Затем, я не чувствовал голода, не чувствовал холода, зрение мое было удивительно. Вообще я был близорук и даже носил очки, но тут роскошно видел и даже, мне кажется, за пределы всякого зрячего человека.

Затем, я чувствовал себя как-то по-другому: я не чувствовал усталости, а какое-то томление. В общем, я чувствовал себя роскошно, если бы не мой спутник, который своим унынием портил мое расположение духа и постоянно пугал меня. Он имел очень странный на вид костюм и крылья, чего в действительности на земле никогда не бывает. Меня еще очень смущало то, что сон мой был слишком уже реален.

Вероятно, вы и сами заметили, что во сне события и картины быстро сменяются одна другой. Многое как-то видится в тумане, тогда как у меня все совершалось и помнилось уже очень реально и все шло в одном духе. Я отлично все помнил и сознавал от того самого момента, как меня трахнули по голове.

Я старался разобраться и приходил к такому заключению, что это сон, что иначе и допустить нельзя, но что это сон какой-то необыкновенный, какой-то особенный и дивный сон, из ряда вон выходящий. Слова моего спутника, что меня похоронили, наводили на мысль, что я в летаргии и меня действительно похоронили. Страх, что я очнусь в могиле, наводил на меня такой ужас, что я опять обратился к нему с просьбой:

— Объясните мне, как я умер, где похоронили и все прочее?

Но, к сожалению, я ужасно стал плохо его понимать. Право, иногда мне казалось, что я объясняюсь с каким-то иностранцем, языка которого не

знаю, ибо о многом из того, что он говорил, я больше догадывался, чем понимал. И все это сводилось к одному: чтоб я помолился.

Не желая его огорчить, я усиленно крестился, думая, что это его удовлетворит. Но это его мало радовало, он еще ниже опускал голову. Другого же способа молиться я, право, не знал. Вот и креститься-то я давно перестал и если еще не забыл, то это потому, что иногда, чтоб угодить бабушке, я проделывал это на ее разных молитвенных служениях, если мне не удавалось раньше пронюхать и удрать. Наконец я сказал ему:

— Послушайте, мой дорогой. Не знаю, почему судьба нас с вами связала. Это выше моего понимания. Но давайте постараемся устроить наше объяснение и наше сообщество более сносным. Будем более разумны и давайте беседовать как порядочные люди, не упрекая и не огорчаясь друг другом. Я замечаю, что у нас с вами расходятся взгляды, однако я заметил, что относительно нашего здешнего пребывания вы гораздо больше осведомлены, чем я. Не огорчайтесь и согласитесь, что я имею больше причин огорчаться, чем вы, ибо нахожусь, не в обиду вам будет сказано, в столь глупом положении. Прошу вас, скажите все толково, как, по-вашему, объяснить все это, а я постараюсь понять вас. Обещаю вам.

Ну и заговорил он. Говорил он долго и много наговорил мне странного. Он опять повторил, что я умер (ну ладно, думаю, это мы уже слышали), что я душа (и это знаем) и что совсем не дело порхать, когда нужно мне идти к телу и молиться, и непременно сердцем и мыслями, а не только махать рукой по воздуху.

«Вот, — думаю, — штука! Да кому же молиться? Ни одного образа нет!»

— А Бог?

— А почему я знаю, где он?

— Если бы ты тогда не убежал (то есть если, видите ли, я влез бы тогда в ту дыру), то теперь мы уже давно ходили бы с тобой по мытарствам.

— Спасибо. Да чем же это теперь для меня не были мытарства?

И он стал объяснять мне, что это такое — эти мытарства. Я понял, что надо снова начать переживать свою жизнь.

— Покорно благодарю, — сказал я. — Я до смерти был рад, что кончил учение в гимназии, что попал в университет. Я еще так хорошо помню, как на радости, что кончил гимназию, я чуть не задушил бабушку. А тут на тебе — начинай с начала! Не хочу я этого, несмотря даже на то, что, конечно, повторилось бы получение десятки, которую бабушка так торжественно отсыпала мне, и тот роскошный вечер, на котором мы так кутнули. Нет, — сказал я, — я не согласен опять сидеть в гимназии семь

лет! Вы, друг мой, очень требовательны. Извините, хотя я и горжусь знакомством с вами и мне будет приятно рассказать моей бабушке про вас, про вашу святость, но я принужден отказаться от вашего предложения, ибо за все время вы ни разу не предложили мне ничего приятного.

Это его опять огорчило, и он опять заговорил. Он так много рассказывал мне о Боге, о святых, и все, конечно, очень умное, но выше моего понимания. Я ничего из его слов не вынес и даже теперь не помню их.

— Ну, пожалуй, — сказал я, — пойдемте на мою могилу! Я на это соглашаюсь только для вас, потому что кладбища я вообще ненавижу.

Он очень обрадовался, а я сейчас же пожалел о сказанных словах. Я, признаться, думал, что он из деликатности откажется. Но не тут-то было. Он мало того, что воспользовался моим согласием, но, пока я выдумывал, как бы мне увильнуть, уже подхватил меня, и мы помчались. Я не успел ахнуть, как очутился у какой-то могилы.

Ух! И теперь еще тошно и страшно вспоминать... Конечно, могила — это земля и ничего больше. Но представьте: через эту землю, как через оконное стекло, я увидел гроб. Затем через крышку гроба я увидел отвратительный, полусгнивший труп с разможенной головой, который едят черви. И представьте себе, в ту же минуту я почувствовал весь ужас крушения, сильные тиски, страшную боль в голове и страшно рассердился. Я, право, рассердился так, как никогда в жизни не сердился.

Ему, видите ли, понадобились зачем-то мои мучения. Это такая неделикатность, которой я от него не ожидал. Обыкновенно я, да и другие деликатные люди если видят, что у человека неприятность или несчастье, то стараются как-нибудь отвлечь его внимание, а он, наоборот, на тебе и тащит!

Знаете, я очень огорчился, видя себя в гробу. И единственно, что меня утешило, это то, что я был убежден, что все это во сне.

— Ну, — говорю ему, — я вам сделал удовольствие. Теперь не угодно ли и вам быть любезным? Уйдем отсюда и отправимся теперь куда я захочу.

Опять он сморщился кислой гримасой и сказал:

— Да куда же мы пойдем? Ведь нам еще много чего надо сделать.

— Да что же еще?

— Во-первых, главное, нужно тебе понять и хорошенько усвоить, что это не сон, но что ты умер и твое тело лежит вот тут.

«Так, — думаю себе, — это и как сон-то скверно, а если б это была действительность, то можно было бы с ума сойти».

Вспомнил я о бабушке, о родных, товарищах, и захотелось узнать, что

они теперь делают. Ведь если я даже в летаргии, то каково им! Если же в самом деле умер, то что ж тогда будет? Хотя это и во сне, но все же лучше, думаю себе, его допросить. Я никак не мог понять, что ему за дело до меня, при чем, собственно, он тут и почему так настоятельно смеет требовать от меня то и другое. Но я боялся его обидеть, а потому не знал, как бы это ловчее выразить. Как вдруг, представьте мое удивление, он отвечает мне на мои мысленные вопросы и говорит:

— Тебя удивляет мое вмешательство? Знай, друг мой, что мы с тобой очень тесно связаны! Все, что касается тебя, касается также и меня.

Из его слов не могу передать точно, но я понял, что он приставлен ко мне свыше и всю мою жизнь был около меня, все обо мне знает и всегда всюду сопутствовал мне. Это поразило меня и очень мне не понравилось, потому что хотя у меня и не было тяжких преступлений, но, согласитесь, каково видеть существо, которое не только явные, но и все тайные ваши поступки и даже мысли знает. Мне сразу стало неловко быть около него, и я не мог на него смотреть прямо, а глядел, знаете, так искоса, потому что, как глянешь, сейчас приходит в голову: ведь он и про то, и про это знает. Нехорошо, право, очень плохо!

«Ну-с, — думаю, — как быть?»

И говорю ему:

— Конечно, вас свыше поставили, но я на вашем месте не взял бы на себя подобную роль.

Сам же думаю и соображаю, что сделать мне. Теперь уже подавно мне его общество стало еще тягостнее. А главное, что меня стесняло, это то, что я не смел думать, зная, что ему видны мои мысли, и я стал отгонять от себя всякую мысль, что совсем выходило плохо и путало меня... Увидев это, он сказал мне:

— Я ведь поставлен не следить, а охранять тебя. За все твои поступки я отдаю отчет, как бы ты сам.

После этого мне стало совсем плохо. Еще этого не доставало, чтобы кто-нибудь отвечал за мои поступки. И мне стало так неловко, что я рассказать не могу. Я и говорю ему:

— Извините, я этого не знал. Уверяю вас, что если бы я хоть несколько подозревал это, то я бы себя лучше вел, чтобы вас не подводить. Ну скажите, а за ваши поступки я тоже отвечаю?

Мой вопрос его очень удивил, и он даже улыбнулся.

— Не думаю, — говорит. — У меня ведь личной жизни нет. Я теперь ведь живу единственно одной вашей жизнью.

Бог знает, какой это мне чушью показалось. И опять я с

благодарностью вспомнил, что ведь это все я вижу во сне. Я и говорю ему:

— Что же нам теперь делать?

Он вздохнул и говорит:

— Нужно вам совсем отрешиться от мысли, что это только один сон. Вы должны усвоить себе, что это действительность, и должны согласиться начать проходить всю свою прожитую жизнь сначала.

— Ну, знаете, по-моему, вот это последнее совсем лишнее! Вы говорите, что знаете мою жизнь, так за что же меня еще казнить разными неприятными воспоминаниями?

— Это нужно для того, чтобы вы лучше поняли, что в вашей жизни было дурно и что хорошо.

— Ах, Господи, да я совершенно на вас полагаюсь! Согласитесь со мной, что то, что было дурно, не сделается хорошим, ну и пусть так остается! Вот если бы вы были так добры и как-нибудь разбудили меня, то я обещаю вам, что вечно буду помнить, что вы ответственны за меня, и постараюсь жить по совести.

— Нет, — говорит, — я не могу умершего разбудить.

— Вот-те и штука... Так как же, не могу же я вечно спать?

Он опять стал уверять меня, что это не сон. Как я ему ни доказывал, что это сон, он все стоял на своем.

Знаете, это привело меня в такое уныние, что хоть плачь. И опять напала на меня тоска.

— Ну, — говорю, — проводите меня хоть в Киев к бабушке, посмотрю, что она делает. Вот если она спит, значит, еще ночь и все обстоит благополучно.

— Хорошо, — говорит.

И опять полетели. Дорогой думаю: что из этого? Ведь бабушка может и ночью не спать. Бог знает, какая опять выходила путаница.

В Киеве мы спустились у нашего дома. Вот удивление!.. И дом, и улицы так ясно вижу, ну совсем как не во сне, а наяву.

— Хочешь войти? — спрашивает он.

— Да, — говорю, — стоит только позвонить.

— Зачем? Входи прямо!

И вижу я, что он через стену проходит.

— Ну, — говорю, — и вам не стыдно меня морочить? Вы говорите, что это не сон, а сами проходите через стену. Где же видано, чтоб так входили?

Он на это ничего не ответил, но я тоже незаметно для себя за ним, без всякого усилия, через стену так и прошел. Попал я прямо в свою комнату. Вот-де и съездил в Крым! Как и не уезжал, вошел и уселся на стуле.

Все стоит, как стояло. Только одно удивило меня, что в моей комнате кто-то поселился, и, должно быть, женщина, потому что женские платья лежали тут. На моем столе все книги прибраны к стороне, а на середине стола стоят разные баночки, скляночки, ну, как это всегда бывает у барынь.

— Кто бы это мог быть у нас?.. Бабушка никого не ждала...

Дверь отворилась, и я вскочил и спрятался за шкаф, думаю: не напугать бы. Особенно смущал меня мой спутник и его вид. Хотя, сказать правду, в нем ничего не было страшного, напротив, он был чрезвычайно прекрасен, но все-таки вид его был необычен.

Вошла в комнату моя сестра. Я ее, конечно, сразу узнал. Так, значит, она почему-то приехала из Москвы.

Я еще не говорил вам. У нас была очень большая семья. Отец мой служил сначала в Киеве и здесь же женился. Детей было у него шесть человек. Я был самый меньшой. Мать умерла, когда мне было всего три года. Отец получил перевод и уехал в Москву, а меня, так как я был еще мал, а бабушка очень убивалась по смерти своей дочери, то есть моей матери, оставили ей в утешение.

Всю жизнь положила она на меня, и я считал ее своей матерью.

Хотя я любил все свою родню, но бабушка была для меня дороже всех. Я у нее начал свое учение и у нее же жил все время.

Пока она была здорова и бодра, мы почти каждый год ездили к отцу. Когда же я подрос, а она ослабела, я ездил к отцу один. Одна из сестер вышла замуж и уехала с мужем в Крым, вот я и ехал к ней в гости. Ну, теперь вам все понятно. Ехал же я еще потому, что хотел похвастаться, что я уже студент. Я только прошлый год поступил и теперь блистательно перешел на второй курс. Ну, знаете, теперь я считал себя взрослым мужчиной, можно сказать, совсем человеком, и похвастать этим очень было мне приятно, ведь я уже был не какой-нибудь гимназист!

Вошла в комнату сестра, третья сверху, Александра, мы ее звали Аля. Вошла это она торопливо, поискала что-то на столе. Очень удивил меня ее вид. Она была замечательно здоровая, веселая и такая розовенькая, а тут — бледное, печальное лицо и черное платье. Поискала что-то, взяла и вышла.

«Что бы это все значило, — думалось мне. — И зачем она тут?» Я так недавно простился с ней в Москве, и она чуть не собралась ехать со мной в Крым. В Киев же она не собиралась. Теперь вдруг вижу ее тут. Я спросил своего спутника, можно ли мне дальше идти, так как я очень боюсь их напугать.

— Ничего, — говорит, — иди смело, они не увидят тебя.

«Ну, — думаю, — в это плохо верится. Однако попробую, ведь Алю

скоро не испугаешь».

Иду. За моей комнатой следует гостиная, в ней никого не было. В доме тишина. Налево дверь к бабушке. Я остановился. В дверь идти неудобно, а новым способом, то есть через стену, я не решался, думая: совсем они умрут со страху, если увидят. Встал за диван, за спинку, и думаю: «Господи, до чего доспался, что в своем доме хожу как вор!»

Дверь отворилась, и опять пришла Аля. С ней вошел наш доктор. Я присел, чтобы меня видно не было. У Али глаза красные, и она говорит:

— Федор Иванович, неужели она уж в память не придет?

«Боже, — думаю, — кто же это у нас так болен?»

Федор Иванович покачал головой:

— Я жду с часа на час брата и папу, застанут ли они ее в живых?

— О да! Она еще проживет.

Аля горько заплакала и села в кресло. Доктор стал утешать ее.

«Вот поганый сон», — думаю себе, — а сам плачу, да ведь как плачу!..

— Пойдем, — сказал мне мой спутник, но я только руками замахал.

Доктор и сестра пошли в столовую, а я, весь в слезах, сказал:

— Ради Бога, будьте осторожны и не попадайтесь им на глаза! Неужели моя дорогая бабуся так больна? Пройду-ка я к ней... Но вдруг я ее испугаю? Пойти, что ли?

— Как хочешь.

Вот я на цыпочках вошел в ее комнату. Она была полутемна и разгорожена ширмой. Я тихонько заглянул за ширму и обомлел. Бабусю узнать нельзя было. Лежит она, как покойница, глаза ввалились, такая худая и тяжело дышит. Но вдруг она открыла глаза да как крикнет:

— Коля, Коля мой, ты пришел за мной!

Я бросился к ней на грудь и обнял ее. Что дальше было, ничего ровно не помню.

Я был как без сознания. Долго ли все это длилось, я, конечно, не знаю. И приходил-то я в себя как-то не вдруг, а медлительно и постепенно. Сначала, когда я приходил в себя, я глаз не открывал. Мне не хотелось ни о чем думать и ничего вспоминать. Я вообразил себе, что вот теперь я наконец проснулся.

Когда я открыл глаза, оглянулся и увидел, что я где-то на поле или на полянке. Где-то на горизонте виднелись кусты. Надо мной ярко светило солнце, и я себя чувствовал бодро и весело. Я не старался припоминать своего сна и даже не старался объяснить себе, почему я проснулся не в вагоне, а в этом месте. Мне было страшно, и я не рисковал и припоминать все это.

Я поднялся на ноги и пошел быстро. «Дойду до селения, — думаю себе, — спрошу, где я и куда мне надо идти».

Мне было так легко, весело, бодро, опять хотелось лететь. Но я гнал эту мысль от себя и старался твердо ступать, чтобы как-нибудь не оторваться от земли. Но странно, у меня было какое-то затаенное и пренеприятное чувство. Сперва я не понимал его, но скоро догадался: это был страх. Я боялся увидеть своего спутника. Да, именно этого я боялся.

Скоро я увидел селение. На горе стояла церковь, а внизу ютились домики. Чем ближе я подходил к ним, тем более страх усиливался. Я почувствовал такую тяжесть на душе, что сел на землю, закрыл глаза и робко стал себя проверять, сплю ли я или нет. Все говорило мне за то, что я уже проснулся, что я жив и здоров. Я радостно открыл глаза, и, представьте мой ужас, он, мой спутник, опять стоял передо мной...

— Господи! — воскликнул я. — Это опять вы, и, следовательно, опять я сплю...

Да, это была очень тяжелая минута. Ярko воскресло опять в моем мозгу все: крушение, и моя могила, и смерть бабушки. В отчаянии я воскликнул:

— Я хочу туда, к людям, я хочу к родным, к бабушке, я больше не могу выносить... Нет моих сил!..

Но он все молчал. Тогда я рванулся вперед, а он за мной. Я поднялся на воздух и помчался опять. «Но когда же я проснусь? — думалось мне, и в сердце моем поднялась целая буря. — Что из того выйдет, если я пойду к людям? Раз он около меня — все будет не действительность, а лишь один сон». И я решил лететь без конца, не разговаривать, не думать, но, как бешеный, лететь. И я действительно мчался.

Сколько проходило картин — городов, полей, лесов, гор, морей, океанов, — я ничего не знаю, ничто уже меня больше не восхищало и ни до чего мне дела не было. Я чувствовал, что он летит за мной, а следовательно, я должен лететь без конца, все дальше и дальше.

Когда мне надоели все эти виды земли, я поднимался высоко, за пределы зрения, и я уже земли не видал. Я прорезывал облака, тучи, и затем я опускался ниже, но не останавливался ни на одно мгновение.

Сколько раз ночь сменялась днем и обратно. Сколько раз я видел зиму и затем картины сменялись и я видел тропические растения — я не знаю. Я не помню даже, чтоб менял когда-нибудь направление, — я летел все прямо. Конечно, я уже давно потерял счет времени, значит, для меня было все безразлично и мне было все равно — день, ночь, страны и все виды, — я чувствовал только одно — что он позади меня, а пока он за мной — это

сон. Если же это сон, то надо еще лететь.

Согласитесь, что положение мое было отвратительное и невыносимо тяжелое.

Когда я однажды так мчался, вдруг передо мной встало как будто светлое облако. Но странно, это облако было блестящее и решительно не походило на обыкновенные облака. Я пробовал его обойти, но, куда ни поворачивал, оно всегда стояло передо мной. Я не понимал, что это значит. Спросить у своего спутника я не хотел. Меня раздражало, что оно мешало мне мчаться. Но вдруг я почувствовал как бы притяжение земли и стал быстро опускаться. Облако тоже опускалось передо мной. Я стал на землю. В первую минуту мне показалось, что облако окутало меня и скоро стало расходиться, потом как будто собираться в одно место. Делался облик какой-то фигуры.

Я был поражен. Страху у меня не было, одно лишь удивление.

В этой фигуре я увидел прекрасного юношу в белом одеянии, чрезвычайно красивого собой, с большими кроткими глазами, в которых было столько любви и участия! Я повернулся, увидел своего спутника и спросил его:

— Как это и что все это обозначает?

Этот чудный юноша положил мне руку на плечо. Я взглянул на него — он чрезвычайно приветливо улыбнулся. Не знаю, что сделалось со мною. Я опустился к его ногам и взмолился:

— О, если ты имеешь власть, — разбуди, разбуди меня!

— Да, — сказал он мне, — я пришел тебя разбудить! Проснись для новой жизни, проснись, чтобы не засыпать! Вся жизнь на земле есть как бы один сплошной сон, и ты по своему желанию еще продлил этот сон. Ты не хотел оторваться от своего сна, ты как ребенок, которого будят утром и который уже не спит, но старается грезить; так и ты. Проснись и оглянись: твой сон прошел, и это настала действительность!

— Но кто ты, кто ты?

— Я тот, кто охранял всегда твой сон. Я твой первый друг и покровитель.

Знаете, я не умею высказать всех своих чувств, которые наполнили меня, но скажу одно: я все еще как бы не верил, что я умер.

— Но моя бабушка? — спросил я.

— Она теперь только что проснулась для другой жизни и уже ждет тебя. Вот твой спутник, пусть он припомнит вместе с тобой весь твой сон, и тогда я приду за тобой! Каждый человек, когда просыпается, обязан вспомнить, если возможно, весь свой сон и все, что Господь посылает в нем

для его предупреждения, для его одобрения, для его исправления. Вот и ты сделай то же.

И он исчез.

Я был как очарованный, Много прошло мыслей в моей голове, много чувств поднялось в моем сердце. Я обернулся к моему спутнику, взглянул на него и упал в его объятия.

Дальше рассказывать нечего. Все окончилось очень скоро. Я бодро все прошел и сделал все, что было нужно.

Я старался скорее во всем разобраться и, когда все кончил, спросил:

— Сколько времени я спал?

Он мне на это сказал:

— Спал двадцать лет и просыпался тоже двадцать лет.

— Так мне уже сорок, — очень удивило меня все это.

На этом я кончу свой рассказ.

* * *

В. Мы очень благодарим вас за него и просим позволения напечатать ваше настоящее сообщение.

О. Да, я это знаю и ничего не имею против. Думаю, что мое сообщение прилично и никто ничего не может иметь против него. Если оно кому интересно, я ничего не имею, чтоб его читали.

Мои родные очень далеки от спиритизма. Но если бы они прочитали, то, я думаю, вреда это им не принесло бы. Фамилии своей я, кажется, не назвал, хотя и против этого я ничего не имею. Отец мой уже умер, значит, это его не касается, а все остальное — это мое личное дело.

Не знаю, принес ли спиритизм пользу, но, — во всяком случае, полезно было бы знать каждому, что загробный мир существует. Я уверен, что мало из вас кто верит в нашу жизнь в том виде, в каком она действительно существует, потому что из вас даже верующие имеют каждый свои смутные и ни на чем верном не основанные представления об этой жизни, потому что на нее нет у вас никаких ясных указаний.

Каждая религия обещает жизнь за гробом, но в чем она именно состоит, ни одна не говорит.

Это отчасти хорошо, ибо в вашей жизни существует очень удивительная штука, услышав которую вы ни за что не поверите. Это именно то, что духи, хотя и очень похожи, по существу, на людей, но все-таки они иначе устроены, чем люди в телах. Все вы, люди, когда слышите

что-нибудь, то слышите все одинаково, или когда смотрите на что-нибудь, то видите все одно и то же. А мы, духи, нет. Смотря на что-нибудь, я вижу одно, а другой дух этого не видит, а видит совершенно другое. Я слышу одно, а другой — другое. У нас все зависит от нашего представления, от нашего воображения, от нашего развития и совершенства. Сущность, конечно, одна и та же, но столько оттенков этой самой сущности, столько для вас неуловимых тонов, сколько разных пониманий, или, лучше сказать, их столько, сколько духов. Словом, об одном и том же предмете могут говорить два духа и для каждого из них этот предмет может казаться совершенно разным.

Это происходит оттого, что каждый дух может видеть только то в данном предмете, что, собственно, его интересует, что ему лично от этого предмета нужно или что сам он именно есть, находясь в этих условиях. А как видит другой дух, ему нет возможности знать, и он видит или не видит — безразлично. При этом условии и если вы еще представите себе всю трудность изложения всего этого на вашем человеческом языке, то уже Бог знает какая получается путаница при каждом спиритическом сообщении.

Я лично первый раз передаю людям с того света известия, но я очень много слышал от других духов-спиритов, какая выходит иногда путаница при разговорах с вами и как трудно говорить с людьми. Я уверен, что вам кажется это странно. Что, кажется, проще, когда рассказывают: «Вот, мол, это так и так было», а как в самом деле станешь говорить с вами, то и видишь, что: 1) нет у вас слов таких, какие у нас есть; 2) нет того понимания вещей, и 3) нет тех чувств, — и выходит, далеко не просто говорить с вами. Иногда же это даже совсем невозможно. Действительно, очень трудно сообщаться с вами.

Люди, преданные этому делу, те именно, которые более или менее знакомы с нашим миром, могут комбинировать и найти соотношения, и для них будет все понятно. Если же они будут брать все целиком без разбора, то опять не будут иметь понятия о том мире, ибо все перепутают в своем представлении.

Это все равно как если бы пришли несколько человек разных наций и разных развитий и каждый из них рассказал бы одну и ту же историю, но применяясь к своей местности, к своим привычкам, наконец, к своей религии. Суть рассказа была бы, конечно, одна и та же, но она непременно потерялась бы во всех этих различных выражениях, изложениях, и вы могли бы даже подумать, что это все разные истории, сходные лишь по одному сюжету.

Если это так на земле, то представьте себе, что будет, если станут

рассказывать духи, которые столь различны как по своему развитию, так и по своим взглядам на вещи. Одни духи живут на одной планете, другие на другой; у каждого из них свои взгляды, и убеждения, и степень развития, и при этом еще каждый из них чем-нибудь лично заинтересован, а вполне из них еще никто не выработал основного понимания природы вещей, а затем, на третьей планете, опять духи со своими взглядами, и опять каждый из них имеет и свое личное мнение и убеждение, и так ведь без конца, потому что я не знаю конца Вселенной.

Представьте, что каждый из них начнет вам рассказывать хотя бы об одном и том же предмете. Уверяю вас, вы скажете:

— Ну и брехуны же ваши духи, хуже людей!

Ведь это выходит при том условии, что каждый из них одну только правду говорил, то есть допуская, что мы имеем дело с одними только порядочными и правдивыми духами. Но ведь существует еще другой сорт духов, которые действительно не прочь вас, людей, поморочить. Этот сорт еще ничего, он до некоторой степени еще правдив, но делает это так для своего увеселения и развлечения. Но существуют ведь и такие, которые исключительно врут. Вот и посудите, как могут быть интересны сообщения.

Не знаю, может быть, духи и люди сообща найдут какой-нибудь способ общаться более разумно и целесообразно, но пока это дело невозможно, и немудрено, что так много людей прямо смеются над духами.

Я знаю, что есть много духов, которые с радостью готовы были бы общаться с людьми, но одна мысль, что то, что он сегодня скажет, то другой все нарочно ему наперекор перепутает, прямо отбивает охоту от них. А главное, они боятся привести людям вред.

Вот почему, я думаю, и моя родня не поверит в спиритизм. И не поверит ни мне, ни кому другому. И не только моя родня, но и много-много людей. А между тем как бы это было полезно. И я знаю, что скоро настанет и у вас такое время, когда сообщение с духовным миром станет насущной потребностью.

Теперь у вас, на земле, как в науке, так и в открытиях, люди уже доходят до той точки, когда дальше идти нельзя, ибо человеческого ума уже становится недостаточно. Материала для исследования уже и теперь очень много, и будет его еще гораздо больше, но что с ним делать? Ведь разобраться с ним надо осмысленно, надо все это применить к жизни, устроить так, чтобы он весь шел на пользу мира. А у вас своего одного ума на это не хватает: уж очень все это трудно, хитро и вам незнакомо. Между тем по существующим законам движения прогресса ему остановиться

нельзя, людям нужно идти вперед или назад, но непременно идти. Вот тут именно духовный мир должен прийти к вам на помощь, но, конечно, не при тех условиях, при которых это дело обстоит теперь.

Да, мир быстро движется вперед, гораздо быстрее, чем вы думаете. Ваша мысль запаздывает, а потому человечеству очень трудно поспевать. Оно имеет вид бегущего человека за несущейся машиной, и он непременно должен бежать и догонять эту машину, ибо иначе его раздавит другая, которая идет сзади него.

Когда мы найдем способ, как нам, духам и людям, сообщаться, тогда вам не будет страшно бежать. Вы будете знать, что к чему применять, как все обставить и что для чего нужно. Конечно, и тогда найдется много недосказанного, над многим придется вам одним работать, но все же путь будет намечен и вы будете знать, куда вы идете. Теперь очень много духов, которые разрабатывают этот вопрос. До сих пор спиритизм был в одних руках, а именно у людей, которые сделали из него себе забаву, и, надо сказать, очень вредную забаву.

Довольно они поиграли с ним, пора приниматься за дело. Каждый ребенок перепортит много книг, прежде чем научится хорошо и правильно читать, но нельзя же без конца давать людям рвать то, что составляет их духовную пищу.

Не зная времени, я не могу указать, когда это все будет, но, слушая других духов и приглядываясь к жизни людей, мне кажется, что уже скоро настанет время духовного нашего вмешательства в ваши дела.

До сих пор наши духи для вас незаметно руководили и направляли вас. Так дольше быть не может. Нужна явная для вас указка, и нужно открытое водительство; нужно, чтобы человек видел, ощущал их и шел сознательно по пути жизни, чтобы он мог безошибочно знать, туда ли его ведут, и то, что ему дают, действительно ли ему полезно, а не вредно. Прощайте. Я пока все сказал вам, что хотел.

ПИРАТ

Местожительство: улица Трухларжска в Праге. Характер: необычайно агрессивен. Особые приметы: в каждой руке держит по сабле.

В XVIII веке в Прагу приехал ушедший на покой пират, по фамилии Янсен, прозванный голландцами Рыжим Козлом. Под скромным именем Паздирек он снял квартиру на Трухларжской улице. Соседи считали его обычным бюргером, и днем он действительно ничем не выделялся среди

обычных пражан. Зато ночью его квартира превращалась в подобие портового притона. Он заманивал к себе девушек и напивал их допьяна ромом, утверждая, что это лимонад. А утром выгонял несчастных.

Но вот однажды к нему попала девица, служившая до этого маркитанткой в гренадерском полку. Как ни пытался пират напоить ее, ему это так и не удалось. С горя он напился сам и в пьяном виде выболтал гостье, что держит под кроватью сундучок с сокровищами.

Когда же наутро Янсен-Паздирек проснулся, то не обнаружил ни маркитантки, ни сундучка. В гневе пират выскочил из дома с саблями в руках и с кинжалом в зубах. И тут его хватил удар.

С тех пор он так и бежит по ночам по Трухларжской улице, высматривая подозрительных.

Роберт Артур

ТРЕЙЛЕР С ПРИВИДЕНИЯМИ

Разумеется, случилось невероятное. Этого просто не могло быть. Но почему это случилось именно со мной, чем заслужил я такую напасть? К тому же я намеревался жениться. И вложил в трейлер едва ли не все наличные. Мы с Моникой собирались провести медовый месяц, путешествуя по Соединенным Штатам. Я даже настроился записывать впечатления и уж никак не сомневался, что мы будем счастливы, как голубок и горлица.

— Ха.

— Ха-ха!

Если вы уловите горечь в моем смехе, я расскажу вам, почему смеюсь не от веселья.

Потому что мне, Мелу, полное имя — Мелвин Мэйсон, довелось впервые в мире купить трейлер с привидениями! Замок с привидениями — это одно. Даже в обычном доме можно мирно уживаться с теми же призраками. В замке или доме, если привидение вышло на прогулку, вы без труда можете закрыться в спальне и прикорнуть часок-другой. Разумеется, привидения создают дополнительные неудобства, но едва ли их можно считать непреодолимыми.

А вот в трейлере? Что вы будете делать, деля трейлер с призраком, где вы будете от него прятаться, если даже это трейлер высшего класса, с четырьмя койками, кухонькой, душем, туалетом, радио, креслом-качалкой?

— Ха!

— Ха-ха!

За прошлую неделю я вдоволь наслушался демонического смеха. Так что теперь смеюсь точно так же.

Итак, я приобрел трейлер, прицепил его к моему автомобилю и поехал к Монике в Голливуд, где она жила с тетушкой из Айовы. И в двенадцати милях к западу от Олбани в мой новенький, с иголки, трейлер подсел решивший попутешествовать на попутках призрак.

Но, может, мне следует начать с самого начала. Произошло следующее. Сверкающий хромом, изнутри отделанный под дерево трейлер «кастом клиппер» я купил в Новой Англии за две тысячи девятьсот девяносто восемь долларов. Сел за руль автомобиля и взял курс на запад, сияя от счастья. Этого дня я ждал два года, и нетрудно представить мою

радость.

Сильно я не разгонялся, привыкал к трейлеру, поэтому уже в темноте пересек Гудзон. Олбани проехал в грозу, а полчаса спустя свернул с шоссе на проселок между двух скал, чтобы остановиться на ночь.

Гром грохотал чуть ли не над головой. То и дело сверкали молнии, но я нашел маленькую полянку и, расположившись на ней, разогрел банку фасоли, выпил кофе, снял ботинки, уселся в кресло-качалку, закурил и расслабился.

— Ах, какой, однако, комфорт! — произнес я вслух. — Будь Моника со мной, ей бы понравилось.

Но Моника спала в Голливуде, поэтому я потянулся к книжке.

Я, должно быть, задремал, прочитав несколько страниц, и проспал пару часов. А может, и больше. Но проснулся, как от толчка, под затихающий раскат грома. Волосы мои встали дыбом от статического электричества, накопившегося в воздухе.

Тут дверь неожиданно распахнулась, меня окатило дождевыми брызгами, и ветер, во всяком случае, я подумал, что это ветер, хряснул дверью по наружной обшивке трейлера. А затем я услышал звук, охарактеризовать который не смог иначе как вздох привидения.

— Ну, это хоть что-то, — произнес голос.

Я уже успел вскочить с кресла, чтобы захлопнуть дверь, да так и застыл с разинутым ртом и непрочитанной книжкой в руке.

Ветром в трейлер занесло клочок тумана, и этот клочок, вместо того чтобы, испарившись, исчезнуть, начал обретать какую-то форму. Он густел прямо на глазах, пока...

Ну, вы все поняли сами. То был фантом. Призрак. Бездомное привидение.

Пришелец застыл на месте, холодно разглядывая меня.

— Садись, приятель, — предложил он. — Чему ты так удивляешься? Меня это нервирует. За последние пятнадцать лет это моя первая ночь под крышей, и я хочу как следует насладиться ею.

— Кто, — промямлил я, — кто...

— Я не глухой, — одернул меня призрак, — так что нечего твердить одно и то же. На кого я похож?

— На привидение, — ответил я.

— Тут ты попал в самую точку, приятель. Я и есть привидение. А на какое привидение?

Я присмотрелся повнимательней. Низкорослый, широкий в плечах, одетый в какое-то старье и шляпу с обвисшими полями, да еще со щетиной

на щеках.

— Вы похожи на бродячее привидение, — с отвращением ответил я.
Мой незваный гость согласно кивнул.

— И тут ты угадал, приятель. Зови меня Спайк Хиггинс. А можешь просто Спайк. Так меня звали до того, как это произошло.

— Что — «это»? — не удержался я от вопроса.

Призрак направился к койке и улегся, положив ногу на ногу и болтая в воздухе разбитым ботинком.

— Пятнадцать лет назад у меня хватило ума заснуть в кузове грузовика, откуда я вывалился на шоссе. Аккурат там, где ты с него свернул. С тех пор мне и приходится тут ошиваться. Я не был скаутом, поэтому меня и наказали тем, что обрекли жить в одном месте. Меня, который не проводил под одной крышей и двух ночей подряд!

Последнюю пару лет я начал тяготиться такой жизнью. Мне даже не позволяли вселиться в дом. Шляйся, мол, по лесу, в ветер и дождь, и каждая собака норовит тебя обгавкать. Ты даже не представляешь, приятель, как я рад, что ты решил остановиться здесь на ночлег!

— Послушайте, — твердо заявил я, — вы должны отсюда уйти.

Призрак зевнул.

— Это ты нарушил священное право собственности, заехав на чужую территорию, а не я. Тут мои охотничьи угодья. Я тебя просил останавливаться в этом месте?

— Вы хотите сказать, — процедил я, — что не хотите уходить? И собираетесь остаться у меня на ночь?

— Совершенно верно, приятель, — призрак хохотнул. — Разбуди меня в шесть утра. — Он закрыл глаза и начал нагло похрапывать.

Тут я рассердился и швырнул в него книгой, но она отскочила от койки, не причинив призраку ни малейшего вреда. Спайк Хиггинс приоткрыл один глаз и подмигнул.

— Пролетела сквозь меня или я — сквозь нее. Ха-ха. Шутка.

— Вон! — завопил я. — Убирайтесь вон!

Я шарахнул его подушкой с другой койки, но он лишь открыл второй глаз и показал мне язык.

Похоже, поделаться с ним я ничего не мог, оставалось только взять себя в руки.

— Послушайте, — осведомился я, — вы говорили, что обречены жить в этом месте. А перебраться в другое вы не можете?

— Уезжать мне запрещено, — ответил Спайк. — А что? — Ничего, сейчас узнаете.

Я схватил плащ, шляпу и вывалился под дождь и ветер. Если призрак не может покинуть эти края, то на меня такие ограничения не распространялись. Я забрался в машину, завел мотор и тронулся с места. Проселок раскис, колеса то и дело пробуксовывали, но все же мне удалось выехать на асфальт, а там я проехал без остановки миль двадцать и вновь свернул на проселок. Я довольно улыбнулся, представив себе физиономию Хиггинса, когда он понял, что я покидаю его охотничьи угодья.

В прекрасном настроении я вылез из машины, направился к трейлеру, открыл дверь и...

— Ха! Ха-ха!

— Ха-ха-ха!

Что мне еще оставалось делать, как не смеяться? Хиггинс преспокойно храпел на койке. Я негромко выругался. Спайк Хиггинс сонно приоткрыл глаза.

— Привет! Ходил поразвлечься?

— Послушайте, — размеренно заговорил я, борясь с охватившим меня отчаянием. — Я думал, вам суждено оставаться на том месте до скончания века.

Призрак вновь зевнул.

— Ты ошибся, приятель, Я не говорил, что у меня там вечное заточение. Я сказал тебе другое — мне запретили уезжать оттуда. Я и не уезжал. Ты меня увез. Вся ответственность падает на тебя, а я теперь на вольных хлебах.

— Вы... что?

— На вольных хлебах. Куда хочу — туда и иду, Где мне нравится, там и селюсь. Ты освободил меня. Спасибо, приятель. Я этого не забуду.

— Тогда... тогда... — Я запнулся.

Хиггинс согласно кивнул.

— Совершенно верно. Мне тут нравится. Я намерен остаться с тобой. Попутешествуем вместе.

— Но это невозможно! — ужаснулся я. — Привидения не путешествуют. Они живут в домах, на кладбищах, наконец, в лесах. Вы...

— Да что ты знаешь насчет привидений? — пренебрежительно бросил Хиггинс. — Привидения бывают разные, приятель. Есть и такие, что любят пошляться по свету, ну просто не могут жить в одном месте. Ты даже не представляешь, как мне было тяжело на той поляне. А если бы мне и дом дали... Крыша над головой и все такое, но опять же тюрьма. Дома-то не разъезжают, стоят, как вкопанные. На одном и том же месте, пока не разрушатся.

Но теперь все изменилось! Ты внес свежую струю в жизнь привидений. Мы можем обитать в доме, переезжая вместе с ним. Честно выполнять свою работу и одновременно видеть страну, в которой мы живем. Эти трейлеры — ключ к проблеме, волновавшей лучшие наши умы на протяжении многих столетий. Вот уж новинка так новинка — трейлеры с привидениями! Знаешь, на нашем очередном конгрессе мы, пожалуй, проголосуем за сооружение тебе памятника. Разумеется, памятника-призрака.

Свою речь Спайк Хиггинс произносил, приподнявшись на локте. А потом снова завалился на спину.

— На сегодня достаточно, приятель, — пробормотал он. — Разговоры выпивают всю мою энергию. Я должен исчезнуть. Увидимся утром.

— Исчезнуть куда? — спросил я.

Спайк Хиггинс уже наполовину растворился в воздухе.

— В другое место, — донеслось до меня, и от Спайка Хиггинса не осталось и следа.

Я выждал еще минуту, а затем облегченно вздохнул. Глянул на плащ, мокрые ноги, книги на полу и понял, что все это мне пригрезилось. Я ходил во сне. Точно так же вел я машину. Меня мучили кошмары.

Плащ я повесил на вешалку, разделся и улегся на койку.

Проснулся я поздно, и на мгновение меня охватила паника. Но тут же я понял, что бояться нечего: на другой койке никого не было. Посвистывая, я встал, принял душ, оделся, позавтракал и поехал дальше.

День выдался — лучше некуда. Синее небо, легкий ветерок, яркое солнце, поющие птички. Я едва не запел вместе с ними, думая о Монике. Еще неделя, и я подъеду к домику ее тетушки в Голливуде, нажму на клаксон...

В этот момент меня словно обдало сзади волной холодного воздуха.

Я обернулся — и едва не врезался в тракторную тележку, доверху набитую сеном. На заднем сиденье материализовалась знакомая туманная фигура.

— Надоело ехать одному, — объяснил Хиггинс. — С тобой веселее, — И он переместился на заднее сиденье.

— Вы... бы... — Меня затрясло от ярости, и я едва не свалился в кювет.

Но Спайк Хиггинс вытянул руку, схватился за руль и выровнял машину.

— Спокойнее, приятель. Призраков в этом мире хватает и без тебя. Рано тебе еще присоединяться к нашей компании.

Я ничего не ответил, но мысли, должно быть, легко читались по моему лицу. Я-то думал, что призрак приснился мне в кошмарном сне. А он здесь, наяву, рядом со мной, и я понятия не имею, как от него избавиться. Спайк Хиггинс усмехнулся.

— Ну что ты так задержался, приятель? Все же естественно. Есть замки с привидениями, дворцы, дома. Теперь вот появятся и трейлеры.

— Почему нет паромов с привидениями? — взревел я. — Нет пульманов, товарных вагонов?

— Как это — нет? — На лице Хиггинса отразилось изумление. — Паукипси каждую штормовую ночь в полночь пересекает паром с привидениями. И есть частный поезд с привидениями в Атчисоне. В нем живет мой друг. При жизни он частенько ездил на поездах, человек был честный, справедливый, вот его и наградили постоянным билетом на этот поезд.

И на Нью-Йорк Сентрэл есть товарный вагон, который никогда не приезжает в пункт назначения. До сих пор по крайней мере не приезжал. Куда бы его ни направляли, в результате он оказывался совсем в другом месте. В нем ездит целая компания. Или взять товарный вагон на Саутерн Пасифик. Он ездит сам, без паровоза. Представляешь себе, скольких стрелочников он свел с ума, когда катил сам по себе впереди поезда у них под носом? Должен тебе сказать...

— Не надо! — оборвал я призрака. — Я запрещаю! Ничего не хочу слушать!

— Как угодно, приятель, — согласился Хиггинс. — Но тебе придется привыкнуть. Потому что видеться-то мы будем часто. Где будет твоя тень, там появлюсь и я, — Он хохотнул и замолк.

Я жал на педаль газа, кипя от негодования. Я должен от него избавиться! Обязан! И до приезда в Калифорнию. Но как, как это сделать? Внезапно Спайк Хиггинс наклонился вперед.

— Остановись, — приказал он! — Остановись, говорю тебе!

Мы мчались по прямому шоссе, обсаженному кипарисами, за которыми лежало заболоченное пространство. Причин для остановки я не находил. Но Хиггинс протянул руку и повернул ключ зажигания. А затем дернул ручку ручного тормоза вверх. Задние колеса заклинило, машину занесло, и мы чуть не оказались в кювете.

— Это еще что такое? — взревел я. — Мы едва не слетели с дороги. Веди себя как полагается, призрак паршивый! Еще раз протянешь руку...

— Спокойнее, приятель, — проворчал Хиггинс. — Просто увидел давнего друга. Ловкача Самюэlsa. Последний раз мы виделись с ним

шестнадцать лет назад, аккурат перед тем, как он вставлял детонатор в динамитную шашку, чтобы взорвать банк в Мобиле. Да, похоже, соединил не те проводки. Надо его подвезти.

— Как бы не так! — завопил я. — Это моя машина, и я не собираюсь подвозить...

— Машина, может, и твоя, — пренебрежительно фыркнул Хиггинс, — но я — проживающий здесь призрак и имею полное право приглашать к себе в гости других призраков, ясно? Раздел одиннадцатый, подраздел «Эс». Взгляни, если не веришь. Эй, Ловкач, залезай!

Струйка тумана возникла у открытого окна, втянулась в кабину, и на переднем сиденье появился второй призрак. Высокий, тощий, так же неряшливо одетый.

— Спайк, сукин ты сын! — загробным голосом пробасил он. — Где ты был? Что ты тут делаешь? А это что за тип? — Он мотнул головой в мою сторону.

— Не обращай на него внимания, — отмахнулся Спайк. — Я обитаю в его трейлере. Слушай, где ребята?

— Кто где. Нельсон-Динамит шатается по округе. Пит-Южанин и Бенни-Буйвол — в джунглях недалеко от Толедо. Как раз собирался навестить их, да недавний ураган загнал меня обратно в Уиллинг.

— Ммм... — задумался Хиггинс. — Может, мы будем проезжать мимо. Пойдем-ка в мой трейлер, поболтаем. А ты, приятель, можешь останавливаться на привал когда захочешь.

Оба привидения перебрались на заднее сиденье, а потом исчезли. Внутри я так и кипел, тем более что никак не мог найти способа избавиться от непрошенных гостей.

Ехал я еще с час, проскочил Толедо, а затем зарулил на платную стоянку. Отдал служителю доллар, подобрал удобное место и заглушил мотор.

Войдя в трейлер, я не обнаружил ни Спайка Хиггинса, ни Ловкача Самюэlsa, грабителя банков. Не показались они и к обеду. В полном одиночестве я помылся, поел, лег в постель.

Заснул с надеждой, что Хиггинс покинул меня. Снилось мне Моника.

Проснулся я от тяжелого, застоялого табачного запаха... Открыл глаза, заранее приготовившись к худшему.

Предчувствие меня не обмануло, но то, что я увидел... Спайк Хиггинс вернулся. Ха! Ха! Ха! Если бы просто вернулся! Он спал на противоположной койке, храпел с открытым ртом. Не слишком громко, все-таки призрак, но достаточно внятно. Его приятель — грабитель устроился

на верхней койке над ним. В кресле-качалке развалился новый пришелец, низкорослый толстяк с круглым, обрюзгшим лицом. Такой же призрак-бродяга.

Четвертый гость, тощий и костлявый, вытянулся на полу. Еще один улегся на койке надо мной, вниз свешивалась его рука. Бродяги, все бродяги. Банда призраков, оккупировавшая мой трейлер.

Пепельницы переполняли горы окурков, на доселе гладкой полированной поверхности письменного стола темнели прожженные пятна: вероятно, горящие сигареты просто клали на стол, не думая о последствиях. Эти подонки так накурили, что голова у меня буквально разламывалась от боли.

Я понял, что за ночь Спайк Хиггинс и его дружок собрали остальных членов банды. И привели их сюда. В мой трейлер! Я так разозлился, что перед глазами пошли красные круги, но быстро взял себя в руки. Выбросить я их не мог. Не мог даже прикоснуться к ним.

Оставалось лишь одно — признать свое поражение. Уйти подброду. Горькая пилюля, но иного выхода я не видел. Приехать к Монике и насладиться запланированным медовым месяцем я мог лишь отказавшись от дальнейшей борьбы.

Быстренько одевшись, я выскользнул из трейлера и запер за собой дверь. Не без труда нашел владельца стоянки — хорошо одетого мужчину с суровым взглядом. Чувствовалось, что деньги у него водились.

— Хорошо провели время, не так ли? — Он подмигнул мне. — Свет у вас горел далеко за полночь, и вы что-то распевали. Не очень громко, поэтому я не заглянул к вам. Но вижу — повеселились от души.

Я криво усмехнулся.

— Если бы веселился. Не мог заснуть. Встал и включил радио. Представляете, не могу сомкнуть глаз в этом трейлере. Наверное, такая жизнь не для меня. Купил-то я его три дня назад, новехонький, за две тысячи девятьсот девяносто восемь долларов. У меня есть квитанция. Не хотите приобрести его за полторы тысячи? Потом вы легко продадите его, выгадав пару-тройку сотен.

Он пожевал нижнюю губу, сразу оценив выгодность сделки. В итоге мы сошлись на тысяче трехстах пятидесяти долларах. Я отдал ему квитанцию, получил деньги, отцепил машину от трейлера и, сев за руль, позорно удрал.

На первом повороте я оглянулся. Ни Спайка Хиггинса, ни его призрачной банды.

Я даже позволил себе улыбнуться, подумав, как же он разъярится,

когда уяснит, что его бросили. И даже не сожалел о потере чуть ли не двух тысяч долларов.

С каждой секундой настроение у меня улучшалось, и я все сильнее жал на педаль газа, накручивая мили, отделявшие меня от трейлера. По крайней мере мне удалось избавиться от Спайка Хиггинса и его дружков.

— Ха!

— Ха-ха!

— Ха-ха-ха! — Каким же я оказался наивным.

Днем я уже катил по Иллинойсу. Монотонность равнины клонила ко сну, и я включил радио. И сразу же попал на экстренное сообщение полиции.

«Внимание, внимание! Дорожной полиции Индианы и Иллинойса. Ведется розыск четырехместного хромированного трейлера, украденного около полудня со стоянки близ Толедо. Предполагается, что воры едут в западном направлении».

Я шумно сглотнул. Это невозможно! Но похоже, речь шла о моем трейлере. С недобрым предчувствием глянул я в зеркало заднего обзора. Дорога была пуста. Я облегченно вздохнул. Слишком рано! В этот самый момент в полумиле от меня из-за поворота выехало что-то большое. И помчалось ко мне, пожирая разделявший нас отрезок шоссе.

Трейлер.

— Ха!

— Ха-ха!

Вот он приблизился, светло-коричневый, сверкающий хромом, его мотало от одной обочины к другой, и он мчался на скорости шестьдесят-семьдесят миль сам, без ведущей его машины.

По коже поползли мурашки, волосы встали дыбом, я изо всей силы вдавил в пол педаль газа. Мой автомобиль резко набрал скорость. Скоро цифра спидометра перевалила за цифру семьдесят, но расстояние между мною и трейлером таяло на глазах. Я добавил газ, скорость возросла до восьмидесяти, и тут я проскочил мимо патрульного, стоящего на обочине у мотоцикла. Я успел заметить его вылезшие из орбит глаза — поневоле удивишься, увидев трейлер, преследующий автомобиль, — нас разделяло ярдов пятьдесят. Но патрульный мгновенно пришел в себя, вскочил на мотоцикл, завел мотор и бросился в погоню.

А тем временем, несмотря на все мои усилия, трейлер пристроился сзади, я услышал, как щелкнул замок соединительной муфты, и тут же моя скорость резко упала. Еще бы ей не упасть, если на хвост навесили такую громадину. Был слышен рев полицейской сирены, но мне это было уже до

лампочки, потому что на переднем сиденье материализовался Спайк Хиггинс.

— Ух! — ухмыльнулся он. — Эта гонка выпила всю мою энергию. Думал, что сможешь удрать от Спайка Хиггинса и его дружков, да? Как бы не так, приятель. Этот полицейский, похоже, не любит нарушителей закона. Так что тебя ждет веселенький разговорчик.

— Возможно, но вы-то что от этого выгадаете, призраки паршивые? — вырвалось у меня. — Трейлер загонят в какой-нибудь гараж и оставят на долгие месяцы, пока меня будут судить за угон. То есть у нас появится и гараж с привидениями.

Хиггинс сунул два пальца в рот и лихо свистнул. В то же мгновение на заднем сиденье показались чуть расплывчатые фигуры Ловкача Самюэlsa и еще трех незнакомых мне бандитов. Хиггинс коротко обрисовал ситуацию.

— Теперь, парни, вы знаете, что нужно делать. Мы с Ловкачом берем на себя автомобиль. Вы — трейлер!

А патрульный тем временем уже катил параллельно автомобилю, стремясь согнать меня на обочину и положив одну руку на рукоять пистолета.

Как сигаретный дымок, все пятеро выплыли через открытые окна. Я увидел, как Ловкач Самюэлс схватился за передний бампер слева, Хиггинс — справа. Их фигуры вытянулись параллельно асфальту, сплющились, превратились чуть ли не в плоскость, сведя практически до нуля лобовое сопротивление. И сразу же мы набрали скорость, о которой я не мог и мечтать.

Мотоцикл мгновенно отстал, стрелка спидометра ползла и ползла от одной невероятной цифры к другой. Патрульный, однако, продемонстрировал феноменальную реакцию: выхватил пистолет и выстрелил. К счастью, пуля прошла мимо. Второго выстрела не последовало: слишком возрос отрыв.

Стрелка спидометра проскочила отметку девяносто миль, добралась до сотни и там замерла. Я молил Бога, чтобы шоссе осталось прямым, но мои молитвы не были услышаны. Впереди показался знак крутого поворота, за которым дорога по мосту переходила на другой берег глубоководной реки. Я окаменел. Не мог даже кричать.

В поворот мы вошли слишком быстро. Автоматически я нажал на тормоз и уже видел, как мы летим с обрыва в реку.

Но в тот самый момент, когда моя нога двинулась вниз, Хиггинс крикнул: «Алле-оп!»

И автомобиль с трейлером поднялись в воздух. И на высоте сто

пятьдесят футов пролетели над рекой и городком на противоположном берегу.

Хотел бы я посмотреть на физиономию патрульного в тот момент, когда мы оторвались от земли. Впрочем, и моя собственная физиономия наверняка являла собой интересное зрелище.

Когда городок остался позади, мы плавно спланировали на просеку в небольшом лесу. Приземлились, как пассажирский самолет, чуть проехали вперед и остановились.

Спайк Хиггинс и Ловкач Самюэлс отпустили бампер, раздулись до прежних размеров. Спайк Хиггинс стряхнул призрачную пыль с призрачных ладоней.

— Ну как, приятель? — спросил он. — Ловко, не правда ли?

— Как... — промямлил я, — как...

— Пустяки, — усмехнулся Хиггинс. — Этому мы все обучены. Всего лишь левитация. Ну а теперь пора тебе познакомиться с парнями. Вы еще не представлены друг другу. Это Бенни-Буйвол, это Айк из Толедо, а это Пит-Южанин.

Призраки — толстяк, высокий худой и третий, грустного вида, — появившиеся из-за трейлера, по очереди кивнули. Затем Хиггинс нетерпеливо махнул рукой.

— Поехали, приятель. Эта просека выведет нас на шоссе. Скоро стемнеет, а нам неохота оставаться на ночь в этом лесу. Тут территория Дэна Брейсера.

— А кто такой Дэн Брейсер? — спросил я, поворачивая ключ зажигания. Мне тоже не хотелось встречаться с еще одним привидением.

— Железнодорожный полицейский, — с усмешкой ответил Спайк Хиггинс. — По этой просеке не так давно ходили поезда. Зверюга, а не человек. Мог сбросить бродягу с движущегося поезда.

— Такой злой, что ему приходилось пить только черный кофе, — поддакнул Самюэлс. — Молоко сворачивалось под его взглядом, когда он наливал его в кружку.

— Не то что бы мы боялись его, — добавил призрак-толстяк Бенни-Буйвол, — но...

— Мы его просто не жаловали, — прокричал Айк из Толедо, и его грустная физиономия скривилась еще больше. — Разумеется, сейчас он не работает. Пару лет назад вышел на пенсию, а совсем недавно мне сказали, что он заболел.

— Лежит при смерти, — пробормотал Пит-Южанин.

— Лежит при смерти, — выдохнули остальные с оттенком страха в

голосах.

Затянувшуюся паузу прервал Спайк Хиггинс.

— Хватит о Дэне Брейсере! — рявкнул он. — Вывези нас отсюда! О патрульном можешь не беспокоиться. Неужели ты думаешь, что коп доложит начальству об автомобиле и трейлере, взмывших в воздух, как самолет? Никогда в жизни! Он никому не расскажет о том, что видел.

Вероятно, так оно и было, потому что, когда я выехал на шоссе, нас никто не преследовал. Я вновь взял курс на запад. А Хиггинс с друзьями удалились в трейлер, чтобы отдохнуть от дневных забот...

Я же гнал машину к побережью Тихого океана, к Моники. Отчаяние душило меня. Мало того, что я уже опаздывал из-за Спайка Хиггинса, настоявшего, чтобы мы сделали крюк и взглянули на Большой каньон, — главная беда заключалась в том, что я понятия не имел, как избавиться от навязчивых привидений. Не мог даже покинуть трейлер. Спайк Хиггинс мне это наглядно доказал. Из двух зол выбирают меньшее. Лучше тащить за собой трейлер с привидениями, чем удирать от этого же трейлера, несущегося как на крыльях. С очевидным не поспоришь.

Но, если я не мог избавиться от них, предстояло распрощаться с Моники, свадьбой, медовым месяцем. И меня бесило, что какое-то бестелесное существо могло встать между мной и моим счастьем.

Тем временем мы преодолели горы и въехали в Калифорнию. Я уже начал подумывать о самоубийстве. Спайк Хиггинс и его братия, должно быть, чувствовали мое состояние и вели себя как паиньки. Но я все равно не находил способа отделаться от них.

И вот настал миг, когда я, усталый и небритый, въехал в Голливуд, нашел стоянку для трейлеров и поставил машину. С тяжелым сердцем принял душ, помылся, переоделся. Я не знал, что скажу Моники, но, запоздав на несколько дней, не мог не позвонить ей.

Телефон я нашел в каморке дежурного. Отыскал в справочнике телефон Иды Брейсер, так звали тетюшку Моники, набрал номер.

Трубку взяла Моники. В голосе ее слышалась тревога.

— О, Мел! — воскликнула она, едва я назвался. — Где ты был? Мы так волнуемся!

— Меня задержали, — с горечью объяснил я. — Призраки. Объясню позднее.

— «Призраки»? — Голос стал ледяным. — Ладно, раз уж ты объявился, я должна немедленно повидаться с тобой. Дядя Дэн умирает.

— Дядя Дэн? — эхом отозвался я.

— Да, брат тетюшки Иды. Раньше он жил в Айове, но несколько

месяцев назад тяжело заболел и переехал к нам. И теперь он умирает. Доктор говорит, что счет уже идет на часы.

И тут до меня дошло. Я начал смеяться. Предчувствуя, что недалек час, когда праздник придет и на мою улицу.

— Уже еду, — сумел я выдавить из себя и положил трубку.

Все еще посмеиваясь, я отцепил машину от трейлера. Спайк Хиггинс подозрительно глянул на меня.

— Отъеду ненадолго, — пояснил я. — И сразу же вернусь.

— Не задерживайся, — пробурчал призрак. — Мы хотим, чтобы ты повозил нас по округе и показал дома всех этих кинозвезд.

Десять минут спустя Моника, очаровательная Моника, открыла мне дверь дома. В прекрасном расположении духа я обнял ее и поцеловал. Она высвободилась, а затем как-то странно посмотрела на меня.

— Мел, что с тобой произошло?

— Ни-че-го. — Я чуть ли не пел. — Моника, дорогая, я должен поговорить с твоим дядей.

— Но он слишком болен, чтобы кого-то принимать. Он умрет с минуты на минуту.

— Тем более я должен как можно быстрее увидеться с ним. — И я протиснулся мимо нее. — Где он, наверху?

Я взлетел по лестнице. Вошел в комнату больного. Дядя Моники, крупный, когда-то крепкий мужчина с осунувшимся лицом и щетиной на подбородке, лежал на кровати, и дыхание с трудом вырывалось из его груди.

— Мистер Брейсер! — позвал я.

Его глаза чуть приоткрылись.

— Кто ты? — прохрипел он.

— Я собираюсь жениться на Монике, — ответил я. — Мистер Брейсер, вы когда-нибудь слышали о Спайке Хиггинсе? Или Ловкаче Самюэлсе? Или о Бенни-Буйволе, Пите-Южанине, Айке из Толедо?

— Слышал о них? — Глаза больного блеснули. — Ха! Еще как слышал. И не раз ловил их. Но все они уже умерли.

— Я знаю. Но они по-прежнему здесь. Мистер Брейсер, хотели бы вы вновь встретиться с ними?

— С ними? — Руки Дэна Брейсера сжались в кулаки. — Еще бы!

— Тогда, если вы подождете меня на кладбище в первую ночь после того, как... ну, в общем, подождете меня, я сведу вас с ними.

Бывший полицейский кивнул. Плотно улыбнулся, как тигр, увидевший добычу. Затем расслабился, закрыл глаза, и вбежавшая Моника

тихо ахнула.

— Он умер.

— Ха-ха! — Я хохотнул. — Ха-ха-ха! Кое для кого это будет большой сюрприз.

Похороны состоялись двумя днями позже. За это время с Моникой я виделся редко. Она, разумеется, не особенно горевала, поскольку дядю знала плохо, но на ее долю выпало улаживание различных формальностей. А я ничем не мог ей помочь, потому что Спайк Хиггинс и компания использовали меня на полную катушку. Я возил их по всему Голливуду, от дома одной кинознаменитости к дому другой, и так до бесконечности. Побывали мы и в Малибу-Бич, и в Санта-Монике, и в Лаурел-Каньон. Не оставили без внимания и киностудии.

Моника, кстати, старалась избегать общения со мной, даже если у меня выпадала свободная минута. Но я этого не замечал, радуясь, что скоро сумею избавиться от Хиггинса и его дружков.

Мне удалось ускользнуть со стоянки для трейлеров, чтобы принять участие в похоронах Дэна Брейсера, и улыбка не сходила моего лица, а иногда с губ срывался и смех. Я знал, как обрадуется душа Дэна, добравшись до моих незваных гостей. Моника смотрела на меня как-то странно, но я решил, что потом объясню ей все. Не следовало на похоронах вдаваться в подробности.

После того как гроб с телом Дэна Брейсера опустили в могилу, Моника заявила, что у нее страшно разболелась голова, и заперлась в своей комнате. Я вернулся на стоянку. Хиггинс и его дружки развалились на койках, опять курили мои сигареты. Хиггинс подозрительно оглядел меня.

— Приятель, нам пора трогаться в путь. Надоело сидеть на одном месте. Уезжаем завтра, согласен?

— Сегодня вечером, Спайк, — весело отвечал я. — Зачем ждать до утра? Сразу после заката и двинем. В далекие края. Тра-ля-ля-ля.

Он нахмурился, но не нашел что возразить. Я с нетерпением ждал заката. И едва стемнело, выкатился со стоянки, держа курс на кладбище, где только что похоронили Дэна Брейсера.

Спайк Хиггинс хмурился всю дорогу, но так и не понял, куда мы едем, пока я не остановил машину у низкой каменной стены, неподалеку от могилы дядюшки Моника. Вот тут, взглянув на темное кладбище, он задержался.

— Слушай, а чего ты вдруг остановился? Поехали дальше.

— Одну минуту, Спайк, — успокоил его я. — Есть у меня небольшое дельце. Я вылез из кабины и подошел к стене.

— Мистер Брейсер! Мистер Брейсер!

Я вслушался в темноту, ожидая ответа, но грохот длинного товарняка заглушил все звуки. Железная дорога проходила совсем рядом. А мгновение спустя среди могильных камней появилась туманная фигура.

— Мистер Брейсер! — позвал я. — Сюда, пожалуйста!

Фигура приблизилась. Сгрудившиеся позади меня Спайк Хиггинс и его дружки с опаской следили за ней. И наконец поняли, кто перед ними.

— Дэн Брейсер! — прохрипел Спайк Хиггинс.

— Это он! — простонал Ловкач Самюэлс.

— Его призрак! — ахнул Пит-Южанин и заголосил!

— О-о-о-о!

Они попятились, а Дэн Брейсер прибавил шагу. Не обращая на меня никакого внимания, он двинулся на пятерку бродяг.

Спайк Хиггинс развернулся и пустился наутек, остальные последовали за ним. Они мчались к железнодорожным путям, по которым еще грохотал товарняк. Дэн Брейсер уже наступал им на пятки. Отталкивая друг друга, Хиггинс, Самюэлс и Бенни-Буйвол забрались в один вагон. Пит-Южанин и Айк из Толедо прыгнули в следующий.

Все они вскарабкались на крышу и оглянулись. Призрак Дэна Брейсера еще оставался на насыпи. Но потом вытянулась гигантская рука, схватилась за стойку, и через секунду Дэн оказался на крыше и бросился к Хиггинсу и его дружкам. Те рванули к паровозу.

Более я их не видел — пять призраков в панике убегали, шестой преследовал их, предвкушая сладостный миг победы. Они исчезли из моей жизни, унеслись в восточном направлении.

К дому тетушки Моники я ехал, посмеиваясь про себя над тем, как мне удалось избавиться от банды привидений. Теперь ничто не могло омрачить нашего с Моникой медового месяца.

— Мелвин! — осадила меня Моника, открыв дверь. — Над чем ты смеешься на этот раз?

— Твой дядя... — Я хохотнул. — Он...

— Мой дядя! — взвизгнула Моника. — Ты... ты мерзавец! Ты смеялся, когда он умирал! Смеялся во время похорон! Теперь ты смеешься, потому что он мертв!

— Нет, Моника, — возразил я. — Позволь мне объяснить. Насчет привидений и того, как я...

Она всхлипнула.

— Ворвался в дом... смеялся над моим бедным дядей Дэном... смеялся на его похоронах...

— Но, Моника! — воскликнул я. — Все совсем не так! Я только что с кладбища и...

— И ты пришел оттуда со ртом до ушей! — воскликнула Моника. — Я не хочу тебя больше видеть! Наша помолвка расторгнута! Да еще ты так жутко смеешься... Словно привидение... От твоего смеха кровь стынет в жилах. Даже если бы ты не натворил ничего другого, я бы никогда не вышла замуж за мужчину с таким смехом. Вот твое кольцо. Прощай!

И, пока я таращился на кольцо в моей ладони, она захлопнула дверь. Таким вот получился итог. Моника — девушка серьезная и уж если что решит, то сделает обязательно. Она даже слушать не стала мои оправдания. Насчет Спайка Хиггинса и прочих призраков. А такому смеху я научился от них подсознательно. Не зря говорят: с кем поведешься, от того и наберешься. И все-таки мне удалось избавиться от этих чудищ. Но Монике я смог бы доказать свою правоту единственным способом — показав ей призрак Спайка Хиггинса.

— Ха!

— Ха-ха!

— Ха-ха-ха!

Если кто-то хочет купить практически новый трейлер, по дешевке, пусть связывается со мной.

Перевел с английского Вик. Вебер

ХЭНЛИ

В августе 1864 года «Спиритический журнал» перепечатал заметку из «Стаффордского дозорного». В ней говорилось о призраке, явившемся мистеру Уильяму Риджвею, известному владельцу гончарных мастерских из Хэнли, что в графстве Стаффордшир. Любопытно, что фабрикант, утаив происшествие от членов своей семьи и друзей, спустя много лет поведал о нем совершенно чуждому человеку. При таких обстоятельствах редактор журнала, конечно, не мог найти никаких доказательств, подтверждающих рассказ Риджвея о встрече с призраком его покойной матери. Да он и не ставил себе такой цели. Не сумел он объяснить и причин, по которым история вдруг выпала на свет спустя три месяца после смерти мистера Риджвея. Однако наша задача — изложить содержание заметки, а не подвергать ее критическому разбору.

«Много лет семейство Риджвеев, — пишет наш рассказчик, —

занимало высокое положение и пользовалось заметным влиянием в деловом мире. О них шла слава возродителей прекрасного искусства — они производили стаффордскую глиняную утварь, которую благодаря им узнал весь мир. Слава эта передавалась по наследству из поколения в поколение. Уильям работал вместе со своим старшим братом Джоном. Его уважали за мужество, отвагу, неукротимую жажду деятельности и кристальную честность. Никто не мог подвергнуть сомнению слово Уильяма Риджвея. Следовательно, свидетельство такого человека — залог достоверности описываемого случая».

Я с радостью перескажу эту историю в том виде, в каком она появилась на страницах «Стаффордского дозорного», где через три месяца после кончины упомянутого достойного джентльмена были напечатаны его воспоминания. Повествование начинается так:

«Когда мистеру Уильяму исполнился двадцать один год, братья стали равноправными компаньонами своего отца, и их партнерство продолжалось много лет. После смерти отца между сыновьями сразу же возник спор о праве владения поместьем родителей. Джон ссылался на свое старшинство, Уильям — на то, что у него большая семья. Спор уже грозил перейти в ссору, когда однажды вечером, в десять часов, Уильям заметил возле дома призрак своей покойной матери. Привидение, очень похожее на эту женщину при жизни, громко и внятно произнесло: „Уильям, дорогой, уступи дом брату, и Господь вознаградит тебя за это“. Наутро Уильям отказался от поместья в пользу Джона, не объясняя ни жене, ни друзьям, ни самому брату истинных причин своего поступка. Тайна оставалась нераскрытой до июня 1863 года, когда он поведал нам о ней.

Люди суеверные выделяют одни обстоятельства этой истории, философы сосредоточат внимание на других ее сторонах, но все как один сойдутся в том, что ее правдивость несомненна. Никто не оспорит слова мистера Риджвея, и немногие поверят, что глаза и уши тогда еще молодого человека могли сыграть с ним злую шутку. К счастью, дружба двух братьев не была омрачена имущественными разногласиями и сохранилась на всю жизнь».

Лорд Дансэни В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ

Случилось так, что я вызвал в одном доме немалый переполох, приведя с собой моего приятеля Джоркенса. Правда, себя я виноватым не считаю, да и его, пожалуй, тоже. Так уж получилось, что другой мой знакомый сказал, что его дети любят страшные истории, и я поделился с ними несколькими байками о львах и тиграх, которые их совершенно не испугали. Тут я вспомнил о Джоркенсе, который провел немало времени в джунглях Индии и Африки, охотясь на хищников, и решил, что уж его-то воспоминания произведут должный эффект. Поэтому сказал трем детям моего приятеля, что хорошо знаком со старым охотником, который много чего знает, и спросил хозяина дома, не могу ли я привести его как-нибудь к чаю.

Я и представить себе не мог, что Джоркенс расскажет действительно страшную историю. Не ожидал я и того, что дети, все же не такие маленькие, от десяти до двенадцати лет, так перепугаются. Разрешение привести Джоркенса я получил незамедлительно, дети чуть ли не за первой чашкой чая потребовали, чтобы он рассказал им страшную историю, а Джоркенс не заставил просить себя дважды. Теперь же во всем винят меня. Не могу понять почему. Я лишь выполнял их желание.

Нужно, конечно, иметь в виду, что ранее они никогда не видели Джоркенса и знали его лишь по моему описанию, а дети иногда могут быть очень доверчивыми. А теперь позвольте изложить историю Джоркенса, рассказавшего ее, сидя в удобном кресле, когда дети — два мальчика, десяти и одиннадцати лет, и двенадцатилетняя девочка — стояли перед ним, жадно ловя каждое слово.

Рассказывал он о тигре. Я ожидал услышать примерно то же самое, что он рассказывал взрослым, но Джоркенс значительно изменил сюжет, вероятно с учетом возраста слушателей. И похоже, перегнул палку.

— Тигр заметил меня, — вещал Джоркенс, — и неторопливо двинулся следом, словно не хотел бежать по такой жаре и знал наверняка, что я не побегу тоже. Пусть эта история послужит вам хорошим уроком на будущее: когда вырастете, никогда не приближайтесь к индийским джунглям без оружия, даже если решили немного прогуляться, как сделал я в то злополучное утро. Ибо мне на пути встретился тигр. Он двинулся за мной, я — от него, но тигр шел чуть быстрее меня. Я, конечно, понимал, что за

каждые сто ярдов он приближается ко мне на пять-шесть футов, но расстояние между нами неуклонно сокращалось. Я и понимал, что бежать тоже нельзя.

— Почему? — хором спросили дети.

— Потому что тигр подумал бы, что началась новая игра, и принял бы в ней участие. Пока мы шли, на ста ярдах он выигрывал пять-шесть футов; если бы побежали, выиграл бы пятьдесят. И я предпочел идти, хотя понимал, что лишь оттягиваю неизбежное... К сожалению, мы находились не в джунглях, а среди каменистых холмов, где не росли деревья. А от джунглей я отходил все дальше.

— Почему?

— Потому что тигр появился между мной и деревьями. Тигры уходят из джунглей ночью и возвращаются на рассвете, когда только просыпаются и начинают кукарекать петухи. Все это также происходило утром, но солнце поднялось достаточно высоко и я полагал, что все тигры давным-давно в джунглях. Поэтому я вышел на прогулку без оружия, и, как оказалось, напрасно.

— А почему вы пошли гулять? — спросила девочка.

— Никогда не следует спрашивать кого-либо, почему он сделал то или иное, приведшее к беде. Причина всего одна, хотя редко кто в ней признается. И имя ей — глупость.

— А в вашем случае она привела к беде? — любопытствовала девочка.

— Вы все услышите, — невозмутимо продолжал Джоркенс. — Как я вам говорил, мы находились на каменистых холмах. Тигр все приближался. И тут я заметил пещеру меж двух скал, чуть ли не у самой вершины маленького холма. Конечно, войти в нее означало отрезать себе путь к отступлению. Но пещера все-таки давала шанс на спасение. Она могла стать уже, и тигр не пролез бы там, где хватало места человеку. Или же стать шире и разветвляться, так что я мог запутать тигра. Надежда всегда умирает последней, поэтому я поднялся на холм и нырнул в пещеру. Тигр последовал за мной.

Я уже преодолел какое-то расстояние, прежде чем свет померк: тигр заполнил собой вход в пещеру. Тоннель действительно сужался, и вскоре я уже полз на четвереньках. А кошка по-прежнему не спешила. Тоннель же становился достаточно широким, так что ей места хватало.

А тут еще мне вспомнилась статейка в газете о скелетах мышки и кота, найденных при реконструкции одного кафедрального собора. Мышка забралась далеко в норку, и кошка уже не могла ее достать. Но последняя

так крепко засела в норе, что не смогла вылезти назад. Так они и остались там навсегда. Мне лишь оставалось надеяться, что тигру хватит ума повернуть, когда лаз станет слишком узким. Пока же тигр полз не торопясь вперед. И все более приближался. Я уже чувствовал его запах. И тут страшная мысль пронзила меня: запах-то слишком сильный! Все-таки тигр от меня еще в тридцати ярдах. Неужели я ползу в логовище зверя? Но я отогнал от себя эту мысль, от которой кровь стыла в жилах.

А потом появилась надежда, что этот тоннель прошивает холм насквозь. Но я так и не чувствовал дуновения ветерка, указывающего, что тоннель сквозной, — запах тигра наполнял воздух, и я понял, что солнца мне уже не видать...

Я искоса глянул на детей, чтобы посмотреть, удалось ли Джоркенсу завладеть их вниманием. Они слушали, но, как мне показалось, не выказывали особого интереса. И у меня сложилось впечатление, что девочка симпатизировала тигру. Но я мог и ошибиться. Дело, кстати, происходило осенью, свет не зажигали, и в комнате царил сумрак. Моей вины в том не было: я не подозревал, что последует дальше.

— Тигр подбирался все ближе, — продолжал Джоркенс. — Я отметил для себя, что пол в тоннеле удивительно гладкий, отполированный мягкими лапами крупного хищника. И тут тоннель кончился глухой, так же отполированной стеной. Я повернулся в темноте — и скорее унюхал, чем увидел перед собой тигра.

— И что случилось потом? — спросил один из мальчиков.

— Он меня съел, — ответил Джоркенс. — А с вами говорит привидение.

Вот тут-то и начался переполох в темной комнате, вину за который возложили на меня.

Перевел с английского Вик. Вебер

КАРТЕЖНИК

Является у пражской церкви Св. Петра ровно в полночь. Характер: очень назойлив.

Этот бывший сторож церкви Св. Петра при жизни был отчаянным картежником. В XV веке во время Великой чумы людям было не до карт, и бедняга никак не мог найти себе партнеров. Однажды в церковь принесли в гробу одного из его приятелей, с которым они коротали время за

картами. Когда колокола пробили начало вечерней мессы, сторож, вынув карты, со вздохом сказал: «Эх, приятель-приятель! Вот бы нам сейчас перекинуться в картишки...»

С последним ударом колокола мертвец вдруг поднялся из гроба и выхватил у сторожа карты. Началась игра, длившаяся до полуночи. И тут, когда колокола пробили полночь, партнер вновь улегся в гроб, а сторожа унесла неведомая сила.

После этого у церкви Св. Петра появилось привидение, как две капли воды похожее на него. Оно бродит по окрестным улицам и предлагает всем встречным сыграть робер-другой. Говорят, что освободить его от заклятия сможет тот, кто выиграет у призрака.

Марк Твен

ДИКОВИННЫЙ СОН

Позапрошлой ночью мне привиделся удивительный сон. Снилось, будто я сижу, задумавшись, на ступеньках крыльца в каком-то незнакомом городе. Время позднее — полночь или час ночи. Воздух свеж и напоен ароматами. Не слышно ни человеческого голоса, ни шагов запоздалого прохожего. Ни один звук не нарушает мертвую тишину, разве что глухо пролает собака и эхом ей отзовется другая.

Вдруг с улицы донеслись какие-то резкие, щелкающие звуки; я подумал, что это трещат кастаньеты и сейчас пропоют серенаду. Но через мгновение показался длинный скелет в рваном, заплесневелом саване; лохмотья, едва прикрывавшие грудь, раздувались от ветра. Скелет величаво прошествовал мимо меня и растворился в сером мраке звездной ночи. Он нес на плече гроб, изъеденный червями, и какой-то узелок в руке. Я понял, откуда исходили странные звуки — при ходьбе трещали суставы скелета, костяшки локтей стучали о ребра. Невероятно!

Не успел я собраться с мыслями и логически рассудить, что означает сие предзнаменование, как снова услышал знакомое пощелкивание, — приближался другой скелет. Он нес на плече развалившийся гроб, а доски изголовья и основания — под мышкой.

Мне очень хотелось окликнуть мертвеца, заглянуть под капюшон савана, но вдруг он сам, проходя мимо, повернул ко мне голову с пустыми глазницами и осклабился. Нет, пусть идет своей дорогой, решил я.

Только он скрылся, снова раздался треск и из полумрака возник новый скелет. Он сгибался под тяжестью надгробной плиты и волочил за собой на веревке трухлявый гроб. У крыльца скелет остановился, с минуту таращился на меня, потом попросил:

— Будьте добры, подсобите человеку!

Я помог ему спустить плиту на землю и тем временем прочитал надпись. Звали его Джон Бакстер Компенхерст, скончался он в мае 1839 года. Мертвец устало присел возле меня, провел костлявой рукой по лобной кости. Я рассудил, что делал он это по старой привычке, ибо не видно было, чтоб на черепе у него проступал пот.

— Плохи мои дела, плохи, — сказал он, печально подпершись рукой, кутаясь в остатки савана. Потом закинул левую ногу на колено правой и рассеянно поскреб кость лодыжки ржавым гвоздем, вытащенным из гроба.

— Что плохо, приятель?

— Все из рук вон плохо. Лучше б мне вовсе не помирать.

— Вы меня удивляете. Странно слышать такие слова. Что случилось? В чем дело?

— «В чем дело»! Гляньте-ка на мой саван — одни лохмотья остались! А плита? Вся истерлась. На эту рухлядь — гроб — и смотреть стыдно. Все имущество разрушается прямо на глазах, а вы, черт побери, спрашиваете, в чем дело!

— Успокойтесь, успокойтесь, — сказал я. — Все это, конечно, очень печально, но мне и в голову не приходило, что в вашем положении волнуются из-за таких пустяков.

— Извините, дорогой сэр, меня это *волнует*. Моя гордость уязвлена, мой покой нарушен, точнее — его больше нет. Если позволите, я внесу ясность в это дело, — молвил бедный скелет.

Он откинул капюшон, будто готовясь к выступлению, и невольно принял важную и бодрую осанку, не соответствующую его нынешнему мрачному положению и уж никак не гармонирующую с его скорбным положением.

— Продолжайте, — сказал я.

— Я обретаюсь на старом кладбище в двух кварталах отсюда, по этой же улице... Ну вот, так я и знал, что этот проклятый хрящ отвалится! Друг мой, привяжите ребро снизу к позвоночнику. Надеюсь, у вас найдется веревочка? Серебряная проволочка, конечно, глядится приятнее и носится дольше, если ее чистишь. Подумать только, прямо на ходу распадаюсь, а все из-за бесчувственных потомков!

Бедный скелет заскрежетал зубами, и меня кинуло в дрожь: отсутствие десен усиливало жуткий эффект.

— Так вот, я уже тридцать лет обретаюсь на этом старом кладбище, и, доложу вам, все изменилось с тех пор, как мое брненное тело впервые обрело покой, с тех пор, как я удобно устроился в гробу, потянулся, готовясь к долгому сну, и с восхитительным чувством умиротворения подумал: с заботами, огорчениями, тревогами и страхами *покончено*, покончено навсегда; убоготворенный, я прислушивался к стуку — от первой горстки земли, брошенной на гроб, до легкого похлопывания лопаты могильщика по крыше моего нового дома. Как это было чудесно! О, я от души желал бы вам испытать это чувство сегодня же!

Костлявая рука с треском хлопнула меня по спине, и я моментально очнулся от раздумий.

— Да, сэр, тридцать лет назад я успокоился здесь и был счастлив.

Тогда кладбище располагалось за чертой города, в великолепном старом лесу; там росли фиалки, ласковые ветерки перешептывались с листвою деревьев, прыгали веселые белки, ползали ящерицы, а птицы наполняли безмятежный покой музыкой. Ах, это неземное блаженство стоило десятилетий человеческой жизни! Все было волшебным и упоительно. У меня было прекрасное общество. Все мертвецы, поселившиеся по соседству, принадлежали к лучшим семействам города. Потомки были о нас очень высокого мнения. Они поддерживали могилы в безукоризненном состоянии, вовремя чинили кладбищенский забор, следили за тем, чтобы памятники не кренились, очищали от ржавчины ограды, подстригали розы и декоративный кустарник, предохраняли его от вредителей, посыпали гравием дорожки.

Все это в прошлом. Потомки позабыли о нас. Мой внук живет в роскошном доме, построенном на деньги, добытые вот этими мозолистыми руками, а я сплю в заброшенной могиле и паразиты гложут мой саван, да еще устраивают в нем свои гнезда. Я и мои друзья заложили основы процветания этого города, а спесивые потомки бросили нас догнивать на кладбище, которое клянут люди, живущие по соседству, над которым глумятся приезжие. Вот она, разница, между былыми временами и нынешними. Все могилы осели, надгробия сгнили или разрушились, ограды накренились, поломались, отдельные прутья торчат, памятники наклонились, будто от усталости. Порядка и в помине нет — ни роз, ни кустарника, ни посыпанных гравием дорожек. Даже облупившийся старый забор, якобы оберегавший от приبلудного скота и равнодушных прохожих, топчущих могилы, совсем покосился и нависает над тротуаром, выставя напоказ унылый вечный покой. И даже друг лес не может скрыть нашу нищету, потому что город простер зловещую руку и затащил его в свою черту; от прежнего лесного рая осталась лишь кучка жалких деревьев, безмерно утомленных городской жизнью. Они стоят, упершись корнями в наши гробы, вглядываясь в туманную даль, и мечтают туда перебраться.

Теперь вы понимаете, каково нам. В то время, как потомки роскошествуют на наши деньги в городе, окружившем кладбище со всех сторон, мы вынуждены напрягать все силы, чтобы не рассыпаться на части. Господи, да на этом кладбище нет ни одной могилы, которая не протекала бы, — ни одной. Каждую ночь в дождь мы выбираемся наружу и рассаживаемся по деревьям, а порой посреди ночи разбудит ледяная вода, ручейком стекающая по затылку. Тут уж, доложу вам, такое начинается! Вспучиваются старые могилы, валятся памятники, опрометью мчатся к деревьям скелеты. Доведись вам пройти мимо кладбища такой ночью, вы б

увидели пятнадцать скелетов на одном суку; ветер гуляет меж ребер, играет костями, как погремушкой. Сколько раз, просидев на суку три-четыре нескончаемых часа, мы слезали с дерева промокшие, окоченевшие, продрогшие до мозга костей и одалживали друг другу черепа, чтоб вычерпать воду из могилы. Вот я откину голову назад, а вы загляните мне в рот. Видите — череп сверху наполовину заполнен присохшим песком. Порой чувствуешь себя так глупо от ощущения тяжести в голове.

Да, сэр, побывай вы здесь перед рассветом, вы бы застали нас за вычерпыванием воды из могилы и развешиванием саванов на заборе. Как-то под утро у меня стянули мой элегантный саван. Я думаю, это дело рук некоего Смита — плебея из того уголка, где хоронят простонародье. Когда он здесь появился, на нем, кроме ковбойки, ничего не было, а на последнем рауте, состоявшемся на новом кладбище, он был самый нарядный покойник из всей компании. И что примечательно, только он меня заметил, его как ветром сдуло, а одна пожилая дама тут же хватилась, что у нее пропал гроб. Она обычно всюду таскала его за собой: боялась схватить простуду и получить осложнение от холода — спазматический ревматизм, он-то и свел ее в могилу. Я говорю о Хотчкисс, Анне Матильде Хотчкисс, — может, вы ее знаете? Высокая, довольно сутулая дама, в верхней челюсти остались два передних зуба, а нижняя совсем отвалилась, так теперь прикручена проволокой. Над левым ухом — длинная прядь волос цвета ржавчины, а над правым — покороचे. Слева не хватает ребра, а в предплечье — одной кости: потеряла в драке. Бывало, ходила развалистой походкой, подбоченясь, задрав нос. Такая была легкая, непринужденная, а теперь вот лежит развалиной, как битая чаша.

— Боже сохрани! — невольно вырвалось у меня.

Вопрос в столь неожиданной форме застиг меня врасплох. Пытаясь загладить свою бестактность, я поспешно произнес:

— У меня и в мыслях не было непочтительно отозваться о вашей подруге, но я не имел чести знать Анну Матильду Хотчкисс. Кстати, вот вы говорите, что вас обокрали. Это, конечно, возмутительно, но если судить по сохранившимся фрагментам вашего наряда, этот саван был дорогой штукой в свое время. Как же...

Жуткий оскал на полуистлевшем черепе с остатками ссохшейся кожи, означавший хитрую, многозначительную улыбку, что красноречивее слов, подсказал: когда Джон Бакстер Компенхерс приобрел свой наряд, покойник с соседнего кладбища его лишился. Это подтверждало мою догадку, но я попросил гостя отныне объясняться только словами, ибо мне трудно что-нибудь понять по выражению его лица, ведь его самой выразительной

гримасе — увы! — недостает живого огня. Улыбки же вообще неуместны.

— Так вот, мой друг, — продолжал свой рассказ бедный покойник, — я вам сообщаю только факты. Два самых старых кладбища — мое и то, что подальше, — умышленно заброшены нашими потомками. Они не пригодны для обитания. Мало того, что здесь развиваются костные болезни, а это немаловажный фактор в сырое время года, — здесь пропадает имущество. Мы вынуждены либо покинуть это место, либо лишиться последней собственности. Хотите верьте, хотите нет, ни у одного из моих знакомых не осталось целого гроба, это чистая правда. Я уж не говорю о простонародье, которое тащится сюда в жалких сосновых ящиках на фургонах, — нет, сэр, я говорю о модных гробах с серебряными ручками, плывущих под балдахином на катафалках. Их владельцам отводятся лучшие места на кладбище, — я говорю о таких семействах, как Джарвисы, Бледсосы, Берлингсы. Все они на грани полного разорения. Были когда-то самыми богатыми в нашей общине, а теперь — нищие. Один из Бледсосов променял свой фамильный монумент на кучку свежих стружек под голову. Тут уж и слова бессильны, ибо ничем так не дорожит и не гордится покойник, как своим памятником. Покойники обожают читать надписи на памятниках и эпитафии. Через какое-то время они уже принимают все слова за чистую монету и что ни ночь рассаживаются на оградах, чтоб насладиться лицезнением этих слов. Эпитафия стоит недорого, а сколько удовольствия она доставляет покойнику, особенно если ему, бедняге, не везло в жизни! Эпитафии надо заказывать чаще.

Я не жалею, но, между нами, мои потомки поступили подло: только и удостоили, что этой старой плиты, да и то без единого хвалебного слова. Раньше на ней было высечено: «Удалился на заслуженный покой». Сначала я гордился этой надписью. Потом смотрю, подойдет к могиле какой-нибудь приятель покойник, упрется подбородком в ограду и серьезно читает, что на плите высечено, а как дойдет до этих слов, захихикает и ретируется с довольным видом. Тогда, чтоб избавиться от этих дураков, я взял да и стер надпись.

Как я уже говорил, покойники очень тщеславятся своими памятниками. Вон идут Джарвисы и тащат свой семейный монумент. А Смитерс свой уже уволок — нанял в помощь каких-то призраков. Привет, Хиггинс, прощай, старый друг! Это Мередит Хиггинс, скончался в сорок четвертом, нашего круга покойник, из приличной старой семьи, прабабушка — индианка. Мы с ним вообще-то приятели, но он, видимо, не расслышал моего приветствия, потому и не ответил. Жаль, мне хотелось представить его вам. Уверен, вы бы пришли от него в восторг. Хиггинс —

самый старый скелет на всем кладбище, ходячая руина, но сколько в нем веселья! Засмеется — будто камешки друг о дружку трутся, голос скрипучий, резкий, словно ногтем по стеклу провели — умора! Эй, Джонс! Это — Колумб Джонс, его родственники за один саван четыре сотни выложили, а все похороны, включая памятник, обошлись им в две тысячи семьсот долларов. Было это весной двадцать шестого. Немыслимая роскошь по тем временам! Покойники приходили издалека, чтоб взглянуть на такое богатство. Мой сосед все это очень хорошо помнит. А вон там, видите, скелет с изголовьем гроба под мышкой? У него кости на ноге не хватает. Ну, вон тот, что гол как сокол? Это Барстоу Дэлхаузи, он был здесь самый богатый покойник после Колумба Джонса.

Мы все уходим. Такого отношения потомков терпеть нельзя. Открывают новое кладбище, а наше предали полному забвению. Мостят улицы, а до нас им и дела нет. Гляньте на мой гроб. В свое время он мог украсить любую гостиную в городе. Я вам его подарю, если хотите, починка мне не по карману. А вы поставите новые доски в днище, смените одну-две на крышке, прибьете новый ободок слева — и будете жить ничуть не хуже любого другого. И не благодарите, готов отдать, лишь бы вы не подумали, что я не ценю хорошего отношения. А саван? Он по-своему очень мил, и если хотите... Нет? Ну, как знаете, я из добрых побуждений, хотел сделать вам приятное. До свидания, друг, мне пора в путь. Может, он будет долгим, этот путь, не знаю. Одно знаю наверняка: я переселяюсь. Я никогда не обрету покоя на этом старом, заброшенном кладбище. Буду странствовать, пока не подыщу себе приличное жилье, далее если придется топтать до самого Нью-Джерси. Мои приятели тоже уходят отсюда. На тайном собрании вчера ночью было решено переселиться, и к восходу солнца тут ни одной косточки не останется.

Может, такие кладбища и устраивают моих ныне здравствующих друзей, но оно не устраивает незабвенных, и я имею честь заявить об этом, выражая общее мнение. А сомневаетесь в правоте моих слов, поглядите, какой разгром учинили покойники перед уходом. Так бурно негодовали, что едва не взбунтовались.

Привет! Это идут Бледсосы. Будьте добры, помогите мне поднять плиту, я, пожалуй, присоединюсь к их компании. Весьма респектабельное старое семейство эти Бледсосы. Сюда прибывали только на катафалках — шестерка лошадей с плюмажами, все по высшему разряду. Это было пятьдесят лет назад, когда я еще ходил по улицам при свете дня. До свидания, друг!

Взвалив на плечо надгробную плиту, мой знакомый примкнул к

ужасной процессии и поволок за собой полуразвалившийся гроб, который предлагал мне от всей души и от которого я решительно отказался.

Часа два мимо меня, треща костями, тащились несчастные скелеты со своим похоронным скарбом, и сердце мое разрывалось от жалости. Два молодых, хорошо сохранившихся покойника спрашивали расписание ночных поездов; другим этот способ передвижения был, очевидно, незнаком, и они интересовались, как пройти в тот или иной город. Некоторых городов уже не было — они исчезли с карт и с лица земли лет тридцать тому назад, — иные существовали *только* на картах — особых, составленных агентствами по продаже земельных участков. Покойники интересовались состоянием кладбищ в других городах, отношением их жителей к памяти усопших.

Вся эта история захватила меня, пробудив горячее сочувствие к бездомным покойникам. Не ведая, что это лишь сон, я поделился с одним из странствующих скелетов идеей описать их необычный и очень печальный исход. Выразил опасение, что мне не удастся воссоздать истинную картину, ведь у людей сложится впечатление, что я легкомысленно подошел к столь серьезной теме и проявил неуважение к памяти мертвых, вызвав шок у их здравствующих друзей. Но вежливый, полный чувства собственного достоинства скелет наклонился ко мне и сказал:

— Пусть это вас не беспокоит. Если общество терпит кладбища вроде тех, что мы покидаем, оно может вытерпеть все, что скажут о забытых покойниках, лежащих там.

Прокричал петух, и таинственная процессия исчезла, не оставив ни лоскутка, ни кости. Я проснулся и обнаружил, что лежу поперек кровати и голова моя сильно свесилась вниз — в таком положении снятся не поэтические сны, а сны с моралью.

Примечание. Читатель, будь уверен: если в твоём городе кладбища поддерживаются в хорошем состоянии, то ядовитые стрелы этого рассказа поразят не твой город, а *соседний*.

1888 г.

Перевела с английского Л. Биндеман

ИТОН

Кое-кто из писателей прошлого поколения, включая Джозефа

Гленвилла, пытался рассказать историю майора Сиденхэма и его друга, капитана Уильяма Дайка, но она может представлять интерес и для современных исследователей сверхъестественного.

Вскоре после смерти майора Сиденхэма доктор Томас Дайк был вызван к своему кузену, капитану Уильяму Дайку, в Скилгейт, графство Сомерсетшир, и провел там ночь. По требованию капитана доктор Дайк согласился спать с ним в одной кровати, но, прежде чем удалось заснуть, услышал голос приятеля. Капитан вызвал слугу и попросил принести две самые большие свечи, какие только можно было достать, и зажечь их. Доктор, естественно, поинтересовался, зачем это нужно, на что капитан отвечал: «Вы знаете, кузен, каким сомнениям майор и я подвергали бессмертие души, но не могли с достоверностью разрешить этот вопрос и страстно жаждали узнать ответ на него. Наконец мы условились, что тот из нас, который умрет первым, должен на третью ночь после похорон, с полуночи до часу, явиться в маленькую беседку в здешнем саду и поведать оставшемуся в живых все об этом деле... Сегодня, — добавил капитан, — как раз третья ночь, и я специально приехал сюда, чтобы узнать правду».

Доктор посоветовал ему забыть об этом глупом уговоре, которому не стоило придавать значения. Но капитан ответил, что он дал торжественную клятву и его ничто не остановит. Он добавил, что, если доктору угодно отправиться с ним, он растолкает его. Если же нет, пусть себе спит. Сам же он «решительно намерен бодрствовать, чтобы не пропустить назначенный час».

Капитан поставил возле себя часы и, как только пробило полдвенадцатого, поднялся с постели. Он взял в каждую руку по свече и вышел из дома через заранее открытую заднюю дверь.

Затем он отправился к беседке, где пробыл два с половиной часа. По возвращении капитан заявил, что не видел ничего необычного, но, если бы майор был свободен, он бы наверняка пришел.

Спустя месяца полтора после этого капитан поехал в Итон, чтобы отдать в учение своего сына, и доктор отправился вместе с ним. Они поселились на постоялом дворе Кристофера и провели там две или три ночи, но уже не вместе, а в отдельных комнатах. Утром в день отъезда капитан задержался в спальне дольше обычного и не позвал к себе доктора. В конце концов он сам вошел к кузену, растрепанный и трясущийся. «Что случилось?» — спросил изумленный врач. «Я видел майора», — проговорил капитан. Доктор улыбнулся, и капитан, заметив это, сердито сказал: «Я видел его как живого, уверяю тебя!» Затем он

описал доктору, что произошло.

«Сегодня утром, едва рассвело, кто-то подошел к моей кровати и, резко отдернув занавески, позвал меня: „Капитан! Капитан!“ Я ответил: „Что, майор?“ Потом я услышал следующее: „Я не мог прийти в назначенное время, но теперь я пришел, чтобы сказать тебе, что есть Бог, всемогущий и суровый, и если ты не изменишь образ жизни, то вскоре сам в этом убедишься!“ Это выражение доктор запомнил дословно. Затем капитан продолжал: „На столе лежала сабля, которую майор отдал мне перед смертью. Когда призрак дважды прошелся по спальне, он взял саблю и, увидев, что она не очень тщательно вычищена, воскликнул: „Капитан! Капитан! Эта сабля ни разу не была в таком состоянии, когда я владел ею!““ После этого он сразу исчез. Капитан не был до конца убежден в реальности того, что увидел и услышал, но известно, что с тех пор он странно изменился, стал тихим и робким. Те, кто знал о его беседе с призраком, считали, что воспоминание о происшедшем глубоко запало ему в душу. После этого капитан прожил еще два года, и слова покойного друга постоянно звучали у него в ушах».

Марк Твен

ИСТОРИЯ С ПРИВИДЕНИЕМ

Я снял квартиру в самом центре Бродвея, в огромном старом доме; его верхние этажи пустовали многие годы до того, как я там поселился. Это было царство пыли и паутины, одиночества и молчания. В первый же вечер, поднимаясь по лестнице, я испытал смущение и робость, будто бродил среди могил и нарушал покой мертвых. Впервые в жизни в душу закрался суеверный страх, и, когда я свернул в темный угол лестницы и невидимая паутина липкой вуалью окутала лицо, я вздрогнул, словно встретился с привидением.

Добравшись до своего жилья, я с облегчением запер дверь на замок и отгородился от могильного мрака. В камине весело пылал огонь, и я всем существом ощущал блаженство и покой. Прошло часа два; я вспоминал былые времена, передо мною вставали картины минувшего, из тумана прошлого проступали полузабытые лица, звучали голоса, давно смолкнувшие, песни, которые теперь никто не поет. Мои грезы становились все туманнее и печальнее, и оттого завывание ветра за окном звучало плачем-причитанием, а дождь, яростно барабанивший по стеклу, теперь, казалось, постукивал вкрадчиво и уныло. Один за другим стихли звуки улицы, где-то вдалеке замерли шаги последнего прохожего. Наступила полная тишина. Ее нарушал лишь стук моего сердца. Вдруг мое одеяло медленно поползло вниз, будто кто-то стягивал его к ногам. Я не мог шевельнуться. Одеяло все ускользало, вот уже обнажилась грудь. Вцепившись в него изо всех сил, я натянул его на голову. И снова ждал, слушал и ждал. Рывок. Несколько секунд, длившихся целую вечность, я лежал, оцепенев от ужаса: одеяло ускользало. Собравшись с силами, я дернул его на себя и удерживал что было мочи. Ощувив легкое потягивание, я до боли стиснул пальцы. Но одеяло тянули все сильнее и я не смог его удержать. В третий раз оно оказалось у ног. Я застонал. Послышался ответный стон. Пот каплями проступил у меня на лбу. Жизнь едва теплилась во мне, и вдруг я услышал тяжелые шаги — не человечесью поступь, а как бы топот слона. К моему великому облегчению, шаги удалялись. Кто-то приблизился к двери, вышел, не открывая замка и засова, и побрел мрачными коридорами. Заскрипели полы и балки, потом снова воцарилась тишина.

Когда волнение слегка улеглось, я сказал себе: это кошмар,

обыкновенный ночной кошмар. Я размышлял о происшествии, пока не убедил себя, что это и впрямь ночной кошмар. Успокоенный, я рассмеялся и заново ощутил радость жизни. Поднявшись, зажег газовую лампу, убедился, что замки и засовы не тронуты. На душе стало веселей. Я запалил трубку и сел возле камина. Вдруг кровь ударила мне в лицо, дыхание сперло, трубка выпала из похолодевших рук. В золе у камина рядом с отпечатком моей босой ноги появился другой — такой огромный, что мой собственный походил на след ребенка! Значит, кто-то здесь был и слоновый топот мне не померещился.

Я погасил свет и лег в постель, парализованный страхом. Нескончаемо тянулись минуты, я лежал, вслушиваясь в темноту. Раздался скрипучий звук, будто волокли тяжелое тело, потом грохот, будто его швырнули на пол, и стекла в оконных рамах задребезжали. Со всех сторон захлопали двери, слышались осторожные шаги: кто-то бродил по коридорам, вверх и вниз по лестницам, подходил к моей двери и, поколебавшись, удалялся. Временами до меня доносился кандалный звон. Я прислушался: он звучал все явственнее. Кто-то медленно поднимался по лестнице, и звон цепей сопровождал каждое движение, кандалы гремели в такт шагам, Я улавливал приглушенные разговоры, полузадушенные крики, шорох незримых крыл. Мое жилье подверглось нашествию, мое одиночество было нарушено.

Возле кровати слышались вздохи, приглушенный шепот. На потолке прямо у меня над головой заалели три пятна. Какое-то мгновение они излучали мягкий свет, потом капли тепловатой жидкости упали мне на лицо и на подушку. Даже в темноте я догадался, что это — кровь. Передо мной возникли бледные, неясные, как сквозь туман, лица; бескровные руки, воздетые к небу, проплыли в воздухе и тут же исчезли. Внезапно все стихло — и шепот, и голоса, и неясные звуки; наступила гробовая тишина.

Я ждал, весь обратившись в слух. Чувствовал, что умру, если тотчас же не запылает огонь в камине. Скованный страхом, я медленно приподнялся, и чья-то холодная, влажная рука коснулась моего лица. Силы покинули меня, и я упал как подкошенный. Слышалось шуршание одежды, кто-то направился к двери и, открыв ее, вышел наружу. Снова воцарилось безмолвие.

Еле живой, я с трудом сполз с постели, руки у меня тряслись, как у старца, я едва зажег свет. Он принес некоторое облегчение. Сидя у камина, я погрузился в созерцание отпечатка огромной босой ноги. Постепенно ее очертания стали расплываться перед глазами. Газовый свет тускнел. Я снова услышал слоновый топот. Шаги приближались, они звучали все

отчетливее и тверже в мрачном коридоре. Свет лампы становился все слабее и слабее. Тяжелые шаги стихли у самой двери. Синеватый, чахоточный огонек замерцал, и вся комната погрузилась в сумеречную полутьму. Дверь была по-прежнему заперта, но вдруг дуновение ветра коснулось моей щеки и я ощутил прямо перед собой что-то огромное, колышущееся и туманное. Я не мог оторвать глаз от живого облака. Излучая бледный свет, оно постепенно приобретало определенные очертания. Появились руки, ноги, тело, и наконец я увидел сквозь дымку огромное печальное лицо. Сбросив туманные покровы, передо мной предстал обнаженный мускулистый красавец — великолепный Кардиффский великан.

Все мои страхи тут же улетучились: даже ребенок знает, что добрые великаны не причиняют зла. Я снова воспрял духом, и в полном согласии с моим настроением засветилась газовая лампа. Ни один изгой не радовался обществу, как я, увидев перед собой добродушного великана.

— Так это ты? — вскричал я. — Знаешь, за последние два часа я чуть не помер со страху. Какая радость, что ты пришел! Постой, не садись!

Я спохватился слишком поздно. Он сел — и тут же оказался на полу. Никогда не видел, чтоб стул в один миг разлетелся вдребезги.

— Погоди, сломаешь...

Опять опоздал! Послышался треск, и еще один стул распался на первоначальные элементы.

— Черт бы тебя побрал! Ты соображаешь, что делаешь? Всю мебель хочешь переломать? Или сюда, дурак окаменелый!

Все напрасно. Не успел я и слова молвить, как великан уселся на кровать и от нее остались жалкие обломки.

— Слушай, как прикажешь это понимать? — возмутился я. — Сначала вламываешься в мою квартиру, тащишь за собой целый полк нечистой силы — бродяг и бездельников, чтоб запугать меня до смерти, потом являешься сам в неприличном виде! В цивилизованном обществе такое допускается только в респектабельных театрах, да и то нагишом там разгуливают лица другого пола, а теперь, вместо возмещения морального ущерба, ты ломаешь мебель? Зачем ты это делаешь? Вред не только мне, но и тебе. Гляди — отбил себе крестец, весь пол завален осколками твоего окаменелого зада, будто это не квартира, а мраморная мастерская! стыдно! Ты не малое дитя, пора соображать, что к чему.

— Ладно, больше не буду. Войди в мое положение — я не сидел больше столетия, — пробурчал великан виновато.

— Бедняга, — смягчился я, — пожалуй, я обошелся с тобой слишком

сурово. Ведь ты, наверное, сирота? Садись на пол. С твоим весом только на полу и сидеть. Ведь если ты все время нависаешь надо мной, какая тут беседа? Садись на пол, а я залезу на высокий конторский стул — вот мы и поболтаем.

Великан накинул на плечи красное одеяло, надвинул на голову, словно каску, перевернутый таз и, закулив мою трубку, расположился на полу в непринужденной живописной позе. Я развел огонь в камине, и он придвинул к живительному теплу пористые ступни огромных ног.

— Что у тебя с ногами? Отчего они потрескались? — спросил я.

— Да это проклятые ознобыши, — отвечал великан. — Когда я, окаменев, лежал под фермой Ньюэлла, ознобыши пошли по всему телу — от пяток до затылка. Но я все равно люблю эту ферму, она для меня словно отчий дом. Нигде не чувствую такого покоя, как там.

Мы поболтали еще с полчаса, я заметил, что у моего гостя усталый вид, и сказал ему об этом.

— Усталый? — переспросил он. — Да, пожалуй. Ты был добр ко мне, и я расскажу тебе все без утайки. Я — дух Окаменелого человека, что лежит в музее напротив твоего дома. Я — привидение Кардиффского великана. Мне не будет мира и покоя до тех пор, пока мое бедное тело не предадут земле. А как проще всего заставить людей выполнить мою волю? Я решил: застрашаю их привидением, появляющимся возле тела. И вот ночь за ночью я брожу по музею. Призвал на помощь других призраков. Только старался я понапрасну: кто же посещает музеи ночью? Тогда мне пришла в голову другая мысль — запугать людей в доме напротив музея. Думал, из этой затеи выйдет толк, если меня выслушают со вниманием. К тому же со мной были самые страшные призраки из осужденных на вечное проклятие. Ночи напролет мы дрогли в этих затхлых коридорах, волочили за собой цепи, стонали, зловеще перешептывались, топали вверх и вниз по лестнице, и, сказать по правде, я выбился из сил. Но сегодня я увидел огонек в твоём окне, и обрадовался, и взялся за дело с жаром, как в былые времена. Дошел до полного изнеможения. Умоляю, подари мне хоть призрачную надежду!

Я сорвался с места как ошпаренный и закричал:

— Ну и дал ты маху! Бедный окаменелый чудака, все твои труды пропали даром! Ты слонялся возле гипсовой *копии*. Подлинный Кардиффский великан — в Олбани!^[11] Что же ты, сто чертей и одна ведьма, собственные останки от подделки отличить не можешь?

Я никогда не читал на чьем-либо лице такого откровенного желания провалиться сквозь землю от стыда и унижения. Окаменелый человек

медленно поднялся с пола и спросил:

— Скажи честно, это правда?

— Как то, что я стою перед тобой.

Великан вынул трубку изо рта и положил ее на каминную доску. С минуту постоял в нерешительности, задумчиво склонив голову на грудь, бессознательно, по старой привычке, заложив руки в карманы несуществующих брюк и наконец произнес:

— Да, никогда раньше я не попадал в такое дурацкое положение. Окаменелый человек сам надувал кого угодно, а теперь он, подлый мошенник, предал свой собственный призрак. Сын мой, если в твоём сердце осталась хоть капля жалости к бедному, одинокому привидению, никому не рассказывай об этом случае. Подумай, каково мне чувствовать себя ослом?

Я слышал его величавую поступь — шаг за шагом, — пока он не спустился по лестнице и не вышел на пустынную улицу. Я жалел, что он ушел, бедняга, но еще больше — что он унес мое красное одеяло и таз для умывания.

1870 г.

ХОЛЛАНД-ХАУС

История Холланд-хауса, написанная принцессой Марией Лихтенштейн, приемной дочерью теперешней леди Холланд, — это широко известное описание одной из самых занятных городских дворянских резиденций.

Множество высокоодаренных мужчин и прекрасных женщин, посещавших Холланд-хаус за последние столетия, оставили наилучшие отзывы об этом доме. Но труд принцессы Марии посвящен куда менее приятным воспоминаниям, связанным с этим древним особняком. Действительно, подобно большинству старых построек, Холланд-хаус заколдован. По утверждению беспристрастной писательницы, с этим домом связаны по меньшей мере две истории о привидениях.

Известно, что древний помещичий дом, принадлежавший сэру Уильяму Копу, стоял на том месте, где ныне находится Холланд-хаус, и таким образом попал на территорию усадьбы. Дочь и наследница сэра Уильяма Копы, Изабелла, была замужем за сэром Генри Ричем, ставшим бароном Кенсингтоном в 1622 году и отправленным королем Яковом I в Испанию для ведения переговоров о свадьбе принца Чарльза и инфанты. В

1624 году ему был пожалован титул графа Холланда, Как пишет принцесса, этот дворянин «...пристроил к зданию два крыла и аркады, а также пригласил лучших художников для оформления интерьера».

Кларендон описывает графа как «симпатичного человека со светскими манерами». Он пользовался заметным влиянием во время царствования Карла I в самом начале его борьбы с парламентом. Будучи приближенным королевы Генриетты, он попал под подозрение в предательстве, поскольку предоставил Холланд-хаус в распоряжение Фэйрфакса для встреч с недовольными парламентариями. Через год, когда граф отдалился от роялистов, его взяли под стражу и держали сперва в Сент-Несте, а потом — в замке Уорвик. Позднее его осудили на смерть и обезглавили в Пэлс-Ярде 9 марта 1648 года. В комментариях к «Истории» Кларендона Уорбертон пишет: «Он жил как негодяй, а умер — как глупец. Он взошел на эшафот в белом сатиновом жилете и белой сатиновой шляпе с серебряным галуном. После причащения и нежного прощания с друзьями он повернулся к палачу и произнес:

— Любезный, оставь в покое мою одежду и мое тело. Вот тебе десять фунтов — я уверен, что они устроят тебя больше, чем мой жилет. И когда будешь поднимать мою голову, не срывай с нее шляпу.

Вопреки мнению Уорбертона он шел на смерть совершенно невозмутимо, и голова его была отсечена одним ударом. Говорили, что этот лорд Холланд — первый в роду и первый же строитель Холланд-хауса — успел наполнить чарами одну из комнат прекрасного особняка, „Заколдованную комнату“ посещает призрак первого лорда, по традиции входя туда в полночь через потайную дверь и разгуливая по ней с собственной головой в руках. Тайна становится еще более жгучей, если вспомнить легенду о трех каплях крови в нише, из которой появляется призрак. Трех каплях, которые никак не удастся стереть».

Возле Холланд-хауса есть Зеленая тропинка, прежде носившая имя Соловьиной, так как вдоль нее любили селиться соловьи. «Это, — пишет принцесса, — длинная аллея, похожая на огромную галерею со сводами из сросшихся крон деревьев и покрытая травяным ковром. Тусклый свет пробивается сквозь кроны в призрачную синеву аллеи, и трудно поверить, что находишься в доброй старой Англии». Именно в этой аллее произошло событие, описанное впоследствии Обри. Вот что он рассказывает в своих «Заметках»:

«Прекрасная Диана Рич, дочь графа Холланда, отправилась в сад на послеобеденную прогулку. Часов около одиннадцати она вдруг встретила свой собственный дух, похожий на девушку и ликом, и одеждой как

зеркальное отражение. Примерно месяц спустя она умерла от оспы. Люди, которым можно доверять, говорили мне, что и ее сестра, леди Изабелла Финни, тоже видела перед смертью своего двойника. Третья сестра, Мэри, была замужем за герцогом Бредолбэйном, и нам известно, что перед свадьбой она тоже получила потустороннее предостережение сходного свойства. Итак, древние сверхъестественные проявления продолжают жить, и никто не может быть уверенным, что они когда-либо прекратятся. Мы должны относиться к ним с уважением, как к части нашего прошлого. Но независимо от того, как мы к ним относимся, всякая хозяйка Холланд-хауса умирает вскоре после того, как встречается со своей точной копией».

Мэрион Кроффорд

ВЕРХНЯЯ ПОЛКА

Кто-то попросил сигары. Разговор затянулся и протекал уже довольно вяло. Табачный дым вьелся в тяжелые портьеры. Все понимали: либо кто-нибудь поднимет унылое настроение гостей, либо наша встреча придет к естественному концу и мы поспешно разойдемся по домам спать. Никто не рассказал чего-нибудь заслуживающего внимания, — вероятно, нечего было рассказать. Джонс описал последнее охотничье приключение в Йоркшире. Мистер Томпсон из Бостона долго и обстоятельно объяснял принципы работы железнодорожного транспорта; именно тщательное соблюдение их и позволило железнодорожной компании Атчистона, Топека и Санта-Фе не только увеличить протяженность путей, но и долгие годы поддерживать у пассажиров иллюзию, что корпорация и впрямь способна перевозить людей не подвергая их жизнь опасности.

В общем, не стоит вдаваться в подробности, пересказывая, кто что сказал. Время шло, а мы — час за часом — сидели за столом, уставшие и поскучевшие от этой тягомотины, но никто не двигался с места.

Кто-то попросил сигары, и все невольно глянули в его сторону. Брисбейну было лет тридцать пять, и он был наделен от природы качествами, обычно привлекающими внимание людей. Он отличался силой. На первый взгляд Брисбейн был обычного телосложения, выше среднего роста — чуть больше шести футов, — довольно широк в плечах, не худой и не толстый. Небольшая голова на крепкой, мускулистой шее, крупные, сильные руки, которыми, кажется, можно было без щипцов колоть орехи, сильные предплечья и мощная грудь. Обычно говорят: наружность обманчива, так вот если Брисбейн производил впечатление сильного человека, на самом деле он был значительно сильнее. Лицо у него было непримечательное: маленькая голова, жидкие волосы, голубые глаза, крупный нос, небольшие усики и тяжелый подбородок. Брисбейна знали все, и, когда он попросил сигары, все обернулись к нему.

— Странная это штука, — сказал Брисбейн.

Разговор прекратился. Голос у Брисбейна был негромкий, но он умел, вступив в общий разговор, оборвать его, будто ножом. Все приготовились слушать. А Брисбейн, добившись общего внимания, неторопливо раскуривал сигару.

— Странная штука, — повторил он, — эти рассказы о привидениях.

Люди все время интересуются, видел ли их кто-нибудь; так вот я видел.

— Чушь! Привидения? Да вы шутите, Брисбейн! С вашим-то интеллектом! — такими восклицаниями встретили заявление Брисбейна.

Теперь уже все попросили сигары, и Стабс, дворецкий, вдруг будто из-под земли вырос с новой бутылкой сухого шампанского. Итак, вечер был спасен: Брисбейн решил рассказать историю.

— Я бывалый мореплаватель, — начал он, — и, поскольку мне довольно часто приходилось плыть через Атлантику, у меня есть свои любимые пароходы. Когда надо пересечь этот утиный пруд, я по обыкновению дожидаюсь их. Может быть, это и предрассудок, но зато я всегда получал удовольствие от плавания, за одним-единственным исключением. Я очень хорошо помню этот случай. Дело было в июне, «Камчатка» была одним из моих любимых кораблей. Я говорю «была», потому что теперь она никоим образом не принадлежит к числу моих любимцев. Просто не представляю, что побудило бы меня снова отправиться в плавание на «Камчатке». Да, я заранее предвижу ваши возражения. Там необычайно чисто на корме, в каютах сухо и нижняя полка, как правило, двойная. У «Камчатки» масса преимуществ, но я никогда больше не поплыву на ней через Атлантику. Извините, что я отклонился от темы. Так вот, я поднялся на борт и окликнул стюарда, чей красный нос и рыжие усы были мне одинаково хорошо знакомы.

— Сто пятая, нижнее место, — деловито сказал я.

Стюард принял у меня чемодан, пальто и плед. Я никогда не забуду выражения его лица. Он побледнел и, казалось, должен был вот-вот заплакать, либо чихнуть, либо уронить мой чемодан. И поскольку в последнем лежали две бутылки превосходного старого шерри, которые дал в мне в дорогу мой давнишний друг Снштинсон ван Пикинс, я заволновался. Но ничего подобного не произошло.

— Ну и ну, разрази меня гром! — пробормотал он и повел меня в каюту.

Когда мы спускались, я подумал, что стюард уже принял грогу, но ничего не сказал. Сто пятая каюта была по левому борту, далеко от кормы. Она ничем не отличалась от остальных. Нижняя полка, как в большинстве кают на «Камчатке», двойная. Здесь было довольно просторно, стоял обычный умывальник с обычными ненужными деревянными подставками, на которых удобнее разместить большой зонт, чем зубную щетку. На неприглядного вида матрацах лежали аккуратно сложенные одеяла, которые великий юморист современности сравнил с холодными гречишными оладьями. Можете себе представить и полотенца. Стекланные

графины были наполнены прозрачной жидкостью слегка коричневатого цвета, от которой исходил слабый, но оттого не менее тошнотворный запах, отдаленно напоминающий запах машинного масла. Шторки унылого цвета наполовину закрывали верхнюю полку. Свет знойного июньского полдня едва проникал в каюту. О, как она мне ненавистна!

Стюард разместил в каюте мои вещи и посмотрел на меня с таким видом, словно ему не терпелось поскорее уйти, — возможно, чтобы получить чаевые и с других пассажиров. Всегда нелишне заручиться благосклонностью служащих, и я тут же дал ему несколько монет.

— Постараюсь все сделать для вашего удобства, — сказал он, опуская монеты в карман. Тем не менее в его голосе прозвучала удивившая меня неуверенность. Может быть, теперь принято давать больше чаевых и он остался недоволен? Но я склонялся отнести странности в его поведении за счет того, что он был под мухой. Однако я ошибся и проявил несправедливость к человеку.

В тот день ничего примечательного не произошло. Мы покинули пристань точно по расписанию, и выход в море был очень приятен, потому что день был жаркий и душный, а на палубе дул свежий ветерок.

Вы, конечно, представляете первый день на пароходе. Люди ходят взад и вперед по палубам, глазют друг на друга, порой совершенно неожиданно для себя встречают знакомых. Никто не знает, как будут кормить — хорошо, плохо или посредственно, — пока две первые трапезы не положат конец сомнениям. До самого острова Файр ничего определенного нельзя сказать и о погоде. За столами сначала тесно, а потом все просторнее и просторнее. Бледные пассажиры вдруг вскакивают со своих мест и опрометью несутся к двери, а бывалые мореплаватели только вздыхают с облегчением, когда убегает страдающий морской болезнью сосед — и простор, и горчица целиком в твоём распоряжении.

Все переходы через Атлантику похожи как две капли воды, и те, кому это приходится делать часто, не гонятся за новизной. Разумеется, всегда любопытно посмотреть на китов и айсберги, но, в конце концов, один кит — почти двойник другого, а айсберги редко видишь с близкого расстояния. Для большинства пассажиров самые приятные минуты на борту океанского парохода — когда после последней прогулки по палубе, после последней сигары они, изрядно утомившись, со спокойной совестью расходятся по каютам. В тот первый вечер я что-то разленился и направился в свою сто пятую раньше, чем бывало. Открыв дверь, я с удивлением обнаружил, что у меня появился попутчик. Чемодан, почти такой же, как у меня, лежал в противоположном углу каюты, и на верхней полке — аккуратно сложенный

плед, зонтик и трость. Я-то полагал, что буду один, и почувствовал разочарование; в то же время мне было любопытно, кто мой попутчик, хотелось взглянуть на него.

Вскоре после того, как я лег, явился и он. Мой попутчик был очень высок, худ и бледен, с рыжеватыми волосами и усами и водянисто-серыми бесцветными глазами. На мой взгляд, было в его облике что-то подозрительное: встретишь такого на Уолл-стрит и ни за что не догадаешься, что он там делает. Слишком тщательно одет, слишком странный. На каждом океанском пароходе попадают три-четыре подобных типа. Мне вовсе не хотелось заводить с ним знакомство, и, засыпая, я решил про себя, что изучу его привычки, чтобы всячески избегать встреч с ним. Если он встает рано, я буду вставать поздно; если поздно ложится, я буду ложиться рано. У меня не было никакого желания узнать его поближе. Единожды повстречав людей такого рода, потом, как назло, встречаешь их повсюду. Бедняга! Напрасно я принимал все эти решения: с той ночи я больше его не видел в сто пятой каюте.

Я уже крепко спал, когда внезапно проснулся от сильного шума. Судя по всему, мой попутчик спрыгнул с верхней полки на пол. Я слышал, как звякнула щеколда, он почти тотчас же отворил дверь и побежал по коридору, оставив дверь открытой. Была небольшая качка, я думал, что он споткнется и упадет, но мой сосед бежал, будто за ним кто-то гнался. Дверь раскачивалась на петлях в такт движению судна, и этот звук действовал мне на нервы. Я поднялся, затворил дверь и в темноте пробрался на свою полку. Я снова заснул, но сколько я проспал, не представляю.

Когда я снова проснулся, было еще темно, у меня было неприятное ощущение холода и, как мне показалось, сырости. Вам, вероятно, знаком характерный запах каюты, куда просочилась морская вода. Я укутался поплотнее и задремал, прикинув в уме жалобы, которые выскажу наутро. Я слышал, как мой сосед ворочался на верхней полке. Он, наверное, вернулся, пока я спал. Один раз, как мне показалось, он застонал, и я решил, что у него морская болезнь. Такое соседство особенно неприятно, когда ты внизу. Тем не менее я погрузился в сон и проспал до рассвета.

Корабль сильно качало, куда сильнее, чем накануне вечером, и тусклый свет, брезживший сквозь окошко иллюминатора, что ни миг менял оттенок: стекло иллюминатора отражало то море, то небо. Было очень холодно — непривычно для меня. Я повернул голову, взглянул на иллюминатор и обнаружил, к своему удивлению, что он открыт настежь и закреплен изнутри. Я встал и закрыл его. Потом посмотрел на верхнюю полку. Шторки были плотно сдвинуты, — видно, мой сосед тоже замерз.

Мне пришло в голову, что я уже выспался. В каюте было неуютно, хоть, как это ни странно, я больше не ощущал сырости, что так раздражала меня ночью. Мой попутчик еще спал — прекрасная возможность избежать встречи с ним. Я тотчас оделся и вышел на палубу. Утро было теплое и туманное, от воды исходил маслянистый запах. Было уже семь часов, а мне казалось, что еще очень рано. Я наткнулся на доктора, вышедшего подышать свежим воздухом. Доктор был молодой человек из Западной Ирландии, высоченный, черноволосый и голубоглазый, склонный к полноте. Беспечный, жизнерадостный вид придавал ему особое обаяние.

— Чудесное утро, — заметил я для начала.

— Как сказать, — отозвался он, с интересом разглядывая меня, — чудесное и в то же время вовсе не чудесное. Лично я от него не в восторге.

— Да, пожалуй, особенно восхищаться нечем, — согласился я.

— Погода, я бы сказал, хлипкая, — добавил доктор.

— По-моему, ночью было очень холодно, — пожаловался я. — Правда, оглядевшись, я заметил, что окошко иллюминатора было открыто настежь. И в каюте было сыро.

— Сыро? — удивился он. — А где вы расположились?

— В сто пятой каюте.

К моему изумлению, доктор вздрогнул и пристально посмотрел на меня.

— А что? — поинтересовался я.

— О, ничего, — спохватился он. — Просто за последние три рейса все жаловались на эту каюту.

— Я тоже ею недоволен и буду жаловаться, — заявил я. — Видимо, ее не проветрили как следует. Позор!

— Не думаю, чтобы это помогло, — сказал доктор. — Тут что-то другое. Впрочем, не мое дело запугивать пассажиров.

— Не бойтесь запугать меня, — ответил я. — Я любую сырость вынесу, а уж если сильно простужусь — сразу к вам.

Я предложил доктору сигару, он взял и очень внимательно осмотрел ее.

— Дело не в сырости, — заметил он. — Думаю, все будет хорошо. У вас есть попутчик?

— Да, черт его знает что за парень — выбегает посреди ночи, оставляет дверь открытой.

Доктор снова взглянул на меня с любопытством, потом зажег сигару и, сразу посерьезнев, спросил:

— А он вернулся?

— Да, я уже спал, но проснулся и слышал, как он ворочается. Потом я замерз и уснул. А наутро иллюминатор был снова открыт.

— Послушайте, — тихо сказал доктор. — Мне наплевать на этот корабль, мне наплевать на его репутацию. Вот что я вам предлагаю. У меня большая каюта. Перебирайтесь ко мне, неважно, что мы почти незнакомы.

Меня очень удивило его предложение. Я не понимал, с чего вдруг он принял во мне такое горячее участие. Насторожило меня и то, как он говорил о корабле.

— Вы очень добры, доктор, — ответил я. — Но, позвольте, ведь и сейчас каюту можно проветрить, хорошенько убрать. А чем вам не нравится «Камчатка»?

— В силу своей профессии я человек несуетливый, — сказал он. — Но море внушает людям суеверие. Не хочу вызывать у вас предубеждение, не хочу вас запугивать, но послушайтесь моего совета и перебирайтесь ко мне. Стоит мне узнать, что вы или кто-то другой спит в сто пятой каюте, я уж готов к тому, что этот человек окажется за бортом.

— Боже правый! А в чем дело?

— За последние три рейса все те, кто спал в сто пятой, оказывались за бортом, — мрачно ответил он.

Признаюсь, эта новость неприятно поразила меня. Я посмотрел доктору в глаза — удостовериться, что он меня не разыгрывает, но он был абсолютно серьезен. Я горячо поблагодарил его за предложение, но выразил уверенность, что буду исключением из правила, по которому все обитатели этой странной каюты оказывались за бортом. Он не стал меня уговаривать, но еще больше помрачнел и намекнул, что, пока суть да дело, мне стоило бы еще раз подумать над его предложением. Потом я отправился завтракать. К столу явилось совсем мало пассажиров. Я отметил, что офицеры команды, завтракавшие с нами, были невеселы. После завтрака я отправился в каюту за книгой. Шторки верхней полки были все еще сдвинуты. Оттуда не доносилось ни звука. Похоже, мой сосед еще спал.

На обратном пути я повстречал стюарда, обслуживавшего пассажиров нашего отсека. Он прошептал, что капитан просил меня зайти к нему, и тут же торопливо удалился, будто опасаясь вопросов. Я направился в каюту капитана, он ждал меня.

— Сэр, — начал он, — я хочу попросить вас об одном одолжении.

Я отвечал, что рад быть ему полезным.

— Ваш сосед исчез, — сказал капитан. — Известно, что вчера вечером он ушел в каюту довольно рано. Вы отметили какие-нибудь странности в

его поведении?

Его вопрос, подтвердивший опасения доктора, высказанные полчасом ранее, ошеломил меня.

— Уж не хотите ли вы сказать, что он оказался за бортом? — спросил я.

— Этого-то я и опасаясь, — ответил капитан.

— Потрясающе... — начал я.

— Почему? — перебил он меня вопросом.

— Но ведь он уже четвертый! — воскликнул я.

В ответ на недоуменный вопрос капитана я сказал, не упоминая доктора, что слышал историю сто пятой каюты. Это его, казалось, сильно раздосадовало. Потом я поведал ему, что произошло прошлой ночью.

— То, что вы рассказали, — заметил он, — почти полностью совпадает с рассказами соседей по каюте двух первых пассажиров, оказавшихся за бортом. Они тоже выскакивали из постели и мчались сломя голову по коридору. И того и другого заметил вахтенный матрос. Мы спустили на воду шлюпки, но их так и не нашли. Однако вашего соседа никто не видел и не слышал, если он и впрямь пропал. Стюард, суеверный парень, возможно, заподозрил что-то неладное. Он отправился проведать вашего соседа утром и обнаружил, что полка пуста, осталась лишь одежда. Стюард единственный на корабле знал пассажира в лицо и искал его повсюду. Он исчез! Так вот, сэр, я умоляю вас не сообщать это обстоятельство никому из попутчиков; мне не хочется, чтобы о «Камчатке» ходила дурная слава. Ничто так не порочит доброе имя океанского парохода, как истории о самоубийствах. Вы вправе выбрать каюту любого из членов команды, включая мою собственную, до конца рейса. Как по-вашему, это хорошее предложение?

— Очень, — ответил я. — И я вам весьма признателен. Но поскольку теперь я в каюте один, я бы предпочел никуда не перебираться. Если стюард уберет вещи этого невезучего человека, я охотно останусь в сто пятой. Я и словом не обмолвлюсь об этом происшествии и, смею вас заверить, не последую за своим соседом.

Капитан сделал попытку отговорить меня от такого решения, но я предпочел иметь отдельную каюту, нежели составить компанию кому-либо из команды. Может быть, я и сплеховал, но, последуй я его совету, мне бы не о чем было рассказывать. Осталось бы в памяти, что по неприятному совпадению обстоятельств несколько бывших пассажиров той же каюты покончили жизнь самоубийством, вот и все.

Этим дело не кончилось. Я упрямо решил не придавать значения

подобным историям и зашел в своем упрямстве так далеко, что принялся спорить с капитаном. Дело в самой каюте, заверял я его, что-то в ней неладно. Она довольно сырая. Прошлой ночью вдруг открылся иллюминатор. Возможно, мой сосед, отправившись в плавание, был уже болен, а когда лег, у него начался бред. Может быть, он и сейчас где-то прячется и его еще найдут. Нужно хорошенько проветрить каюту и починить запор иллюминатора. Если мне можно откланяться, я сам позабочусь, чтобы все необходимое было сделано незамедлительно.

— Разумеется, вы можете остаться, если вам угодно, — раздраженно ответил капитан, — но будь моя воля, я бы вас переселил, запер сто пятаю, и дело с концом.

Я остался при своем мнении и ушел от капитана, пообещав ему не говорить никому об исчезновении моего соседа. Знакомых среди пассажиров у него не было, и за целый день его никто не хватился. К вечеру я снова повстречал доктора, и он справился, не передумал ли я, на что я ответил отрицательно.

— Скоро передумаете, — бросил он без тени улыбки. Вечером мы играли в вист, и я пришел довольно поздно. В каюте я испытал неприятное чувство. Мне невольно вспомнился высокий человек, которого я видел прошлой ночью. Теперь его, утопленника, носит по волнам в двухстах-трехстах милях отсюда. Раздеваясь, я очень отчетливо припомнил его лицо и тут же задернул шторы верхней полки, будто хотел убедиться, что его там нет. Потом я запер на засов дверь каюты. Вдруг мне бросилось в глаза, что иллюминатор снова открыт и закреплен изнутри. Тут уж я не стерпел: торопливо набросив на плечи халат, я отправился на поиски Роберта, стюарда нашего отсека. Помнится, я был очень зол и, отыскав его, потащил за собой в каюту и подтолкнул к иллюминатору.

— Какого черта ты, негодяй, не заdraиваешь на ночь иллюминатор? Не соображаешь: если корабль накренится и хлынет вода, десять человек ею не закроют! Подлец! Я скажу капитану, что ты подвергаешь корабль опасности.

Я кипел от негодования. Стюард, дрожащий и бледный, заdraивал иллюминатор.

— Ты почему не отвечаешь? — грубо допытывался я.

— Если вам угодно, сэр, — невнятно пробормотал Роберт, — никто не может удержать его ночью закрытым. Сами попробуйте, сэр. Нет, сэр, меня на этой посудине больше не увидите, хватит с меня. А на вашем месте, сэр, я бы перебрался отсюда к доктору или кому-нибудь еще. Гляньте, сэр, как по-вашему надежно я его заdraил или нет? Сами проверьте, сэр,

попробуйте хоть чуточку приоткрыть его.

Я попробовал и убедился, что иллюминатор задраен прочно.

— Послушайте, сэр, — продолжал Роберт, — клянусь своим добрым именем, через полчаса он снова откроется и будет закреплен изнутри. Вот в чем ужас — изнутри!

Я осмотрел большой винт и петлю, куда он входит.

— Если иллюминатор откроется ночью, Роберт, я дам тебе соверен. Это невозможно! Можешь идти.

— Соверен, говорите, сэр? Очень хорошо, сэр, благодарю вас, сэр. Доброй ночи, сэр, приятного отдыха и сновидений, сэр.

Роберт ретировался, очень довольный, что его наконец отпустили. Я решил, что он сочинил эту глупую историю, чтобы оправдать свою небрежность и запугать меня, и не поверил стюарду.

Я лег, закутался в одеяла, и через пять минут Роберт выключил свет, постоянно горевший за панелью из матового стекла возле двери. Лежа неподвижно в темноте, я пытался уснуть, но вскоре убедился, что это невозможно. Я с удовольствием сорвал злость на стюарде и, отыгравшись на нем, позабыл про неприятное чувство, которое овладело мной при мысли об утопленнике, моем бывшем соседе. Сон как рукой сняло, и некоторое время я лежал с открытыми глазами, глядя на иллюминатор; он казался мне светящейся тарелкой, подвешенной в темноте. Вероятно, я пролежал без сна час и, помнится, уже задремал было, но тут же очнулся от струи холодного воздуха и брызг морской воды на лице. Я вскочил в темноте, и качкой меня тут же отбросило на кушетку, стоявшую под иллюминатором. Я, правда, тут же пришел в себя и встал на колени. Иллюминатор был снова распахнут и закреплен изнутри!

Все это — только факты. Я вскочил, сна — ни в одном глазу, да если б я и был ословелый, падение меня бы тут же пробудило. Более того, я сильно разбил локти и колени, и наутро ссадины и кровоподтеки могли рассеять всякие сомнения в реальности происшедшего. Итак, иллюминатор был открыт настежь и закреплен изнутри. Это было непостижимо, и я скорей удивился, чем испугался. Потом закрыл его и закрутил винт изо всех сил. В каюте было темно. Я прикинул, что иллюминатор открылся примерно через час после того, как Роберт задраил его в моем присутствии, и решил понаблюдать, не откроется ли он снова. Медная оправа иллюминатора очень тяжелая, он открывается с трудом, и я не думаю, что винт повернулся от тряски. Сквозь толстое стекло иллюминатора я видел серые вспененные волны, бьющие о борт корабля. Я простоял так с четверть часа.

Вдруг я отчетливо услышал позади себя какой-то шорох и невольно обернулся, хоть ничего не мог разглядеть в темноте, и потом — очень тихий стон. Я рванулся к полкам, рывком раздвинул шторы над верхней и просунул туда руки. Там кто-то лежал.

Я помню свое ощущение: мне показалось, что я сунул руки в сырой погреб, из-за шторы на меня поплыл смрадный запах застоявшейся морской воды. Я нащупал что-то вроде человеческой руки, она была гладкая, мокрая, ледяная. И когда я отдернул свою руку, кто-то прыгнул на меня сверху — тяжелый, мокрый, пахнущий тиной. Он, казалось, был наделен сверхъестественной силой. Я отшатнулся, и в то же мгновение дверь распахнулась и он выбежал из каюты.

Я не успел испугаться и, выскочив вслед за ним, кинулся в погоню. Но было поздно. В десяти ярдах перед собой я видел — и абсолютно в этом уверен — тень, мелькавшую в слабо освещенном коридоре. Так ночью в тусклом свете фонаря мелькает тень лошади, несущейся впереди легкого экипажа. Мгновение — и она исчезла. Я стоял, вцепившись в полированные перила в конце коридора, где он сворачивал в другой отсек. По спине у меня бегали мурашки, и холодный пот струился по лицу. Я этого нисколько не стыжусь: страх сковал меня.

Все же я совладал с собой и усомнился в увиденном. Какой-то абсурд, подумал я, наверное, гренки с сыром на ночь — тяжелая пища, Все это — ночной кошмар. Я направился к своей каюте, нехотя зашел туда. Она пропахла стоячей морской водой. Точно такой же запах стоял здесь накануне, когда я проснулся среди ночи. Я принудил себя покопаться в потемках в своих вещах и нашел коробку со свечками. Потом я вставил свечку в дорожный фонарик, который всегда беру с собой — читать, когда потушат свет, — зажег ее и обнаружил, что иллюминатор снова открыт. Меня объял леденящий ужас, какого я прежде никогда не знал и, надеюсь, не узнаю. Я все же взял фонарь и заглянул на верхнюю полку, полагая, что вся она пропитана морской водой.

Я был разочарован. Постель была смята, от нее сильно пахло морем, но постельное белье было совершенно сухим. Я решил, что Роберт не отважился прибрать ее после вчерашнего происшествия и весь этот кошмар мне привиделся. Я еще шире раздвинул шторы и очень внимательно осмотрел палку. Там было сухо, но иллюминатор был снова открыт. Пребывая в состоянии отупения от страха, я задраил его и, вставив трость в медную петлю, повернул ее так сильно, что металл погнулся. Затем я повесил дорожный фонарик над изголовьем обитой красным бархатом кушетки и сел, чтоб прийти в себя, если это возможно. Так я просидел всю

ночь, даже не думая об отдыхе, — впрочем, я почти лишился способности думать. Но иллюминатор был закрыт, и я полагал, что он больше не откроется, разве что на него надавят с колоссальной силой.

Наконец забрезжил рассвет, и я неторопливо оделся, снова обдумывая то, что произошло ночью. Утро было чудесное, и я вышел на палубу, радуясь раннему яркому солнцу, свежему ветру, лазурной морской воде, от которой исходил совсем другой запах, нежели смрадный дух в моей каюте. Я невольно свернул к корме, к каюте доктора. Там он и стоял с трубкой, вышел подышать свежим воздухом, как и накануне.

— Доброе утро, — спокойно сказал он, глядя на меня с явным любопытством.

— А вы оказались правы, доктор, — сказал я, — в этой каюте и впрямь неладно.

— Я так и знал, что вы передумаете, — торжествующе произнес он. — У вас была тяжелая ночь. Приготовить вам что-нибудь для поднятия духа? У меня есть отличный рецепт.

— Нет, благодарю вас, — ответил я, — позвольте мне рассказать вам, что произошло.

И я постарался объяснить ему как мог, что со мной случилось, не утаивая страха, какого не испытывал никогда раньше. Особенно подробно я рассказал об иллюминаторе: уж это был факт, который я мог подтвердить, даже если все остальное было плодом моего воображения. Я дважды задраивал его посреди ночи и второй раз погнул медную петлю тростью. Тут я, пожалуй, перестарался, убеждая его, что все это не выдумка.

— Вы полагаете, что я подвергаю сомнению ваш рассказ? — Моя дотошность в истории с иллюминатором вызвала у него улыбку. — У меня нет ни малейшего сомнения. Я возобновляю свое приглашение. Отдаю вам половину каюты, переселяйтесь с вещами.

— Переселяйтесь вы ко мне, предоставляю вам половину своей каюты на ночь, — предложил я. — Помогите мне найти концы в этом деле.

— Будете искать, найдете конец. — сказал доктор.

— Как так?

— Найдете конец на дне морском. А я уйду с «Камчатки». Здесь как-то неуютно.

— Так вы не поможете мне...

— Нет, — поспешил он с ответом. — Мое дело — всегда быть начеку, а не забавляться с привидениями.

— Вы и вправду считаете, что это привидение? — презрительно спросил я и тут же вспомнил жуткое ощущение сверхъестественного,

овладевшее мной ночью.

— А у вас есть какое-либо разумное объяснение? — резко парировал доктор. — Похоже, нет. Впрочем, вы собираетесь его искать. А я утверждаю, что вы его не найдете просто потому, что его не существует.

— Но, дорогой сэр, неужели вы, ученый, утверждаете, что подобные явления невозможно объяснить? — упорствовал я.

— Да, утверждаю! — решительно заявил доктор. — И даже если возможно, меня это не касается.

Мне не хотелось провести еще одну ночь в сто пятой каюте, но я упрямо решил докопаться до сути аномалии. Не верю, что нашлось бы много охотников спать там одному после двух таких ночей. Но я вознамерился сделать такую попытку, даже если не найдется желающих разделить со мной ночную вахту. Доктор был настроен отрицательно к подобного рода экспериментам. По его словам, врач на корабле должен быть всегда наготове: вдруг произойдет несчастный случай? А потому он не вправе устраивать себе нервотрепку. Конечно, доктор рассуждал правильно, но я склонен думать, что отказался он из-за своего настроения. На мой вопрос о других он ответил, что навряд ли сыщется на пароходе человек, готовый помочь мне в расследовании. Мы поговорили о том о сем, и я ушел. Немного позже я встретил капитана и рассказал ему свою историю. Попросил разрешения не гасить свет на ночь если не найдется охотника помочь мне, и я буду действовать в одиночку.

— Послушайте, — сказал капитан, — вот вам мое решение. Я сам разделю с вами вахту, и посмотрим, что из этого выйдет. Полагаю, мы с вами во всем разберемся. Не исключено, что кто-то решил проехать зайцем, вот он и прячется на борту, пугает пассажиров. Возможно, секрет кроется в устройстве самой полки.

Я предложил пригласить в каюту плотника и осмотреть ее. А предложение капитана разделить со мной ночную вахту чрезвычайно меня порадовало. Он послал за плотником и наказал ему сделать все, что я сочту нужным. Мы тут же спустились вниз. Я распорядился убрать постель с верхней полки, и мы придирчиво ее осмотрели — не расшатались ли доски, не повреждена ли обшивка. Мы проверили все планки, простукали пол, развинтили гарнитуры нижней полки, разобрали все на части — короче говоря, дюйм за дюймом осмотрели каюту. Все было в полной исправности, и мы снова занялись сборкой. К концу работы в каюту заглянул Роберт.

— Ну как, сэр, нашли что-нибудь? — спросил он с вымученной улыбкой.

— Ты оказался прав насчет иллюминатора, Роберт, — сказал я и дал ему обещанный сверен.

Плотник работал молча, со знанием дела. Роберт, стюард, все еще жался неподалеку.

— Я, конечно, простой человек, сэр, — сказал плотник, — но, будь моя воля, я бы посоветовал вам убрать отсюда вещи и вогнать в дверь полдюжины четырехдюймовых гвоздей, вот и все тут. На моей памяти за четыре рейса четверо тут с жизнью свели счеты. Откажитесь от своей затеи, сэр, ей-богу, откажитесь!

— Сделаю еще одну попытку этой ночью, — ответил я.

— Бросьте, сэр, ей-богу, бросьте! Скверное это дело, — сказал перед уходом плотник, убирая инструменты.

Но я воспрял духом, узнав, что капитан составит мне компанию, и положил, что никто не отговорит меня довести это странное дело до конца. В тот вечер я воздержался от гренок с сыром и даже отказался от традиционного виста: решил побереечь нервы. К тому же, полный тщеславия, я жаждал хорошо выглядеть в глазах капитана.

Капитан был из тех отважных и неунывающих мореплавателей, чья смелость в сочетании с твердостью и спокойствием в трудной обстановке вызывают к ним безграничное доверие. Такому досужей болтовней голову не заморочишь, и его решение помочь мне в расследовании свидетельствовало о том, что он имел серьезный повод для беспокойства. В какой-то степени на карту была поставлена его репутация, как и репутация «Камчатки». Когда пассажиры бросаются за борт, это чрезвычайное происшествие, и ему это было хорошо известно.

В десять часов, когда я докуривал последнюю сигару, подошел капитан и потянул меня в сторону от пассажиров, стоявших в темноте на палубе.

— Дело нешуточное, мистер Брисбейн, — сказал он. — Мы должны подготовиться либо к разочарованию, либо к тяжелому испытанию. Я отношусь к этому делу весьма серьезно и, что бы ни случилось, попрошу вас поставить свою подпись под совместным заявлением. Если сегодня ничего не произойдет, мы будем дежурить завтра и послезавтра. Вы готовы?

Мы спустились и вошли в каюту. Уже на пороге я увидел Роберта: он стоял поодаль в коридоре, наблюдая за нами со своей обычной ухмылкой, будто заранее знал — произойдет что-то страшное. Капитан закрыл дверь и запер ее на засов.

— Поставьте-ка чемодан у двери, — предложил он. — Один из нас будет сидеть на нем, тогда никто не сможет отсюда выйти. Иллюминатор

задраен?

Я проверил: он был в том же положении, что и утром. Открыть его можно было, только используя рычаг, как это сделал я накануне. Потом я отдернул шторы верхней полки, чтоб она была на виду. По совету капитана я зажег дорожный фонарик и повесил его над верхней полкой. Капитан настоял на том, что он сядет на чемодан, заявив, что должен иметь моральное право поклясться, что находился перед дверью.

Потом он предложил тщательно обыскать каюту, и мы быстро закончили эту операцию — заглянули под нижнюю полку и под кушетку, стоявшую под иллюминатором. Там было пусто.

— Ни один человек не может сюда зайти, — сказал я. — Ни одному человеку не под силу открыть иллюминатор.

— Прекрасно, — спокойно отозвался капитан. — Отныне все увиденное нами — игра воображения либо нечто сверхъестественное.

Я присел на край нижней полки.

— Первый раз это случилось в марте, — начал свой рассказ капитан, закинув ногу на ногу и привалившись спиной к двери. — Пассажир с верхней полки оказался лунатиком. Во всяком случае, было известно, что он немножко не в себе, и в путешествие он отправился без ведома друзей. Он выбежал на палубу посреди ночи и выбросился за борт, вахтенный офицер даже не успел перехватить его. Мы остановились и спустили шлюпку. В это время как раз установилось затишье перед штормом. Мы его не нашли. Разумеется, его самоубийство было впоследствии расценено как следствие помешательства.

— Вероятно, такое случается довольно часто? — рассеянно заметил я.

— Отнюдь нет, — возразил капитан. — В моей практике такого не бывало, хоть, по слухам, на других кораблях и случалось. Так вот, как я уже упоминал, это произошло в марте. В том же рейсе... На что бы смотрите? — спросил он, оборвав свой рассказ.

Наверное, я ничего не ответил. Я не мог оторвать глаз от иллюминатора. Мне казалось, что медная петля медленно поворачивается под винтом — так медленно, что я сомневался, движется она или нет. Я напряженно всматривался, мысленно фиксируя ее положение, пытаюсь удостовериться, изменилось ли оно. Заметив, куда я смотрю, капитан тоже уставился на петлю.

— Она движется! — вскричал он уверенно. — Нет, не движется, — добавил он через минуту.

— Если б дело было в вибрации винта, иллюминатор открылся бы днем, но вечером он был задраен так же плотно, как и утром. — Я поднялся

и оглядел головку винта. Он, конечно, держался уже не плотно, и я, приложив небольшое усилие, мог его отвинтить.

— Удивительно то, — сказал капитан, — что второй из пропавших, как полагают, выбросился из окошка иллюминатора. Вспомнить страшно. Это случилось в полночь. Штормило. Меня подняли по тревоге, сообщили, что в одной из кают открыт иллюминатор и ее заливают. Я спустился и обнаружил, что каюту затопило. Стоило судну накрениваться, и вода потоком лила через иллюминатор, причем открыто было не только окошко, он сам раскачивался и держался лишь на верхних болтах. Нам все же удалось его закрыть, но был причинен большой ущерб. С тех пор в каюте время от времени пахнет морской водой. Хотя мы и решили, что пассажир выбросился в море через иллюминатор, один Бог знает, как это у него получилось. Стюард уверяет меня, что в этой каюте никакие запоры не действуют. А ведь снова пахнет, — капитан подозрительно принюхался, — ей-богу, пахнет, вы чувствуете?

— Да, отчетливо, — сказал я и невольно вздрогнул: смрадный запах стоячей морской воды усилился. — Когда в каюте стоит такой запах, логично предположить, что она сырая, однако мы осмотрели ее утром с плотником и убедились, что везде сухо. О!

Мой дорожный фонарик, подвешенный над верхней полкой, внезапно потух. В каюте тем не менее было довольно светло: за матовым стеклом возле двери горела лампа. Корабль сильно качало, и в такт качке шторы верхней полки ходили взад и вперед. Я вскочил. Вскочил и капитан, громко вскрикнув от изумления. Я стоял к нему спиной, намереваясь заняться фонариком, когда услышал этот возглас, а потом и призыв на помощь. Я рванулся к нему. Он изо всех сил удерживал медную петлю иллюминатора. Несмотря на все его старания, она дергалась у него в руках. Я схватил трость — тяжелую дубовую трость, которую всегда вожу с собой, — засунул ее в петлю и навалился на нее всем телом. Крепкая трость внезапно переломилась, и я упал на кушетку.

Поднявшись, я увидел, что иллюминатор распахнут настежь, а капитан с побелевшими губами стоит спиной к двери.

— Что-то там есть, на этой полке! — крикнул он изменившимся голосом, дико вытаращив глаза. — Держите дверь, а я гляну: что бы там ни было, никуда от нас не денется!

Но я не кинулся к двери, а вскочил на нижнюю полку и ухватил нечто, лежавшее наверху.

Что-то невообразимо мерзкое выкручивалось у меня из рук, по виду — утопленник, долго пробывший в воде, но он двигался и мог осилить

десятерых живых. Я из последних сил удерживал эту скользкую, жуткую, пахнущую тинной тварь. Мертвые, белесые глаза, казалось, вперились в меня. От него исходил гнилостный запах застоявшейся морской воды. Блестящие мокрые волосы висели прядями вдоль мертвого лица. Я боролся с мертвецом. Он навалился на меня и опрокинул на спину, почти сломав запястье. Руки трупа сдавили мне шею. Живая смерть одолела меня, и я, вскрикнув, выпустил его.

Когда я упал, он, перескочив через меня, набросился на капитана. Тот стоял бледный как полотно, со сжатыми губами. Он, кажется, успел нанести мертвецу мощный удар, а потом с диким воплем повалился лицом вниз.

Мертвец мешкал над распростертым телом, я снова закричал от ужаса, но у меня пропал голос. Мертвец вдруг исчез, и мне, в моем полубезумном состоянии, показалось, что он ушел через окошко иллюминатора, но не берусь судить, возможно ли это, учитывая малый проем. Я долго лежал на полу рядом с капитаном. Наконец я начал приходить в себя, пошевелился и сразу понял, что у меня сломана в запястье левая рука.

Пошатываясь, я все же поднялся и сделал попытку здоровой рукой поднять капитана. Он стонал, ворочался и наконец пришел в себя. У него не было повреждений, но он находился в тяжелом шоке.

Хотите знать, что было дальше? Но на этом моя история заканчивается. Плотник осуществил свой замысел и загнал с полдюжины четырехдюймовых гвоздей в дверь сто пятой каюты, и, если вам доведется пересечь Атлантику на «Камчатке», попросите полку в этой каюте. Вам наверняка ответят, что она занята. Она и впрямь занята — этим утопленником.

Я закончил плавание в каюте доктора. Он вылечил мне сломанную руку и посоветовал держаться подальше от привидений. Капитан замкнулся в себе и больше не плавал на «Камчатке», хоть она по-прежнему совершает свои рейсы. Я тоже больше никогда не отправлюсь на ней в плавание. Это было очень неприятное происшествие, и я насмерть перепугался, что мне не по душе. Вот и все. Так я повстречал привидение — если это было привидение. Во всяком случае — мертвеца.

Перевела с английского Л. Биндеман

ЛОНДОН: ДВОРЕЦ СВЯТОГО ЯКОВА

В небольшом собрании довольно известных историй о призраках, составленном и отредактированном мистером Т.-М. Джарвисом и изданном в 1823 году под заголовком «Общеизвестные рассказы о привидениях», есть глава, в которой описывается видение умершей герцогини Мазарин мадам де Бьюклеяр. Имени автора этой истории никто не знает, но мистер Джарвис утверждает, что не сомневается в достоверности событий, поскольку и другие люди, заслуживающие доверия и пребывавшие в добром здравии в момент публикации, тоже заявили, что история соответствует действительности.

Следует заметить, что герцогиня Мазарин была любовницей Карла II, в то время как де Бьюклеяр состояла в таких же отношениях с его братом и наследником Яковом II. Две эти женщины, как говорят, были сильно привязаны друг к другу, что весьма странно, учитывая их положение.

После пожара на Уайтхолл эти фаворитки королевского дома поселились во дворце Сент-Джеймс, где им были предоставлены весьма недурные покои. Однако, как замечает наш автор, «в те времена вся светская жизнь претерпевала изменения и в моду входил иной тип придворных дам». Две эти женщины, отвергнутые ради новых фавориток, сохранили дружеские чувства друг к другу и, что крайне необычно при подобных обстоятельствах, начали вести разговоры на тему о реальности загробной жизни. Во время одной из самых глубокомысленных бесед о бессмертии души оставшие фаворитки, рассуждая о призраках, торжественно поклялись, что та из них, которая умрет раньше, при первой возможности вернется к подруге и поведаст ей о своей загробной жизни.

По утверждению автора, они неоднократно повторяли свои обещания. Когда графиня серьезно занедужила и ее жизнь висела на волоске, мадам де Бьюклеяр напомнила ей о клятве.

Ее светлость заметила, что все будет зависеть от обстоятельств. Эта беседа состоялась менее чем за час до кончины графини, и присутствовавшие в комнате люди не поняли скрытого смысла разговора.

«Через несколько лет после смерти графини, — вспоминает автор, — я посетил мадам де Бьюклеяр, и разговор случайно зашел о загробной жизни. Мадам с жаром заявила, что не верит в ее существование, чем немало поразила меня, ибо такое высказывание шло вразрез с ее верованиями».

Отвечая на доводы собеседника, дама поведала об уговоре с умершей графиней, и он понял, что отсутствие призрака доказывает

невозможность загробной жизни.

Спустя несколько месяцев, когда у рассказчика гостила подруга мадам де Бьюклеър, он получил весточку от самой мадам.

«Мы едва успели сесть за карточный столик, — вспоминает автор. — Было около девяти вечера, когда вошел слуга и сообщил, что мадам Бьюклеър умоляет мою гостью немедленно прийти к ней, если та хочет еще застать мадам в живых.

Леди была сильно простужена и отклонила приглашение, зная, что мадам де Бьюклеър вполне здорова. Однако за первой просьбой последовала вторая, еще более настоятельная, а в прибывшей вместе с письмом шкатулке лежали часы, цепочка, ожерелье и другие безделушки мадам. Моя гостья поспешила в покои мадам де Бьюклеър, и я отправился вместе с ней».

Когда они оказались в спальне мадам де Бьюклеър, та сообщила им, что вскоре перейдет из этого мира в другой, в существовании которого она некогда усомнилась, но сейчас поверила. Затем она сказала, что видела графиню Мазарин. «Я не заметила, как она вошла, — заявила дама, — но, поглядев в тот угол, увидела там графиню в той же позе, в какой она любила стоять при жизни. Я бы с радостью обратилась к ней, но не нашла в себе сил произнести хотя бы слово.

Графиня сделал небольшой круг по спальне, и казалось, что привидение плывет, а не ступает по полу. Затем призрак остановился возле вон того индийского сундука. Графиня обернулась ко мне и произнесла со своей обычной улыбкой: „Бьюклеър, сегодня после полуночи ты присоединишься ко мне“. Оправившись от изумления, я попыталась расспросить ее о мире, в котором мне вскоре предстоит очутиться. Но стоило мне открыть рот, как фигура исчезла».

Близилась полночь, и мадам Бьюклеър не чувствовала никакого недомогания. Присутствовавшие пытались помочь ей обрести душевное равновесие, но, как пишет один из очевидцев, «не успели мы заговорить, как лицо мадам внезапно исказилось и она воскликнула: „О, мое сердце!“ Мистер Вуд дал ей укрепляющего, но лекарство не подействовало. Ей становилось все хуже, и спустя полчаса, — в назначенный призраком срок, она скончалась».

Р. Л. Стивенсон

ОСТРОВ ГОЛОСОВ

Кеола женился на Лехуа, дочери Каламаке, колдуна из Молокая, и жил в доме тестя. Не было колдуна искуснее Каломаке. Он предсказывал судьбу по звездам, по останкам мертвых, знался со злыми духами. Он в одиночку взбирался на скалы, где водились гоблины, проказливые черты, и подстерегал там духов предков.

Не удивительно, что Каламаке слыл самым знаменитым колдуном в королевстве Гавайи. Благоразумные люди все в жизни делали по его совету — и покупали, и продавали, и женились; сам король дважды вызывал его в Кону, чтобы отыскать сокровища Камехамеча. Никто не наводил на людей такого страха, как Каламаке. Своими заклинаниями он насылал на врагов болезнь, а порой и похищал их тайком, родня потом и косточки отыскать не могла. Молва приписывала ему могущество героев былых времен. Люди видели, как он ночью перешагивал с утеса на утес. Видели его и в высоком лесу, голова и плечи колдуна поднимались над верхушками деревьев.

И на вид он был такой, что все только диву давались. Родом вроде из лучших кровей Молокая и Мауи, а кожа белей, чем у любого чужестранца, волосы цвета сухой травы, глаза красные да к тому же слепые. «Слеп, как Каламаке, ясновидящий» — такая поговорка ходила на островах.

О чародействе тестя Кеола кое-что знал понаслышке, кое о чем догадывался, а в общем, это его не интересовало. Беспокоило его совсем другое. Каламаке денег не жалел ни на еду, ни на питье, ни на одежду и за все платил новенькими блестящими долларами. «Блестит, как доллар Каламаке», — говаривали на Восьми Островах. А ведь Каламаке не торговал, не сеял, ничего не сдавал внаем, лишь порой получал кое-что за колдовство, откуда же у него столько серебра?

Как-то раз жена Кеола отправилась в гости в Кауна-какай — на другой берег острова, а все мужчины вышли в море рыбачить. Кеола же, бездельник и лежебока, лежал на веранде, глядя, как бьется о берег прибой и птицы летают вокруг утеса. В голове у него постоянно вертелась одна мысль — о блестящих долларах. Ложась спать, он думал, откуда у тестя такая прорва денег, а просыпаясь поутру, гадал, отчего они все новехонькие, — так она его и не покидала, эта мысль. Но в тот день у Кеола появилась уверенность, что тайна раскроется. Он приметил, где Каламаке хранил свои сокровища — в крепко-накрепко запертой конторке

у стены, над которой висела гравюра с изображением Камехамах Пятого и фотография королевы Виктории в короне. К тому же не далее как прошлой ночью он ухитрился заглянуть туда, и, верите ли, мешок был пуст. А днем ждали пароход, Кеола видел, что он дымит уже в Калаупапы. Скоро прибудет и сюда с месячным запасом лососевых консервов, джином и прочими редкими яствами для Каламаке.

«Ну, если тесть и сегодня выложит денежки за это добро, значит, он и впрямь знается с нечистой силой, а доллары к нему текут из кармана дьявола», — подумал Кеола.

И пока он размышлял, за спиной у него появился тесть.

— Неужто пароход? — спросил он с досадой. — Он самый, — подтвердил Кеола. — Заглянет в Пелекуну, а потом прямо к нам.

— Тогда делать нечего, — отозвался тесть. — Придется мне довериться тебе, Кеола, коль никого сметливей рядом нет. Иди за мной.

И они вошли в гостиную, очень красивую комнату, оклеенную обоями, где висели гравюры и стояли на европейский манер стол, софа и кресло-качалка. Была там и полка с книгами, посреди стола лежала семейная Библия, а у стены красовалась та самая крепко-накрепко запертая конторка, чтоб каждому гостю сразу стало ясно, что это дом важного человека.

Каламаке велел Кеоле закрыть ставни, а сам запер все двери и открыл конторку. Он извлек оттуда два ожерелья с амулетами и раковинами, пучок сухой травы, сухие листья деревьев и ветвь пальмы.

— Я задумал сделать нечто такое, — сказал Каламаке, — что ты глазам своим не поверишь. Встарь люди были мудры, они творили чудеса, в том числе и то, что свершится сейчас. Но все происходило под покровом ночи, при свете звезд, в пустыне. А я сотворю это чудо здесь, в своем доме, при свете дня.

С этим словами Каламаке спрятал Библию под подушку, лежавшую на софе, извлек оттуда же коврик изумительно тонкой работы и высыпал листья и травы на песок в оловянную миску. А затем они с Кеолой надели ожерелья и встали лицом друг к другу по разные стороны коврика.

— Час пробил, — молвил колдун, — мужайся.

Он поджег листья и, бормоча какие-то заклинания, раздул пламя пальмовой ветвью. Сначала в комнате было почти темно, ведь ставни были затворены, но потом вспыхнуло пламя и комната ярко осветилась. К потолку потянулась струйка дыма; голова у Кеолы закружилась, в глазах потемнело, как сквозь сон он услышал бормотание Каламаке. Вдруг что-то с быстротой молнии ударило в коврик, на котором они стояли. И в то же мгновение дом и комната исчезли и Кеола потерял сознание. Потoki

солнечного света заливали все вокруг, когда он очнулся на берегу моря; ревел прибой, они с колдуном стояли на том же коврике, вцепившись друг в друга, еле переводя дыхание. Не говоря ни слова, они заслонили глаза от яркого солнца.

— Что это было? — крикнул Кеола. Он пришел в себя первым, потому что был моложе. — Такая боль, будто расставался с жизнью.

— Какая разница, — задыхаясь, произнес Каламаке. — Дело сделано.

— Скажи, ради Бога, где мы? — тревожился Кеола.

— Не о том спрашиваешь, — отвечал чародей. — Мы здесь, все в наших руках, надо браться за работу. Я отдышусь, а ты сбегай на опушку леса, принеси мне растения и листья деревьев, которых здесь больше всего, — по три горстки каждого, — и поторапливайся. Мы должны вернуться, когда придет пароход. Люди удивятся нашему исчезновению. — И колдун, пыхтя, опустился на песок.

Кеола шел сверкающим песчаным берегом, усыпанным кораллами и раковинами, и размышлял: «Как бы запомнить этот берег? Вернусь сюда и соберу ракушки». Перед ним на фоне неба вырисовывались пальмы — не такие, как на Восьми Островах, а стройные, высокие, с сочной листвой, даже засохшие ветви висели золотыми веерами среди зеленых, и Кеола думал про себя: «Как странно, что я не знал раньше этой роци. Обязательно приду сюда соснуть, когда потеплеет». И тут же поймал себя на мысли: «А как, однако, потеплело!» Ведь на Гавайях была зима и с утра было холодно. Потом Кеола удивился: «А куда подевались серые скалы? Где высокий утес с лесом на крутом склоне? Где птицы, летающие вокруг утеса?» И чем больше он задавался такими вопросами, тем меньше понимал, куда его занесло.

У самого берега росли названные колдуном травы, а деревья — в глубине леса. Когда Кеола подошел к нужному дереву, он вдруг увидел девушку. Нагота ее была прикрыта лишь поясом из листьев.

«Ну и ну! — сказал про себя Кеола. — Не очень-то они разборчивы в одежде в этой части острова». Он остановился, полагая, что она увидит его и убежит, но девушка не обращала на него внимания, и тогда Кеола принялся напевать. Она тут же вскочила, краска сошла с ее лица, она в ужасе озиралась по сторонам, судорожно хватая открытым ртом воздух. Но странно, что взгляд ее скользнул мимо Кеолы.

— Добрый день! — обратился он к ней. — Не бойся, я тебе не съем.

Но не успел он произнести эти слова, как девушка убежала в лес.

«Странные повадки», — подумал Кеола и в безотчетном порыве кинулся за ней.

Кеола гнался за девушкой, а она все кричала на каком-то неведомом наречии, но некоторые слова он понимал: она звала на помощь и предупреждала сородичей об опасности. И вдруг Кеола увидел множество бегущих людей — мужчин, женщин, ребятишек: они неслись сломя голову и голосили, как на пожаре. Эти люди нагнали страху на Кеолу, он вернулся с листьями к Каламаке и рассказал ему об увиденном.

— Не обращай на них внимания, — успокоил его тесть, — они будто видения из сна, тени. Исчезнут, и ты сразу позабудешь о них.

— Мне показалось, что меня никто не видел, — сказал Кеола.

— Так оно и есть, — подтвердил колдун. Мы заколдованы и потому невидимы даже при ярком свете. Но они нас слышат, а потому лучше говори, как я, вполголоса. С этими словами он выложил круг из камней и поместил в центр круга листья.

— Я поручаю тебе жечь листья, — сказал колдун, — поддерживай невысокое пламя. Пока горят листья — а они сгорают очень быстро, — я должен закончить свое дело; как только они почернеют, волшебный порошок, что перенес нас сюда, вернет нас домой. Приготовь спичку и не забудь позвать меня вовремя, а то пламя погаснет и я останусь здесь.

Как только занялось пламя, колдун, точно олень, выпрыгнул из круга и понесся по берегу. Он носился, словно гончая после купания, и на ходу хватал раковины; Кеоле показалось, что они ярко вспыхивали в его руках. Листья тем временем горели ярким пламенем, и оно быстро их пожирало; у Кеолы оставалась всего одна горстка, а колдун умчался далеко и все подбирал и подбирал ракушки.

— Назад! — крикнул Кеола. — Листья на исходе, возвращайся!

Каламаке обернулся, и если в ту сторону он бежал, то обратно летел. Но как он ни торопился, листья догорали быстрее. Пламя уже затухало, но колдун одним прыжком одолел остаток пути и приземлился на коврике. Он поднял ветер, и костер потух; и тут же исчез берег, солнце и море, Кеола и Каламаке снова оказались во тьме комнаты с закрытыми ставнями. Они снова еле переводили дух и ничего не видели, а на коврике между ними лежала груда блестящих долларов. Кеола бросился открывать ставни и увидел за ближайшим холмом море и покачивающийся на волнах пароход.

В тот же вечер Каламаке отозвал зятя в сторонку и сунул ему в руку пять долларов.

— Кеола, — сказал он, — если ты умный (в чем я сомневаюсь), ты представишь себе, что соснул днем на веранде и видел сон. Я лишних слов не говорю и беру в помощники людей с короткой памятью.

Каламаке и словом больше не обмолвился об этом деле. Но у Кеолы

оно не шло из головы, он и раньше был ленив, а теперь вообще за работу не брался.

«Зачем мне работать, — размышлял он, — когда мой тесть может делать доллары из ракушек?»

Свою долю он быстро израсходовал: накупил себе много обновок. И тогда затосковал.

«Лучше бы я купил себе губную гармонику, забавлялся бы целый день, — думал он и злился на Каламаке: — Вот уж собачья душа! Доллары собирает, когда вздумается, на берегу, а я губную гармонику купить не могу! Берегись, Каламаке, я не ребенок, меня не проведешь, я твою тайну выведал». И Кеола повел разговор о тесте с женой Лехуа и пожаловался ей на его плохое обращение.

— Оставил бы ты его в покое, — наставляла его Лехуа. — Не сердись его, не играй с огнем.

— Было бы кого бояться, — Кеола щелкнул пальцами. — Он у меня в руках. Он сделает все, что я захочу. — И Кеола все рассказал жене.

Лехуа покачала головой.

— Поступай как знаешь, — сказала она, — но, если станешь отцу поперек дороги, он тебя в порошок сотрет. Ты вспомни, что стало с теми, кто ему перечил, вспомни про Хуа — знатного рода, заседал в палате представителей, каждый год ездил в Гонолулу; а вот исчез с лица земли, и косточки от него не осталось. Вспомни Камау — стал худой, как щепка, жена одной рукой его поднимала. Кеола, ты перед ним сущий младенец, он тебя двумя пальцами приподнимет и съест, как креветку.

По правде говоря, Кеола побаивался Каламаке, но он был кичлив и слова жены привели его в ярость.

— Ладно, — процедил он сквозь зубы, — коли ты меня ни во что не ставишь, я докажу, что ты очень сильно заблуждаешься. — И Кеола тут же отправился к тестю.

— Каламаке, — начал он, — я хочу губную гармошку.

— В самом деле?

— Да, я тебе без околичностей заявляю: хочу гармонику. Ну что тебе стоит купить гармонику, ты ж на берегу доллары собираешь.

— Я не ждал, что ты на такое отважишься, — ответил колдун. — Думал, ты робкий, никчемный парень. Я несказанно рад, что ошибся. Пожалуй, у меня появился помощник и продолжатель в моем весьма трудном деле. Губную гармонику хочешь? Покупай самую лучшую в Гонолулу. Сегодня же, как стемнеет, мы с тобой отправимся за деньгами.

— На тот берег? — спросил Кеола.

— Нет, ни в коем случае! Ты должен узнать и другие тайны. Прошлый раз я учил тебя собирать раковины, а теперь научу ловить рыбу. Хватит у тебя сил управиться с лодкой Пили?

— Отчего же нет, хватит, — отозвался Кеола. — А почему нам не взять твою, она уже спущена?

— Есть причина, и ты ее скоро поймешь, — отвечал колдун. — Мне сейчас больше подходит лодка Пили. Как стемнеет, будь любезен, жди меня у лодки. А пока держи наш уговор в тайне, незачем посвящать в него домочадцев.

Кеоле его слова были слаще меда, его распирало от гордости.

«Эх, давно бы имел гармонику, — думал он. — Смелость города берет».

Вскоре он заметил, что Лехуа тайком льет слезы, и чуть было не сказал ей, как все хорошо складывается. Потом одумался. «Лучше выжду, вот принесу ей гармонику, тогда послушаем, что она, глупышка, скажет. Может поймет наконец, какой толковый муж ей достался».

Как только стемнело, тесть с зятем спустили на воду лодку Пили и поставили парус. Море штормило, дул сильный ветер, но быстроходная лодка, сухая и легкая, летела по волнам. Колдун зажег прихваченный из дому фонарь и держал его за кольцо; они сидели на корме, курили сигары, говорили, как старые друзья, о колдовстве, о больших деньгах, которые они добудут чарами, решали, что они купят сначала, а что потом. Каламаке был ласковый, как отец.

Через некоторое время колдун огляделся, посмотрел на звезды, на почти скрывшийся из виду острый и задумался.

— Послушай, — сказал он наконец. — Молокай остался далеко позади, Мауи кажется облаком; по положению этих трех звезд я безошибочно определил, что мы достигли цели. Это место называется Море Мертвецов. Здесь особенно глубоко, все дно усеяно человеческими костями, а в расщелинах подводных скал обитают морские боги и водяные. Здесь такое сильное северное течение, что его не одолеет и акула, а уж если кого выбросят за борт, бурный поток, будто дикий конь, несет беднягу прямо в океан. Тут ему и конец, кости его усеивают дно, а душу забирают морские боги.

Ужас объял Кеолу. Он взглянул на колдуна; в неверном свете звезд тот преображался прямо на глазах.

— Ты нездоров? — отчаянно крикнул Кеола.

— Я-то здоров, — отвечал колдун, — а вот кое-кому здесь и впрямь неможется.

С этими словами колдун опустил фонарь, его палец застрял в кольце, и оно порвалось, рука же мгновенно стала величиной с дерево.

Кеола дико вскрикнул и закрыл лицо руками. Каламаке поднял фонарь.

— А ну-ка, взгляни мне в лицо! — приказал он.

Голова у него была с бочку, а он все рос и рос, как облако, накрывшее гору. Кеола кричал, лодка летела по бурному морю.

— Ну а что ты теперь скажешь о губной гармонике? — спросил колдун, — Может быть, предпочтешь флейту? Ах нет! Это хорошо. Не люблю, когда домочадцы сами не знают, чего они хотят. Но мне, пожалуй, лучше выйти из этой лодчонки, я необычайно вырос, одно неосторожное движение — и я, чего доброго, затоплю ее.

Сказав это, колдун перекинул ноги за борт. В мгновение ока он вырос в тридцать раз, потом в сорок; он упирался ногами в дно моря, его плечи и голова возвышались над поверхностью, как скалистый остров, а волны бились и разбивались о его грудь, как об утес. Тем временем лодку уносило течение к северу, но колдун протянул руку, взял двумя пальцами планшир и переломил лодку, как щепку. Кеола оказался в воде. Колдун собрал в кулак обломки и зашвырнул их далеко-далеко во тьму.

— Извини, что я забрал фонарь, — сказал он, — мне еще долго брести по морю, пока доберусь до суши, а дно неровное, все время кости под ноги попадают.

Колдун повернулся и пошел вброд большими шагами; когда Кеолу поднимало на гребень волны, он видел, как тот удалялся, держа фонарь высоко над головой, вспенивая морскую воду.

Когда колдун выловил обломки лодки, Кеола совсем потерял голову от страха. Он, конечно, барахтался, как щенок, которого бросили в воду, чтобы утопить; Кеола не знал, куда плыть. Из головы не шел колдун-великан, его огромная, как гора, голова, широченные, выступающие над водой, как остров, плечи, о которые разбиваются волны. Подумал Кеола и о губной гармонике, и ему стало стыдно, потом о костях мертвецов, и ему стало страшно.

Вдруг Кеола увидел при свете звезд какую-то темную громадину, огоньки внизу, их блики на взбаламученной воде, услышал голоса. Он крикнул, ему ответили, и в то же мгновение перед ним закачался на волне нос корабля. Он вцепился обеими руками в цепи, но его накрыл штормовой вал, а потом матросы втащили его на палубу.

Они дали ему галеты, сухую одежду и принялись расспрашивать, как он оказался так далеко в море и свет ли маяка Лаэ о Ка Лаау они видели. Но Кеола знал, что белые люди точно дети: они верят только в свои

собственные байки, а поэтому о себе рассказал что в голову пришло и поклялся, что никакого маяка (то был фонарь Каламаке) он в глаза не видел.

Кеолу подобрала торговая шхуна, направлявшаяся в Гонолулу, а потом на малые острова. По счастливой для Кеолы случайности один из матросов упал с бушприта во время шторма. У Кеолы не было выбора. Он бы не решился остаться на Восьми Островах. Земля слухом полнится, а люди любят поболтать и обменяться новостями. Поселись он тайком на севере Кауаи или на юге Кау, не прошло бы и месяца, как колдун прознал бы об этом, и тогда не сносить ему головы. И Кеола поступил разумно: нанялся на шхуну взамен утонувшего в шторм матроса.

В целом на шхуне жилось хорошо. Еда была отменная, ешь до отвала. Галеты и солонина — каждый день, гороховый суп и пудинг — дважды в неделю, так что Кеола округлился. Капитан был хороший человек, да и команда не хуже, чем другие белые.

Но вот с помощником капитана трудно было поладить. Кеола никак не мог ему угодить и каждый день сносил и ругательства, и побои за то, что делал, и за то, чего не делал. Помощник капитана был здоровый детина, и рука у него была тяжелая. А уж ругался так, что уши вяли слушать, ведь Кеола происходил из хорошей семьи и привык к уважению. Но что всего хуже, стоило Кеоле заснуть — откуда ни возьмись являлся помощник капитана и линьком^[12] понуждал его встать. Делать было нечего, Кеола решил бежать.

Месяц тому назад они вышли из Гонолулу — и вот наконец увидели землю. Была тихая, звездная ночь, море было спокойное, небо чистое, а с наветренного борта виднелся остров, узкая полоска пальм обрамляла его берег. Капитан и его помощник, поглядев на него в морской бинокль, упомянули его название и поспорили, что это за остров, а Кеола, стоя у рулевого колеса, слушал их разговор. Торговые суда сюда не заходили.

По словам капитана, остров был необитаем, но помощник думал иначе:

— Я и цента не дам за этот справочник, — сказал он. — Я был здесь как-то раз на шхуне «Евгения». Стояла точно такая же ночь. Рыбаки вышли в море с факелами, а на берегу народ кишел как в городе.

— Хорошо, хорошо, — согласился капитан, — берег очень крутой, вот в чем загвоздка. Но раз навигационная карта не показывает подводных рифов, подойдем к нему поближе с подветренной стороны. А ты знай крути штурвал! — крикнул он Кеоле, который так заслушался, что совсем позабыл про свои обязанности.

Помощник капитана снова набросился на него с бранью и поклялся отдубасить Кеолу кофель-нагелем,^[13] тогда, мол, тот узнает где раки зимуют.

Наконец капитан и его помощник ушли и Кеола остался один.

— Этот остров мне очень подходит, — решил он. — Торговые суда к нему не пристают, значит, и помощник здесь никогда не появится. Да и Каламаке в голову не придет искать меня так далеко от дома.

Кеола осторожно вел шхуну к берегу. Он старался сделать это как можно незаметнее, ведь беда с белыми в том, что им нельзя доверять, особенно помощнику капитана. Спят вроде бы мертвым сном или притворяются, а стоит парусу хлопнуть, они уж на ногах и носятся за тобой с линьком. И Кеола вел судно потихоньку. Но когда земля была уже близко, волны стали сильнее биться о борт.

Вдруг помощник вскочил.

— Ты что это делаешь? — заревел он. — Да ты мне судно на мель посадишь!

Он бросился к Кеоле, но тот ловко прыгнул за борт — в море, освещенное звездами. Когда он вынырнул, шхуна уже шла своим курсом, у штурвала стоял помощник капитана, и Кеоле даже слышал, как он ругался. У подветренного берега море было спокойное, к тому же вода была теплая. Кеола прихватил с собой матросский нож и не боялся акул. Деревья были уже совсем близко, и береговая линия образовала в этом месте что-то вроде гавани, куда его несло течением. Кеолу накрывало с головой, потом он всплывал снова, и перед глазами у него был полукруг гавани с пальмовыми деревьями. Кеола изумлялся, что никогда раньше не слышал о чудесном острове.

Пребывание Кеолы на острове делится на то время, когда он жил один и когда поселился с его обитателями. Сначала он повсюду искал людей, но так и не нашел никого в брошенной деревушке, только опустевшие дома да следы костровищ. Пепел был холодный, размытый дождями; некоторые хижины опрокинуты ураганом. Сначала Кеола и поселился в такой брошенной хижине. Он выточил себе дрель для получения огня трением, смастерил рыболовный крючок из раковины, рыбачил и жарил рыбу. На острове не было воды, и он взбирался на кокосовую пальму, срезал орехи и пил кокосовое молоко. Дни казались ему длинными, а ночи — страшными. Он сделал лампу из скорлупы ореха, выжал масло из зрелого плода, а фитилек скрутил из волокна пальмы. Как только спускалась ночь, он запирался в хижине, зажигал лампу и до утра не смыкал глаз, дрожа от страха. Не раз его посещала мысль, что уж лучше бы ему лежать на дне

морском, пусть бы его косточки перекатывались вместе с другими.

Все это время он жил на берегу гавани, потому что хижины стояли на берегу, тут же росли пальмы, и сама лагуна изобиловала хорошей рыбой. Однажды он побывал на другом берегу, посмотрел на океан и вернулся потрясенный. Знакомый вид — сверкающий на ярком солнце песок, шумный прибой, разбросанные по берегу раковины — больно ранил Кеолу.

«Не может быть, — думал он, — все похоже как две капли воды. И откуда мне знать? Белые, хоть и притворяются, что знают, куда плывут, могут ошибиться, как и другие люди. Что, если мы плыли по кругу, и я сейчас совсем близко от Молокай, и другой берег острова — тот самый, на котором мой тесть собирал доллары?»

После этого случая он опасался ходить на берег океана.

Примерно через месяц вернулись хозяева деревни. Они приплыли в шести переполненных лодках. Эти славные люди говорили на языке, очень отличавшемся от языка его сородичей гавайцев, но многие слова совпадали и нетрудно было догадаться, о чем идет речь. Мужчины были очень вежливые, а женщины — добрые. Они оказали ему гостеприимство: построили хижину, дали жену; но больше всего он дивился тому, что его никогда не посылали на работу, как других молодых мужчин.

В новой жизни Кеолы было три периода — очень печальный, веселый, а потом наступил третий — когда во всем свете не было человека, обуянного страхом больше, чем Кеола.

Печалился Кеола из-за девушки, которую ему дали в жены. Он сомневался, тот ли это остров, на котором он побывал вместе с колдуном, та ли это речь, что он тогда слышал, но уж насчет жены никаких сомнений не было — ею оказалась та самая девушка, с плачем убежавшая от него в лесу. Он долго плавал, а мог сидеть себе в Молокай: ведь он бросил дом, жену, друзей, чтоб спастись от врага, а поселился в его охотничьем уголке, где колдун разгуливал невидимым. В это печальное для него время Кеола старался по возможности никуда не выходить из своей хижины на берегу лагуны.

Кеола сменил печаль на веселье, когда многое открылось ему из разговоров с женой и вождями племени. Сам Кеола в основном помалкивал. Он не очень-то доверял своим новым друзьям: уж слишком они были сладкоречивы, чтоб им целиком довериться. Он стал еще осторожнее, когда поближе узнал нового тестя. О себе Кеола мало чего рассказывал — имя, происхождение, то, что жил на Восьми Островах, упомянул о королевском дворце в Гонолулу, о том, что был первый друг короля и миссионеров. Но зато он сам постоянно задавал вопросы и многое

узнал.

Остров, на котором он поселился, назывался Островом Голосов. Он принадлежал этому племени, но постоянно они жили на другом, южном, до которого нужно было плыть три часа. Там у них стояли более основательные дома, да и сам остров был богаче. Они разводили кур и свиней, лакомились яйцами, а торговые суда привозили им ром и табак. Оказалось, именно туда направлялась шхуна, с которой сбежал Кеола, и на южном острове умер помощник капитана. По их рассказам, шхуна причалила в плохое время: вся рыба в лагуне в это время ядовитая, стоит человеку съесть ее — он пухнет и умирает. Помощника капитана предупреждали об этом. Он видел, что лодки спущены на воду и люди готовятся к переезду на Остров Голосов. Но он был глупый белый, который верит только собственным побасенкам, а потому поймал большую рыбу, поджарил и съел, а потом весь раздулся и умер.

А что касается Острова Голосов, то он необитаем большую часть года. Порой они присылают сюда лодку с людьми за копрой, но все племя перебирается на Остров Голосов, только когда болеет рыба в лагуне у главного острова. А название остров получил из-за чудес, происходящих здесь. Похоже, берег океана населяют невидимые дьяволы; день и ночь они переговариваются между собой на непонятных языках. День и ночь вспыхивают и гаснут маленькие костры на берегу, а причину этих чудес еще никто не разгадал. Кеола поинтересовался, не случаются ли подобные чудеса на главном острове, и они ответили: нет, такого там никогда не бывает, да и на сотне островков, его окружающих, о таких чудесах не слыхивали. Чудесами славится только Остров Голосов. Поведали ему и о том, что костры видели и голоса слышали только на берегу океана и в прилегающем лесу, а у лагуны человек проживет две тысячи лет (если ему на роду написано) и ничто не причинит ему беспокойства, да и океанские дьяволы безобидны, если их обойдешь стороной. Лишь однажды вождь племени метнул копье туда, откуда слышался голос, и в тот же вечер упал с кокосовой пальмы и расшибся.

Кеола много размышлял наедине. Он понял, что будет в безопасности, когда племя вернется на главный остров, да и сейчас ему ничего не угрожает, если он будет держаться возле лагуны. И все же ему хотелось еще большего спокойствия. И он сказал верховному вождю, что он как-то жил на острове, где водилась нечисть, и тамошние жители нашли способ избавиться от этой напасти.

— В лесу росло дерево, — поведал Кеола вождю, — и туда наведывались дьяволы за листьями. И тогда люди спилили его, и дьяволы

больше не появлялись в тех местах.

Его спросили, что это было за дерево, и Кеола указал на то, с которого собирал листья для Каламаке. Они сомневались, но идея была уж очень заманчива. Что ни вечер старейшины племени держали совет, но верховный вождь, хоть и был неробкого десятка, боялся будить лихо и каждый раз напоминал им о вожде, бросившем копье, и о постигнувшем его возмездии. Это сразу отрезвляло всех, и никто ничего не предпринимал.

Хоть затея и не удалась, Кеола был доволен и радовался жизни. Кроме всего прочего, он подобрел к жене, и она очень его полюбила. Как-то раз он вернулся в хижину и застал жену в слезах, горестно причитающей.

— В чем дело? — спросил Кеола. — Какая приключилась беда?

Но она ответила, что все в порядке. Той же ночью она разбудила Кеолу. Тускло горела лампа, но он все же заметил, что лицо у жены совсем убитое.

— Кеола, — начала она шепотом, — я хочу кое-что сказать тебе на ухо, чтобы нас никто не услышал. За два дня до того, как лодки подготовят к отплытию, уходи на берег океана и спрячься в лесной чаще. Мы заранее выберем это место — ты и я — и отнесем туда запас еды. Каждый вечер я буду проходить мимо, напевая. Но когда наступит вечер и ты не услышишь моей песни, знай: мы все покинули остров, тебе ничего не угрожает, и ты можешь выйти из укрытия.

У Кеолы душа ушла в пятки.

— О чем ты говоришь? — крикнул он. — Я не хочу жить с дьяволами! Я не хочу, чтоб меня бросили одного на острове! Я сплю и вижу покинуть этот остров!

— Ты никогда не покинешь его живым, мой бедный Кеола, — сказала жена. — Я раскрою тебе правду: мои соплеменники — людоеды, но держат это в тайне. А убьют они тебя до отъезда потому, что на южный остров заходят корабли, там и сейчас живет белый торговец в доме с верандой. Конечно, наш остров — чудесное место! Торговец привез бочки с мукой, а однажды в лагуну зашел французский военный корабль и всех угощали вином и галетами. Ах, мой бедный Кеола, как бы мне хотелось взять тебя с собой, ведь я люблю тебя, а наш остров — самый лучший на свете, если не считать Папеете.

Кеола до смерти перепугался. Он слышал рассказы о людоедах с южных островов, и они всегда вселяли в него страх, а теперь беда стучится к нему в дверь. Путешественники рассказывали и о повадках людоедов — как те холили и нежили человека, которого намеревались съесть: родная мать так не печется о своем любимчике. Вот и с ним так нянчатся — построили дом, кормили, поили, освободили от всякой работы, а

старейшины и вожди обходились с ним как с важной персоной. Кеола лежал на кровати горевал о своей печальной участи и цепенел от страха.

На следующий день по обыкновению все были с ним очень любезны. Люди этого племени отличались красноречием, слагали стихи, шутили на пиршествах. Но Кеоле было теперь наплевать на их обходительность. Когда они садились есть, он шел в ближайший лесок и лежал там как мертвый.

На третий день жена пошла за ним в лес.

— Кеола, — сказала она, — если ты не будешь есть, тебя завтра убьют и сварят. Старейшины уже перешептываются. Они опасаются, что ты занемог и худеешь.

Злость закипела в душе Кеолы, он вскочил.

— Как будет, так и будет! — крикнул он в сердцах. — Я между двух огней. Раз уж мне суждено умереть, то чем скорей, тем лучше! А коли съедят, так пусть лучше черти, чем люди. Прощай! — И с этими словами Кеола направился на берег океана, а жена будто застыла на месте.

Берег был пустынный, ярко светило солнце. Ни один человек не повстречался Кеоле, однако всюду были следы и, куда бы он ни пошел, всюду слышал голоса, перешептывания; то тут, то там вспыхивали костерки и вскоре гасли. Говорили на всех языках — на французском, датском, русском, тамильском, китайском. Чародеи всех стран мира что-то нашептывали на ухо Кеоле. Раковины, лежавшие у него на пути, вдруг исчезали, а ведь ни одна живая душа их не поднимала. И дьявол перепугался бы, окажись он в такой компании, но Кеола поборол страх, он сам стремился к смерти. Когда вспыхивал костер, он кидался к нему, точно бык на красную тряпку. Но, перебросившись словами, невидимки забрасывали огонь песком. Так и не удалось Кеоле найти смерть в огне.

«Ясно, что Каламаке здесь нет, — подумал он, — иначе мне бы давно пришел конец».

Притомившись, Кеола сел на опушке леса, обхватил голову руками. А чудеса вокруг продолжались: переговаривались невидимки, вспыхивали и гасли костры, прямо у него на глазах исчезали и вновь появлялись раковины.

«Видно, я побывал тут в неурочный день, — подумал Кеола. — Ничего подобного здесь тогда не творилось».

У него голова пошла кругом при мысли об этих миллионах и миллионах долларов, валяющихся на берегу, и о сотнях чародеев, собирающих их и поднимающихся в поднебесье быстрее и выше орлов.

«А мне еще морочили голову разговорами о чеканке, — размышлял Кеола, — теперь ясно: всю новую монету в мире собирают здесь, на песке!

Нет, больше меня никто не проведет!»

Под конец он незаметно уснул и во сне позабыл про заколдованный остров и свои горести. Наутро еще до рассвета его разбудил какой-то шум. Он испуганно открыл глаза, полагая, что людоеды схватили его, сонного; ко дело обстояло иначе. На берегу перекликались невидимки; похоже, они бежали мимо него в глубь острова.

«Что там стряслось?» — удивился Кеола. Ясно было одно: произошло какие-то необычайное событие: не горели костры, никто не собирал раковины, невидимки окликали друг друга, передавали какие-то вести, а потом их голоса стихали вдаль. По тону их переговоров Кеола понял, что чародеи сердятся.

«Злятся они не на меня, — рассудил Кеола, — раз в двух шагах пробегают мимо».

То же чувство, что сбивает собак в свору, лошадей в стадо, горожан, бегущих на пожар, в толпу, овладело Кеолой. Не отдавая себя отчета в своих действиях, (как говорится, и вдруг — о чудо!) он побежал вслед за невидимками.

Кеола обогнул один мыс, уже показался второй, и тут он вспомнил про колдовские деревья, росшие в здешнем лесу. Оттуда доносились шум и крики. Бежавшие с ним рядом свернули туда. По мере того, как они приближались к колдовскому лесу, крики стали перемежаться с ударами топоров. И тут Кеола догадался, что верховный вождь решил наконец последовать его совету и мужчины племени занялись вырубкой деревьев. Эту весть и передавали друг другу колдуны, а теперь они сбегаются сюда на защиту своих деревьев. Предвкушение чуда увлекало Кеолу все дальше и дальше. Он пересек вместе с невидимками берег, подбежал к опушке леса — и застыл в изумлении. Одно дерево упало, другие были подрублены. Здесь же собралось все племя островитян. Мертвые лежали на земле, живые стояли кругом, плотно прижавшись друг к другу, и кровь мертвецов текла по их ногам. Лица были искажены ужасом, голоса сливались в один пронзительный крик. Вам доводилось видеть ребенка, играющего в одиночку с деревянным мечом? Он подпрыгивает, рубит воздух. Вот так и людоеды, сбившись в кучу, с воплями махали топорами и — верите ли! — рубили воздух, ибо врагов не было видно. Но вдруг откуда ни возьмись в воздухе зависал топор. Удар — и людоед, разрубленный пополам или на куски, валился наземь, а его душа со стоном покидала тело.

Какое-то время Кеола глядел на них как зачарованный, потом ужас происходящего обвил его, как саван. И в тот же миг верховный вождь, заметив Кеолу, ткнул в его сторону пальцем и выкрикнул его имя. Все

людоеды обернулись в его сторону с горящими от злобы глазами, оскаленными зубами.

«Зачем я здесь торчу?» — спохватился Кеола и понесся куда глаза глядят.

— Кеола! — окликнули его на берегу океана.

— Лехуа, ты ли это? — крикнул он, тщетно озираясь по сторонам.

— Я видела, как ты бежал к лесу, — продолжал голос, — окликнула тебя, но ты меня не услышал. Поскорей собери нужные листья и травы и бежим отсюда!

— Коврик с тобой? — спросил он.

— Да здесь, у тебя под боком! — Лехуа обхватила его шею руками. — Торопись, неси листья, пока не вернулся отец!

Кеола кинулся собирать колдовское топливо, Лехуа поторапливала его, и вот он уже развел огонь на коврике. Пока горели листья, из лесу доносился страшный гул битвы: чародеи и людоеды сражались насмерть. Чародеи-невидимки ревели, как быки на горе, а людоеды вторили им пронзительными криками ужаса. И все время, пока горел костер, Кеола слушал и дрожал от страха, наблюдая, как невидимые руки Лехуа подкладывают в огонь листья. Она сыпала их горстями, взметнувшееся пламя опалило Кеолу, она же в спешке все раздувала и раздувала огонь. Наконец сгорел последний лист, костер потух. Удар, шок — и Кеола с Лехуа оказались у себя в комнате.

Кеола был несказанно рад, что снова видит жену, что он дома, в Молокай, и лакомится своим любимым блюдом «пой»^[14] («пой» не готовят в камбузах, да и на Острове Голосов такого лакомства нет и в помине) а главное — что вырвался из рук людоедов. Но все же на душе у Кеолы было тяжело, и они с беспокойством говорили об этом с Лехуа всю ночь. На Острове Голосов остался Каламаке. Если он, Бог даст, останется там навсегда, все хорошо, а вот если вернется в Молокай, тогда им обоим несдобровать. Они говорили о его даре превращаться в исполина и переходить вброд моря. Но теперь Кеола знал, где находится колдовской остров — в Нижнем, или Опасном, архипелаге.

Они достали атлас, прикинули расстояние, которое предстояло одолеть старику, и оно показалось им непосильным. Все же, когда имеешь дело с таким чародеем, как Каламаке, никогда не чувствуешь себя уверенно, и они решили спросить совета у белого миссионера.

И первый же встреченный Кеолой миссионер все ему растолковал. Он сначала отчитал Кеолу за то, что тот взял вторую жену на южном острове, а потом поклялся, что ничего не понял из его рассказа.

— Одно могу сказать, — добавил миссионер, — если вы считаете, что деньги тестя добыты нечестным путем, отдайте часть их прокаженным, а часть — в какой-нибудь миссионерский фонд. А что касается всего этого фантастического вздора, советую держать рот на замке.

Однако миссионер сообщил в полицию в Гонолулу, что Кеола и Лехуа, кажется, занимаются чеканкой фальшивых денег и супругов стоит взять под надзор.

Кеола и Лехуа последовали совету белого миссионера и отдали большие суммы денег прокаженным и миссионерам. Судя по всему, совет был добрый, потому что до сего дня о Каламаке никто и не слышал. Может быть, он пал в битве за деревья, а может, еще бежит по Острову Голосов — кто знает?

Перевела с английского Л. Биндеман

ЭДИНБУРГ: БОЛЬНИЦА ГИЛСПИ

На том месте, где ныне стоит больница Гиллспи, прежде был древний особняк, куда спустя несколько лет после окончания войны за независимость в Штатах вселился генерал-лейтенант Робертсон, ветеран этой войны.

Возвращаясь в Европу, генерал взял с собой негра, по имени Черный Том, который жил в услужении у вояки. Комнатушка Тома располагалась на первом этаже дома, и негр часто жаловался, что ему не спится в ней: каждую ночь из камина вылезала фигура обезглавленной женщины с ребенком на руках и страшно пугала слугу.

Никто не обращал внимания на сетования Тома, хотя комната пользовалась дурной славой. Считалось, что посещавшие негра видения вызваны его пристрастием к вину. Но, когда старый дом генерала был снесен, произошло странное событие. Под каминной доской в каморке Тома был найден ящик, а в нем — обезглавленный труп женщины и останки младенца, завернутые в кружевную наволочку. Создавалось впечатление, что несчастная женщина была застигнута убийцей врасплох: она была одета, на поясе болтались привязанные веревкой ножницы, а рядом с иссохшим телом лежал наперсток, которой, очевидно, соскочил с пальца...

Агата Кристи

ПОСЛЕДНИЙ СЕАНС

Рауль Добрюль перешел по мосту через Сену, насвистывая себе под нос. Это был молодой французский инженер приятной наружности, со свежим лицом и тонкими темными усиками. Вскоре он добрался до Кардоне и свернул к двери дома под номером 17. Консьержка высунулась из своего логова, сердито обронив «доброе утро», и Рауль ответил ей жизнерадостным приветствием. Затем он поднялся по лестнице на третий этаж. Стоя под дверью в ожидании ответа на свой звонок, он еще раз просвистел полюбившуюся мелодию. Нынче утром Рауль Добрюль пребывал в особенно приподнятом настроении.

Дверь открыла пожилая француженка. Ее испещренное сеточкой морщин лицо расплылось в улыбке, когда она увидела, кто пришел.

— Доброе утро, месье!

— С добрым утром, Элиза, — поздоровался Рауль, входя в переднюю и стягивая перчатки. — Госпожа ждет меня, не правда ли? — бросил он через плечо.

— О, да, разумеется, месье, — Элиза прикрыла дверь и повернулась к гостю. — Если месье пройдет в малую гостиную, госпожа через несколько минут выйдет к нему. Она прилегла.

— Ей нехорошо? — Рауль поднял глаза.

— «Нехорошо»?! — Элиза негодуяще фыркнула. Она распахнула перед Раулем дверь малой гостиной. Он шагнул внутрь, и служанка вошла следом за ним. — «Нехорошо»? — повторила она. — Как же она, бедняжка, может чувствовать себя хорошо? Вечно эти сеансы! Это никуда не годится, это противоестественно! Разве такое предназначение уготовил нам милостивый Господь? Не знаю, как вы, но я прямо скажу: все это — общение с лукавым!

Рауль успокаивающе похлопал ее по плечу.

— Полноте, Элиза, — увещающим тоном проговорил он. — Не заводитесь. Слишком уж вы склонны видеть происки дьявола во всем, чего не в силах постичь умом.

— Ладно уж, — Элиза с сомнением покачала головой. — Что бы там ни говорил месье, а не по нутру мне все это. Взгляните на госпожу! День ото дня она все больше бледнеет и худеет. А эти ее головные боли! — Элиза взмахнула руками. — Ох, не к добру он, спиритизм этот. Духи —

поди ж ты! Все добрые духи давно уже пребывают на небесах, а остальные — в преисподней!

— Ваш взгляд на загробную жизнь прост до безмятежности, — заметил Рауль, опускаясь на стул.

— Я добрая католичка, месье, только и всего. — Женщина расправила плечи. Она осенила себя крестным знамением и двинулась к двери. Взявшись за ручку, Элиза остановилась. — Месье, — с мольбой обратилась она к Раулю, — ведь все это прекратится после вашей свадьбы?

Рауль слабо улыбнулся в ответ.

— Вы — славное и верное существо, Элиза, и вы преданы своей хозяйке. Не опасайтесь: после того, как госпожа станет моей женой, всем этим «спиритическим делишкам», как вы их называете, придет конец. У мадам Добрюль не будет никаких сеансов.

Элиза просияла.

— Честное слово?

Ее собеседник кивнул с серьезным видом.

— Да, — отвечал он, обращаясь скорее к самому себе, нежели к ней, — да, пора с этим кончать. Симонэ наделена дивным даром, которым вольна пользоваться по собственному усмотрению, но она уже сыграла свою роль! Как вы только что заметили, Элиза, госпожа чахнет и бледнеет не по дням, а по часам. Самое трудное и мучительное в жизни медиума — страшное нервное напряжение. Вместе с тем, Элиза, ваша хозяйка — лучший медиум в Париже, если не во всей Франции. К Симонэ стремятся попасть люди со всего света, ибо знают, что с ней можно не опасаться ни ловкого надувательства, ни шарлатанства.

— «Надувательства»! — презрительно процедила Элиза. — Еще чего! Мадам не способна провести и младенца, даже пожелай она этого!

— Она — сущий ангел! — пылко воскликнул молодой француз. И я... я сделаю все, что в силах сделать мужчина, чтобы дать ей счастье. Вы мне верите?

Элиза расправила плечи и заговорила просто, но с некоторым достоинством:

— Я служу у госпожи не первый год, месье, и не кривя душой могу сказать, что люблю ее. Если б я не верила, что вы обожаете ее, как она того достойна, я бы разорвала вас в клочья!

— Браво, Элиза! — Рауль рассмеялся. — Вы — настоящий друг и, должно быть, одобрите мое решение настоять, чтобы ваша хозяйка бросила всех этих духов и прочих спиритизм.

Он ожидал, что женщина воспримет это шутливое замечание с

улыбкой, но ее лицо почему-то сохранило мрачно-серьезное выражение, и это удивило Рауля.

— А что, если... — нерешительно молвила Элиза, — что, если духи так и не оставят ее, месье?

— О! Что вы хотите этим сказать? — Рауль вытаращил на нее глаза.

— Ну... я говорю, что будет, если вдруг духи так и не отвяжутся от нее? — повторила служанка.

— Вот уж не думал, что вы верите в духов, Элиза.

— А я и не верю. — В голосе Элизы зазвучали непреклонные нотки. — Какой дурак в них поверит! И все-таки...

— Так-так.

— Мне трудно объяснить вам это, месье. Понимаете, я... мне всегда казалось, что эти медиумы, как они себя величают, — просто хитрые прохиндеи, которые надувают несчастных, лишившихся своих близких. Но госпожа совсем не такая. Госпожа хорошая. Она честная и... — Элиза понизила голос, в ее речи зазвучали нотки благоговейного трепета: — Ведь все получается. Никакого обмана. Все выходит, и именно этого я боюсь. Потому что, я уверена, месье, все это не к добру. Это противно природе и всемилостивейшему Господу нашему. И кому-то придется за это расплачиваться.

Рауль поднялся со стула, подошел к служанке и потрепал ее по плечу.

— Успокойтесь, милая Элиза, — с улыбкой сказал он. — У меня есть для вас добрая весть: сегодня — последний сеанс. С завтрашнего дня их больше не будет.

— Выходит, один сеанс назначен на сегодня? — В вопросе пожилой женщины сквозила подозрительность.

— Последний, Элиза, последний.

— Госпожа не готова, ей нездоровится... — Элиза сокрушенно покачала головой.

Договорить ей не удалось: распахнулась дверь, и вошла высокая, красивая женщина. Она была изящна и грациозна, а ее лицо напоминало лик мадонны Боттичелли. Рауль прямо-таки засиял от радости, и Элиза тихонько вышла, оставив их одних.

— Симонэ! — Он взял ее длинные белые руки в свои и принялся целовать их.

Женщина нежно произнесла его имя:

— Рауль, милый!

Он вновь осыпал поцелуями ее руки, потом пытливо взгляделся в лицо хозяйки.

— Как ты бледна, Симонэ! Элиза говорила мне, что ты прилегла. Уж не захворала ли ты, любовь моя?

— Нет... не захворала. — Она замялась.

Рауль подвел ее к кушетке и усадил рядом с собой. — Тогда в чем дело?

Девушка-медиум тускло улыбнулась.

— Ты будешь думать, что все это глупости, — пробормотала она.

— Я? Буду думать, что это глупости? Никогда!

Симонэ высвободила руки, замерла и минуту-другую молча смотрела на ковер. Потом глухой скороговоркой проговорила:

— Я боюсь, Рауль.

Он молча ждал продолжения, но девушка безмолвствовала. Тогда он ободряюще сказал:

— Ну, и чего же ты боишься?

— Просто боюсь... Боюсь, и все.

Он изумленно взглянул на нее, и девушка поспешила ответить на этот его взгляд:

— Да, это вздор, не так ли? Но я чувствую себя именно так. Боюсь, просто боюсь. Не знаю, в чем тут причина, но меня ни на миг не оставляет мысль, что со мной должно случиться нечто ужасное.

Взор ее был устремлен вперед, в пространство. Рауль мягко обнял ее.

— Нельзя поддаваться смятению, милая, — сказал он. — Я знаю, в чем тут дело, Симонэ. Это все напряжение, нервное напряжение, в котором живет медиум. Все, что тебе нужно, — это отдых, отдых и покой.

— Да, Рауль, ты прав. — Она благодарно взглянула на него. — Все, что мне нужно, — это отдых и покой.

Она закрыла глаза и мягко откинулась назад, в его объятия.

— И счастье, — шепнул Рауль ей на ухо. Он крепче обнял Симонэ; та глубоко вздохнула, не открывая глаз.

— Да, — пробормотала она, — да... Когда ты обнимаешь меня, я испытываю ощущение безопасности, забываю про эту ужасную жизнь медиума. Ты многое знаешь, Рауль, но даже тебе невдомек, каково это!

Он почувствовал, как напряглось ее тело. Глаза Симонэ вновь раскрылись, и их взгляд опять устремился в пространство.

— Человек сидит в темной комнате и чего-то ждет. А тьма пугает, Рауль, потому что это тьма пустоты, небытия. И человек нарочно отдается ей, чтобы затеряться в ее глубинах. Он ничего не знает, ничего не чувствует, но потом в конце концов мало-помалу наступает пробуждение ото сна, медленное, мучительное возвращение. И оно так изнурительно,

так изматывающе!

— Я знаю, — промямлил Рауль, — я знаю.

— Так изнурительно... — шепотом повторила Симонэ, и тело ее в изнеможении обмякло.

— Но ты великолепна, Симонэ. — Он взял ее за руки, стараясь ободрить и заразить своим воодушевлением. — Ты неповторима. Величайший медиум, какого только видел свет.

Она слабо улыбнулась и покачала головой.

— Да уж поверь! — стоял на своем Рауль. Он вытащил из кармана два письма. — Видишь, это от профессора Роше и от доктора Женера из Нанси. Оба умоляют тебя не отказывать им и в дальнейших услугах, хотя бы иногда.

— Нет! — вскричала Симонэ, вдруг резко поднимаясь на ноги. — Я не смогу, не смогу! С этим должно быть покончено, ты мне обещал, Рауль!

Молодой человек в изумлении смотрел на Симонэ. Та повернулась к нему и дрожала, словно загнанный зверек. Он встал и взял ее за руку.

— Да, конечно, — сказал он, — с этим будет покончено, ясное дело. Я упомянул об этих двух письмах единственно потому, что горжусь тобой, Симонэ.

Она метнула не него косой настороженный взгляд.

— А не потому, что когда-нибудь снова захочешь заставить меня работать?

— Нет, что ты! — горячо заверил ее Рауль. — Разве что тебе самой захочется помочь старым друзьям.

— Нет, никогда. — Голос ее зазвучал взволнованно. — Это небезопасно. Поверь мне, я чувствую. Опасность очень большая.

Она сжала ладонями виски, постояла немного, потом подошла к окну.

— Обещай, что мне больше никогда не придется заниматься этим, — попросила она чуть более спокойным тоном.

Рауль подошел и обнял ее за плечи.

— Милая, — с нежностью проговорил он, — даю слово, что начиная с завтрашнего дня ты больше никогда не будешь этим заниматься.

Он почувствовал, как она вдруг вздрогнула.

— Сегодня... — прошептала Симонэ. — Да, я совсем забыла про мадам Икс.

— Она может прийти с минуты на минуту. — Рауль взглянул на часы. — Но, быть может, Симонэ... Если тебе нездоровится...

Симонэ почти не слушала его, думая о своем.

— Она странная женщина, Рауль, очень странная. В ее присутствии я

испытываю какое-то отвращение и едва ли не ужас.

— Симонэ! — Голос его звучал укоризненно, и девушка сразу же почувствовала это.

— Да, Рауль, я знаю: ты — истый француз, и мать для тебя — святыня. Бесчеловечно с моей стороны испытывать такие чувства к женщине, потерявшей родное дитя и так убивающейся по умершей малютке. Но... я не могу этого объяснить... она... она такая огромная и черная... А ее руки? Ты обращал внимание на ее руки, Рауль? Громадные, сильные ручищи, сильные, как у мужчины. О!

Она поежилась и закрыла глаза. Рауль снял руку с ее плеча и заговорил почти холодно:

— Я и впрямь не понимаю тебя, Симонэ. Ведь ты — женщина и наверняка испытываешь сочувствие к другой женщине матери, лишившейся единственного ребенка.

— О, тебе этого не понять, друг мой! — Симонэ раздраженно взмахнула рукой. — Тут невозможно ничем помочь. В тот миг, когда я впервые увидела ее, я почувствовала... страх! — Девушка резким движением простерла руку. — Ты помнишь, как долго я не соглашалась проводить с ней сеансы. Она принесет мне несчастье, я предчувствую это.

Рауль пожал плечами.

— Между тем на деле, как оказалось, она принесла тебе нечто совершенно противоположное, — сухо заметил он. — Все сеансы проходили с несомненным успехом. Дух маленькой Амелии начал повиноваться тебе с первого же раза, а материализация была просто поразительной. Жаль, что профессора Роше не было на последнем сеансе.

— «Материализация»... — упавшим голосом повторила Симонэ. — Скажи мне, Рауль, это и правда такое чудо? Ты же знаешь, что я и понятия не имею о происходящем, пока пребываю в трансе.

— На первых сеансах контур детской фигурки был окутан какой-то дымкой, — с воодушевлением пустился в объяснения Рауль. — Но на последнем... Да?

— Симонэ, — вкрадчиво сказал Рауль, — на последнем сеансе это был уже настоящий, живой ребенок, из плоти и крови. Я даже дотронулся до девочки, но, увидев, что прикосновение причиняет тебе боль, помешал мадам Икс тоже сделать это. Я боялся, что она потеряет самообладание и нанесет тебе увечье.

Симонэ опять отвернулась к окну.

— Когда я очнулась, то почувствовала страшную усталость, — прошептала она. — Рауль, ты уверен... ты действительно уверен, что все

это безвредно? Ты знаешь, что думает старая Элиза. Она полагает, что я якшаюсь с дьяволом! — Девушка рассмеялась, но как-то уж очень робко.

— Тебе известно мое мнение, — мрачно и серьезно ответил Рауль. — Общение с неведомым всегда таит в себе опасность, но это благородное дело, поскольку оно служит науке. В мире всегда были мученики науки, первооткрыватели, дорого заплатившие за то, чтобы другие могли пойти по их стопам. Вот уже десять лет ты работаешь ради науки, работаешь ценой ужасного нервного напряжения. Но теперь твоя роль сыграна. С сегодняшнего дня ты вольна заниматься только собой и наслаждаться своим счастьем.

Симонэ благодарно улыбнулась ему. К ней вновь вернулось спокойствие. Девушка бросила взгляд на часы.

— Что-то мадам Икс запаздывает. Может, она и вовсе не придет?

— Придет, я думаю. Твои часы немного спешат, Симонэ.

Она прошлась по комнате, переставляя с места на место разные безделушки.

— Любопытно, кто она такая, эта мадам Икс, — размышляла она вслух. — Откуда она родом, кто ее друзья и родные? Странно, что мы о ней ничего не знаем.

— Большинство людей по возможности стараются сохранить инкогнито, обращаясь к медиуму. — Рауль пожал плечами. — Это простая предосторожность.

— Вероятно, — равнодушно согласилась Симонэ. Маленькая фарфоровая вазочка, которую она держала в руках, выскользнула из пальцев и разлетелась на черепки, ударившись об изразцовую каминную полку.

— Вот видишь! — Симонэ резко повернулась к Раулю. — Я не в себе. Ты не сочтешь меня трусихой, если я скажу мадам Икс, что не смогу работать сегодня?

Под его удивленным взглядом она залилась краской.

— Ты обещала, Симонэ... — осторожно начал он.

— Я не могу, Рауль. — Она оперлась о стену. — Я не могу работать.

И вновь его исполненный нежной укоризны взгляд заставил ее вздрогнуть.

— Я не думаю о деньгах, Симонэ, хотя ты должна понимать, что сумма, предложенная этой женщиной за последний сеанс, огромна, просто колоссальна.

— На свете есть вещи важнее денег, — оборвала его девушка. В голосе ее зазвучал вызов.

— Разумеется, есть, — охотно согласился Рауль. — Я как раз об этом и говорю. Ну подумай сама: эта женщина — мать, потерявшая своего единственного ребенка. Если ты здорова, но капризничаешь, то можешь отказать богатой даме в прихоти. Но можешь ли ты отказать матери, которая хочет в последний раз взглянуть на свое дитя?

Симонэ простерла руки исполненным отчаяния жестом.

— Твои слова мучительны, но ты прав, — прошептала она. — Я сделаю то, что ты хочешь. Но теперь я поняла, чего я боюсь. Меня страшит слово «мать».

— Симонэ!

— Существуют некие первобытные, изначальные силы, Рауль. Цивилизация подавила большинство из них, но материнство неизменно и неистребимо от сотворения мира. Это чувство в равной мере присуще и животным, и человеческим существам. Нет на свете ничего похожего на любовь матери к своему детенышу. Эта любовь не считается ни с законами, ни с жалостью; она не ведает страха и беспощадно сметает все на своем пути. — Она умолкла, чтобы перевести дух, потом повернулась к Раулю, и по лицу ее скользнула мимолетная обезоруживающая улыбка. — Я сегодня говорю какие-то глупости, Рауль. Я и сама это знаю.

— Приляг ненадолго, — он взял ее за руку, — отдохни до ее прихода.

— Хорошо... — Она снова улыбнулась ему и вышла из комнаты.

Рауль некоторое время стоял в глубоком раздумье, потом подошел к двери, пересек тесный холл и вошел к комнате, примыкавшую к нему с противоположной стороны. Это была гостиная, очень похожая на ту, которую он только что покинул, но в одной из ее стен была ниша, в которой стояло массивное кресло. Ниша была скрыта тяжелыми черными бархатными портьерами. Элиза занималась приготовлениями к сеансу. Она поставила рядом с нишей два стула и маленький круглый столик, на котором лежали бубен, рожок, карандаши и бумага.

— «Последний раз»! — злорадно твердила Элиза. — О, месье, как бы мне хотелось, чтобы с этим было покончено. Пронзительно звякнул дверной звонок. — Это она, жандарм в женском обличье, — продолжала почтенная служанка. — И чего бы ей не сходить в церковь смиренно помолиться за упокой души малышки и поставить свечку Богородице? Разве Всевышний не ведает, где наше благо?

— Откройте, звонят! — повелительным тоном сказал Рауль.

Служанка косо взглянула на него, но повиновалась. Не прошло и минуты, как она ввела в комнату посетительницу.

— Я сообщу хозяйке о вашем приходе, мадам.

Рауль сделал шаг вперед, чтобы приветствовать мадам Икс. «... Огромная и черная...» — всплыли в его памяти слова Симонэ. Посетительница была крупной женщиной, а черное траурное одеяние делало ее фигуру еще более грузной.

— Боюсь, я немного запоздала, месье, — пробасила она.

— Всего на несколько минут, — с улыбкой отвечал Рауль. — Госпожа Симонэ прилегла. Простите, но вынужден сообщить вам, что ей нездоровится: перенервничала и переутомилась.

Ладонь посетительницы, протянутая для рукопожатия, неожиданно сжалась, будто тиски.

— Но она проведет сеанс? — требовательно спросила мадам Икс.

— О да, мадам.

Посетительница облегченно вздохнула и опустилась на стул, отбросив одну из окутывавших ее черных накидок.

— О, месье, вы не в состоянии представить себе то ощущение чуда и ту радость, которые приносят мне эти сеансы! — затараторила она. — Моя малютка! Моя Амелия! Видеть ее, слышать ее. — Даже, быть может, протянуть руку и дотронуться до нее! Да, да! А почему бы и нет!

— Мадам Икс... Как бы вам объяснить? — поспешно и твердо заговорил Рауль. — Вы ни в коем случае не должны ничего предпринимать иначе как под моим непосредственным руководством. В противном случае может возникнуть серьезная опасность.

— Опасность для меня?

— Нет, мадам, для медиума. Вы должны понимать, что происходящее здесь имеет определенное научное толкование. Постараюсь объяснить подходчивее, не прибегая к специальной терминологии. Для того чтобы явить себя, духу необходимо воспользоваться материальной субстанцией, веществом медиума. Вы видели пар, истекающий из уст медиума? В конце концов он сгущается и создает подобие телесной оболочки умершего. Как мы считаем, эта видимая плазма в действительности представляет собой самое существо медиума. Когда-нибудь мы, надеюсь, докажем это, тщательно взвесив медиума и взяв различные пробы. Но этому очень мешают болевые ощущения и опасность, которой подвергается медиум, так или иначе общающийся с привидениями. При слишком поспешной и неосторожной материализации медиум может даже умереть.

Мадам Икс внимательнейшим образом слушала его.

— Это очень любопытно, месье. Скажите, а может ли техника материализации духа достигнуть таких высот, что станет возможным его отделение от источника — медиума?

— Это совершенно фантастическое предположение, мадам.

— Но так ли уж это невозможно в свете известных нам фактов? — стояла на своем посетительница.

— Пока это совершенно невозможно.

— А в будущем?

Появление Симонэ избавило его от необходимости отвечать. Она была бледна и казалась слабой, но ей явно удалось полностью прийти в себя. Она обменялась рукопожатием с мадам Икс, но Рауль заметил, что ее при этом охватил трепет.

— Известие о вашем неважном самочувствии огорчило меня, — сказала посетительница.

— Пустое! — резковато ответила Симонэ. — Что же, начнем? — Она вошла в нишу и уселась в кресло.

Внезапно Рауля охватил страх.

— Ты еще не совсем окрепла! — воскликнул он. — Лучше отмени сеанс. Мадам Икс тебя поймет и не осудит.

— Месье! — Возмущенная мадам Икс поднялась со стула.

— Да, да, я убежден, что лучше было бы не проводить сеанс.

— Но этот последний сеанс был обещан мне госпожой Симонэ!

— Это так, — тихо подтвердила Симонэ. — И я готова исполнить свое обещание. — Я настаиваю на этом.

— Я не нарушу верности слову, — холодно произнесла Симонэ и ласково добавила: — В конце концов, это ведь в последний раз, Рауль. В последний, благодарение Богу!

По ее знаку Рауль задернул тяжелые черные портьеры, закрывая нишу, опустил занавески на окнах, и комната погрузилась в полумрак. Он жестом пригласил мадам Икс занять один из стульев, а сам приготовился опуститься на другой. Мадам Икс, однако, заколебалась.

— Простите, месье, но... как вы понимаете, я всецело убеждена в вашей честности и в честности мадемуазель Симонэ. В то же время, чтобы мое свидетельство имело больший вес, я осмелилась принести кое-что с собой... — С этими словами она извлекла из сумочки клубок тонкой бечевки.

— Мадам! — выпалил Рауль. — Это оскорбительно!

— Просто мера предосторожности.

— Повторяю: это оскорбительно!

— Не понимаю вашего возмущения, месье, — холодно ответила мадам Икс. — Чего же вам опасаться, если сеансы проводятся без обмана?

— Могу заверить вас, что мне нечего опасаться мадам. — Рауль

презрительно усмехнулся. — Если угодно, можете связать меня по рукам и ногам.

Эта тирада не возымела ожидаемого действия. Мадам Икс невозмутимо сказала:

— Благодарю вас. — И двинулась к нему с мотком бечевки.

— Нет, Рауль! Не давай ей сделать этого! — вдруг воскликнула скрытая портьерами Симонэ.

Посетительница глумливо рассмеялась.

— Мадемуазель боится, — довольно язвительно заметила она.

— Да, я боюсь.

— Подумай, что ты говоришь, Симонэ. — Рауль повысил голос. — Мадам Икс явно считает нас шарлатанами.

— Мне нужна полная уверенность, — угрюмо произнесла мадам Икс и начала неторопливо, тщательно, крепко-накрепко привязывать Рауля к стулу.

— Узлы у вас получились на славу, мадам. Поздравляю, — проговорил Рауль, когда дело было сделано. — Теперь вы довольны?

Мадам Икс не ответила. Она покружила по комнате, внимательно осмотрела стенные панели, потом заперла ведущую в прихожую дверь, взяла себе ключ и вернулась на свое место.

— Ну, — произнесла она ничего не выражающим тоном, — теперь я готова.

Шли минуты. Дыхание Симонэ за портьерой становилось все тяжелее, все сдавленное. Потом звук дыхания стих и послышались стоны. Опять недолгая тишина, вдруг прерванная звоном бубна. Рожок подпрыгнул на столе и свалился на пол, послышался смех. Кажется, закрывавшие нишу портьеры чуть раздвинулись, и в образовавшуюся щель стала заметна фигура медиума с опущенной на грудь головой. Мадам Икс внезапно ахнула. С уст медиума сорвалась тонкая струйка пара. Она начала сгущаться и приобретать очертания маленькой детской фигурки.

— Амелия, малышка моя! — севшим голосом выдавила мадам Икс.

Облачко пара все сгущалось. Рауль не верил своим глазам: никогда прежде материализация не проходила так удачно. Перед ним стоял ребенок — настоящий ребенок, из плоти и крови.

— Мама! — послышался тонкий детский голосок.

— Девочка моя! — вскричала мадам Икс. — Девочка моя! Она начала подниматься со стула.

— Осторожнее, мадам! — предостерег ее Рауль.

Привидение потихоньку выходило из-за портьер. Это был ребенок.

Перед ними, протянув руки, стояла девочка.

— Мама!

— О! — Мадам Икс привстала.

— Мадам! — заволновался Рауль. — Медиум...

— Я должна прикоснуться к ней! — сдавленно выпалила посетительница, делая шаг вперед.

— Ради Бога, мадам, не теряйте голову! — Рауль был не на шутку встревожен. — Немедленно сядьте на место!

— Моя малютка! Я должна прикоснуться к ней!

— Мадам, я настоятельно требую, чтобы вы сели! — Он отчаянно старался освободиться от пут, но мадам Икс потрудила на совесть: Рауль был беспомощен. Его охватило ужасное ощущение надвигающейся беды. — Именем Господа Бога нашего, мадам, сядьте! — вскричал Рауль. — Вы забыли о медиуме!

Мадам Икс не обращала на него никакого внимания. Она совершенно преобразилась. Лицо ее исказила гримаса нездорового восторженного экстаза; простертая рука коснулась стоявшего у портьеры ребенка. Медиум издала исполненный муки стон.

— Господи! — неистовствовал Рауль. — Господи! Это ужасно! Медиум...

— Почему я должна тревожиться о вашем медиуме? — мадам Икс повернулась к нему и грубо расхохоталась. — Мне нужен мой ребенок!

— Вы сошли с ума!

— Повторяю — это мой ребенок! Мой! Плоть от плоти и кровь от крови моей! Моя малютка возвращается ко мне из царства смерти! Она вновь жива, она дышит...

Рауль открыл было рот, но нужные слова не шли ему на ум. Эта женщина была просто ужасна. Страсти настолько захватили ее, что она стала жестокой и беспощадной. Губы ребенка дрогнули, и слово «мама» в третий раз эхом прошелестело по комнате.

— Иди ко мне, моя крошка! — воскликнула мадам Икс и порывистым движением заключила ребенка в объятия.

Из-за портьеры раздался полукрик-полустон, полный невыносимой боли.

— Симонэ! — зывал Рауль. — Симонэ!

Взор его помутился. Он только успел заметить, как перед ним промчалась мадам Икс. Распахнув дверь, она выбежала на лестницу.

Крик за портьерой не стихал. Это был жуткий, пронзительный вопль, какого Раулю еще никогда не доводилось слышать. Он оборвался, перейдя в

какое-то страшное бульканье. Потом раздался глухой стук падающего тела.

Рауль, словно безумец, пытался освободиться от спутывающей его веревки. Неистовым усилием он сумел сделать невозможное и разорвал узлы. Едва веревка упала на пол, в комнату влетела заплаканная, кричащая Элиза.

— Госпожа! Госпожа...

— Симонэ! — позвал Рауль.

Они отбросили портьеры. Рауль отпрянул.

— Господи! — прошептал он. — Кровь!.. Все залито кровью...

— Ну вот, госпожа умерла, — слышался рядом срывающийся голос Элизы. — Все кончено. Но почему, месье? Скажите, что случилось? Почему она стала вполтину меньше, чем была? Что здесь произошло?

— Не знаю, — слабым, измученным голосом ответил Рауль и вдруг сорвался на крик: — Не знаю! Но, наверное... Нет, я схожу с ума! Симонэ! Симонэ!

Перевел с английского А. Шаров

К ЧЕМУ ПРИВЕЛО ПРОКЛЯТИЕ

В «Проявлениях сверхъестественного» доктора Ли — собрании средневековых легенд и сказаний о призраках — приведен невероятный рассказ о том, к чему привело одно проклятие. Рассказ этот, по словам преподобного автора, служит еще одним доказательством существования сверхъестественных сил, в котором мы уже давно убедились бы, если бы умели «использовать наши глаза и уши по назначению». Мы включаем этот рассказ в нашу подборку в качестве образчика современного взгляда на затрагиваемый предмет.

Вот какую историю поведал нам доктор Ли:

«Младший сын одного из баронетов Новой Шотландии, дав ложное обещание жениться, соблазнил единственную оставшуюся в живых дочь нортумберлендского йомена, принадлежавшего к древнему и уважаемому роду. Поговаривали, что среди родственников семейства были даже пэры. Во всяком случае, во времена царствования Уильяма IV титул пэра был присвоен некоторым из них. Девушка отличалась редкой красотой и воспитанием. Светское образование она получила в Эдинбурге. Склонив ее к грехопадению, возлюбленный уехал за границу, бросив бедняжку. Однако в ночь накануне отъезда он, по просьбе девушки, встретился с ней. Молодой

человек горячо уверял ее, что они непременно пожениются, как только его семья перестанет противиться этому. Но последующие события показали, что это были лишь пустые посулы: молодец и не думал исполнять свое обещание. Долгий разговор между девушкой и обольстителем происходил в присутствии друга и советчика, старшего кузена ее отца. Выспренность слова, громкие фразы и горькие упреки произносились обеими сторонами. Наконец молодой человек грубо и беспощадно заявил, что вообще никогда не женится на обманутой девице. По его словам, он считает себя свободным и волен жениться на ком пожелает.

И тогда девушка сказала ему:

— Ты — моя погибель. Но смерть все же лучше, чем такая жизнь.

— Ну, так умри, и будь ты..... — отвечал он.

После этих слов девушка издала исполненный боли крик и лишилась чувств. Очнувшись, она собрала все свои силы и прокляла своего обольстителя. Она заявила, что была его женой и теперь станет преследовать его до самой смерти. Слова эти в ее устах прозвучали злое, в них слышались решимость, горечь и нотка безумия. Произнеся проклятие, девушка повернулась к своему родственнику и добавила:

— Будьте, пожалуйста, свидетелем.

Молодой человек ушел, не сказав бывшей возлюбленной ни одного доброго слова, и, говорят, подался за море. Спустя пять месяцев несчастная умерла при родах, умерла далеко от родительского дома. Ребенок ее скончался сразу же после крещения. Малыша и его мать похоронили вместе на церковном кладбище возле Эмблсайда, На их могиле не было ни надгробия, ни эпитафии. Вдовый отец девушки, потрясенный смертью последней дочери, сошел с ума и вскоре последовал за своим ребенком в мир иной.

Прошло пять лет. Кузина старого йомена, имевшая некоторые сбережения, уехала жить в Лондон. Однажды весенним утром 1842 года она шла мимо церкви в Вест-Энде, где, судя по количеству карет перед входом, как раз отправляли обряд венчания. Женищина почувствовала непреодолимое желание заглянуть внутрь. Продвинувшись поближе к алтарю, она, к своему изумлению, увидела того самого человека. Он заметно изменился, и вид у него был какой-то потрепанный, но тем не менее это, несомненно, был он — негодяй, принесший столько страданий ее близким. Как сказали женищине, он сочетался браком с дочерью богатого лондонского купца. Эта весть глубоко потрясла ее, страшные воспоминания вновь ожили в ее мозгу. Когда молодожены выходили из

церкви, женщина опять протолкалась вперед, дабы убедиться, что она не ошибается. И тут они с женихом одновременно увидели призрак обманутой девушки, погубленной им. Облаченная в белое одеяние, простоволосая, с диким взглядом, она поднимала высоко над головой своего маленького ребенка. И оба привидения выглядели совсем как живые люди из плоти и крови.

Все это произошло средь бела дня, на паперти собора, в присутствии многочисленной толпы. Жених смертельно побледнел, по телу его пробежала дрожь; он покачнулся и ничком рухнул на ступени храма. Это вызвало легкий переполох и недоумение. Никто ничего не понимал. У жениха, как объяснили зевакам священнослужители, случился припадок. Его на руках снесли с лестницы и отвезли в свадебной карете в дом тестя.

Больше ему не суждено было произносить высокопарных слов: в одном и том же номере газеты читатели увидели сообщения о его свадьбе и кончине».

Семья лондонского купца не знала о призраке, и об истинных причинах случившегося нам известно со слов женщины — тетки обманутой девушки, прекрасно знавшей все таинственные обстоятельства дела. Она не без оснований полагала, что эта история может служить примером неотвратимости кары и доказательством существования сверхъестественных сил. По тем или иным причинам мы не станем называть здесь имен действующих лиц. Достоверность этой истории рассказчица подтвердила под присягой (доктор Ли не указывает, при каких обстоятельствах это произошло) в Виндзоре 3 октября 1848 года, в присутствии двух священнослужителей из Оксфордского прихода. Автор книги был хорошо знаком с обоими. Записи эти попали к нему в 1857 году, когда он служил помощником пастора в Беркли. Их передала доктору Ли молившаяся там монахиня.

Часть четвертая
РАССКАЗЫ О ПРИВИДЕНИЯХ

рассказы
в
привидениях

ЛЕГЕНДА О КРОВАВОЙ МОНАХИНЕ ^[15]

Кровавая монахиня — легенда о привидении, являвшемся в XVI веке в замке Линденберг на Рейне. В общих чертах она заключается в том, что один молодой человек, влюбившийся в дочь управляющего замком, предложил своей возлюбленной во избежание преследования одеться в костюм, какой по уверению очевидцев носило привидение, иногда показывавшееся в замке: белый окровавленный костюм монахини, державшей в одной руке кинжал, а в другой — зажженную лампу. Это привидение обходило замок как раз в полночь 5 мая каждые пять лет, к ужасу его обитателей, и исчезало в нарочно открываемых дверях склепа. Этим-то обстоятельством и решили воспользоваться влюбленные, приноровив побег к указанному выше сроку. Жених должен был ожидать у ворот замка на быстроногом скакуне и, посадив возлюбленную на седло, умчать ее в заранее намеченное пристанище.

В условленное время он был на месте и вскоре увидел дрожащий огонек, мелькавший вдоль галереи, на лестнице, а затем, немедленно пройдя двор, его возлюбленная показалась в воротах замка. Костюм, лампа, кинжал — ничто не было забыто, и счастливый возлюбленный, приняв ее в объятия, вскочил в седло и помчался с возможной быстротой. Но, достигнув долины Рейна, конь, споткнувшись, упал вместе с седоками. Утром крестьяне, шедшие на работу, нашли убитую лошадь и седока, которого с трудом привели в чувство. Когда он очнулся, то стал спрашивать о своей спутнице, но никто в окрестностях не видал никакой женщины. В полночь больной увидел входящую в его комнату женщину — в окровавленном костюме монахини, с лампой и кинжалом в руках. Когда она подняла покрывало, бедняк увидел незнакомое лицо привидения, наклонившегося над ним и прошептавшего могильным голосом: «Ты моя любовь, и я твоя навсегда. Я буду приходить к тебе каждую ночь». Она припала к нему, как бы желая обнять, но он испустил такой вопль, что сбежались все жители приютившего его дома, которым он рассказал свою историю и просил узнать, жива ли его невеста. По наведенным справкам оказалось, что его возлюбленная в условленное время вышла к воротам, но увидела лишь удалявшегося всадника, увозившего настоящее привидение. Она упала в обморок и лишь на другой день была приведена в чувство. Потрясенная случившимся, она постриглась в монастырь; вскоре ее примеру последовал и жених. Настоятель монастыря, куда он поступил,

полагал, что несчастный стал жертвой злого духа, и, будучи сведущ в магии, вызвал привидение, которое оказалось, однако, несчастной душой одной женщины, жаждущей успокоения. Она была уроженкой Испании и умерла около столетия назад. Будучи при жизни религиозна, она поступила в монастырь, но вскоре бежала оттуда с возлюбленным в Германию, где изменила ему так же, как изменила обету, данному Богу, влюбившись в владельца Линденбурга, которому изменяла, заводя все новые связи, и наконец убила его. Умершая без исповеди, под тяжестью своих грехов, несчастная была брошена в старый, заброшенный колодец, указанный ею вызвавшему ее прелату, с просьбой погребения и молитв об освобождении ее души. Когда ей была оказана эта милость, она появилась в последний раз, чтобы сообщить, что Бог простил ей ее прегрешения.

Проспер Мериме

ВИДЕНИЕ КАРЛА XI^[16]

Гораций! Много в мире есть того, Что вашей философии не снилось.

В. Шекспир. «Гамлет»^[17]

Принято относиться с насмешкой к видениям всякого рода и другим сверхъестественным явлениям; но некоторые из них так хорошо засвидетельствованы, что люди последовательные, отвергая их, должны вместе с тем отвергать и множество других исторических доказательств. Официальный протокол за подписью четырех свидетелей, вполне достойных доверия, утверждает подлинность события, о котором я хочу рассказать. Прибавлю, что предсказание, заключающееся в этом протоколе, было известно и служило предметом разговоров гораздо ранее перед тем, когда оно, по-видимому, исполнилось почти в наше время.

Карл XI,^[18] отец знаменитого Карла XII,^[19] был один из наиболее деспотичных, но вместе с тем и наиболее разумных шведских королей. Он ограничил чудовищные привилегии дворянства, уничтожил власть сената, стал издавать законы самостоятельно; одним словом, изменил все государственное устройство Швеции, до него олигархическое, заставил Государственное собрание вручить ему самодержавную, неограниченную власть. Был он при этом человеком просвещенным, храбрым, глубоко преданным лютеранской религии; характера непреклонного, холодный, положительный, совсем лишенный воображения. Он только что лишился жены своей — Ульрики-Элеоноры. Хотя жестокость его и суровость с нею, как говорилось тогда при дворе, ускорили кончину королевы, он, однако, уважал ее и, по-видимому, был более огорчен ее смертью, чем можно было ожидать от его сухого сердца. После этой потери он сделался еще более мрачным и молчаливым, чем прежде, и стал так ревностно заниматься делами, посвящая все свои часы работе, что окружающие его приписывали этот усиленный труд потребности отвлекаться от тяжелых мыслей.

Под конец одного осеннего вечера он сидел, в халате и туфлях, перед ярко пылающим камином своего кабинета в стокгольмском дворце. При нем находились один из наиболее приближенных к нему лиц, камергер

граф де Браге, и его лейб-медик Баумгартен, любивший хвастаться своим неверием во все, кроме медицины. В этот вечер король, чувствуя себя несколько нездоровым, пригласил его к себе в качества врача. ^[20]

Вечер затягивался, но король, против своей привычки ложиться рано, не спешил отпускать своих собеседников. Склонив голову и устремив глаза на пылавший камин, он давно уже перестал разговаривать и сильно скучал, но вместе с тем ощущал какой-то непонятный страх остаться одному. Граф де Браге, конечно, видел, — насколько его общество было в этот раз в тягость королю, и несколько раз намекал, что не пора ли Его Величеству отдохнуть, но отрицательный жест короля удерживал его на своем месте. Начинал и доктор говорить, что продолжительное бодрствование вредно для здоровья. И ему Карл ответил сквозь зубы: «Останьтесь, я еще не хочу спать».

Тогда пробовали начинать разговоры о различных предметах, но все они истощались на второй-третьей фразе. Ясно было, что король находится в своем наиболее мрачном настроении, а в таком случае положение царедворца очень щекотливо. Граф, предполагая, что грусть короля происходит от воспоминаний о королеве, посмотрев пристально на висевший в кабинете ее портрет, воскликнул с глубоким вздохом:

— Как похож этот портрет!.. Вот именно ее выражение — величественное и кроткое в одно и то же время!..

— Ба! — резко ответил король, подозревавший в каждом разговоре о королеве упрек себе. — Портрет этот сильно польщен! Королева была дурна собой!

Затем, внутренне недовольный вырвавшейся у него резкостью, он встал и прошелся по комнате, желая скрыть свое смущение. Машинально остановился он перед окном, выходившим во двор. Ночь была темная, безлунная.

Дворец, в котором живут теперь шведские короли, не был еще окончен; начавший строить его Карл XI проживал в старом дворце, стоявшем на вершине Ритергольма и обращенном главным фасадом на Мелярское озеро. Это было огромное здание в форме подковы; кабинет короля находился на одном конце, а на другом, напротив кабинета, была большая зала, в которой собирались представители сословий, когда призывались для выслушивания какого-либо сообщения от королевской власти.

Окна этой залы представлялись в эту минуту ярко освещенными, что показалось очень странным королю. Сперва он предположил, что свет исходит из факела какого-нибудь лакея, но зачем вошел он в эту залу, давно

уже не отворяющуюся? Да свет был и слишком ярок для одного факела. Можно, пожалуй, приписать его пожару, но дыма не видно, окна не выбиты и при этом никакого шума, освещение, скорее, походило на праздничную иллюминацию.

Карл некоторое время молча смотрел на эти светлые окна. Граф де Браге протянул руку к звонку, чтобы позвать пажа и послать его посмотреть, что это за свет, но король остановил его, сказав: «Я пойду сам в эту залу». Выговорив эти слова, он страшно побледнел, лицо его выражало нечто вроде мистического ужаса, но вышел он из кабинета твердыми шагами. Камергер и доктор последовали за ним, взяв каждый по зажженной свече.

Привратник, на ответственности которого были ключи, уже лег спать. Баумгартен пошел разбудить его, приказав ему именем короля тотчас же отворить двери в залу Государственных собраний. Привратник очень удивился такому приказанию, но, конечно, оделся наспех и отправился со своей связкой ключей к королю. Сперва он отпер галерею, через которую проходили в залу собраний. Каково же было удивление Карла, когда он увидал все стены галереи обитыми черным.

— Кто приказал обить эти стены? — гневно спросил он.

— Никто, государь, сколько я знаю, — отвечал смущенный привратник. — В последний раз, как по моему распоряжению выметали эту залу, она была, как и всегда, обшита темным дубом... Конечно, эта обивка не из придворного хранилища.

Быстро шагнувший король прошел уже более половины галереи; граф и привратник следовали за ним, доктор же несколько отстал, раздумывая, что ему делать. Остаться одному он, по правде сказать, боялся, но боялся также подвергнуться последствиям такого глупого, в сущности приключения.

— Не идите дальше, государь! — воскликнул привратник. — Клянусь Богом, тут замешалось колдовство! В эти часы... после кончины ее величества королевы... говорят, она сама прогуливается по этой галерее... Да помилует нас Господь!

— Остановитесь, государь! — со своей стороны воскликнул граф де Браге. — Разве вы не слышите странный шум, идущий из залы? Кто знает, каким опасностям может подвергнуться ваше величество...

— Государь, — сказал Баумгартен, когда свеча его погасла от порыва ветра, — позвольте по крайней мере мне сходить за вашими драбантами.

— Войдем! — сказал король твердым голосом, останавливаясь перед дверьми большой залы. — Отвори скорее! — При этом он толкнул дверь ногой, и звук, повторенный эхом сводов, раздался по галерее как пушечный

выстрел.

Привратник дрожал так сильно, что никак не мог вложить ключ в замочную скважину.

— Старый солдат — и дрожит, — сказал король, пожимая плечами. — Ну, так вы, граф, отворите нам эту дверь.

— Государь, — ответил де Браге, невольно пятясь назад. — Прикажите мне идти под выстрелы датских или немецких пушек — я не колеблясь исполню приказание вашего величества, но вы требуете, чтобы я бросил вызов самому аду!

Король вырвал ключ из рук привратника.

— Вижу, — сказал он с заметным презрением в голосе, — что это касается одного меня! — И прежде чем свита успела удержать его, он отворил тяжелую дубовую дверь и вошел в большую залу, проговорив при этом: — С Божьей помощью!

И спутники его, несмотря на свой страх, не то из любопытства, не то считая невозможным оставить короля одного, все трое последовали за ним.

Большая зала оказалась освещенной множеством факелов; черная драпировка, заменяя собою старинные обои, покрывала все стены, однако вокруг них, как и всегда, красовались трофеи побед Густава Адольфа^[21] — немецкие, датские и московитские знамена, — стоявшие же по углам шведские флаги были покрыты черным крепом.

Многолюдное собрание занимало скамьи. Все четыре государственных сословия,^[22] в траурных одеждах, заседали каждое на своем месте. Множество бледных человеческих лиц на черном фоне драпировки казались светящимися и так ослепляли глаза, что из четырех свидетелей этой поразительной сцены ни один не узнал между ними знакомого ему лица. Так актер перед многочисленной публикой видит только безразличную массу, никого среди нее не различая. На высоком троне, с которого король обыкновенно обращался к собранию, лежало окровавленное тело в королевских регалиях. Направо от него стоял ребенок, в короне и со скипетром в руке, налево пожилой человек или, скорее, другой призрак опирался на трон. На нем была парадная мантия, какую носили прежние правители Швеции ранее того времени, как Ваза^[23] провозгласил ее королевством. Против трона несколько лиц — с мрачной, строгой осанкой, в длинных черных одеяниях, — по-видимому судьи, восседали за столом, покрытым огромными фолиантами.

Между тронem и залом возвышалась обтянутая черным крепом плаха, а возле нее лежал топор.

Никто в этом нечеловеческом собрании, казалось, не замечал Карла и его трех спутников. При входе в залу они сперва слышали только невнятный говор, среди которого ухо не различало ни одного отдельного слова; потом старший из судей в черных одеяниях, исполнявший, по-видимому, обязанности председателя, встал и три раза ударил рукою по одному из развернутых перед ним фолиантов. Тотчас же водворилось глубокое молчание. Несколько молодых людей с аристократической осанкой и богато одетых, со связанными позади руками, вошли в залу через дверь, противоположную той, которую отворил Карл XI. Шли они с бесстрашным взглядом, высоко подняв голову. Шедший вслед за ними человек, видимо отличающийся недюжинной силой, держал в своих руках концы веревок, связывавших им руки. Тот, кто был впереди всех, вероятно самый главный из осужденных, остановился посреди залы перед плахой и бросил на нее гордо-презрительный взгляд. В ту же минуту мертвец на троне судорожно вздрогнул и свежая струя крови полилась из его раны. Молодой человек, став на колени, протянул голову; топор блеснул в воздухе и тотчас же опустился с зловещим звуком. Поток крови брызнул до самого возвышения и смешался с кровью мертвеца; голова, подпрыгнув несколько раз по окровавленному полу, докатилась до ног Карла и запачкала их кровью.

До этой минуты он молчал, пораженный всем, что видел, но ужасное зрелище это развязало ему язык. Он сделал несколько шагов к возвышению и, обращаясь к фигуре, облаченной в парадную мантию правителя, твердо проговорил хорошо известную формулу:

— Если ты от Бога — говори, если же от «другого» — оставь нас в покое.

Призрак ответил ему медленно и торжественным голосом:

— Король Карл! Кровь эта прольется не в твоё царствование, — тут голос сделался менее внятным, — но через четыре царствования, в пятое. Горе, горе, горе роду Густава Вазы!

После этих слов все фигуры заседавших на скамьях начали бледнеть и изглаживаться, а потом и совсем исчезли, фантастические факелы погасли, и свечи в руках спутников короля освещали уже лишь старинные обои, слегка колыхаемые ветром. Некоторое время еще слышался какой-то мелодичный шум, напоминавший, по словам одного из свидетелей, шелест ветерка между листьями, а по определению другого — звук лопающихся струн во время настраивания арфы. Что же касается продолжительности явления, то все одинаково определяют ее приблизительно в десять минут.

Траурные драпировки, отрубленная голова, потоки крови, разлившиеся

по полу, — все исчезло вместе с призраками; только королевская туфля сохранила кровавое пятно, которое должно было напоминать Карлу о событиях этой достопамятной ночи, если бы он мог когда-либо забыть их.

Возвратясь в свой кабинет, король приказал сделать подробное описание всего, что они видели, подписал его сам и потребовал подписи своих трех спутников. Самые тщательные предосторожности для сокрытия от общества и народа содержания этого странного документа ни к чему не привели — оно сделалось известным еще при жизни Карла XI. Запись эта хранится до сих пор в государственных архивах Швеции, как нечто несомненно подлинное.

Замечательна приписка к этому описанию, сделанная рукою короля: «Если то, что рассказано здесь мною за моею подписью, не есть точная, несомненная истина, я отказываюсь от всякой надежды на лучшую жизнь, сколько-нибудь заслуженную, быть может, мною некоторыми добрыми делами, главным же образом — моими усилиями способствовать благоденствию моего народа и поддерживать религию моих предков».

Теперь, если вспомним смерть Густава III^[24] и суд над Анкарстремом, его убийцей, то найдется полное соответствие между этим событием и обстоятельствами рассказанного здесь странного пророчества.^[25]

Молодой человек, обезглавленный в присутствии Государственного собрания, был Анкарстрем.

Мертвец в королевских регалиях — Густав II.

Ребенок, его сын и наследник, — Густав-Адольф IV.^[26] Наконец, старик в мантии — герцог Зюдерманландский,^[27] дядя Густава IV, бывший регентом королевства, а потом и королем, по низложению его племянника.

ЗЛОВЕЩИЙ ПРОЦЕССНОЙ^[28]

Императрица Анна Иоанновна боялась покойников и верила в привидения. Одним из первых своих указов государыня воспретила возить «покойников», «падаль» и «тому подобное» мимо дворца (сначала на острове у Тучкова моста, где ныне Пеньковский буян, потом, с 1734 года, — мимо нынешнего Зимнего). Умиравших в самом дворце тихонько вывозили ночью и хоронили из какого-нибудь казенного дома или даже казарм. Понятно, что полиция строжайше следила за соблюдением указа, да и сами городские обыватели страшились его нарушить и никогда не нарушали.

Как-то в январе 1740 года, часу в третьем пополудни, ближе к сумеркам, императрица, уже недомогавшая, сидела у окна своей опочивальни, обращенного к площади. На дворе морозило, и жестокий восточный ветер крутил снежные вихри. Одна из многочисленных шутих государыни сидела у ее ног, нежно и плавно их поглаживая; две фрейлины стояли у дверей с недвижностью статуй (им не дозволялось садиться в присутствии императрицы). Анна Иоанновна была погружена не то в забытие, не то в дремоту, и тишина в комнате нарушалась только шуршанием руки шутихи о штофное платье государыни. Вдруг Анна Иоанновна вздрогнула всем телом и, отпрянув от спинки кресел, устремила испуганные глаза на улицу.

— Господи Иисусе! — воскликнула она. — Что же это такое?! Ивановна, девки, смотрите!

Шутиха и фрейлины бросились к окну и слабо вскрикнули. Мимо дворца тянулось погребальное шествие, которое открывали несколько пар факельщиков с пылающими, смоляными факелами в руках, за ними — духовенство, там носильщики с гробом, одетым парчовым покровом.

Императрица в истерике закрыла лицо руками.

— Кто осмелился? — кричала она, отворачиваясь от окна и топая ногами. — Я указом запретила возить их мимо дворца!.. Ивановна! Беги к герцогу, зови его скорее...

Герцог Бирон имел для жилья во дворце свою половину; минут через пять он вбежал к государыне.

— Эрнст! — плача, обратилась она к нему по-немецки. — Что это за гадости делают мне назло?! Сейчас... мимо окон... процессия!

Бирон в недоумении пожал плечами.

— Ивановна мне сказала! — отвечал он. — В это самое время и я

стоял у окна, но ничего не видел!

— Стало, я вру? — вспыхнула императрица. — Мне приснилось? Как же они-то, — указала на фрейлин и на шутиху, — видели то же?

— Смею ли я сомневаться? — кротко возразил Бирон. — Но, чтобы успокоить ваше величество, я разошлю во все концы верховых. Процессиион ходил так? — обратился он по-русски к одной из фрейлин.

Боясь повторить слово «процессия», фрейлина показала жестом слева направо.

Бирон что-то соображал, потом, поклонясь императрице, поспешно вышел из опочивальни, решив разыскать виновных во что бы то ни стало, хотя бы процессия была и дьявольским наваждением: герцогу и черт был не брат! Минут через десять несколько драгун скакали по направлению к Каменному мосту, к Вознесению, на Охту, на Волково поле, в Ямскую, в Невскую Лавру, на Васильевский остров — одним словом, на все тогдашние городские кладбища. На всех был получен от причтов и от караульщиков один и тот же ответ: покойники и покойницы были, но все похоронены в промежуток времени между полуднем и вторым часом; в третьем же часу по городу не могло идти похоронной процессии, тем более мимо дворца. Этими ответами герцог не удовольствовался; сыщики обошли все приходские церкви для опроса священников — не отпевали ли кого 11 января 1740 года? Отпевали только двоих: купчиху, у Пантелеймона, и отставного полковника, у Спаса в Колтовской; первую похоронили на Охте, второго — на кладбище при той же церкви. И этого показалось мало «пытливому» Бирону. Все те, у которых были покойники с 5 по 11 января, были приглашены к Андрею Ивановичу Ушакову (начальнику застенка) для допросов (впрочем, без пыток) — и все эти розыски не привели ни к чему.

Между тем молва о похоронной процессии мимо Зимнего дворца разнеслась по всему городу. Какой-то дуралей спьяну сказал по этому случаю: «Экое времечко, и умирать-то не смей без спросу!» За это его постегали кнутом и сослали туда, куда Макар телят не гонял. Андрей Иванович Ушаков решил, что похоронная процессия мимо дворца была кощунственным маскарадом, имевшим целью испугать императрицу. В этой глупой шутке заподозрили Артемия Петровича Волынского (когда начался его процесс)...

Тем дело и кончилось.

В сентябре 1740 года, вскоре по возвращении императрицы из Петергофа, ее летней резиденции, в Зимнем дворце были новые чудеса. В тронной зале истопники, камер-лакеи и часовые видели двойника

государыни: женскую фигуру ее роста, телосложения, как две капли воды на нее похожую, которая расхаживала по комнатам в короне и порфире. Об этом дворцовая прислуга и часовые говорили «под рукою», и до первых чисел октября 1740 года этот слух не достигал до государыни. На 8 октября часовой, стоявший в тронной зале, сообщил дежурному по караулу офицеру, что он «собственными глазами» видел императрицу на троне во всех регалиях. Офицер пожелал удостовериться собственными глазами и в следующую смену, в определенный час, пошел в тронную залу... и точно: он сам видел императрицу, сидящую на троне в полном облачении. Этот призрак видели сотни глаз, и, наконец, по распоряжению Бирона, в то самое время, когда его супруга, знаменитая Тротта, и сын его находились при императрице, солдаты стреляли по двойнику Анны Иоанновны и пули, расплываясь, отскакивали от стены... Ни звуки выстрелов, ни молва о призраке не дошли до слуха больной Анны Иоанновны, скончавшейся через девять дней.

Предания о призраках времен Анны Иоанновны сохранились в течение целого столетия; ими вдохновился и высокоталантливый поэт К. О. Рылеев, написавший думу «Видение Анны Иоанновны», в которой, несколько переделав рассказ о явлении двойника императрицы в тронной зале, заменил его явившеюся будто бы Анне Иоанновне... головою Вольнского, — но это уже вольность поэтическая, не имеющая никакой связи ни с историей, ни с преданиями народными.

ТАЙНА СМОРОДИНОВСКОГО ДОМА ^[29]

В полицейском архиве города Вологды имелось дело о странных явлениях в слободе Фрязиной. В 1820-х годах здесь на пустыре построил дом купец Смородинов, не посмотрев на то, что по слухам на этом месте в лунные ночи мерещился неизвестный, бродивший среди вереска и развалин, слышались стоны. Разобрав старое строение, Смородинов обнаружил подвал с человеческими костями на цепи. Но не придав этому значения и велел перенести их в ближайшую реку и спустить в воду. Все происходило ночью, отверстие подземелья заложили и начали постройку.

Таким образом, через несколько лет дом был выстроен и заселен. Смородинов изредка отлучался из него по торговым делам и как-то раз, приехав из города, поинтересовался, не ждет ли его один неизвестный. Ему ответили, что нет. Смородинов оповестил о встрече с ним в городе и обещании неизвестного господина навестить его. Домочадцы восприняли весть как вполне обычную. Купец подождал гостя до вечера и, когда смерклось, пошел почивать.

Как он после сам рассказывал, около полуночи ему послышались внизу шаги. Все ближе и ближе. Словно приближался кто-то, хорошо знакомый с расположением комнат. Смородинов посмотрел на открывающиеся двери и в полумраке свечи различил перед собой незнакомого господина, встретившегося ему в городе: в кафтане, высокой шапке, глаза из-под косматых бровей смотрят пристально и сурово. Поднял сухую руку, что-то бормоча, погрозил Смородинову и исчез, точно растаял.

Придя в себя, купец поднял домашних, надеясь что-нибудь узнать, но никто ничего не видел и Смородинов счел пережитое им за кошмар. Жене, однако, не сказал всей правды и только пожаловался на нервное расстройство.

Минуло какое-то время. Смородинов, как и другие из его сословия, увлекался конскими бегами. Особенную радость доставил ему купленный в тот год один орловский рысак, на котором он стал выезжать.

В одно из воскресений возвращался он санным путем домой. Дорога проходила берегом реки, но в одном месте круто загибала и подходила к крутому обрыву, огражденному тумбами. Место было опасное, и Смородинов всегда приказывал кучеру сдерживать здесь горячую лошадь. Но на этот раз, едва они приготовились, как точно из-под земли перед ним появился незнакомец в знакомом кафтане и высокой шапке; поднял обе

руки, загоразивая дорогу, и громко гикнул. Вожжи выпали из рук Смородинова, рысак шарахнулся в сторону кручи — и тут же конь и сани с ездоками полетели вниз. Мягкий снег несколько облегчил их падение, но сани, разбитые вдребезги, с порванной сбруей и обезумевшей лошадью, найдены были на другой день за десять верст от Фрязиной. Купец, поднятый прохожими в беспамятстве, все твердил о ком-то, а очнувшись, спросил, все ли благополучно дома. Когда в постели жена и домочадцы успокоили его, Смородинов объявил, что они немедленно собираются и всем семейством переезжают к тестю. На уговоры, к чему такая спешка без оснований, он нервно отвечал:

— Боюсь, боюсь, как бы он ночью не пришел опять...

— О чем ты, Николай Петрович? — шепотом допытывалась жена, — кто «он»?

Смородинов понял, что таиться больше нельзя, и подробно рассказал все происшедшее, упомянув о костях, опущенных в реку. Жена заметила, что он придает этому значение вследствие расстроенного воображения. Несчастный случай мог произойти с ним и вне связи с суеверием. Впрочем, ради успокоения больного она не стала его отговаривать и они поспешили переехать, говоря другим, что дом надо ремонтировать полы сели, и обоим нуждаются в замене.

Тем временем часть прислуги осталась во флигеле, и в последующую ночь сторож церкви Андрея Первозванного, отбивая часы, услышал оттуда душераздирающие крики и вопли, а затем увидел бегущих служащих купца. Приютив их в сторожке, он узнал: едва, потушив свет, они легли, как в полумраке увидели перед собой высокого неизвестного, который стал их сбрасывать на пол, и они ничего не могли поделать, такой он внушал ужас.

Дали знать полиции, оцепили флигель и дом, оповестили Смородинова. По словам очевидцев он тотчас же описал им обеспокоившего их пришельца. Обыскали помещение, но ничего не нашли. Только на сеновале обнаружили парализованную от испытанного ею страха стряпуху, которая открыла другим тайну смородиновского дома. Захаживающий к ней на кухню каменщик рассказал, как в подвале нашли кости и ночью утопили их в реке неотмоленными. Власти притянули к ответу Смородинова и всю артель строителей. Дело было направлено к архиерею на заключение с запросом. Тотчас же на купца консистория наложила епитимью за кощунство, хотя таинственность осталась невыясненной и на дом легла дурная слава: ни покупать его, ни жить в нем никто не отваживался.

В ту пору из столицы приехал ссыльный доктор Яблоков. Намериваясь

прижиться на окраине, он осмотрел смородиновский особняк и объявил, что не прочь в нем поселиться, тем более что собирался жениться и завести хозяйство. Смородинов не скрыл, почему сам не живет в доме, хотя доктор и слышать не хотел ни о чем подобном, называя его страхи суеверием, массовым психозом. В результате через пару месяцев, прямо из-под венца, доктор Яблоков с молодой женой вошли в купленный ими дом. С окрестными людьми они уже успели перезнакомиться, и приглашенных на свадебный-пир было предостаточно. Несколько снижала веселье гостей лишь репутация дома, но на это старались не обращать внимания. Молодая хотя и пугливо озиралась по сторонам, муж успокаивал ее и шутил, пока в буфете не раздался странный грохот посуды. Все бросились туда — и обомлели, обнаружив на полу скатерти и разбитые бутылки, посуду и закуски. «Это не иначе как опять он!» — раздались голоса среди присутствующих. Доктор, сконфуженный, просил не беспокоиться и только поспешил во флигель, чтобы послать кучера за новыми покупками, как вышедшая оттуда прислуга доложила, что и во флигеле беспокойно: бросаются неизвестно кем мебель, веники и другое. Доктор Яблоков в досаде открыл помещение, но едва переступил порог, как в него полетели находящиеся там предметы.

Собрались люди, взяли фонари, поскольку начало темнеть, обыскали каждый угол, вплоть до подполья, но не обнаружили никого. Когда же компания в количестве шести мужчин опять вознамерилась вернуться в дом, вокруг поднялся такой грохот, что все опрометью бросились в сени, а оттуда вслед им летели поленья, ведра и некоторых больно ушибло. Фонари к тому же не зажигались, и паника среди гостей воцарилась самая настоящая.

Вторично дом Смородинова опустел, теперь уже надолго. Хозяин пожертвовал его церкви на помин души неизвестных людей, погребенных без отпевания. Церковный притч освятил помещение, объявил об этом и решил сдать дом в аренду. Как раз на постой требовалось место солдатскому гарнизону. Но недели через две после его занятия служивыми повторились те же «беспокойные» явления, так что и солдаты потребовали перевода их в другое место. Просьба была уважена.

После этого флигель и все постройки сломали, место с подземельем засыпали землей, распахали и заняли под огороды.

Ныне таинственное место лежит где-то в середине Фрязиной и застроено ли оно — неизвестно.

ДВОЙНИК В НАПОМИНАНИЕ ^[30]

В начале царствования Николая I в одном из петербургских ресторанов собрались вместе после долгой разлуки полковник Егор Николаевич Давыдов, известный врач Павел Смиттен и приезжий из Москвы артист Зубинин. Вечер они провели довольно весело и непринужденно. Первым поднялся, посмотрев на часы, врач Смиттен. На уговоры друзей повременить и посидеть с ними он сообщил им о странном происшествии, случившемся с ним полгода назад в Александрийском театре: в зеркале он увидел своего двойника, идущего к нему, но, оглянувшись, не обнаружил его в толпе. Однако дома вновь различил его в зеркале, в молчании следующего за ним. С тех пор, как десять часов вечера, он всякий раз различает его за собой и потому велел упразднить у себя дома все зеркала.

С недоумением слушали Давыдов и Зубинин своего удрученного приятеля. Сомнение запало им в душу. Пробило десять часов вечера. Они, словно сговорясь, подняли глаза свои на зеркало ресторана и тут все действительно увидели двойника Смиттена и удивленно воскликнули. «Мне кажется, двойник — это скорая смерть моя, — сказал Смиттен прощаясь. — И если я первым умру, то обещаю прислать своего двойника в напоминание. Вы опять увидите его в зеркале».

Друзья посмеялись над суеверием, но сговорились проследить судьбу врача и, встречаясь, всякий раз вспоминали о том.

Как-то раз Смиттен озадачил их, объявив, что видел своего двойника в саване и это наверняка предвещает его скорую смерть. Через некоторое время полковнику и артисту стало известно, что Смиттен утонул в Неве, упав с лодки.

Обо всем этом Давыдов и Зубинин разговорились, встретившись через год в знакомом им ресторане. Было за полночь, когда собрались они уходить, как дверь вдруг тихо отворилась и показалась фигура покойного Смиттена. Друзья в ужасе вскочили, но видение исчезло.

С этого момента они решили изменить свою привычку и посещать другой ресторан. Но наступила разлука, в текучке буден быстро бежало время и через пять лет, забыв о роковых двойниках, они вновь встретились и посетили знакомое им заведение.

Уже запоздно распевшийся Зубинин вдруг зашатался и упал. В зеркале против него, отчетливо различимый Давыдовым, стоял Смиттен и держал за руку другого Зубинина, который в упор смотрел на лежавшего в

глубоком обмороке артиста. С большим трудом удалось привести артиста в чувство. Вернувшись домой, он сразу лег в постель, а на диване, напротив, поместился полковник, не оставивший расстроенного друга.

Едва начало светать, они слышали с улицы крики и призыв о помощи. Зубинин встал с постели, и Давыдов отметил в нем обычную живость и бодрость. Пережитое ночью казалось им теперь кошмарным сном. Крики за окном продолжались. Тогда они быстро оделись и поспешили на улицу.

В темном, узком переулке можно было различить бегущих людей. Друзья побежали им наперерез и тут увидели у фонарного столба человека, закутанного в плащ с поднятым воротником. Он поднял голову, и они узнали в нем опять двойника Зубинина. Как тень исчез он, а бегущие люди поравнялись с ними, преследуя человека с окровавленным топором в руках. Зубинин бросился на него. Тот взмахнул топором. Прежде чем полковник успел нанести ему удар саблей, убийца раскрыл череп несчастному артисту.

Через несколько лет полковник Давыдов погиб в Севастополе. Неизвестно, была ли ему самому предсказана смерть его двойником. Его денщик передавал, что за год перед смертью полковник уничтожил в доме все зеркала и вел уединенный образ жизни, тоскуя.

Однажды, только если верить денщику, он был на балу, откуда вернулся расстроенный и долго после этого повторял: «Вот и за мной пришел...»

ХОЗЯЙКА БЕРНГАМ-ГРИН^[31]

В одном из северных графств Англии стоит загородный дом — Бернгам-Грин, доставшийся современным его обитателям, сэру Гарри и леди Бэлл, по наследству. У дома этого есть свой дух, но владельцы, «как это бывает почти всегда с развитыми людьми, только смеялись над такого рода слухами». Они окружили себя всевозможной роскошью и не хотели ничего знать про легенду. Знакомые на радужные приглашения хозяев стекались массами в Бернгам-Грин; все находили и местность очаровательной и хозяев прекрасными людьми. Но спустя некоторое время гости уже извинялись, как-то уклончиво, в необходимости сократить свое посещение и робко отклоняли все дальнейшие приглашения хозяев. Оказывалось, что они знали уже о местном духе: некоторые утверждали, что видели его, а остальные ни за что не соглашались оставаться в «беспокойном» доме.

Сэр Гарри и леди Бэлл были крайне раздосадованы и делали все, что могли, чтобы искоренить суеверный слух. Они расследовали историю призрака, слывшего под именем «хозяйки Бернгам-Грин», и открыли, что это был, по народному сказанию, дух одной женщины, из числа их предков, жившей во времена Елизаветы, которая подозревалась в отравлении своего мужа. Ее портрет висел в одной из спальных комнат, остававшихся без употребления.

Леди Бэлл распорядилась подновить эту комнату и убрать как можно веселее. Портрет «хозяйки» был тоже вычищен и вставлен в новую раму. Напрасно! Никто не соглашался ночевать в комнате. Слуги отказывались от места, только лишь намекнут им о том, а гости после второй или третьей ночи непременно уже просят отвести им другую комнату вместо этой. Гость за гостем обращались в бегство, чтобы уже не приезжать более.

В этом затруднении сэр Гарри обратился за советом к капитану Мэрриату, своему старинному приятелю. Капитан, безусловно не веря слуху, вызвался сам погостить в «беспокойной» комнате. И предложение его было принято с радостью.

С парой пистолетов под подушкой он провел там несколько ночей совершенно спокойно и уже подумывал о возвращении домой. Но ему не пришлось отделаться так легко.

По прошествии недели, раз вечером, когда капитан Мэрриат собирался уже лечь спать, к нему постучался в дверь Лассэль, один из гостей, и

пригласил пройти к себе в комнату, чтобы осмотреть нового образца охотничье ружье, о достоинствах которого они только что разговаривали в курительном зале. Капитан, уже снявший с себя сюртук и жилет, забрав пистолеты — «на случай встречи с духом», заметил он шутя, — перешел по коридору в комнату Лассэля и, поболтав с ним несколько минут о качествах нового ружья, направился обратно. Лассэль пошел с ним вместе. «Только чтобы защитить вас от духа», — сказал он со смехом, продолжая шутку капитана.

Коридор был длинный и темный, так как огни с полночи уже гасились в нем, но, вступая в него, они заметили в отдалении тусклый свет, который видимо приближался с противоположного конца, и свет этот держала в руках женская фигура. Дети нескольких семей помещались над ними — в верхнем этаже, и Лассэль подал мысль, что это, должно быть, которая — нибудь из дам идет в детскую, навестить детей. Капитан, вспомнив, что он только в брюках и рубашке, нашел неловким показаться даме в таком костюме и увлек своего спутника в сторону. Но конец мы передадим собственными словами рассказчицы:

«Комнаты расположены были по коридору одна против другой и сообщались с ним двойными дверями. Отворяя первую дверь, вы попадали как бы в маленькую переднюю и находили там вторую дверь, вводящую уже в самую спальню. Многие, входя в свою комнату, затворяли за собою только эту вторую дверь, оставляя первую неприкрытой. Лассэль и мой отец сунулись в одну из таких каморок и получили таким образом возможность укрыться, засев за полуоткрытую дверью.

Там, в потемках, они прикорнули оба, и я уверена, потешались внутренне странным положением, в котором вдруг очутились. Их удерживало от громкого смеха разве только опасение выдать себя в своем незаконном убежище и испугать, с одной стороны, обитателя спальни, перед которой они поместились, а с другой — даму, приближавшуюся к месту их засады.

Приближалась она очень медленно, или так по крайней мере казалось им. Но сквозь щелку в дверях они могли наблюдать за светом ее ночника. Мой отец упорно заглядывал в эту щелку и вдруг полусдавленным шепотом воскликнул:

— Лассэль! Ради Бога! Это она!..

Он изучил очень внимательно портрет предполагаемого привидения, он отлично знал все подробности ее одежды и облика и уже не мог сомневаться ни в красном атласном саке, ни в белых корсаже и юбке, ни в высоких бриджах, ни в положенных подушкой волосах этой фигуры,

которая к ним теперь подходила.

— Великолепная гримировка! — заметил отец шепотом, — но кто бы под нею ни скрывался, я покажу ему, что такими штуками меня не проведешь!

Лассэль, однако, не отозвался ни словом. Был ли это подлог или нет, — он, во всяком случае, не увлекался соблазном лицезреть „хозяйку дома“. А она все подвигалась, медленно и с достоинством, не глядя ни в ту ни в другую сторону, между тем как отец мой взвел курок пистолета и уже готов был к свиданию. Отец полагал, что она пройдет дальше, мимо их пристанища, и намерен был следовать за нею и вызвать на разговор, но вместо того тусклый луч света, поравнявшись с дверью, вдруг остановился.

Лассэль дрожал. Он был далеко не трус, но нервозен. Даже мой отец, со своими железными нервами, притих невольно.

Еще мгновение, и лампа двинулась опять, и все ближе, ближе... И из-за притворенной двери, точно и в самом деле надо ей было видеть, кто там сидит, выглянули на них пытливо и вопросительно бледное лицо и недобрые глаза „хозяйки Бернгам-Грин“.

В то же мгновение отец мой распахнул дверь и предстал перед нею. Она стояла в коридоре совершенно такой же, как изображена на портрете в своей спальне, но с улыбкою злорадного торжества на лице. И, раздраженный этим выражением ее лица, едва ли сознавая, что делает, отец мой поднял пистолет и выстрелил в фигуру чуть ли не в упор. Пуля пробила дверь комнаты, противоположной той, у которой они стояли, а „хозяйка дома“, с тою же самою улыбкою на лице, направилась к стене и скрылась за нею.

Естественно, тут уже нечего было разьяснять. Был налицо только факт появления и исчезновения человеческой фигуры. И если духи не могут являться, то что же такое был тот образ, который видели оба эти господина и в который даже выстрелил один из них?..»

У граф. В... был музыкальный вечер. Первые артисты столицы платили своим искусством за честь аристократического приема; в числе гостей мелькало несколько литераторов и ученых; две или три модные, красавицы; несколько барышень и старушек и один гвардейский офицер. Около десятка доморощенных львов красовалось в дверях второй гостиной и у камина; все шло своим чередом: было ни скучно, ни весело.

В ту самую минуту как новоприезжая певица подходила к роялю и развертывала ноты... одна молодая женщина зевнула, встала и вышла в соседнюю комнату, на это время опустевшую. На ней было черное платье, кажется, по случаю придворного траура. На плече, пришпиленный к голубому банту, сверкал бриллиантовый вензель; она была среднего роста, стройна, медленна и ленива в своих движениях; черные, длинные, чудесные волосы оттеняли ее еще молодое правильное, но бледное лицо, и на этом лице сияла печать мысли.

— Здравствуйте, мсье Лугин, — сказала Минская кому-то, — я устала... скажите что-нибудь! — и она опустилась в широкое пате возле камина; тот, к кому она обращалась, сел напротив нее и ничего не отвечал. В комнате их было только двое, и холодное молчание Лугина показывало ясно, что он не принадлежал к числу ее обожателей.

— Скучно, — сказала Минская и снова зевнула, — вы видите, я с вами не церемонюсь! — прибавила она.

— И у меня сплин! — отвечал Лугин.

— Вам опять хочется в Италию? — сказала она после некоторого молчания. — Не правда ли?

Лугин в свою очередь не слышал вопроса; он продолжал, положив ногу на ногу и уставя глаза безотчетливо на беломраморные плечи своей собеседницы:

— Вообразите, какое со мной несчастье: что может быть хуже для человека, который, как я, посвятил себя живописи! — вот уже две недели, как все люди мне кажутся желтыми, — и одни только люди! добро бы все

предметы; тогда была бы гармония в общем колорите; я бы думал, что гуляю в галерее испанской школы. Так нет! все остальное как и прежде; одни лица изменились; мне иногда кажется, что у людей вместо голов лимоны.

Минская улыбнулась.

— Призовите доктора, — сказала она.

— Доктора не помогут — это сплин!

— Влюбитесь! (Во взгляде, который сопровождал это слово, выражалось что-то похожее на следующее: «Мне бы хотелось его немножко помучить!»)

— В кого?

— Хоть в меня!

— Нет! вам даже кокетничать со мною было бы скучно, — и потом, скажу вам откровенно, ни одна женщина не может меня любить.

— А эта, как бишь ее, итальянская графиня, которая последовала за вами из Неаполя в Милан?..

— Вот видите, — отвечал задумчиво Лугин, — я сужу других по себе и в этом отношении, уверен, не ошибаюсь. Мне точно случалось возбуждать в иных женщинах все признаки страсти, но так как я очень знаю, что в этом обязан только искусству и привычке кстати трогать некоторые струны человеческого сердца, то и не радуюсь своему счастью; я себя спрашивал, могу ли я влюбиться в дурную? — вышло нет; я дурен — и следственно женщина меня любить не может, это ясно; артистическое чувство развито в женщинах сильнее, чем в нас, они чаще и долее нас покорны первому впечатлению; если я умел подогреть в некоторых то, что называют капризом, то это стоило мне невероятных трудов и жертв, но так как я знал поддельность чувства, внушенного мною, и благодарил за него только себя, то и сам не мог забыться до полной, безотчетной любви; к моей страсти примешивалось всегда немного злости; все это грустно, а правда!..

— Какой вздор! — сказала Минская, но, окинув его быстрым взглядом, она невольно с ним согласилась.

Наружность Лугина была в самом деле ничуть не привлекательна. Несмотря на то, что в странном выражении глаз его было много огня и остроумия, вы бы не встретили во всем его существе ни одного из тех условий, которые делают человека приятным в обществе; он был неловок и грубо сложен; говорил резко и отрывисто; большие и редкие волосы на висках, неровный цвет лица, признаки постоянного и тайного недуга, делали его на вид старее, чем он был в самом деле; он три года лечился в

Италии от ипохондрии — и хотя не вылечился, но по крайней мере нашел средство развлекаться с пользой; он пристрастился к живописи; природный талант, сжатый обязанностями службы, развился в нем широко и свободно под животворным небом юга, при чудных памятниках древних учителей. Он вернулся истинным художником, хотя одни только друзья имели право наслаждаться его прекрасным талантом. В его картинах дышало той горькой поэзией, которую наш бедный век выжимал иногда из сердца ее первых проповедников.

Лугин уже два месяца как вернулся в Петербург. Он имел независимое состояние, мало родных и несколько старинных знакомств в высшем кругу столицы, где и хотел провести зиму. Он бывал часто у Минской: ее красота, редкий ум, оригинальный взгляд на вещи должны были произвести впечатление на человека с умом и воображением. Но любви между ними не было и в помине.

Разговор их на время прекратился, и они оба, казалось, заслушались музыки. Заезжая певица пела балладу Шуберта на слова Гете: «Лесной царь». Когда она кончила, Лугин встал.

— Куда вы? — спросила Минская.

— Прощайте.

— Еще рано.

Он опять сел.

— Знаете ли, — сказал он с какою-то важностию, — что я начинаю сходить с ума?

— Право?

— Кроме шуток. Вам это можно сказать, вы надо мною не будете смеяться. Вот уже несколько дней, как я слышу голос. Кто-то мне твердит на ухо с утра до вечера — и как вы думаете — что? — адрес: вот и теперь слышу: «В Столярном переулке, у Кокушкина моста, дом титулярного советника Штосса, квартира номер двадцать семь». И так шибко, шибко — точно торопится... Несносно!..

Он побледнел. Но Минская этого не заметила.

— Вы, однако, не видите того, кто говорит? — спросила она рассеянно.

— Нет. Но голос звонкий, резкий, дишкант.

— Когда же это началось?

— Признаться ли? я не могу сказать наверное... не знаю... ведь это, право, презабавно! — сказал он, принужденно улыбаясь.

— У вас кровь приливает к голове и в ушах звенит.

— Нет, нет. Научите, как мне избавиться?

— Самое лучшее средство, — сказала Минская, подумав с минуту, — идти к Кокушкину мосту, отыскать этот номер, и так как, верно, в нем живет какой-нибудь сапожник или часовой мастер, то для приличия закажите ему работу и, возвратясь домой, ложитесь спать, потому что... вы в самом деле нездоровы!.. — прибавила она, взглянув на его встревоженное лицо с участием.

— Вы правы, — ответил угрюмо Лугин. — Я непременно пойду. Он встал, взял шляпу и вышел. Она посмотрела ему вслед с удивлением.

2

Сырое ноябрьское утро лежало над Петербургом. Мокрый снег падал хлопьями, дома казались грязны и темны, лица прохожих были зелены; извозчики на биржах дремали под рыжими полостями своих саней; мокрая длинная шерсть их бедных кляч завивалась барашком; туман придавал отдаленным предметам какой-то серо-лиловый цвет. По тротуарам лишь изредка хлопали калоши чиновника, да иногда раздавался шум и хохот в подземной полпивной лавочке, когда оттуда выталкивали пьяного молодца в зеленой фризовой шинели и клеенчатой фуражке. Разумеется, эти картины встретили бы вы только в глухих частях город, как, например... у Кокушкина моста. Через этот мост шел человек среднего роста, ни худой, ни толстый, не стройный, но с широкими плечами, в пальто, и вообще одетый со вкусом; жалко было видеть его лакированные сапоги, вымоченные снегом и грязью: но он, казалось, об этом нимало не заботился; засунув руки в карманы, повеся голову, он шел неровными шагами, как будто боялся достигнуть цель своего путешествия или не имел ее вовсе. На мосту он остановился, поднял голову и осмотрелся. То был Лугин. Следы душевной усталости виднелись на его измятом лице, в глазах горело тайное беспокойство.

— Где Столярный переулок? — спросил он нерешительным голосом у порожнего извозчика, который в эту минуту проезжал мимо его шагом, закрывшись по шею мохнатою полостию и насвистывая камаринскую.

Извозчик посмотрел на него, хлыстнул лошадь кончиком кнута и проехал мимо.

Ему это показалось странно. Уж полно, есть ли Столярный переулок? Он сошел с моста и обратился с тем же вопросом к мальчику, который бежал с полуштофом через улицу.

— Столярный? — сказал мальчик, — а вот идите прямо по Малой

Мещанской, и тотчас направо, первый переулок и будет Столярный.

Лугин успокоился. Дойдя до угла, он повернул направо и увидел небольшой грязный переулок, в котором с каждой стороны было не больше десяти высоких домов. Он постучал в дверь первой мелочной лавочки и, вызвав лавочника, спросил: «Где дом Штосса?»

— Штосса? Не знаю, барин, здесь таких нет; а вот здесь рядом есть дом купца Блинникова, а подальше...

— Да мне надо Штосса...

— Ну не знаю, — Штосса!! — сказал лавочник, почесав затылок, и потом прибавил: — Нет, не слышать-с!

Лугин пошел сам смотреть надписи; что-то ему говорило, что он с первого взгляда узнает дом, хотя никогда его не видал. Так он добрался почти до конца переулка, и ни одна надпись ничем не поразила его воображения, как вдруг он кинул случайно глаза на противоположную сторону улицы и увидел над одними воротами жестяную доску вовсе без надписи.

Он подбежал к этим воротам — и сколько ни рассматривал, не заметил ничего похожего даже на следы стертой временем надписи; доска была совершенно новая.

Под воротами дворник в долгополом полинявшем кафтане, с седой, давно не бритой бородою, без шапки и подпоясанный грязным фартуком, разметал снег.

— Эй! дворник, — закричал Лугин.

Дворник что-то проворчал сквозь зубы.

— Чей это дом?

— Продан! — отвечал грубо дворник.

— Да чей он был?

— Чей? Кифейкина, купца.

— Не может быть, верно, Штосса! — вскрикнул невольно Лугин.

— Нет, был Кифейкина, а теперь так Штосса! — отвечал дворник, не подымая головы.

У Лугина руки опустились.

Сердце его забилося, как будто предчувствуя несчастье. Должен ли он был продолжать свои исследования? не лучше ли вовремя остановиться? кому не случалось находиться в таком положении, тот с трудом поймет его: любопытство, говорят, сгубило род человеческий, оно и поныне наша главная, первая страсть, так что даже все остальные страсти могут им объясниться. Но бывают случаи, когда таинственность предмета дает любопытству необычайную власть: покорные ему, подобно камню,

сброшенному с горы сильною рукою, мы не можем остановиться, хотя видим нас ожидающую бездну. Лугин долго стоял перед воротами. Наконец обратился к дворнику с вопросом:

— Новый хозяин здесь живет?

— Нет.

— А где же?

— А черт его знает.

— Ты уж давно здесь дворником?

— Давно.

— А есть в этом доме жильцы?

— Есть.

— Скажи, пожалуйста, — сказал Лугин после некоторого молчания, сунув дворнику целковый, — кто живет в двадцать седьмом номере?

Дворник поставил метлу к воротам, взял целковый и пристально посмотрел на Лугина.

— В двадцать седьмом номере?., да кому там жить! он уж Бог знает сколько лет пустой.

— Разве его не нанимали?

— Как не нанимать, сударь, — нанимали.

— Как же ты говоришь, что в нем не живут!

— А Бог их знает! так-таки не живут. Наймут на год, да и не переезжают.

— Ну, а кто его последний нанимал?

— Полковник, из анженеров, что ли!

— Отчего же он не жил?

— Да переехал было... а тут, говорят, его послали в Вятку — так номер пустой за ним и остался.

— А прежде полковника?

— Прежде его было нанял какой-то барон, из немцев, — да этот и не переезжал; слышно, умер.

— А прежде барона?

— Нанимал купец для какой-то своей... гм! да обанкрутился, так у нас и задаток остался...

«Странно!» — подумал Лугин.

— А можно посмотреть номер?

Дворник опять пристально взглянул на него.

— Как нельзя? можно! — отвечал он и пошел, переваливаясь, за ключами.

Он скоро возвратился и повел Лугина во второй этаж по широкой, но

довольно грязной лестнице. Ключ заскрипел в заржавленном замке, и дверь отворилась; им в лицо пахнуло сыростью. Они взошли. Квартира состояла из четырех комнат и кухни. Старая пыльная мебель, некогда позолоченная, была правильно расставлена кругом стен, обтянутых обоями, на которых изображены были на зеленом грунте красные попугаи и золотые лиры; изразцовые печи кое-где порастрескались; сосновый пол, выкрашенный под паркет, в иных местах скрипел довольно подозрительно; в простенках висели овальные зеркала с рамками рококо; вообще комнаты имели какую-то странную несовременную наружность.

Они, не зная почему, понравились Лугину.

— Я беру эту квартиру, — сказал он. — Вели вымыть окна и вытереть мебель... посмотри, сколько паутины! да надо хорошенько вытопить... — В эту минуту он заметил на стене последней комнаты поясной портрет, изображающий человека лет сорока в бухарском халате, с правильными чертами, большими серыми глазами: в правой руке он держал золотую табакерку необыкновенной величины. На пальцах красовалось множество разных перстней. Казалось, этот портрет писан несмелой ученической кистью — платье, волосы, рука, перстни — все было очень плохо сделано; зато в выражении лица, особенно губ, дышала такая страшная жизнь, что нельзя было глаз оторвать: в линии рта был какой-то неуловимый изгиб, недоступный искусству и, конечно, начертанный бессознательно, придававший лицу выражение насмешливое, грустное, злое и ласковое попеременно. Не случалось ли вам на замороженном стекле или в зубчатой тени, случайно брошенной на стену каким-нибудь предметом, различать профиль человеческого лица, профиль, иногда невообразимой красоты, иногда непостижимо отвратительный? Попробуйте переложить их на бумагу! вам не удастся; попробуйте на стене обрисовать карандашом силуэт, вас так сильно поразивший, — и очарование исчезает; рука человека никогда с намерением не произведет этих линий: математически малое отступление — и прежнее выражение погибло невозвратно. В лице портрета дышало именно то *неизъяснимое*, возможное только гению или случаю.

«Странно, что я заметил этот портрет только в ту минуту, как сказал, что беру квартиру!» — подумал Лугин.

Он сел в кресла, опустил голову на руку и забылся. Долго дворник стоял против него, помахивая ключами.

— Что ж, барин? — проговорил он наконец.

— А!

— Как же? коли берете, так пожалуйста задаток.

Они условились в цене, Лугин дал задаток, послал к себе с приказанием сейчас же перевозиться, а сам просидел против портрета до вечера; в девять часов самые нужные вещи были перевезены из гостиницы, где жил до сей поры Лугин. «Вздор, чтоб на этой квартире нельзя было жить, — думал Лугин. — Моим предшественникам, видно, не суждено было в нее перебраться — это, конечно, странно! Но я взял свои меры: переехал тотчас! Что ж? — ничего!» До двенадцати часов он с своим старым камердинером Никитой расставлял вещи... Надо прибавить, что он выбрал для своей спальни комнату, где висел портрет.

Перед тем чтоб лечь в постель, он подошел со свечой к портрету, желая еще раз на него взглянуть хорошенько, и прочитал внизу вместо имени живописца красными буквами: *Середа*.

— Какой нынче день? — спросил он Никиту.

— Понедельник, сударь...

— Послезавтра среда! — сказал рассеянно Лугин.

— Точно так-с!..

Бог знает почему Лугин на него рассердился.

— Пошел вон! — закричал он, топнув ногою.

Старый Никита покачал головою и вышел.

После этого Лугин лег в постель и заснул.

На другой день утром привезли остальные вещи и несколько начатых картин.

В числе недоконченных картин, большею частию маленьких, была одна размера довольно значительного; посреди холста, исчерченного углем, мелом и загрунтованного зелено-коричневой краской, эскиз женской головки остановил бы внимание знатока; но, несмотря на прелесть рисунка и на живость колорита, она поражала неприятно чем-то неопределенным в выражении глаз и улыбки; видно было, что Лугин перерисовывал ее в других видах и не мог остаться довольным, потому что в разных углах холста являлась та же головка, замаранная коричневой краской. То не был портрет; может быть, подобно молодым поэтам, вздыхающим по небывалой красавице, он старался осуществить на холсте свой идеал — женщину-ангела: причуда, понятная в первой юности, но редкая в человеке, который сколько-нибудь испытал жизнь. Однако есть люди, у которых опытность ума не действует на сердце, и Лугин был из числа этих

несчастных и поэтических созданий. Самый тонкий плут, самая опытная кокетка с трудом могли бы его проведать, а сам себя он ежедневно обманывал с простодушием ребенка. С некоторого времени его преследовала постоянная идея, мучительная и несносная, тем более что от нее страдало его самолюбие: он был далеко не красавец, это правда, однако в нем ничего не было отвратительного, и люди, знавшие его ум, талант и добродушие, находили даже выражение лица его довольно приятным; но он твердо убедился, что степень его безобразия исключает возможность любви, и стал смотреть на женщин как на природных своих врагов, подозревая в случайных их ласках побуждения посторонние и объясняя грубым и положительным образом самую явную их благосклонность. Не стану рассматривать, до какой степени он был прав, но дело в том, что подобное расположение души извиняет достаточно фантастическую любовь к воздушному идеалу, любовь самую невинную и вместе самую вредную для человека с воображением.

В этот день, который был вторник, ничего особенного с Лугиным не случилось: он до вечера просидел дома, хотя ему нужно было куда-то ехать. Непостижимая лень овладела всеми чувствами его; хотел рисовать — кисти выпадали из рук; пробовал читать — взоры его скользили над строками и читали совсем не то, что было написано; его бросало в жар и в холод; голова болела; звенело в ушах. Когда смерклось, он не велел подавать свеч и сел у окна, которое выходило во двор; на дворе было темно; у бедных соседей тускло светились окна; он долго сидел; вдруг на дворе заиграла шарманка; она играла какой-то старинный вальс; Лугин слушал, слушал — ему стало ужасно грустно. Он начал ходить по комнате; небывалое беспокойство им овладело; ему хотелось плакать, хотелось смеяться... он бросился на постель и заплакал; ему представилось все его прошедшее, он вспомнил, как часто бывал обманут, как часто делал зло именно тем, которых любил, какая дикая радость иногда разливалась по его сердцу, когда видел слезы, вызванные им из глаз, ныне закрытых навеки, и он с ужасом заметил и признался, что он недостойн был любви безотчетной и истинной, и ему стало так больно! так тяжело!

Около полуночи он успокоился, сел к столу, зажег свечу, взял лист бумаги и стал что-то чертить; все было тихо вокруг. Свеча горела ярко и спокойно; он рисовал голову старика, и когда кончил, то его поразило сходство этой головы с кем-то знакомым! Он поднял глаза на портрет, висевший против него, — сходство было разительное; он невольно вздрогнул и обернулся; ему показалось, что дверь, ведущая в пустую гостиную, заскрипела; глаза его не могли оторваться от двери.

— Кто там? — вскрикнул он.

За дверьми послышался шорох, как будто хлопали туфли; известка посыпалась с печи на пол.

— Кто это? — повторил он слабым голосом.

В эту минуту обе половинки двери тихо, беззвучно стали отворяться; холодное дыхание повеяло в комнату; дверь отворилась сама; в той комнате было темно, как в погребу.

Когда дверь отворилась настежь, в ней показалась фигура в полосатом халате и туфлях; то был седой сгорбленный старичок; он медленно подвигался, приседая; лицо его, бледное и длинное, было неподвижно; губы сжаты; серые, мутные глаза, обведенные красной каймой, смотрели прямо без цели. И вот он сел у стола против Лугина, вынул из-за пазухи две колоды карт, положил одну против Лугина, другую перед собой и улыбнулся.

— Что вам надобно? — сказал Лугин с храбростью отчаяния. Его кулаки судорожно сжимались, и он был готов пустить шандалом в незваного гостя.

Под халатом вздохнуло.

— Это несносно! — сказал Лугин задыхающимся голосом. Его мысли мешались.

Старичок зашевелился на стуле; вся его фигура изменялась ежеминутно, он делался то выше, то толще, то почти совсем съеживался; наконец принял прежний вид.

«Хорошо, — подумал Лугин, — если это привидение, то я ему не поддамся».

— Не угодно ли, я вам промечу штосс? — сказал старичок.

Лугин взял перед ним лежавшую колоду карт и отвечал насмешливым тоном:

— А на что же мы будем играть? я вам предваряю, что душу свою на карту не поставлю! (Он думал этим озадачить привидение...) А если хотите, — продолжал он, — я поставлю клюнгер; не думаю, чтоб водились в вашем воздушном банке.

Старичка эта шутка нимало не сконфузила.

— У меня в банке вот это! — отвечал он, протянув руку.

— Это? — сказал Лугин, испугавшись и кинув глаза налево, — что это?

Возле него колыхалось что-то белое, неясное и прозрачное. Он с отвращением отвернулся.

— Мечите! — потом сказал он, оправившись, и, вынув из кармана

кдюнгер, положил его на карту. — Идет, темная.

Старичок поклонился, стасовал карты, срезал и стал метать. Лугин поставил семерку бубен, и она с оника была убита; старичок протянул руку и взял золотой.

— Еще талью! — сказал с досадою Лугин.

Оно покачало головою.

— Что же это значит?

— В середу, — сказал старичок.

— А! в середу! — вскрикнул в бешенстве Лугин, — так нет же! не хочу в середу! завтра или никогда! слышишь ли?

Глаза странного гостя пронзительно засверкали, и он опять беспокойно зашевелился.

— Хорошо, — наконец сказал он, поклонился и вышел, приседая.

Дверь опять тихо за ним затворилась; в соседней комнате опять захлопали туфли... и мало-помалу все утихло. У Лугина кровь стучала в голове молотком; странное чувство волновало и грызло его душу. Ему было досадно, обидно, что он проиграл!.. «Однако же я не поддался ему! — говорил он, стараясь себя утешить, — переупрямил. В середу! как бы не так! что я, сумасшедший! Это хорошо, очень хорошо!., он у меня не отделаётся. А как похож на этот портрет!., ужасно, ужасно похож! а! теперь я понимаю!..»

На этом слове он заснул в креслах. На другой день поутру никому о случившемся не говорил, просидел целый день дома и с лихорадочным нетерпением дожидался вечера.

«Однако я не посмотрел хорошенько на то, что у него в банке! — думал он, — верно, что-нибудь необыкновенное!»

Когда наступила полночь, он встал с своих кресел, вышел в соседнюю комнату, запер на ключ дверь, ведущую в переднюю, и возвратился на свое место; он недолго дожидался; опять раздался шорох, хлопанье туфель, кашель старика, и в дверях показалась его мертвая фигура. За ним подвигалась другая, но до того туманная, что Лугин не мог рассмотреть ее формы.

Старичок сел, как накануне положил на стол две колоды карт, срезал одну и приготовился метать, по-видимому, не ожидая от Лугина никакого сопротивления; в его глазах блистала необыкновенная уверенность, как будто они читали в будущем. Лугин, остолбеневший совершенно под магнетическим влиянием его серых глаз, уже бросил было на стол два полуимпериала, как вдруг он опомнился.

— Позвольте, — сказал он, накрыв рукою свою колоду.

Старичок сидел неподвижен.

— Что бишь я хотел сказать! позвольте, — да!

Лугин запутался.

Наконец, сделав усилие, он медленно проговорил:

— Хорошо... я с вами буду играть, я принимаю вызов, я не боюсь, только с условием: я должен знать, с кем играю! как ваша фамилия?

Старичок улыбнулся.

— Я иначе не играю, — проговорил Лугин, меж тем дрожащая рука его вытаскивала из колоды очередную карту.

— Что-с? — проговорил неизвестный, насмешливо улыбаясь.

— Штос? это? — У Лугина руки опустились: он испугался.

В эту минуту он почувствовал возле себя чье-то свежее ароматическое дыхание, и слабый шорох, и вздох невольный, и легкое огненное прикосновение. Станный, сладкий и вместе болезненный трепет пробежал по его жилам. Он на мгновение обернул голову и тотчас опять устремил взор на карты: но этого минутного взгляда было бы довольно, чтоб заставить его проиграть душу. То было чудное и божественное виденье: склонясь над его плечом, сияла женская головка: ее уста умоляли, в ее глазах была тоска невыразимая... она отделялась на темных стенах комнаты, как утренняя звезда на туманном востоке. Никогда жизнь не производила ничего столь воздушно-неземного, никогда смерть не уносила из мира ничего столь полного пламенной жизни: то не было существо земное — то были краски и свет вместо форм и тела, теплое дыхание вместо крови, мысль вместо чувства; то не был также пустой и ложный призрак... потому что в неясных чертах дышала страсть бурная и жадная, желание, грусть, любовь, страх, надежда — то была одна из тех чудных красавиц, которых рисует нам молодое воображение, перед которыми в волнении пламенных грез стоим на коленях, и плачем, и молим, и радуемся Бог знает чему, — одно из тех божественных созданий молодой души, когда она в избытке сил творит для себя новую природу, лучше и полнее той, к которой она прикована.

В эту минуту Лугин не мог объяснить того, что с ним сделалось, но с этой минуты он решился играть, пока не выиграет: эта цель сделалась целью его жизни, — он был этому очень рад.

Старичок стал метать: карта Лугина была убита. Бледная рука опять потащила по столу два полуимпериаля.

— Завтра, — сказал Лугин.

Старичок вздохнул тяжело, но кивнул головой в знак согласия и вышел, как накануне.

Всякую ночь в продолжение месяца эта сцена повторялась: всякую ночь Лугин проигрывал; но ему не было жаль денег, он был уверен, что наконец хоть одна карта будет дана, и потому все удваивал куши; он был в сильном проигрыше, но зато каждую ночь на минуту встречал взгляд и улыбку, за которые он готов был отдать все на свете. Он похудел и пожелтел ужасно. Целые дни просиживал дома, запершись в кабинете; часто не обедал. Он ожидал вечера, как любовник свиданья, и каждый вечер был награжден взглядом более нежным, улыбкой более приветливой: *она* — не знаю, как назвать ее? — она, казалось, принимала трепетное участие в игре; казалось, она ждала с нетерпением минуты, когда освободится от ига несносного старика; и всякий раз, когда карта Лугина была убита и он с грустным взором оборачивался к ней, на него смотрели эти страстные, глубокие глаза, которые, казалось, говорили: «Смелее, не упадай духом, подожди, я буду твоя, во что бы то ни стало! я тебя люблю»... и жестокая, молчаливая печаль покрывала своей тенью ее изменчивые черты. И всякий раз, когда они расставались, у Лугина болезненно сжималось сердце — отчаянием и бешенством. Он уже продавал вещи, чтоб поддерживать игру; он видел, что невдалеке та минута, когда ему нечего будет поставить на карту. Надо было на что-нибудь решиться. Он решился.

С. А. Аксакова

«ЦЕЛУЙ МОЮ РУКУ!»^[33]

Это было в мае 1855 года. Мне было девятнадцать лет. Я не имела тогда никакого понятия о спиритизме, даже этого слова никогда не слыхала. Воспитанная в правилах греческой православной церкви, я не знала никаких предрассудков и никогда не была склонна к мистицизму или мечтательности. Мы жили тогда в городе Романове-Борисоглебске Ярославской губернии. Золовка моя, теперь вдова по второму браку, полковница Варвара Ивановна Тихонова, а в то время бывшая замужем за доктором А. Ф. Зенгиреевым, жила с мужем своим в городе Раненбурге Рязанской губернии, где он служил. По случаю весеннего половодья, всякая корреспонденция была сильно затруднена, и мы долгое время не получали писем от золовки моей, что, однако же, нимало не тревожило нас, так как было отнесено к вышеозначенной причине.

Вечером, с 12 на 13 мая, я помолилась Богу, простилась с девочкой своей (ей было тогда около полугода от роду, и кровать ее стояла в моей комнате, в четырехаршинном расстоянии от моей кровати, так что я и ночью могла видеть ее), легла в постель и стала читать какую-то книгу. Читая, услышала, как стенные часы в зале пробили двенадцать часов. Я положила книгу на стоявший около меня ночной шкаф и, опершись на левый локоть, приподнялась несколько, чтоб потушить свечу. В эту минуту я ясно слышала, как отворилась дверь из прихожей в залу и кто-то мужскими шагами вошел в нее. Это было до такой степени ясно и отчетливо, что я пожалела, что успела погасить свечу, уверенная в том, что вошедший был не кто иной, как камердинер моего мужа, идущий, вероятно, доложить ему, что прислали за ним от какого-нибудь больного, как случалось весьма часто, по занимаемой им тоща должности уездного врача. Меня несколько удивило только то обстоятельство, что шел именно камердинер, а не моя горничная девушка, которой это было поручено в подобных случаях. Таким образом, облокотившись, я слушала приближение шагов — не скорых, а медленных, к удивлению моему, и когда они, наконец, уже были слышны в гостиной, находившейся рядом с моей спальней, с постоянно отворенными в нее на ночь дверями, и не останавливались, я окликнула: «Николай (имя камердинера), что нужно?» Ответа не последовало, а шаги продолжали приближаться и уже были

совершенно близко от меня, вплоть за стеклянными ширмами, стоявшими за моей кроватью; тут уже, в каком-то странном смущении, я откинулась навзничь на подушки.

Перед моими глазками находился стоявший в переднем углу комнаты образной киот с горящей перед ним лампадой всегда умышленно настолько ярко, чтобы света этого было достаточно для кормилицы, когда ей приходилось кормить и пеленать ребенка. Кормилица спала в моей же комнате за ширмами, к которым, лежа, я приходилась головой. При таком лампадном свете я могла ясно различить, когда входивший поравнялся с моей кроватью по левую сторону от меня, что то был именно зять мой, А. Ф. Зенгиреев, но в совершенно необычайном для меня виде — в длинной, черной, как бы монашеской рясе, с длинными по плечи волосами и с большой окладистой бородой, каковых он никогда не носил, пока я знала его. Я хотела закрыть глаза, но уже не могла, чувствуя, что все тело мое совершенно оцепенело — я не властна была сделать ни малейшего движения, ни даже голосом позвать к себе на помощь, только слух, зрение и понимание всего, вокруг меня происходившего, сохранялись во мне вполне и сознательно, до такой степени, что на другой день я дословно рассказывала, сколько именно раз кормилица вставала к ребенку, в какие часы, когда только кормила его, а когда и пеленала, и прочее. Такое состояние мое длилось от двенадцати до трех часов ночи, и вот что произошло в это время.

Вошедший подошел вплотную к моей кровати, стал боком, повернувшись лицом ко мне, по левую мою сторону и, положив свою левую руку, совершенно мертвенно-холодную, плашмя на мой рот, вслух сказал: «Целуй эту руку!» Не будучи в состоянии ничем физически высвободиться из-под этого влияния, я мысленно, силою воли, противилась слышанному мною велению. Как бы провидя намерение мое, он крепче нажал лежавшую руку мне на губы и громче и повелительнее повторил: «Целуй эту руку!». И я, со своей стороны, опять мысленно еще сильнее воспротивилась повторенному приказу. Тогда, в третий раз, еще с большей силой, повторились то же движение и те же слова, и я почувствовала, что задыхаюсь от тяжести и холода налегавшей на меня руки, но поддаться велению все-таки не могла и не хотела. В это время кормилица в первый раз встала к ребенку, и я надеялась, что она почему-нибудь подойдет ко мне и увидит, что делается со мной, но ожидания мои не сбылись: она только слегка покачала девочку, не вынимая ее даже из кроватки, и почти тотчас же опять легла на свое место и заснула. Таким образом, не видя себе помощи и думая почему-то, что умираю, что то, что делается со мною, есть

не что иное, как внезапная смерть, я мысленно хотела прочесть молитву Господню «Отче наш». Только что мелькнула у меня эта мысль, как стоявший подле меня снял свою руку с моих губ и опять вслух сказал: «Ты не хочешь целовать мою руку, так вот что ожидает тебя», — и с этими словами положил правой рукой своей на ночной шкафчик, совершенно подле меня, длинный пергаментный сверток, величиною с обыкновенный лист писчей бумаги, свернутой в трубку, и когда он отнял руку свою от положенного свертка, я ясно слышала шелест раскрывшегося наполовину толстого пергаментного листа и левым глазом даже видела сбоку часть этого листа, который, таким образом, остался в полуразвернутом или, лучше сказать, в слегка свернутом состоянии. Затем положивший его отвернулся от меня, сделал несколько шагов вперед, стал перед киотом, заграждая собою от меня свет лампы, и громко и явственно стал произносить задуманную мною молитву, которую и прочел всю от начала до конца, кланяясь по временам медленным поясным поклоном, но не творя крестного знамения. Во время поклонов его лампа становилась мне видна каждый раз, а когда он выпрямлялся, то опять заграждал ее собою от меня. Окончив молитву одним из вышеописанных поклонов, он опять выпрямился и встал неподвижно, как бы чего-то выжидая. Мое же состояние ни в чем не изменилось, и когда я вторично мысленно пожелала прочесть молитву Богородице, то он тотчас так же внятно и громко стал читать и ее; то же самое повторилось и с третьей задуманной мною молитвой — «Да воскреснет Бог». Между этими двумя последними молитвами был большой промежуток времени, когда чтение останавливалось, покуда кормилица вставала на плач ребенка, кормила его, пеленала и вновь укладывала. Во все время чтения я ясно слышала каждый бой часов, не прерывавший этого чтения, слышала и каждое движение кормилицы и ребенка, которого страстно желала как-нибудь инстинктивно заставить поднести к себе, чтобы благословить его перед ожидаемой мною смертью и проститься с ним; другого никакого желания в мыслях у меня не было, но и оно осталось неисполненным.

Пробило три часа. Тут, не знаю почему, мне пришло на память, что еще не прошло шести недель со дня Светлой Пасхи и что во всех церквях еще поется пасхальный стих — «Христос воскрес!». И мне захотелось услышать его... Как бы в ответ на это желание вдруг понеслись откуда-то издалека божественные звуки знакомой великой песни, исполняемой многочисленным полным хором в недостижимой высоте... Звуки слышались все ближе и ближе, все полнее, звучнее и лились в такой непостижимой, никогда дотоле мною не слыханной, неземной гармонии,

что у меня замирал дух от восторга, боязнь смерти исчезла, и я была счастлива надеждой, что вот, звуки эти захватят меня всю и унесут с собою в необозримое пространство... Во все время пения я ясно слышала и различала слова великого ирмоса, тщательно повторяемые за хором и стоявшим передо мною человеком. Вдруг внезапно вся комната залилась каким-то лучезарным светом, также еще мною невиданным, до того сильным, что в нем исчезло все — и огонь лампы, и стены комнаты, и самое видение... Свет этот сиял несколько секунд при звуках, достигших высшей, оглушительной, необычайной силы. Потом он начал редеть, и я могла снова различить в нем стоявшую передо мною личность, но только не всю, а начиная с головы до пояса, она как будто сливалась со светом и мало-помалу таяла в нем, по мере того, как угасал или тускнел и самый свет. Сверток, лежавший все время около меня, также был захвачен этим светом и вместе с ним исчез. С меркнувшим светом удалялись и звуки, так же медленно и постепенно, как вначале приближались. Я стала чувствовать, что начинаю терять сознание и приближаюсь к обмороку, который, действительно, и наступил, сопровождаемый сильнейшими корчами и судорогами всего тела, какие только когда-либо бывали со мной в жизни. Припадок этот своей силой разбудил всех окружавших меня и, несмотря на все принятые против него меры и поданные мне пособия, длился до девяти часов утра — тут только удалось, наконец, привести меня в сознание и остановить конвульсии. Трое последовавших затем суток я лежала совершенно недвижима от крайней слабости и крайнего истощения вследствие сильного горлового кровотечения, сопровождавшего припадок. На другой день после этого странного события было получено известие о болезни Зенгиреева, а спустя две недели и о кончине его, последовавшей, как потом оказалось, в ночь на 13 мая, в пять часов утра.

Замечательно при этом еще следующее: когда золовка моя, недель шесть после смерти мужа, переехала со всей своей семьей жить к нам в Романов, то однажды, совершенно случайно, в разговоре с другим лицом, в моем присутствии, она упомянула о том замечательном факте, что покойного Зенгиреева хоронили с длинными по плечи волосами и с большой окладистой бородой, успевшими отрасти во время его болезни. Упомянула также и о странной фантазии распорядившихся погребением — чего она не была в силах сделать сама, — не придумавших ничего приличнее, как положить покойного в гроб в длинном, черном суконном одеянии, вроде савана, нарочно заказанном ими для этого. Характер покойного Зенгиреева был странный. Он был очень скрытен, мало общителен: это был угрюмый меланхолик, иногда же, весьма редко, он

оживлялся, был весел, развязен. В меланхолическом настроении своем он мог два, три, даже восемь, десять часов просидеть на одном месте, не двигаясь, не говоря даже не единого слова, отказываясь от всякой пищи, покуда подобное состояние, само собою или по какому-нибудь случаю, не прекращалось. Ума не особенно выдающегося, он был по убеждениям своим, быть может, в качестве врача, совершенный материалист: ни во что сверхчувственное — духов, привидения и тому подобное он не верил, но образ жизни его был весьма правильный. Отношения мои к нему были довольно натянуты вследствие того, что я всегда заступалась за одного из его детей, маленького сына, которого он с самого его рождения совершенно беспричинно постоянно преследовал, я же, при всяком случае, его защищала. Это его сильно сердило и восстанавливало против меня. Когда за полгода до смерти своей он, вместе со всем семейством гостил у нас в Романове, у меня вышло с ним, все по тому же поводу, сильное столкновение, и мы расстались весьма холодно. Эти обстоятельства не лишены, быть может, значения для понимания рассказанного мною необыкновенного явления.

КОМНАТА ПРИВИДЕНИЙ^[34]

В один ненастный осенний день 1858 года, выехав ранним утром из одного небольшого местечка в Галиции, я после утомительного путешествия прибыл вечером в городок Освенцим. Служил я в это время инженером в областном городе Львове. Тот, кто путешествовал в этих краях тридцать лет тому назад, согласится со мною, что в те времена подобный переезд был тяжел во многих отношениях и сопряжен с большими неудобствами, а потому понятно, что я приехал в упомянутое местечко сильно усталый, тем более что целый день не имел горячей пищи.

Хозяин гостиницы, в которой я остановился, Лове, был известен за лучшего трактирщика во всем городе и, кроме того, содержал на вокзале буфет, с достоинствами которого я имел возможность ознакомиться во время своих частых странствий по этому краю. Поужинав в общей столовой и напившись по польскому обыкновению чаю, я спросил себе комнату для ночлега. Молодой слуга свел меня на первый этаж древнего монастыря, превращенного, благодаря меркантильному духу нашего времени, в гостиницу. Пройдя обширную залу, вероятно, служившую некогда трапезною для монахов, а в настоящее время играющую роль танцевального зала для освенцимской золотой молодежи, мы вышли в длинный монастырский коридор, по сторонам которого были расположены некогда кельи монахов, ныне спальные комнаты для путешественников. Мне отвели комнату в самом конце длинного коридора, и, за исключением меня, в это время не было в гостинице ни одного проезжающего. Заперев дверь на ключ и на защелку, я лег в постель и потушил свечку. Прошло, вероятно, не более получаса, когда при свете яркой луны, освещавшей комнату, я совершенно ясно увидел, как дверь, которую перед этим я запер на ключ и на защелку и которая приходилась прямо напротив моей кровати, медленно открылась и в дверях показалась фигура высокого вооруженного мужчины, который, не входя в комнату, остановился на пороге, подозрительно осматривая комнату, как бы с целью обокрасть ее. Пораженный не столько страхом, сколько удивлением и негодованием, я не мог произнести ни слова, и, прежде чем собрался спросить его о причине столь неожиданного посещения, он исчез за дверью. Вскочив с постели в величайшей досаде на подобный визит, я подошел к двери, чтобы снова запереть ее, но тут, к крайнему своему изумлению, заметил, что она по-прежнему заперта на ключ и на защелку. Пораженный этою

неожиданностью, я некоторое время не знал, что и думать, наконец, рассмеялся над самим собою, догадавшись, что все это было, конечно, галлюцинацией или кошмаром, вызванным слишком обильным ужином. Я улегся снова, стараясь как можно скорее заснуть. И на этот раз я пролежал не более получаса, как снова увидел, что в комнату вошла высокая и бледная фигура и, войдя крадущимся шагом, остановилась близ двери, оглядывая меня маленькими и пронзительными глазами. Даже теперь, после тридцати лет, протекавших с того времени, я как живую вижу перед собою эту странную фигуру, имевшую вид каторжника, только что порвавшего свои цепи и собирающегося на новое преступление. Обезумев от страха, я машинально схватился за револьвер, лежавший на моем ночном столике. В то же самое время вошедший человек двинулся от двери и, сделав, точно кошка, несколько крадущихся шагов, внезапным прыжком бросился на меня с поднятым кинжалом. Рука с кинжалом опустилась на меня — и одновременно с этим грянул выстрел моего револьвера. Я вскрикнул и вскочил с постели, и в то же время убийца скрылся, сильно хлопнув дверью, так что гул пошел по коридору. Некоторое время я ясно слышал удалявшиеся от моей двери шаги, затем на минуту все затихло. Еще через минуту хозяин с прислугой стучались мне в дверь со словами:

— Что такое случилось? Кто это выстрелил?

— Разве вы его не видали? — сказал я.

— Кого? — спросил хозяин.

— Человека, по которому я сейчас стрелял.

— Кто же это такой? — опять спросил хозяин.

— Не знаю, — ответил я.

Когда я рассказал, что со мною случилось, Лове спросил, зачем я не запер дверь.

— Помилуйте, — отвечал я, — разве можно запереть ее крепче, чем я ее запер?

— Но каким образом, несмотря на это, дверь все-таки открылась?

— Пусть объяснит мне это кто может, я же решительно понять не могу, — отвечал я.

Хозяин и прислуга обменялись значительными взглядами.

— Пойдемте, милостивый государь, я вам дам другую комнату, вам нельзя здесь оставаться.

Слуга взял мои вещи, и мы оставили эту комнату, в стене которой нашли пулю моего револьвера.

Я был слишком взволнован, чтобы заснуть, и мы отправились в столовую, теперь пустую, так как было уже за полночь. По моей просьбе,

хозяин приказал подать мне чаю и за стаканом пунша рассказал мне следующее:

— Видите ли, — сказал он, — данная вам по моему личному приказанию комната находится в особенных условиях. С тех пор как я приобрел эту гостиницу, ни один путешественник, ночевавший в этой комнате, не выходил из нее, не будучи испуган. Последний человек, ночевавший здесь перед вами, был турист из Гарца, которого утром нашли на полу мертвым, пораженным апоплексическим ударом. С тех пор прошло два года, в продолжение которых никто не ночевал в этой комнате. Когда вы приехали сюда, я подумал, что вы человек смелый и решительный, который способен снять очарование с этой комнаты, но то, что случилось сегодня, заставляет меня навсегда закрыть ее.

«ТАИНСТВЕННЫЕ» ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА

Предстоящее знакомство читателя с фрагментом написанного И. С. Тургеневым в 1861–1863 годах рассказа «Призраки» требует некоторых пояснений. Начиная с этого произведения в творчестве Тургенева все чаще проявляется образ «таинственного»: «Собака» (1864), «Странная история» (1869), «Стук... Стук... Стук!..» (1870), «Часы» (1875), «Сон» (1876), «Песнь торжествующей любви» (1881), «После смерти» (1882) и некоторые другие, в частности незавершенный рассказ «Силаев», над которым писатель работал предположительно в конце 70-х годов. Все эти произведения исследователи творчества писателя относят к «таинственным повестям» Тургенева.

Их открывает рассказ «Призраки», названный в подзаголовке «Фантазией». Зачем автору потребовалось такое уточнение? Не предвидел ли он непонимания, неприятия нового для его творчества жанра со стороны читателей, друзей, собратьев по перу и критиков? Исследователи творчества Тургенева обратили внимание, что писатель, «словно предвидя это непонимание, предохранял себя на всякий случай разговорами о „пустячках“, „безделках“, „вздоре“. А потом сердился и переживал, когда эти „пустячки“ так и признавались пустячками...» (И. Виноградов).

«Таинственные» повести Тургенева были встречены современниками почти в штыки. И. Виноградов в этой связи замечает: «Трезвый реалист, всеца поражавший удивительной жизненной достоверностью своих картин, — и вдруг мистические истории о призраках, о посмертной влюбленности, о таинственных снах и свиданиях с умершими... Многих это сбивало с толку». Особенно досталось писателю за рассказ «Собака» — о разорившемся помещике, которому чудится, будто его преследует призрак какой-то таинственной собаки. Один из ближайших друзей Тургенева, В. П. Боткин, познакомившись с «Собакой», написал ему: «Она плоха, говоря откровенно, и, по мнению моему, печатать ее не следует. Довольно одной неудачи в виде „Призраков“.» А поэт и переводчик П. И. Вейнберг поместил в сатирическом журнале «Будильник» нечто вроде открытого письма Тургеневу в стихах:

«Я прочитал твою „Собаку“,
И с этих пор

В моем мозгу скребется что-то,
Как твой Трезор.
Скребется днем, скребется ночью,
Не отстают
И очень странные вопросы
Мне задает:
„Что значит русский литератор?
Зачем, зачем
По большей части он кончает
Черт знает чем?“»

Но вместо ожидаемого «конца» последовал новый взлет творчества писателя, не понятый не только современниками, но и в более позднее время. Появление «Призраков» современные исследователи творчества Тургенева связывают с внешними и внутренними причинами: «когда происходило обострение классовой борьбы, Тургенев приходил в угнетенное состояние»; он «пережил в этот период тяжелый душевный кризис, может быть самый острый из всех, что пришлось ему когда-либо испытать», писал в 1962 году И. Виноградов. Но, поразительно, последнее не отрицает и сам Тургенев. В письме В. П. Боткину от 26 января 1863 года он пишет в связи с «Призраками»: «Это ряд каких-то душевных dissolvingviews (туманных картин. — И. В.) — вызванных переходным и действительно тяжелым и темным состоянием моего Я». Насколько писатель был искренен в оценке своего состояния перед другом, мнением которого дорожил? Не «прибеднялся» ли он на всякий случай?

Положим, «Призраки» написаны Тургеневым в состоянии тяжелого душевного кризиса (правда, остается непонятным, как в таком состоянии мог быть создан такой шедевр), ну а другие «таинственные повести»?

Что, обострение классовой борьбы и вызванное этой и другими причинами «тяжелое и темное состояние» продолжались еще два десятилетия, до 1882 года? Ведь нет же, а шедевры, в том числе и «таинственные», продолжали выходить. Так в чем же дело? Все очень просто. Тургенев никогда не изменял себе. Он как был, так и остался *реалистом*, в том числе и в изображении «таинственного». Дар писателя, наблюдательность, интуиция, знание жизни своего народа позволили Тургеневу отображать «таинственное» с такой точностью в деталях, какая не всегда доступна иному профессионалу. На это обстоятельство обратила внимание М. Г. Быкова. В книге «Легенда для взрослых» (Москва, 1990), в

которой рассказывается о проблеме потаенных животных, включая и снежного человека, она задается вопросом: «Применял ли когда-нибудь Тургенев знание о необычном в природе в своем творчестве?» И отвечает на конкретном примере: «В рассказе „Бежин луг“ природа вплотную на мягких лапах подступает к ребячьему костру. <...> Поражают детали, конкретные знания: „Леший не кричит, он немой“, — роняет Илюша, которому на вид не более двенадцати лет». Это к вопросу об аналогичной молчаливости снежного человека. А в письме к Е. М. Феокистову Тургенев в отношении «Бежина луга» заметил: «Я вовсе не желал придать этому рассказу фантастический характер». Такое мог сказать только реалист.

А ведь писатель имел опыт встречи с таинственным, да такой, что пережить подобное и врагу не по желаешь! Об этой встрече рассказано в названной выше книге М. Г. Быковой.

Как-то в Париже у Полины Виардо собравшиеся заговорили о природе ужасного. Интересовались, почему ужас всегда возникает при встречах с необъяснимым, таинственным. И тогда Иван Сергеевич рассказал о бывшем с ним случае встречи с ужасным и таинственным существом в лесах средней полосы России. Присутствовавший при этом Мопассан по свежим следам записал рассказанное:

«Будучи еще молодым, Тургенев как-то охотился в русском лесу. Бродил весь день и к вечеру вышел на берег тихой речки. Она струилась под сенью деревьев. Вся заросшая травой, глубокая, холодная, чистая. Охотника охватило непреодолимое желание окунуться. Раздевшись, он бросился в воду. Высокого роста, сильный и крепкий, он хорошо плавал. Спокойно отдался на волю течения, которое тихо его уносило. Травы и корни задевали его тело, и легкое прикосновение стеблей было приятно. Вдруг чья-то рука дотронулась до его плеча. Он быстро обернулся и... увидел страшное существо, которое разглядывало его с жадным любопытством. Оно было похоже не то на женщину, не то на обезьяну. Широкое и морщинистое, гримасничающее и смеющееся лицо. Что-то неопишное — два каких-то мешка, очевидно, груди, болтались спереди; длинные спутанные волосы, порыжевшие от солнца, обрамляли лицо и развевались за спиной. Тургенев почувствовал дикий леденящий страх перед сверхъестественным. Не раздумывая, не пытаясь понять, осмыслить, что это такое, он изо всех сил поплыл к берегу. Но чудовище плыло еще быстрее и с радостным визгом то и дело касалось его шеи, спины, ног. Наконец, молодой человек, обезумевший от страха, добрался до берега и со всех сил пустился бежать по лесу, бросив одежду и ружье. Страшное

существо последовало за ним: оно бежало так же быстро и по-прежнему повизгивало. Обессиленный беглец — ноги у него подкашивались от ужаса — уже готов был свалиться, когда прибежал вооруженный кнутом мальчик, пасший стадо коз. Он стал хлестать отвратительного человекоподобного зверя, который пустился наутек, крича от боли. Вскоре это существо, похожее на самку гориллы, исчезло в зарослях».

А теперь перейдем непосредственно к «Призракам». Ввиду значительного объема произведения придется ограничиться его фрагментом, в котором описывается путешествие в прошлое.

И. С. Тургенев
ПРИЗРАКИ
Фантазия

X

<...> Легко отделяясь от земли, она плыла мимо — и вдруг подняла обе руки над головою. Эта голова, и руки, и плечи мгновенно вспыхнули телесным, теплым цветом; в темных глазах дрогнули живые искры; усмешка тайной неги шевельнула покрасневшие губы. Прелестная женщина внезапно возникла передо мною. Но, как бы падая в обморок, она тотчас опрокинулась назад и растаяла, как пар.

Я остался недвижим.

Когда я опомнился и оглянулся, мне показалось, что телесная, бледно-розовая краска, пробежавшая по фигуре моего призрака, все еще не исчезла и, разлитая в воздухе, обдавала меня кругом... Это заря загоралась. Я вдруг почувствовал крайнюю усталость и отправился домой. Проходя мимо птичьего двора, я услышал первое лепетанье гусенят (раньше их ни одна птица не просыпается); вдоль крыши на конце каждой притужины сидело по галке — и все они хлопотливо и молча очищались, четко рисуясь на молочном небе. Изредка они разом все поднимались — и, полетав немного, садились опять рядком, без крика... Из недалевого леса два раза принеслось сипло-свежее чужьяканье черныша-тетерева, только что слетевшего в росистую, ягодами заросшую траву... С легкой дрожью в теле я добрался до постели и скоро заснул крепким сном.

На следующий день, когда я стал подходить к старому дубу, Эллис понеслась мне навстречу, как к знакомому. Я не боялся ее по-вчерашнему, я почти обрадовался ей; я даже не старался понять, что со мной происходило; мне только хотелось полетать подальше, по любопытным местам.

Рука Эллис опять обвилась вокруг меня — и мы опять помчались.

— Отправимся в Италию, — шепнул я ей на ухо.

— Куда хочешь, мой милый, — отвечала она торжественно и тихо — и тихо и торжественно повернула ко мне свое лицо. Оно показалось мне не столь прозрачным, как накануне; более женственное и более важное, оно напомнило мне то прекрасное создание, которое мелькнуло передо мной на

утренней заре перед разлукой.

— Нынешняя ночь — великая ночь, — продолжала Эллис. — Она наступает редко — когда семь раз тринадцать...

Тут я не дослушал несколько слов.

— Теперь можно видеть, что бывает и закрыто в другое время.

— Эллис! — взмолился я, — да кто же ты? скажи мне наконец!

Она молча подняла свою длинную белую руку.

На темном небе, там, куда указывал ее палец, среди мелких звезд красноватой чертой сияла комета.

— Как мне понять тебя? — начал я. — Или ты — как эта комета носится между планетами и солнцем — носишься между людьми... и чем?

Но рука Эллис внезапно надвинулась на мои глаза... Словно белый туман из сырой долины обдал меня...

— В Италию! в Италию! — послышался ее шепот. — Эта ночь — великая ночь!

XII

Туман перед моими глазами рассеялся, и я увидел под собою бесконечную равнину. Но уже по одному прикосновению теплого и мягкого воздуха к моим щекам я мог понять, что я не в России; да и равнина та не походила на наши русские равнины. Это было огромное тусклое пространство, по-видимому не поросшее травой и пустое; там и сям, по всему его протяжению, подобно небольшим обломкам зеркала, блистали стоячие воды; вдали смутно виднелось неслышное, неподвижное море. Крупные звезды сияли в промежутках больших красивых облаков; тысячеголосная, немолчная и все-таки негромкая трель поднималась отовсюду — и чуден был этот пронзительный и дремотный гул, этот ночной голос пустыни...

— Понтийские болота, — промолвила Эллис. — Слышишь лягушек? чувствуешь запах серы?

— Понтийские болота... — повторил я, и ощущение величавой унылости охватило меня. — Но зачем принесла ты меня сюда, в этот печальный, заброшенный край? Полетим лучше к Риму.

— Рим близок, — отвечала Эллис... — Приготовься!

Мы спустились и помчались вдоль старинной латинской дороги. Буйвол медленно поднял из вязкой тины свою косматую чудовищную голову с короткими вихрами щетины между криво назад загнутыми рогами.

Он косо повел белками бессмысленно злобных глаз и тяжело фыркнул мокрыми ноздрями, словно почуял нас.

— Рим, Рим близок... — шептала Эллис. — Гляди, гляди вперед...

Я поднял глаза.

Что это чернеет на окраине ночного неба? Высокие ли арки громадного моста? Над какой рекой он перекинут? Зачем он порван местами? Нет, это не мост, это древний водопровод. Кругом священная земля Кампании, а там, вдали, Албанские горы — и вершины их, и седая спина старого водопровода слабо блестят в лучах только что взошедшей луны...

Мы внезапно взвились и повисли на воздухе перед уединенной развалиной. Никто бы не мог сказать, чем она была прежде: гробницей, чертогом, башней... Черный плющ обвивал ее всю своей мертвенной силой — а внизу раскрывался, как зев, полуобрушенный свод. Тяжелым запахом погребя веяло мне в лицо от этой груды мелких, тесно сплоченных камней, с которых давно свалилась гранитная оболочка стены.

— Здесь, — произнесла Эллис и подняла руку. — Здесь! Проговори громко, три раза сряду, имя великого римлянина.

— Что же будет?

— Ты увидишь.

Я задумался.

— Divus Cajus Julius Caesar!..^[35] — воскликнул я вдруг, — divus Cajus Julius Caesar! — повторил я протяжно: — Caesar!

XIII

Последние отзвучия моего голоса не успели еще замереть, как мне послышалось...

Мне трудно сказать, что именно. Сперва мне послышался смутный, ухом едва уловимый, но бесконечно повторявшийся взрыв трубных звуков и рукоплесканий. Казалось, где-то, страшно далеко, в какой-то бездонной глубине, внезапно зашевелилась несметная толпа — и поднималась, поднималась, волнуясь и перекликаясь чуть слышно, как бы сквозь сон, сквозь подавляющий, многовековый сон. Потом воздух заструился и потемнел над развалиной... Мне начали мерещиться тени, мириады теней, миллионы очертаний, то округленных как шлемы, то протянутых как копья; лучи луны дробились мгновенными синеватыми искорками на этих копьях и шлемах — и вся эта армия, эта толпа надвигалась ближе и ближе, росла,

колыхалась усиленно... Несказанное напряжение, напряжение, достаточное для того, чтобы приподнять целый мир, чувствовалось в ней; но ни один образ не выдавался ясно... И вдруг мне почудилось, как будто трепет пробежал кругом, как будто отхлынули и расступились какие-то громадные волны... «Caesar, Caesar venit»,^[36] — зашумели голоса, подобно листьям леса, на который внезапно налетела буря... докатился глухой удар — и голова бледная, строгая, в лавровом венке, с опущенными веками, голова императора стала медленно выдвигаться из-за развалины...

На языке человеческого нету слов для выражения ужаса, который сжал мое сердце. Мне казалось, что раскрой эта голова свои глаза, разверзи свои губы — и я тотчас же умру.

— Эллис! — простонал я, — я не хочу, я не могу, не надо мне Рима, грубого, грозного Рима... Прочь, прочь отсюда!

— Малодушный! — шепнула она — и мы умчались. Я успел еще услышать за собою железный, громовый на этот раз, крик легионов... потом все потемнело.

XIV

— Оглянись, — сказала мне Эллис, — и успокойся.

Я послушался — и, помню, первое мое впечатление было до того сладостно, что я мог только вздохнуть. Какой-то дымчато-голубой, серебристо-мягкий — не то свет, не то туман — обливал меня со всех сторон. Сперва я не различал ничего: меня слепил этот лазоревый блеск — но вот понемногу начали выступать очертания прекрасных гор, лесов; озеро раскинулось подо мной с дрожавшими в глубине звездами, с ласковым ропотом прибоя. Запах померанцев обдал меня волной — и вместе с ним и тоже как будто волною принеслись сильные, чистые звуки молодого женского голоса. Этот запах, эти звуки так и потянули меня вниз — и я начал спускаться... спускаться к роскошному мраморному дворцу, приветливо белевшему среди кипарисной рощи. Звуки лились из его настежь раскрытых окон; волны озера, осеянного пылью цветов, плескались в его стены — и прямо напротив, весь одетый темной зеленью померанцев и лавров, весь облитый лучезарным паром, весь усеянный статуями, стройными колоннами, портиками храмов, поднимался из лона вод высокий круглый остров...

— Isola Bella!^[37] — проговорила Элис. — Lago Maggiore...^[38]

Я промолвил только: а! и продолжал спускаться. Женский голос все громче, все ярче раздавался во дворце; меня влекло к нему неотразимо...! хотел взглянуть в лицо певице, оглашавшей такими звуками такую ночь. Мы остановились перед окном.

Посреди комнаты, убранной в помпейяновском вкусе и более похожей на древнюю храмину, чем на новейшую залу, окруженная греческими изваяниями, этрусскими вазами, редкими растениями, дорогими тканями, освещенная сверху мягкими лучами двух ламп, заключенных в хрустальные шары, — сидела за фортепьянами молодая женщина. Слегка закинув голову и до половины закрыв глаза, она пела итальянскую арию; она пела и улыбалась, и в то же время черты ее выражали важность, даже строгость... признак полного наслаждения! Она улыбалась... и Праксителев Фавн, ленивый, молодой, как она, изнеженный, сладострастный, тоже, казалось, улыбался ей из угла, из-за ветвей олеандра, сквозь тонкий дым, поднимавшийся с бронзовой курильницы на древнем треножнике. Красавица была одна. Очарованный звуками, красотой, блеском и благовонием ночи, потрясенный до глубины сердца зрелищем этого молодого, спокойного, светлого счастья, я позабыл совершенно о моей спутнице, забыл о том, каким странным образом я стал свидетелем этой столь отдаленной, столь чуждой мне жизни, — и я хотел уже ступить на окно, хотел заговорить...

Все мое тело вздрогнуло от сильного толчка — точно я коснулся лейденской банки. Я оглянулся... Лицо Эллис было — при всей своей прозрачности — мрачно и грозно; в ее внезапно раскрывшихся глазах тускло горела злоба...

— Прочь! — бешено шепнула она, и снова вихрь, и мрак, и головокружение... Только на этот раз не крик легионов, а голос певицы, оборванный на высокой ноте, остался у меня в ушах...

Мы остановились. Высокая нота, та же нота, все звенела и не переставала звенеть, хотя я чувствовал совсем другой воздух, другой запах... На меня веяло крепительной свежестью, как от большой реки, — и пахло сеном, дымом, коноплей. За долго протянутой нотой последовала другая, потом третья, но с таким несомненным оттенком, с таким знакомым, родным переливом, что я тотчас же сказал себе: «Это русский человек поет русскую песню» — и в то же мгновение мне все кругом стало ясно.

Мы находились над плоским берегом. Налево тянулись, терялись в бесконечность скошенные луга, уставленные громадными скирдами; направо, в такую же бесконечность уходила ровная гладь великой многоводной реки. Недалеко от берега большие темные барки тихонько переваливались на якорях, слегка двигая остриями своих мачт, как указательными перстами. С одной из этих барок долетали до меня звуки разливистого голоса, и на ней же горел огонек, дрожа и покачиваясь в воде своим длинным красным отраженьем. Кое-где, и на реке и в полях, непонятно для глаза — близко ли, далеко ли — мигали другие огоньки: они то жмурились, то вдруг выдвигались лучистыми крупными точками; бесчисленные кузнечики немолчно стрекотали, не хуже лягушек понтийских болот — и под безоблачным, но низко нависшим темным небом изредка кричали неведомые птицы.

— Мы в России? — спросил я Эллис.

— Это Волга, — отвечала она.

Мы понеслись вдоль берега.

— Отчего ты меня вырвала оттуда, из того прекрасного края? — начал я. — Завидно тебе стало, что ли? Уж не ревность ли в тебе пробудилась?

Губы Эллис чуть-чуть дрогнули, и в глазах опять мелькнула угроза... Но все лицо тотчас же вновь оцепенело.

— Я хочу домой, — проговорил я.

— Погоди, погоди, — отвечала Эллис. — Теперешняя ночь — великая ночь. Она не скоро вернется. Ты можешь быть свидетелем... Погоди.

И мы вдруг полетели через Волгу, в косвенном направлении, над самой водой, низко и порывисто, как ласточки перед бурей. Широкие волны тяжело журчали под нами, резкий речной ветер бил нас своим холодным, сильным крылом... высокий правый берег скоро начал воздыматься перед нами в полумраке. Показались крутые горы с большими расселинами. Мы приблизились к ним.

— Крикни: «Сарынь на кичку!» — шепнула мне Эллис.

Я вспомнил ужас, испытанный мною при появлении римских призраков, я чувствовал усталость и какую-то странную тоску, словно сердце во мне таяло, — я не хотел произнести роковые слова, я знал заранее, что в ответ на них появится, как в Волчьей Долине Фрейшюца, что-то чудовищное, — но губы мои раскрылись против воли, и я закричал, тоже против воли, слабым напряженным голосом: «Сарынь на кичку!»

Сперва все осталось безмолвным, как и перед римской развалиной, — но вдруг возле самого моего уха раздался грубый бурлацкий смех — и что-то со стоном упало в воду и стало захлебываться... Я оглянулся: никого нигде не было видно, но с берега отпрянуло эхо — и разом отовсюду поднялся оглушительный гам. Чего только не было в этом хаосе звуков: крики и визги, яростная ругань и хохот, хохот пуще всего, удары весел и топоров, треск как от взлома дверей и сундуков, скрип снастей и колес, и лошадиное скакание, звон набата и лязг цепей, гул и рев пожара, пьяные песни и скрежещущая скороговорка, неутешный плач, моление жалобное, отчаянное, и повелительные восклицанья, предсмертное хрипенье, и удалой посвист, гарканье и топот пляски... «Бей! вешай! топи! режь! любо! так! не жалеи!» — слышалось явственно, слышалось даже прерывистое дыхание запыхавшихся людей, — а между тем кругом, на сколько глаз доставал, ничего не показывалось, ничего не изменялось: река катилась мимо, таинственно, почти угрюмо: самый берег казался пустынной и одичалей — и только.

Я обратился к Эллис, но она положила палец на губы...

— Степан Тимофеич! Степан Тимофеич идет! — зашумело вокруг, — идет наш батюшка, атаман наш, наш кормилец! — Я по-прежнему ничего не видел, но мне внезапно почудилось, как будто громадное тело надвигается прямо на меня... — Фролка! где ты, пес? — загремел страшный голос. — Зажигай со всех концов — да в топоры их, белоручек!

На меня пахнуло жаром близкого пламени, горькой гарью дыма — и в то же мгновение что-то теплое, словно кровь, брызнуло мне на лицо и на руки... Дикий хохот грянул кругом...

Я лишился чувств — и когда опомнился, мы с Эллис тихо скользили вдоль знакомой опушки моего леса, прямо к старому дубу...

— Видишь ту дорожку? — сказала мне Эллис, — там, где месяц тускло светит и свесились две березки?.. Хочешь туда?

Но я чувствовал себя до того разбитым и истощенным, что я мог только проговорить в ответ:

— Домой... домой!..

— Ты дома, — отвечала Эллис.

Я действительно стоял перед самой дверью моего дома — один. Эллис исчезла. Дворовая собака подошла было, подозрительно оглянула меня — и с воем бросилась прочь. Я с трудом дотащился до постели и заснул, не раздеваясь.

Все следующее утро у меня голова болела, и я едва передвигал ноги; но я не обращал внимания на телесное мое расстройство, раскаяние меня грызло, досада душила.

Я был до крайности недоволен собою. «Малодушный! — твердил я беспрестанно, — да, Эллис права. Чего я испугался? как было не воспользоваться случаем?.. Я мог увидеть самого Цезаря — и я замер от страха, я запищал, я отвернулся, как ребенок от розги. Ну, Разин — это дело другое. В качестве дворянина и землевладельца... Впрочем, и тут, чего же я, собственно, испугался? Малодушный, малодушный!..»

— Да уж не во сне ли я все это вижу? — спросил я себя наконец. Я позвал ключницу.

— Марфа, в котором часу я лег вчера в постель — не помнишь?

— Да кто ж тебя знает, кормилец... Чай, поздно. В сумеречки ты из дома вышел; а в спальне-то ты каблучищами-то за полночь стучал. Под самое утро — да. Вот и третьего дня тож. Знать, забота у тебя завелась какая.

«Эге-ге! — подумал я. — Летанье-то, значит, не подлежит сомнению».

— Ну, а с лица я сегодня каков? — прибавил я громко.

— С лица-то? Дай погляжу. Осунулся маленько. Да и бледен же ты, кормилец: вот как есть ни кровинки в лице.

Меня слегка покорило... Я отпустил Марфу. «Ведь этак умрешь, пожалуй, или сойдешь с ума, — рассуждал я, сидя в раздумье под окном. — Надо это все бросить. Это опасно. Вот и сердце как странно бьется. А когда я летаю, мне все кажется, что его кто-то сосет или как будто из него что-то сочится, — вот как весной сок из березы, если воткнуть в нее топор. А все-таки жалко. Да и Эллис... Она играет со мной, как кошка с мышью... а впрочем, едва ли она желает мне зла. Отдамся ей в последний раз — нагляжусь — а там... Но если она пьет мою кровь? Это ужасно. Притом такое быстрое передвижение не может не быть вредным; говорят, и в Англии на железных дорогах запрещено ехать более ста двадцати верст в час...».

Так я размышлял с самим собою — но в десятом часу вечера я уже стоял перед старым дубом...

ПРИВИДЕНИЕ В ДЕПАРТАМЕНТЕ^[39]

На днях один очень почтенный сановник передал мне следующую странную историю, имевшую место в начале шестидесятых годов в здании одного из министерств в Петербурге. История настолько странна и удивительна, что ею можно поделиться с читателями. Кроме того, для меня она имеет следующее достоинство: если бы я прочел ее в «Ребусе» — журнале, который, как всем известно, выписывается для покойных родственников (?),^[40] ничего тут удивительного не было бы. Но передававшее мне ее лицо — скептик чрезвычайный и смотрит на все с физико-математической точки зрения, так как и курс-то он кончил именно на этом «естественном» факультете. Наконец, тем дороже его рассказ, что он сам является в нем лицом действующим. Рассказывал он историю с видимым неудовольствием: по его собственным словам, она противоречит его убеждениям, а давать какие бы то ни было объяснения на ее счет отказался и даже закончил сожалением, зачем вообще-то ее рассказал. Рассказ его заключался в следующем.

«Я был делопроизводителем в нашем департаменте, а директор приходился мне дядей. Обедал я у него чуть не ежедневно, тем более, что жена его была барынька пречудесная и ко мне, холостому племяннику, относилась весьма сочувственно. Понадобилась однажды вечером дяде справка, не хочет ждать до будущего дня: сейчас ему подай. А справка у меня в столе, в департаменте, и ключ у меня. Дядя говорит: „Сейчас я велю заложить лошадь, поезжай и привези немедленно“. Нечего делать, поехал. Зимний вечер, снег, вьюга. Приезжаю. Конечно, некоторый переполох. Сторож у нас из жидов был, и всегда после присутствия в подпитии, и звали его Шмуль Зонн. Он засуетился, зажег сальную свечку (ведь это теперь по всем министерствам керосин, а тогда по стенам только горели масляные лампы), и отправились мы с ним во второй этаж, в департамент. Ну, обстановка совершенно диккенсовского романа. Лестница огромная, темно: от свечки даже точно темнее еще стало — дает она только маленький круг света, а остальное — мгла самая беспросветная. В окна вьюга так и стучит: все закидало хлопьями, стекла звенят. Ну, я ко всему этому всегда поверхностно относился, и потому на нервы мне это не действовало. Ну, идем. Отпирает Шмуль одну дверь, другую. Вот и департамент наш: огромная карта Российской империи во всю стену, портреты государей во весь рост. Идем все дальше.

Только когда мы входили как раз в ту комнату, где я, по обыкновению, занимался, показалось мне, что кто-то, серый такой, выходит в противоположную дверь. Показалось мне, и тотчас же я отогнал эту мысль, решив, что это тень от нашего шевелящегося пламени. Даже не вздрогнул, а подошел к своему столу, говорю Шмулю: „Свети хорошенько“, вынул ключ, отпер ящик и стал рыться.

Но едва я сел и воцарилась тишина, как совершенно явственно слышались в соседней комнате шаги.

— Шмуль, — говорю, — там есть кто-то.

А он отрицательно трясет головой:

— Никого, васе вышокорodie, ижвольте быть шпокойны.

Ну, что же, думаю, верно, это ветер. Нашел бумаги, задвинул ящик, только хотел встать слышу, что там не только шаги, а и стулом кто-то двигает.

— Шмуль, — говорю, — разве ты не слышишь?

— Слышу, — говорит, — только это так. Ижвольте уходить.

— Как — так? Пойдем, посмотрим...

Тут же он скорчил недовольное лицо.

— А ну ее, — говорит. — Ну цего шмотреть. Нехай ее!

— Да про кого ты?

— Да про бабу.

— Про какую бабу?

— Да что тут ходит.

— Что ты врешь! Какая баба? Зачем она здесь? Гони ее вон...

— Н-ну!

Он протянул шею и повел носом.

— Как ее выгонишь, коли она не живая.

— Ты опять пьян?

— Никак нет. Ижвольте спросить у всех сторожей. Как девять часов ударит, и пошла стучать по всем комнатам... И ребеночек на руках...

Меня взорвала эта глупость.

— Бери свечу, идем.

И опять, едва мы вошли в соседнюю комнату, я увидел, что кто-то промелькнул в двери. „Шалишь!“ — подумал я и скорыми шагами направился туда. Сзади ковылял Шмуль и все твердил:

— Оштавьте, васе вышокорodie, ну што вам!

В третьей комнате я уже ясно видел, как между столов, торопясь и путаясь, шла невысоконькая, худенькая бабенка в платке на голове, кацавейке, с чем-то завернутым в одеяло.

— Что тебе надо? Пошла вон! — крикнул я.

Она на мгновение остановилась, испуганно оглянулась и затем, быстро семеня ногами, пошла по анфиладе темных комнат.

Я пошел за ней.

— Стой! постой! кто ты? как попала сюда?

Но она не оборачивалась, не останавливалась. Я решил остановить ее во что бы то ни стало; я знал, что загоню ее в последнюю комнату, откуда нет выхода.

Но вот тут-то и произошел казус. Она, очевидно, прошла сквозь запертые двери, оттого что за мгновение перед тем я видел ее в дверях, и так близко, что почти дотрагивался до ее плеч, а через мгновение руки мои встретили наглухо запертые створки — и больше ничего.

Холодный пот у меня выступил на лбу, я растерянно взглянул на Шмуля.

— Ну! — сказал он совсем хмуро. — Ну и что, вжяли? Охота васе вышокорodie со всякою, можно сказать, мерзостью возиться!

— Шмуль, да это что же?.. — спросил я.

— Ну, и если она толчется тут каждый вечер, жначит, так надо, — философствовал: он, — жначит, ее земля не принимает...

— Ты ее часто видишь?

— А кто ее не видит? Ее все писаря видят, что внизу живут, она у них все по коридору ходит... она и теперь там...

— Что за чепуха! Зачем же?..

Он пожал плечами.

Вьюга забила в стекло как-то особенно яро, снег просто так и рвался в окна. От наших фигур две огромные тени шевелились по стенам, цепляясь головами за потолок...

— Столоначальник Афтыкин ее два раза видели, — заметил мой спутник, — и даже бежали от нее в испуге...

Я прошел в дежурную комнату выпить стакан воды. Дежурный чиновник Поклепкин сердито расписывался в книге насчет получения от курьера какого-то пакета.

— Вот ми опять ее видели, — заметил Шмуль дежурному, зажимая пальцами пламя свечи.

— Изволили видеть? — отнесся ко мне Поклепкин. — Недаром второй стаканчик изволите испивать. А каково-с дежурить? На прошлой неделе она явилась сюда, в дежурную комнату, с младенцем. Никифоров так и грянулся...

— Однако же это дело надо исследовать, — заметил я.

— Да как вы его исследуете? Ходит видение из загробного мира и смущает. Что же тут поделать? Разве молебен отслужить? Но в таких разгах и молебствие не помогает, ведь это не наваждение, а просто покойник...

— Нет, это надо разрешить как-нибудь, — настаивал я.

— Премного обяжете. А то дежурить невозможно. Помилуйте, ведь всем видимо: курьеры, и те видят. Младенцы даже лицезреют. Намедни семилетний сын Логина Иванова видел... Просто хоть переходи в другое ведомство.

Когда, полчаса спустя, я рассказал все происшествие в гостиной дяди, где собрался кружок обычных знакомых, мне не поверили, даже подняли меня на смех. Тогда я предложил всем убедиться: пойти ночью в наше министерство и удостовериться. Среди хохота и шуток начали составляться пары и заклады. Определен был день для исследования.

Я предварительно собрал подробные сведения о том, где по преимуществу является это странное существо. Оказывается, что ежедневно, между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи, оно блуждает по длинному коридору, по обе стороны которого расположены квартиры писарей и курьеров, и качает своего ребенка. Если кто показывается в коридоре, она выжидает его приближения и затем начинает уходить всегда в одну и ту же сторону, откуда приходит. Собралось нас пять человек, пожелавших призрака этот поймать во что бы то ни стало. Кроме того, я выбрал двух сторожей поздоровее, в том числе и Шмуля, снабдив их фонарями.

Собрались мы в десять вечера, в свободной комнате, где жильцов не было, поставили ломберный стол и уселись за преферанс. Уж это одно обстоятельство указывало на то, насколько мы скептически относились к самому факту появления тени. Немало было смеха по поводу шпаги, которую я принес с собой и поставил в угол. Спрашивали, отчего я не взял револьвера, говоря, что надворному советнику приличнее всего таким оружием сражаться с какою-то бабою, посещающею коридор с курьерами и писарями. В углу были сервированы водка и закуска. Ну, словом, было очень весело, ровно до той минуты, когда Шмуль, тихо стоявший у двери настороже, шепнул:

— Идет!

Карты посыпались у нас из рук. Почти все побледнели. Я схватил шпагу и стал настороже. Сторожа взяли фонари. Сердце выколачивало барабанную дробь. Шмуль, поглядывавший в щелочку, сказал:

— Близо!.. Слюшайте...

Мерный стук шагов раздавался явственно и гулко по пустому

коридору. Слышно было, что кто-то идет неторопливо, неуверенной походкой. Шмуль обратился ко мне и сказал:

— Ну!

Я, сжимая эфес шпаги, распахнул дверь и сделал шаг в коридор. Она была в двух шагах от меня. При моем появлении она сразу остановилась. Свет от фонаря падал на ее старый клетчатый платок, от которого густая тень ложилась на лицо, но и лицо было видно: бледное, со впавшими щеками и лихорадочным взглядом. На руках ее шевелилось что-то завернутое в тряпки. Она смотрела на меня исподлобья, — черты лица ее точно колыхались, то расплывались, то выступали ясно...

С минуту мы молча стояли друг перед другом. Наконец я овладел собою и сделал шаг к ней. Она быстро повернулась и пошла прочь.

— Свети! — крикнул я и кинулся за нею.

Но и она побежала. Свет прыгал возле меня и ясно освещал ее спину — старую, полинявшую кацавейку. Ноги ее шлепали быстро, стуча башмаками, я видел их, они были без чулок — худые, посиневшие, башмаки свободно хлябали на них; я видел ее круглую пятку... Она выбежала на черную лестницу и стала подниматься наверх. Удивительно, как она не теряла своей обуви, прыгая через три ступеньки, так что мы едва поспевали. Вот один поворот, другой, третий. Она бежит все выше, мы задыхаемся, но бежим — нельзя же потерять ее из виду. Вот и четвертый, последний этаж. Я один опередил других и все еще ее вижу. Она бежит еще выше, но куда же? Последний поворот, и я наткнулся на какую-то дверь — дальше хода нет.

Вот и Шмуль с фонарем. Это дверь на чердак. У двери никого: вокруг голые стены. На двери огромный замок. Все мы столпились. Что же делать? Послать за, ключом, натурально.

Бегал за ним Шмуль минут десять, не меньше. Долго возились, пока открыли тугой замок. Вот и отворилась дверь. Не поздно ли? Обыкновенный чердак, красные кирпичи по стенам, запах затхлости и пыли. (Взошли, огляделись.

— Да, много найдете! — сказал кто-то...

А она стоит неподалеку и смотрит на нас, я опять к ней, она опять повернулась и опять пошла. Бежать уж неловко: пол кирпичный, неровный. Да и она не торопится, идет в трех шагах от нас.

Дошла она до одного угла. Остановилась, опять к нам обернулась и прижалась спиной к стене.

Шмуль поднес ей фонарь к самому лицу, она отклонилась и вдруг

точно стала уходить в стену, точно ее вдавливало что туда, и ведь тут же, на глазах у нас, ушла совсем, и осталась только кирпичная стена, и ничего больше. Долго мы стояли молча.

— Что же делать?.. Что там, за стеной?

Смотритель объяснил, что там стена соседнего дома...

Тут я только заметил, что у меня в одной руке шпага, а в другой мелок: я как собрался записывать ремиз, так и не выпустил его из рук. Я начертил большой крест на том месте, куда она ушла, и мы стали спускаться.

Вот и весь мой рассказ. Но самое удивительное впереди. Я настоял, чтобы под моим крестом вынули ряд кирпичей. Постройка была фундаментальная, крепостная. На высоте аршина от пола найдено было пустое пространство. Там лежали кости женского скелета. Платье истлело, остались только башмаки. Детского скелета не было. Доктор заявил, что костям не менее полустолетия. Наш священник кости отпел, и их похоронили где-то за мой счет. Никакие привидения более не показывались в нашем министерстве».

ИЗВЕЩЕНИЕ О СМЕРТИ^[41]

У меня есть знакомая ирландка, пишет В. Стэд, бывшая замужем за одним видным почтовым чиновником в Дублине.

Овдовев, она через несколько времени снова вступила в брак, оказавшийся крайне неудачным. Второй муж ее, инженер, был необыкновенно талантливый человек, отличавшийся блестящим умом. К несчастью, честность не находилась в числе его блестящих качеств. В один далеко не прекрасный для нее день моя приятельница узнает, что ее муж уже женат и, — мало этого, — что первая жена его жива и здорова. Моя приятельница — женщина с сильным характером. Узнав роковую для нее весть, она тотчас же оставила мужа и уехала в Лондон.

Ирвинг Ф., ее муж, узнав только через два года, что она живет в Лондоне, бросил свою семью, с которой он находился в Италии, и приехал к своей второй, страстно любимой жене. Сцены, происходившие в это время между ними, были крайне тяжелы и даже грозили окончиться трагически. К счастью, обманутая им женщина хотя тоже безумно любила его, но обладала настолько твердым характером, что, несмотря на целый ряд бурных сцен, наотрез отказалась сойтись с ним снова. Отвергнутый снова уехал в Италию, осыпая ее горькими упреками.

Несколько месяцев спустя после его отъезда моя приятельница пришла ко мне и сказала, что она боится, что с ее «мужем» случилось что-нибудь дурное, потому что накануне, вечером, его голос громко позвал ее из-за окна, а ночью она ясно видела его самого у себя в комнате. Бедная женщина была сильно опечалена этим событием. Я посмеялся над ее впечатлительностью и приписал все это галлюцинации, вызванной пережитыми бурными сценами при расставании с любимым человеком. Но не прошло и недели, как она получила из Италии письмо, извещавшее ее, что Ирвинг Ф. скончался скоропостижно в такой-то день и час.

Потом я узнал, что несчастный человек был в страшном отчаянии от разлуки со второй женою и все время по возвращении из Лондона в Италию пил мертвую. В пьяном же виде он вышел как-то из дому и был найден мертвым в тот самый вечер, когда его голос звал из-за окна любимую жену. Никто не знает, умер ли он естественной смертью или же лишил себя жизни сам.

На днях я написал леди Д. Ф., прося ее письменно изложить мне насколько она может подробнее все, что она видела и слышала во время

этого оригинального события.

Вот письмо леди Д. Ф.

«В конце лета 1886 года, так начинает свое письмо леди Джорджина Ф., мы с Ирвингом находились в Италии, на берегу Неаполитанского залива. Жили мы в гостинице „Вашингтон“, в комнате № 46.

В это счастливое для меня время я еще считала себя законной женой Ирвинга и мы крепко любили друг друга. Семья его была против нашего брака, и вот, как-то утром, разговорившись о наших семейных делах, мы давали друг другу клятвы в том, что никогда и ничто не разлучит нас: ни бедность, ни клевета, ни преследования его родных, словом, ничто земное. Оба мы говорили, что согласимся скорее умереть, чем расстаться друг с другом. От жизни земной разговор наш перешел на загробную, и мы долго беседовали о будущей жизни душ умерших людей. Я недоумевала, могут ли души умерших сообщать о своем переходе в лучший мир пережившим их друзьям. В конце концов мы дали друг другу торжественную клятву, в случае возможности возвращения душ на землю, что тот из нас, кто умрет первым, явится к пережившему его.

Вскоре после этого я узнала, что он женат, и, как вам известно, мы расстались. Я оставила его, а в 1888 году он приехал за мною в Лондон. Во время его пребывания в Лондоне я как-то спросила его, помнит ли он данное обещание явиться мне после смерти.

— О, Джорджи! Тебе нечего напоминать мне об этом! — воскликнул он. Ведь моя душа — частица твоей, и никогда и ничто, даже в самой вечности, не может разъединить их. Никогда, даже и теперь, когда ты относишься ко мне с такой жестокостью. Если даже ты будешь женой другого, души наши все-таки останутся слитыми в одно. Когда я умру, моя душа явится к тебе.

В начале августа 1888 года Ирвинг уехал из Лондона в Неаполь.

Последние слова его ко мне были, что я никогда больше не увижу его; увижу, но уже не живым, так как он не может жить с разбитым сердцем и сам положит конец своей разбитой жизни.

После своего отъезда он не писал мне ни разу, но я никогда не верила, что он лишит себя жизни.

В ноябре я писала ему письмо в Сарно, но ответа не получила. Думая, что он или уехал из Сарно, или болен, или же путешествует и поэтому не заходил на почтамт, я успокоилась на этом и даже не подумала о возможности его смерти.

Время шло, и до 28 ноября со мною не случилось ничего особенного.

В эту ночь я сидела за столом около камина и усердно просматривала классные тетради. Было около половины первого. Оторвав случайно глаза от рукописи, я взглянула на дверь и вдруг на пороге увидела Ирвинга. Одет он был так, как я его видела в последний раз: в пальто и цилиндре; руки были опущены, по свойственной ему привычке. Он держался очень прямо, как всегда, голова его была поднята кверху; на лице — выражение серьезное и полное достоинства. Лицо его было обращено ко мне и вдруг приняло странное, скорбное выражение, сделалось бледно, как у мертвеца. Казалось, он страдал от невозможности заговорить или шевельнуться.

В первую минуту я подумала, что он живой, и, смертельно испуганная, с громко бьющимся сердцем, дрожащим голосом вскрикнула: о!

Но звук моего голоса еще не замер в воздухе, как фигура его начала таять, и страшно сказать, как таять: он сам скрылся сперва, а довольно долгое время спустя исчезли его пальто и шляпа. Я побелела и похолодела от ужаса и была до того напугана, что не могла ни встать, ни позвать на помощь. Страх до такой степени овладел мною, что я просидела всю ночь, не смея тронуться с места, не смея ни на секунду оторвать глаз от двери, у которой мне показался призрак Ирвинга.

С невыразимым облегчением увидела я проблески рассвета и услышала рядом движение других жильцов.

Несмотря, однако, на все случившееся, я ни на минуту не подумала, что он умер и что это исполнение его обещания. Я старалась стряхнуть с себя овладевшее мной нервное состояние и объясняла себе это явление галлюцинацией, так как перед этой ночью я несколько ночей подряд провела за работой. „А все-таки это странно, — думалось мне иногда, — очень уж все это было реально“.

Прошло три дня.

Как-то вечером я снова сидела одна и занималась, как вдруг голос Ирвинга, громкий и ясный, позвал меня из-за окна.

— Джорджи! Ты здесь, Джорджи? — спрашивал этот голос.

Убежденная в том, что Ирвинг вернулся в Англию, — я не могла ошибиться, я слишком хорошо знала его голос, — встревоженная и смущенная, я выбежала на улицу.

Никого.

Страшно разочарованная, вернулась я в свою комнату. Я тревожилась за его судьбу в последнее время и, действительно, была бы рада, если бы на этот раз он сам приехал бы ко мне.

„Нет, это он, — думала я. — Это *должен* быть Ирвинг. Ведь я же своими ушами слышала, как он позвал меня. Наверное, он спрятался в

одном из соседних подъездов, чтобы посмотреть, выйду ли я к нему навстречу, вообще, что я буду делать“. Я надела шляпку и прошла до конца улицы, заглядывая в каждый подъезд, где бы он мог спрятаться.

Никого.

Позднее, ночью, я поразительно ясно слышала, как Ирвинг кашлял под моим окном, и кашлял нарочно, как это делают, желая привлечь чье-нибудь внимание. И вот, начиная с этой ночи, в течение девяти недель, я постоянно слышала голос Ирвинга иногда ежедневно, в течение целой недели, потом три раза в неделю, потом через две ночи, потом через три или четыре. Начиная с полуночи, а иногда и позже, голос его говорил со мною в течение целой ночи:

„Джорджи! Это я!“ — говорил он иногда. Или же:

„Джорджи! Ты дома? Поговори с Ирвингом“.

Потом наступала длинная пауза, после которой раздавался глубокий, странный, нечеловеческий вздох.

Иногда он не говорил ничего, кроме: „Ах, Джорджи, Джорджи!“

И это целую ночь.

Однажды ночью, во время страшного тумана, Ирвинг позвал меня так громко и ясно, что я моментально встала с постели, уверенная, что это не галлюцинация.

„Он *должен* быть здесь, — говорила я самой себе. — Он живет здесь, где-нибудь поблизости, это ясно, как Божий день. А если его здесь нет, то это только значит, что я схожу с ума“.

Я вышла на улицу. Густейший, черный туман стоял вокруг меня непроницаемой стеною.

Нигде ни огонька. Я громко крикнула:

— Ирвинг! Ирвинг! Иди сюда ко мне! Ведь я знаю, что ты прячешься, чтобы испугать меня! Ведь я же сама видела тебя! Иди сюда и перестань дурачиться!

И вот, клянусь вам моею честью, в нескольких шагах от меня, из тумана, его голос крикнул мне:

— Это только я, Ирвинг!

Потом глубокий, страшный вздох замер в отдалении.

Каждую ночь я продолжала слышать кашель, вздохи и стоны.

В конце девятой недели я получила обратно мое письмо, с пометкой на нем неаполитанского консула: „Синьор О’Нейл умер“.

Ирвинг О’Нейл умер 28 ноября 1888 года, *в тот день, когда он мне явился.*

Странным во всей этой истории является то обстоятельство, что, как

только я узнала чисто земным способом о смерти Ирвинга, его страждущий дух, казалось, успокоился; по крайней мере, с этого дня я больше никогда не слышала его голоса. Точно он знал, что никто не извещал меня о его смерти, и сам он всеми силами стремился уведомить меня о ней. Я была так поражена его появлением 28 ноября 1888 года, что нарочно записала это число, с намерением написать ему об этом. Я и написала, но мое письмо пришло в Сарно уже после его смерти. Что голос был его, в этом для меня нет никаких сомнений, потому что у него был совсем особенный голос, какого я никогда и ни у кого не слышала. И при жизни, раньше чем постучать в дверь и войти, он всецпа прежде звал меня в окно. Когда его голос говорил: „Ах, Джорджи!“ — это звучало так ужасно, так безнадежно грустно, вздох его говорил о таком безграничном отчаянии, что сердце обливалось кровью от невозможности облегчить его, чувствуя при том его близость.

Но, как я уже сказала, с получением материального извещения о его смерти все явления прекратились.

Вот все, что я могу вам сообщить о бывшем со мною сверхъестественном случае.

Джорджина Ф».

ИСПОЛНЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ^[42]

Несколько лет тому назад, по окончании курса в одном из высших учебных заведений, я проживал в Москве, думая в то время посвятить себя сцене и пробовал свои силы на этом поприще, участвуя в многочисленных любительских спектаклях. Само собою разумеется, что благодаря такому образу жизни у меня вскоре образовался довольно многочисленный круг знакомых, из среды которых особенно дорога мне была семья г-жи Б., где я встретил самый теплый, родственный прием и участие. Однажды, проводя вечер в этой милой семье, я завел с хозяйкою дома разговор о различных таинственных явлениях, которым, к слову сказать, ни я, ни собеседница моя не верили. Полушутя, мы с г-жою Б. дали друг другу обещание, что тот из нас, кто раньше умрет, должен будет явиться оставшемуся в живых, чтобы доказать этим, что существует загробная жизнь. «Разумеется, это будете вы», — прибавила, смеясь, г-жа Б., цветущая молодая женщина, глядя на меня, в то время хилого и с виду болезненного молодого человека. Разговору этому тоща не придавали мы никакого значения, не веря в возможность каких-нибудь посмертных проявлений личности умершего и смотря на наши взаимные обещания как на простую шутку.

Вскоре после этого мне пришлось покинуть Москву и прожить несколько месяцев в провинции. Переписываясь с некоторыми московскими знакомыми, я с удивлением и грустью узнал о неожиданной смерти г-жи Б., цветущее здоровье которой обещало, по-видимому, многие годы жизни. Погоревав искренно о своей доброй знакомой, я, сколько мне помнится, в то время даже и не вспомнил о нашем взаимном обещании, до такой степени считал его вещью несбыточной. Прошло несколько месяцев, я возвратился в Москву и снова принялся за прерванную сценическую деятельность. За это время впечатление понесенной мною утраты успело окончательно во мне изгладиться и, увлекаемый волною жизни, я редко когда и вспоминал о своей знакомой.

Раз я вернулся домой довольно поздно вечером, и так как через несколько дней предстоял спектакль, в котором я должен был участвовать, то принялся изучать свою роль, которую я знал плохо, при том же и спать еще не хотелось. Занимал я в то время небольшую меблированную комнату, а напротив меня, через коридор, была другая такая же комната, занимаемая в то время моим хорошим знакомым, г. Т., у которого в этот вечер собрался кружок, по большей части также моих хороших знакомых, которые,

усевшись за зелеными столами, усердно винтили. Так как на совести моей лежала плохо заученная роль, а спектакль был близок, то я не пошел к приятелю, несмотря на его приглашения, и принялся, как сказал, долбить свою роль. В комнате моей горела висячая лампа с красным абажуром, свет которой был настолько силен, что я, не утомляя глаз, мог свободно читать свою роль.

Прошел, может быть, час, я лежал на кровати и усердно штудировал роль, забыв обо всем на свете. Прямо против меня, в нескольких шагах, стояла этажерка, а на ней, на верхней полке, кабинетный фотографический портрет г-жи Б., подаренный ею лично. Портрет этот оправлен был в рамку, состоявшую из одного толстого стекла на подставке, какие в то время только что появились. Хорошо помню, что, увлеченный своею ролью, я решительно ни о чем другом не думал, а всего менее, конечно, о покойнице, так как житейские заботы всецело поглощали меня в это время. Во время моего занятия своею ролью взор мой несколько раз падал на упомянутый выше портрет.

Постепенно я стал поглядывать на него чаще и чаще, сам не зная почему, хотя в портрете не замечалось ничего особенного и он стоял на обычном своем месте. Наконец это непонятное, похожее на какую-то навязчивую идею, чувство до такой степени стало меня беспокоить, что я для того, чтобы не смотреть на портрет, встал с кровати и, вынув карточку из рамки, обернул ее лицевую стороною назад, вложив портрет в таком положении обратно в рамку. Но непонятное ощущение, тем не менее, продолжалось, мешая мне как следует сосредоточиться на изучении своей роли. Вместе с тем я стал замечать на стене, близ которой стояла этажерка с портретом, какой-то блуждающий свет, который можно было сравнить с отражением «зайчиков». Внимательно оглядывая комнату, я убедился, что в комнате не заключалось ничего, что могло бы служить причиною подобного светового явления. Полагая, что свет проникает из окна сквозь неаккуратно спущенную штору, я подошел к окну. Но на дворе была непроглядная темень темной и сырой осенней ночи и ни в одном окне не светило, так как было уже далеко за полночь. Возвратясь на свое место, я снова принялся читать свою роль, полагая, что все это мне померещилось, но явление продолжалось. Постепенно светлое фосфорическое пятно, образовавшееся на стене, стало разрастаться, принимая вид светлой женской фигуры, которая стала наконец отделяться от стены, и я увидел перед собою покойную Б. Помню хорошо, что как в этот момент, так и в последующие, пока длилось явление, я не чувствовал ни испуга, ни даже удивления, а скорее чувство, похожее на какое-то оцепенение, нечто вроде

столбняка.

Призрак, отделившись от стены, подошел к этажерке, вынул из рамки свой фотографический портрет, обращенный мною назад, и снова вставил его в рамку в его естественном положении. Затем призрак открыл деревянную, не запертую на ключ шкатулку, вынул из нее золотой медальон г-жи Б. с ее портретом, подаренный мне на память ею самою, и раскрыл его. Затем видение стало бледнеть, постепенно расплываясь в каком-то тумане, пока не исчезло в той же стене, из которой он появилось. Теперь только исчезло мое оцепенение, и меня охватил такой ужас, что я в испуге бросился из комнаты, впопыхах ударившись обо что-то головою довольно чувствительно. Как безумный, влетел я в комнату своего приятеля, где все еще продолжалась карточная игра, и переполошил своим видом всю компанию. Долго не мог я ничего ответить на тревожные расспросы моих знакомых, и разразился, наконец, сильнейшим истеричным припадком, чего ни раньше, ни после никогда со мною не бывало, так как человек я несколько не нервозный и никогда ни нервозностью, ни тем более истерией не страдал. Наконец, знакомым моим удалось меня кое-как успокоить, и я рассказал все, со мною бывшее. Разумеется, меня принялись уверять, что все это мне помешалось, что, вероятно, я заснул и мне все это приснилось. Я уверял их, что я ни минуты не спал, что ни малейшего расположения ко сну у меня не было и что я все время был занят самым старательным изучением роли. Чтобы убедить меня, что все это либо сон, либо галлюцинация, всею гурьбою отправились в мою комнату, но приятели мои невольно призадумались, когда увидели, что портрет был, действительно, в том положении, которое было дано ему призраком, а золотой медальон вынут из шкатулки и раскрыт.

Кое-как проведя ночь (один из знакомых, чтобы успокоить меня, согласился остаться у меня ночевать), я на другой день пошел посоветоваться с известным в то время специалистом по нервным болезням доктором Х. Доктор, с своей стороны, успокаивал меня и с своей научной точки зрения объяснял все происшедшее со мною самопроизвольным гипнозом. По его мнению, я самопроизвольно впал в гипноз, сам внушил себе видение призрака Б., сам привел ее фотографический портрет в первоначальное положение и вынул из шкатулки и раскрыл ее медальон, воображая, что все это желает вызванный мною в моем воображении призрак. Как ни остроумно показалось мне тогда объяснение профессора, но меня и до сих пор смущает то обстоятельство, что никогда решительно, но до этого случая, ни после него, я не страдал ни малейшими нервными расстройствами, в гипноз не впадал, а, напротив, обладаю совершенно

здоровыми, нормальными нервами. Если бы это был самогипноз, то, по крайней мере, хоть в самый этот день я должен был бы ощущать хоть какую-нибудь ненормальность, какое-нибудь недомогание, вроде тяжести в голове, сонливости или чего-нибудь в этом роде, а то ничего, решительно ничего не ощущал, но был в самом обычном, нормальном состоянии и духа, и телесного здоровья. Откуда же было взяться самогипнозу, ведь отчего-нибудь же он должен был развиться, из каких-нибудь органических или психических причин? А потому, несмотря на всю научность объяснений почтенного доктора, я не могу вполне удовлетвориться ими и принужден, вместе со многими другими, думать, что в природе есть многое, чего не снилось нашим мудрецам.

Приложение

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИВИДЕНИЯ

Предлагаемая вниманию подборка представляет собой перечень в той или иной степени известных личностей, с именами которых связаны разного рода рассказы о привидениях.

Генрих IV, король Франции, рассказывал, что в присутствии самого короля, архиепископа Лионского и трех придворных дам королеве, Маргарите Валуа, явился призрак некоего кардинала, который, как выяснилось позже, скончался в этот момент. Генрих IV был предупрежден о приближающейся собственной смерти видением в зарослях Фонтенбло незадолго до того, как Равайяк убил его...

Абель-Братоубийца, король Дании, был похоронен в неосвященной земле и по-прежнему часто посещает лес в Пуле близ Шлезвига.

Карл XI, король Швеции, в присутствии своего камердинера и личного лекаря наблюдал ужасную картину нападения убийцы на короля. Событие, в точности совпавшее с этим описанием, случилось почти столетие спустя: то было убийство короля Густава III.

Джеймс IV, король Шотландии, после вечерни в церкви в Линлитгове, был предупрежден призраком об опасности намечаемого похода на Англию. Тем не менее он вышел в путь, но в Джедбурге вновь получил от призрака совет отказаться от пагубного намерения. Упорствуя в своем решении, король продолжил кампанию и вскоре погиб.

Карла I, короля Англии, когда отдыхал в Девентри накануне битвы при Нейсби, его дважды посетил призрак, рекомендовавший ему не вступать в бой с армией парламента, стоявшей в Нотимптоне. Поддавшись на уговоры принца Руперта не придавать этим знакам особого внимания, король двинул войска на север, но в пути был застигнут врасплох и наголову разбит.

Орлиан, брат Людовика XIV, называл старшего сына (впоследствии регента) его вторым титулом — «герцог Шерр», вместо обычного «герцог Валуа». Это изменение было следствием предупреждения, сделанного призраком первой супруги его отца, отравленной в свое время Генриеттой Австрийской незадолго до рождения сына.

Екатерине Медичи было видение сражения, во время которого она закричала: «Неужели вы не видите, что принц Конде пал замертво?» Эта и многие другие подобные истории были изложены Маргаритой Валуа в ее мемуарах.

Эскейн, лорд-канцлер, рассказывал сам, что призрак дворецкого его отца, о смерти которого он еще не знал, явился к нему среди бела дня «просить вмешательства милорда и вашего, чтобы истребовать задолженную мне сумму, которую управляющий не уплатил при последнем расчете». При проверке это оказалось правдой.

Бекингем, герцог, видел призрак своего отца, сэра Джорджа Вилльерса, который призвал его отказаться от порочного образа жизни и предупредил о приближающемся убийстве. Свидетелем этого события стал инспектор работ в Виндзоре, мистер Тауэр. Все случилось так, как и было предсказано.

Некий сэр Роберт Пил и его брат вдвоем видели призрак лорда Байрона в Лондоне в 1810 году, хотя на самом деле последний в то время жил в Патрасе и был опасно болен. Во время той же лихорадки его призрак являлся и к другим и даже был замечен в числе справлявшихся о здоровье короля.

Траян, император, спасся во время землетрясения в Антиохии благодаря привидению, которое предложило ему немедленно бежать через окно.

Юлиан, император, не решаясь взойти на престол, увидел женскую фигуру, «Дух Империи», которая заявила, что хотела бы остаться с ним, но ненадолго. Незадолго до смерти он вновь увидел этого духа, уходящего в крайне удрученном настроении. Ему же было видение, сообщающее о скорой кончине императора Константина.

Куртий Руф, проконсул Африки, по сообщению Плиния, будучи еще неизвестным юношей, видел гигантскую женщину — «Дух Африки», которая предсказала ему карьеру.

Юлий Цезарь перешел Рубикон благодаря подсказке призрака, который выхватил трубу у одного из воинов и сыграл сигнал тревоги.

Ксеркс, персидский царь, получил совет от призрака юноши отменить планируемый поход на Грецию. Тот же призрак явился и повторил предостережение Атабанию, дяде Ксеркса, когда тот, по просьбе племянника, облачился в царское одеяние и сел на его трон.

Брут видел призрак Юлия Цезаря, который объявил ему о повторной встрече в Филиппин, где войска Брута действительно были разбиты, а сам он погиб.

Друз, военачальник Рима, когда искал брод через Эльбу, был напуган привидением женщины, приказавшим ему вернуться и предупредившим о близости его кончины. Он умер на обратном пути, не дойдя до Рейна.

Наполеон на острове Святой Елены беседовал с призраком Жозефины, предсказавшим ему смерть в ближайшем будущем. Этот факт описан графом Монфолоном, которому об этом поведал сам экс-император.

Президент Линкольн трижды был предупрежден видениями относительно важных сражений, а в четвертый раз — о его предательском убийстве.

Адмирал Колинхи был трижды предупрежден привидениями о необходимости покинуть Париж до праздника Св. Варфоломея, но игнорировал эти советы и погиб во время ночной резни в 1572 году.

Петрарка видел призрак епископа своей епархии в момент смерти последнего.

Джакомо Данте, сын поэта, беседовал с призраком своего отца, который объяснил, где искать недостающие тридцать песен его «Божественной комедии».

Торквато Тассо видел существа, незаметные для прочих присутствующих, и беседовал с ними.

Гете из разговора с призраком-двойником узнал о событиях, которые произошли через несколько лет. Призраки его отца, матери и бабушки тоже пророчествовали ему.

Лорд Байрон видел призрак монаха-доминиканца в Ньюстиде накануне своей злополучной женитьбы. Кроме того, он вместе с другими видел призрак Шейли около леса в Леричи, хотя все знали, что в это время Шейли находился в нескольких милях отсюда.

Моцарт встречался с таинственным призраком, приказавшим ему написать реквием и часто интересовавшимся ходом работы. Однако он исчез по завершении этого произведения, что произошло как раз вовремя, и реквием был представлен впервые на похоронах самого Моцарта.

Уильям Гарвей, открывший большой и малый круги кровообращения в организме, пришел к выводу, что видение спасло ему жизнь. В молодости, когда он отправился в Падую, его без видимой причины задержал в Дувре комендант. Корабль, на котором он собирался плыть, разбился, и все, кто были на борту, утонули. Впоследствии выяснилось, что во сне комендант получил приказ задержать от посадки на корабль этой ночью человека, под описание которого и подошел Гарвей.

Френсис Бекон был предупрежден призраком о приближающейся кончине отца, что и произошло через несколько дней.

Мартин Лютер несколько раз встречал привидения, одно из которых объявляло о своем приходе стуком в дверь. Автор этого свидетельства, Милингтон, утверждал, что призрак в образе почтенного вида мужчины явился в его рабочий кабинет и приказал принудить друга немедленно бежать из-под преследований со стороны инквизиции. Это предупреждение спасло человеку жизнь.

Пастор Оберли почти ежедневно виделся со своей умершей женой, которая беседовала с ним и была видима не только ему, но и всем присутствующим.

Герцог Корнуэлл в 1100 году видел призрак Уильяма Руфа, пронзенного стрелой и влекомого дьяволом в образе козла, в день гибели этого самого Руфа.

Граф Честерфилд в 1652 году во время прогулки видел привидение с черным лицом, в длинной белой одежде. Решив, что это весть о болезни жены, гостившей у отца в Нетуорте, он бросился туда. Однако в пути он встретил слугу с письмом от леди Честерфилд, в котором она описывала то же видение и справлялась о здоровье супруга.

Эдмунд Лентал Свифт, хранитель королевских драгоценностей с 1814 года, отмечал появление в камере Анны Болейн в Тауэре «цилиндрической, как в стеклянной трубе, фигуры, болтающейся между столом и потолком». Это явление наблюдали только он сам и его жена, остальные присутствующие ничего не видели.

notes

Примечания

В том самом Уилтшире, где столетия спустя внимание общественности привлекли загадочные круги на пшеничных и иных полях, приписываемые местным шутникам...

Из журнала «Москвитянин», 1853 г. (Перевод с английского).

Лефортово (Москва).

Из журнала «Глобус» (*перевод с англ*)

Члены штатных религиозных обществ.

Критический взгляд М. Хотинского на тайны магии опубликован в 80-х годах XIX в.

Веспуччи.

Ныне картинки волшебного фонаря превосходно изготавлиются с помощью фотографии.

9

С помощью призмы и экранов.

Опубликовано в книге: «Мир чудесного, таинственного и неразгаданного», М., 1867

Подлинный факт. Первоначальная фальшивка была искусно воспроизведена другими мошенниками. «Единственный подлинный» Кардиффский великан демонстрировался в Нью-Йорке (к неописуемому возмущению владельцев другого «подлинного» великана), а в то же время толпы людей сходились смотреть на него в музее города Олбани. — М.Т.

Тонкая веревка для телесных наказаний на море.

13

Брусок с железным болтом для крепления снастей.

Национальное блюдо гавайцев из корня таро.

Это одна из наиболее интересных легенд о западноевропейских привидениях. На русском языке она приведена в книге К. У. Литбитера «Астральный план» (Спб., 1909), который в свою очередь заимствовал ее из сочинения европейского автора Христиана «История магии». Здесь легенда дана в пересказе знаменитого оккультиста.

Эта новелла П. Мериме (1803–1870) на русском языке впервые напечатана в одном из номеров журнала «Ребус» за 1897 год. В ней идет речь о событии, якобы имевшем место в 1693 году.

Перевод Б. Пастернака.

Годы жизни — 1655–1697-й. Самостоятельно правил с 1672 года.

Годы жизни — 1682–1718-й. Разбитый Петром I под Полтавой, он стал терпеть одно поражение за другим и был убит при осаде Фридрихсхальда.

Описываемое ниже событие следует датировать 1693 годом

Годы жизни — 1594–1632-й. Король Швеции с 1611 года.

Дворянство, духовенство, буржуазия и крестьянство. — *Примеч.*
П. Мериме.

Густав Ваза (1496–1560). Шведский король с 1523 года. Первый король независимой Швеции, основатель династии, прервавшейся в 1837 году.

Годы жизни — 1746–1792-й. Король Швеции с 1771 года. В результате заговора недовольного его правлением дворянства в ночь с 15 на 16 марта 1792 года, во время костюмированного бала, Густав III был смертельно ранен молодым шведским дворянином Анкарстремом.

Пророчество 1693 года на 99 лет опередило предсказываемое событие, случившееся в 1792 году. Однако, несмотря на энергичные поиски, пока не удалось найти публикацию текста этого протокола, почему нельзя сравнить обстоятельства смерти Густава III с оригиналом документа, подписанного Карлом XII. (Ю. В. Росциус. Последняя книга Сивиллы? — М.: Знание (Серия «Знак вопроса»), 1989, № 11, стр. 15).

Годы жизни — 1778–1837-й, шведский король с 1792 года. Низложен в 1809 году.

Годы жизни — 1748–1818-й. Вступил на шведский престол (после низложения Густава-Адольфа IV) под именем Карла XIII. Не имея наследников, передал шведский престол французскому маршалу Бернадотту.

Эта история опубликована в одном из номеров журнала «Ребус» за 1887 год. Анна Иоановна (1693–1740) — племянница Петра I, до занятия престола в 1730 году — курляндская герцогиня.

Приводится по тексту, напечатанному в одном из номеров журнала «Ребус» за 1917 год.

Напечатано в одном из номеров журнала «Ребус» за 1910 год.

Предлагаемый рассказ — одна из версий о первых встречах со знаменитой Коричневой леди. Приводится по тексту книги Роберта Дель Оуэна «Спорная область между двумя мирами» (Спб., 1891). Оуэн в свою очередь ссылается на рассказ Флоренс Мэрриат, записанный ею со слов очевидца — своего отца, писателя Фредерика Мэрриата, и напечатанный в американском журнале «Харперс уикли» в номере от 24 декабря 1870 года. Оуэн делает такое замечание: «Я излагаю некоторые его части в сжатом виде, а главные факты передаю собственными словами автора». И еще одно его существенное добавление. Он приводит весьма важное уточнение, которое делает Флоренс Мэрриат: «Сохраняя в изложении все подробности событий, я тщательно маскирую имена лиц и названия мест, чтобы своей неосторожностью в этом отношении не оскорбить скромность еще живых людей». В современных же версиях этой истории даются подлинные имена участников и название места.

Эта повесть — последнее прозаическое произведение поэта — осталась неоконченной. Он ее начал писать весной 1814 г.

Рассказ о событии 1855 года записан очевидцем, Софьей Александровной Аксаковой, в 1872 году, по просьбе ее мужа, лидера российского спиритического движения А. Н. Аксакова (1832–1903). Случай стал широко известен на Западе благодаря публикациям в немецком журнале «Психические исследования» и английском «Спиритуалисте» в 1874 году. Приводится по тексту, напечатанному в одном из номеров журнала «Ребус» за 1890 год.

Рассказ очевидца, безымянного российского инженера, приводится по тексту, напечатанному в одном из номеров журнала «Ребус» за 1892 год; годом ранее он был опубликован во французском журнале «Анналы психических наук».

Божественный Кай Юлий Цезарь!., (лат.).

Цезарь, Цезарь идет (*лат.*).

Изола Белла! (*итал.*).

Лаго-Мажжиоре (*итал.*).

Этот рассказ о привидениях, впервые был опубликован газетой «Санкт-Петербургские ведомости» в воскресном номере от 8(20) мая 1888 года. Его несомненно одаренный литературным талантом автор укрылся за инициалами Г. Н. Приводится по тексту, напечатанному в одном из номеров журнала «Ребус» за 1888 год.

Знак вопроса в скобках поставлен возмущенным издателем «Ребуса» В. И. Прибытковым.

Приводится по тексту, напечатанному в одном из номеров журнала «Ребус» за 1892 год. Письмо очевидца предваряется пояснениями его знакомого.

Приводится по тексту, напечатанному в одном из номеров журнала «Ребус» за 1896 год. Автор не указан.